

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Апрель 2022 № 2 (48)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – председатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Римма Лютая – поэт, прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Андрей Растворцев – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 15 апреля 2022 года. Тираж: 80 экз. Заказ № 000

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала. Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега духовной защиты Отечества и человечества

Николай Иванов. Точка «Ноль»	5
Александр Дугин. Выдержка и ясное сознание	8
Александр Проханов. Русское омовение	9

Из поэтического сборника «ПоЗЫVной – Русский»

Игорь Изборцев. Я русский солдат	11
Валерий Латытнин. Нюрнберг ждёт	11
Анна Токарева. Враг притаился... ..	11
Елизавета Хапланова. Держитесь, ребята!	11
Елена Заславская. Эти русские мальчики	12
Светлана Размыслович. Идущему	12
Владимир Силкин. Антидеятелям культуры	12
Геннадий Иванов. Привыкаем жить без Украины	12

Поэзия

Светлана Леонтьева. Лугань впадает в Москву-реку. <i>Отрывок из поэмы</i>	13
Римма Лютая. Старший	21
Валерия Салтанова. Недругу России. <i>Стихи</i>	22
Екатерина Козырева. Сонеты времени	24

Проза

Геннадий Сазонов. Милость сердца. <i>Отрывок из публицистического романа</i>	26
Сергей Багров. Глашатай. <i>Рассказы</i>	47
Виктор Борисов. Виноград Зевксиса. <i>Главы из повести</i>	58
Александр Балашов, Галина Чудинова. Я всю жизнь тебя искал. <i>Рассказ</i>	69
Дмитрий Коновалов. Разлад. Тишка. Одна. <i>Рассказы</i>	75
Наталья Беломытцева. Накануне Рождества. <i>Из воспоминаний моей матушки, урождённой Анны Циклинской</i>	82

Берега юбилеев

Александр Орлов. «А я боюсь покоя своего...». <i>К 90-летию Василия Белова</i>	85
Эдуард Демиденко. О сбережении природных биологических ресурсов России в условиях смены эволюции жизни. <i>К 85-летию автора</i>	90
Нина Волченкова. Охотник из Лагоса. <i>Повесть. К юбилею писателя</i>	95
Елена Крюкова. Солнце незакатное. <i>О книге Лидии Довыденко «Мой светлый горячий Донбасс». Красноярск. 2022. К юбилею главного редактора</i>	101

Поэтическая седмица

Олег Будин. Я обычный русский нищий... <i>Стихи</i>	105
Сергей Козлов. И лишь Христос над этой хмарью.. <i>Стихи</i>	107
Надежда Кондакова. На гулких торжищах земных. <i>Стихи</i>	110
Марина Кудимова. Господи, тебе видней... <i>Стихи</i>	113

Берега истории

Григорий Блехман. Сталин в истории СССР и современном мире. <i>Факты, мнения, сравнения, размышления</i>	116
--	-----

Берега Новороссии

Ирина Горбань. Два письма. <i>Повесть</i>	143
Валерий Герланец. Земноводные против людоземных. <i>Повесть</i>	152

Берега прочтения

Анатолий Байборodin. Дух совести и красоты. <i>Размышления о деревенской прозе</i>	181
Василий Киляков. О поэтическом сборнике Марины Саввиных «Небо полуночи»	185
Елена Дубровина. Два крыла – два берега. <i>О книге публицистики воронежского поэта</i> <i>Ивана Щёлокова «Вечные странники»</i>	194

«Мир без стен» (WPM)

Поэты мира о военной операции в Украине

Фернандо Рендон (Колумбия)	198
Фредди Нанез (Венесуэла)	198
Алекс Паусидис (Куба)	199
Сантош Кумар Похарел (Катманду)	199
Абдукахор Косим (Таджикистан)	199
Ширани Раджапаксе (Шри-Ланка)	200
Атаол Бехрамоглу (Турция)	200

Русский мир без границ

Берега Сирии

Светлана Савицкая. Сирийские сцены	201
---	-----

Берега Ливана

Сухейль Фарах. Существует ли диалог цивилизаций в эпоху интернета?	206
Российская цивилизация глазами ливанского учёного. <i>Вступительное слово С. Савицкой</i>	204

Берега Алжира

Зин Бен Отман. Культура и искусство как аспекты многоязычия в Алжире	209
---	-----

Наши друзья

О приобретении и подписке на журнал	212
---	-----

Берега духовной защиты Отечества и человечества

Николай Иванов

Председатель Союза писателей России

Точка «Ноль»

1.

Русские писатели никогда не хвалили войны. Они поклонялись солдату на войне.

Но русские писатели никогда и не позволяли топтать наши родовые символы. Издеваться над памятью тех, кто защищал Отечество. Переписывать историю в угоду врагам. Растаптывать у людей их человеческое достоинство. Уничтожать родной язык.

2.

Мы годами недоумевали, почему власть ласкала и привечала тех, кто явно ненавидел Россию. В ситуации с Украиной они первыми выползли на площади, в телеэкраны и соцсети со скорбным ахеджаковским выражением лица «мне стыдно за Россию», и при ближайшем рассмотрении подтвердилось: да, в первых рядах «стыдливцев» снова те, кто имеет государственные награды – начиная с орденов «За заслуги перед Отечеством» разных степеней до заслуженных и народных деятелей всяческих искусств. Интересно, кто их выдвигал и кто подписывал представления? Кто позволял создавать всевозможные фонды под видом благотворительности? Кто включал их в списки представлять нашу страну и русскую литературу на всевозможных международных книжных ярмарках-выставках?

Не оттого ли украинские националисты наряду с обращением за помощью к НАТО и коллективному Западу взмолились и к «пятой колонне» в России: «Наших бьют», не понимая, что тем самым поставили знак равенства между ними и бандеровцами? И не надо «пятиколоничникам» говорить, что они не видели фашистских флагов у тех, о ком сегодня рыдают. Не ведали, что с детских садов младенцев учили кричалкам «Москаляку на гіляку». Не понимали, что рядом с нами родилось нацистское государство, в котором людей, говорящих на русском языке, именовали «особями». Что нормой стало после сожжения людей в Одессе подавать в ресторанах блюда «Жареный колорад» и «Печень ополченца»...

Все эти маниакальные превосходства «бандеровской расы» в первую очередь являлись проблемой страны, допустившей у себя подобное. Но у медали две стороны. Горящие факелы, шествия, даже пляски у пожарниц Донбасса – они до тех пор остаются внутриукраинскими, пока не встанет вопрос безопасности соседей.

И здесь уместен прямой вопрос господам «нетвоенцам». Неужели не хватает ума хотя бы спросить себя: ведь наверняка не просто так Путину захотелось повоевать. Наверное, были всё же очень серьёзные основания, о которых мы не знаем или знать не желаем?

3.

Уже сейчас приоткрываются тайны.

Первая – о деятельности 15 военных американских биологических лабораторий, уже работавших в/на Украине, подальше от США и поближе к России. Две самые мощные готовились к открытию в Киеве и Одессе как раз в день начала операции.

Уже не тайна и договорённости Эрдогана и Зеленского о совместной работе Украины и Турции по возможному созданию пусть и «грязной», но атомной бомбы. И первое, что сделал президент Украины после сделки, – он начал шантажировать этим Россию. В мире давно утвердилось мнение: когда открывают форточку в эту страшную действительность, её требуется не просто захлопнуть обратно, а и заколотить гвоздями «сотка».

И тем более сегодня знаем, что удар специальных сил России опередил всего лишь на несколько часов выстроенную в боевой порядок технику ВСУ и нацбатов для уничтожения Донбасса. Страшно представить каток, который бы покатился по земле, восемь лет до этого находившейся под постоянными обстрелами Украины. И знаете, на чём бы акцентировали внимание западные пропагандисты? «Вот так Россия помогает своим гражданам!» Затем бесконечные провокации на границе, одна из которых вынужденно переросла бы в вооружённый конфликт на условиях США.

Так что главное – Украина отдала себя под плацдарм для нападков на Россию.

4.

Писателя, в отличие от блогеров, интересует в первую очередь ответ на вопрос не «как ввели войска», а «почему их ввели».

Эти вопросы никогда не задаёт себе наша крикливая, наспигованная средствами массовой информации, деньгами, оппозиция. В информационном плане ситуация ещё вчера один в один повторяла Чечню, когда «незабвенные» и всем хорошо известные правозащитники, депутаты и журналисты определённых редакций обливали грязью наших солдат и офицеров, жертвенно отстаивавших в девяностых годах целостность России.

И вот у них родились достойные подражатели. Однако время «Z» дало и первый факт самоочищения страны: и закрытие самых одиозных СМИ, и закон о лжи, на которой сидела и бесконечно кормилась интеллигенция, давно оторвавшаяся от народа.

Но будем знать, что она никуда не исчезла. Она всегда прикрывалась другими, и сейчас их главная задача – сформировать 6-ю колонну так называемых «всепропальщиков». Они пока не враги Отечеству, но будет делаться всё, чтобы ими пополнить ряды клеветников и ненавистников собственной Родины.

5.

Война не нужна России. Она не нужна была и Украине. «Рідну неньку», как неразумное дитя, подвели к войне «добрые» дяди, все последние годы подзуживавшие и поощрявшие твяканье из-под забора. Гавкнешь – получишь печенюку. Промолчишь – останешься без сладкого на ужин.

Но мы знаем: что бы ни делалось в последние годы подобными доброжелателями – это не за Украину, а исключительно против России! Запад уверовал сам и приучил нашего ближайшего соседа и брата к тому, что Россия отныне – это всего лишь коврик перед дверьми, о который нужно и можно вытирать ноги.

Восемь лет исключительно Россия добивалась того, чтобы Украина признала Донбасс своей территорией, как и предписывали Минские соглашения. Это мы, Россия, добивались! Но усвоено было совершенно другое: «колорадов» надо давить танками и сжигать. Запад бросил Украину в огонь, оставшись, как всегда, наблюдать со стороны и ждать своей личной выгоды. Ничто не ново под луной.

Можно было бы что-то понять, если бы Запад вёз на Украину гуманитарную помощь или книги своих великих писателей-классиков. Но он вёз исключительно оружие, бронетехнику, оружие и вновь бронетехнику. Вместо тех же фестивалей дружбы на Украине шли, с каждым годом становясь всё масштабнее, всё ближе к границам России, военные учения.

И подошёл миг, когда стало понятно: Запад хочет войны. Украина всего-навсего – таран, которым руководство страны согласилось быть. Война подошла к воротам России. Конфликт выходил на другой уровень, на уровень 1941 года, когда Сталин до последнего надеялся на благоразумие противника. Можно было и сейчас его ждать, оставаясь в белых манишках. Но интересно, что бы

кричали нынешние ультралибералы, начнись провокации на нашей границе? А то, что они кричат все последние годы на Сталина: не смог предвидеть, не защитил, проморгал, побоялся взять ответственность...

В какие-то моменты неизбежности надо начинать первым. Нашёлся человек, который взвалил на себя эту колоссальную ответственность. В нашу раскрытую ладонь, которую мы протягивали соседям все эти годы, через которую руководство страны умоляло начать переговоры, отвести угрозу от наших границ и дать гарантии безопасности, откровенно и хамски наплевали. Нам надо было и дальше просто утереться? Осознавая, что мы находимся у критической черты, в своеобразной точке «Ноль», после которой страна обрекается только на поражения?

Но наша ладонь вдруг превратилась в кулак!

Сейчас время слова и дела. Дело сделано. Но из истории знаем: во время войны обязательно проявляются предатели, власовцы и бандеровцы, готовые стрелять в спину своим.

Пришло время и Слову.

6.

Я хочу выразить благодарность нашему Союзу писателей России.

Мы уже увидели деятелей культуры, побежавших под телекамеры засвидетельствовать своё почтение Западу. Некоторые наоборот – попрятались в щели, боясь высказать и обнародовать свою позицию – тоже на всякий случай.

А вот наши региональные руководители буквально потребовали от меня как председателя чётко и внятно обозначить свою позицию, хотя секретариат в это время уже готовил Заявление о сложившейся ситуации. Оно полностью отразило мнение подавляющего большинства членов СП России. Хотя могу сказать и точно: два человека, две молоденькие женщины, ещё недавно выставявшие свои фото с билетами, сделали селфи с нашим Заявлением, заявляя о своём несогласии. Ради бога. Вас могут принять в свои распростёртые объятия другие союзы.

И второй штрих. При обнародовании знакового письма в «Литературной газете» в поддержку армии «Кто хочет жертв?» буквально за первые часы от писателей России пришло более двухсот подписей! Это составило две трети от общего количества подписавших – и в том числе данный факт придавал уверенность газете в необходимости публикации. И снова цифры статистики: всего лишь два писателя, до которых дошёл текст, отказались ставить свою подпись. Только что прислали скан из соцсетей: ещё одна женщина «бежит» по интернету с матерными текстами в адрес России и президента.

Пять человек на весь Союз! Наверное, кто-то проявится ещё. Наверняка проявится. Но наша сплочённость и ответственность, гражданская зрелость позволяют мне сказать «спасибо» нашему союзу единомышленников. Мы вместе, никто никуда не сбежал, не переметнулся, не забился в щели.

Работаем дальше во времени, которое можно обозначить как «Точка “Ноль”», неожиданно ставшей символом нового времени, когда Россия перестала отступать в войне, навязанной нам сразу после распада СССР.

Берега духовной защиты Отечества и человечества

Александр Дугин

Известный русский философ и политолог

Выдержка и ясное сознание

Думаю, самое важное сейчас – сохранять спокойствие. Стремительность военной операции застала врасплох не только врагов, но и друзей. Её никто не ожидал. Отсюда всплеск истерики у всех сторон. Но тут важно понять: установление контроля над огромной, хорошо вооружённой страной, готовившейся к войне с нами восемь лет, а морально и намного дольше, не может быть делом одной недели. После стремительного первого дня так же быстро события развиваться не могут даже при самом благоприятном раскладе. Это требует от всех выдержки и ясного сознания.

Есть несколько пунктов, которые мне представляются главными:

1. Патриоты опасаются, что мы можем при каких-то условиях (например, после зачистки территорий ДНР и ЛНР) остановиться. Напрасное опасение. Такую масштабную операцию Москва могла начать только с ясными и не обсуждающимися целями, не зависящими практически ни от чего – вплоть до ядерного шантажа. Поэтому всё будет доведено до финальной цели. Любой ценой и в любом формате.

2. У либералов (сознательных врагов России) и эмоциональных пацифистов (людей, игнорирующих геополитику, политологию и международные отношения) есть иллюзия, что протесты и сетевые петиции что-то могут изменить (не могут ничего).

3. Все западные шаги, направленные против России в данных условиях, только усилят патриотическое крыло и окончательно ослабят либеральное. На жизни простых людей это особенно не скажется. Ведь только идеологически фанатичные монетаристы считают, что currency board – это единственная валютная модель. Про финансовый суверенитет они и слушать не хотят. Напрасно. Государство может выпускать столько денег, сколько ему надо. Чтобы укротить при этом инфляцию, можно прибегнуть к двухконтурной эмиссии (по плану А. Галушка). Высокие технологии Запад и так нам не давал. Рынок энергоресурсов в Азии для нас потенциально бесконечен. Так что выстоим и только усилимся.

4. У многих патриотических ресурсов агонизирующие украинские неонацисты пытаются в отчаянии взломать сайты и аккаунты в соцсетях. Для тех, кто должен быть логически мобилизован на физический отпор нашим, откуда время и силы для подобных занятий? Ответ – это не из Украины атаки. Украина как таковая после Майдана – лишь прикрытие для большей геополитической стратегии НАТО против нас. Поэтому мы это прикрытие и ликвидируем.

5. Украинцы были, остаются и всегда будут нашими братьями и сёстрами. Пусть говорят что угодно. Мы православные восточные славяне с общими корнями, разными поворотами истории и единым будущим. И никто ничего с этим поделать не может. Мы неоднократно расходились, а потом соединялись заново. В разных обстоятельствах и разным образом. Украинцы не враги, они наши. Мы, великороссы, тоже не сахар. И они не сахар. Но их и нас надо уважать. Нам с ними скоро жить в одном государстве. И от этого они только выиграют. И мы должны сделать так, чтобы они и выиграли. Но только от единства, не от братоубийства.

Так что надо точно остановить ненависть.

Берега духовной защиты Отечества и человечества

Александр Проханов

Писатель, журналист, сценарист, общественный и политический деятель.

Член секретариата Союза писателей России. Главный редактор газеты «Завтра».

Русское омовение

Предательство в тылу страшнее лобовых таранов врага

Господу было угодно показать мне шестнадцать войн: крохотных сражений и огромных батальей – от схватки на острове Даманском до войны на Донбассе времён Дебальцевского котла. Сегодня я рвусь туда, где русская мотопехота вгрызается в Харьков. Где донецкие, стиснув зубы, рвутся в Мариуполь. Где горящие самолёты падают в предместьях Киева. Где в окрестностях Житомира проходят танковые бои. Увы, моим глазам не дано увидеть это. Я чувствую всё сердцем, дыханием. Каждая пуля, попадающая в русского солдата, попадает в меня. Каждый ребёнок с оторванными ногами, русский или украинец, умирает у меня на руках. Там, на переднем крае, сражаются лучшие люди России. Их закопчённые лица прекрасны. Их забинтованные головы окружены нимбами. Их позывные звучат как «Отче наш».

Русская армия безупречна. А тыл безупречен? Звучат ли на телеканалах и радиостанциях призывы «Всё для фронта, всё для Победы!»?

«Нельзя дышать. И твердь кишит червями».

Шоу-бизнес, усыпанный бриллиантами и облитый слезой, бежит из России. Где ты, примадонна, что измучила зрителей своими мужьями и яйцеклетками? Где пересмешник-перебежчик Галкин? Где жрицы лесбийской любви Земфира и Рената Литвинова? Где бесстыдница и кровавая барыня Ксения Собчак? Где дезертир и вероотступник Невзоров? Их смыла океанская волна, лизнувшая сегодня русский берег. В этой волне захлебнулись маститые режиссёры-извращенцы, вскормленные государством себе на погибель.

Набиуллина, Силуанов, Кудрин, Чубайс – адепты Гайдара. Это они пинками затолкали Россию в мировое хозяйство, лишив её при этом шарикоподшипников, элементной базы, станков и целых отраслей, которые создавал советский народ в великих надрывных трудах. Это они, западники, эмиссары Международного валютного фонда, зная, что близятся чудовищные западные санкции, что Россия на пороге тотальной экономической войны, это они перевели в иностранные банки триста миллиардов золотовалютных запасов, отдав эти деньги врагам. И они ещё здесь, среди нас, продолжают лепетать о транспарентности, волатильности, инвестиционном климате, о неприкосновенности частной собственности? Олигархи, перегнавшие за рубеж русские деньги, оставившие русский народ в обносах, угрюмо, ненавидяще смотрят в спину наступающим русским батальонам.

Блогеры, блудные сыны интернета, бьют в спину воюющим русским частям, по которым хлещут установки залпового огня. Ошеломляюще выглядит девка, прорвавшаяся в телестудию Первого канала и развернувшая в эфире свой предательский пацифистский плакат.

Куда вы слиняли, Глушкер, Максимовская, Агалакова? Вы сбежали с российского телевидения, но ваши голоса станут голосами Америки и Би-би-си. Брилёв, не уходи с России-1. О твоей собственности в Лондоне позаботится Интеллидженс сервис. Дворкович десятилетиями покрывал русскую экономику коврами бомбёжками, и теперь, слава богу, с клеймом «предатель» его изгнали из Сколково. Шестой американский флот создаёт средиземноморскую эскадру из яхт, отобранных у российских олигархов. Илон Маск запускает проект по перемещению российских олигархов в дальний космос. Им несть числа.

Сегодня Россия на полях сражений умывается кровью, но в тылу, слава богу, началось великое омовение. В России банный день. И в этой парной Россия вытапливает из себя весь гнилой пот, берёт в руки веники.

Угрожающе прозвучали слова переговорщика Владимира Мединского, что возможен компромисс и Украина после победы русского оружия превратится в нейтральное государство, подобно Швеции и Австрии. Швеции, которая напичкана натовскими военными структурами, и Австрии, которая присоединилась к антироссийским санкциям. Неужели русские солдаты гибнут под Херсоном, Житомиром, Николаевом, чтобы политая кровью земля стала гомосексуальной Швецией, центром всех мерзостей, превращающих Европу в Содом?

Предательство в тылу страшнее лобовых таранов врага. Русская история полнится предательствами. Курбский предал Ивана Грозного. Мазепа предал царя Петра. Генералы Германской войны предали царя Николая. Власов предал Сталина. Горбачёв предал советскую империю. Я видел охватившее Советский Союз предательство – сонмы партийцев, комитетчиков, красных директоров, комсомольцев, деятелей культуры, отрёкшихся от своей красной Родины и бегущих к победителю Ельцину. Многие из этих перестройщиков, громивших Советский Союз, наспех заgrimировались патриотами, и их блудливые глазки глядят на нас из всех углов. Их всех ждёт Иудино дерево.

Россия – страна героев и мучеников, страна победителей.

Директора телеканалов, жёстче охраняйте свои аппаратные, чтобы в них не проникли предатели с антиармейскими пацифистскими плакатами. Федеральная служба охраны, ещё жёстче сомкните кольцо вокруг президента. Певцы, поезжайте на фронт и спойте в Волновахе «Синенький скромный платочек». Расчёты противозенитных С-400, перехватывайте летящие в воздухе баллистические ракеты «Точка-У», а также чартеры улетающих из России предателей.

Всё для фронта! Всё для Победы!

https://zavtra.ru/blogs/russkoe_omovenie

«ПоЗЫВной – Русский!»

*Министерство обороны России совместно с Союзом писателей России
выпустило сборник современной патриотической поэзии «ПоЗЫВной – Русский!»*

Члены Союза писателей России, а также из Донецкой и Луганской Народных Республик объединились в едином творческом порыве и буквально за несколько дней создали новую яркую страницу в истории отечественной поэзии, посвящённую подвигу солдат и офицеров, выполняющих специальные задачи на территории Украины.

Игорь Изборцев

Я РУССКИЙ СОЛДАТ!

Я лакец, аварец, чеченец, лезгин...
Я русский солдат, я – непобедим!
От нас не отнимут грядущих побед,
Об этом России сказал Президент!

Я сету, даргинец, татарин, мордвин...
Я русский солдат, я – необорим!
Я щит для России, я меч для врагов,
Защитник своих и гроза чужаков!

Я вепс, я ингуш, абазин, караим...
Я русский солдат, я – несокрушим!
Я Псков и Москва! Сыктывкар и Якутск,
Я Грозный, Саранск, Абакан и Иркутск!

И наших полков, как не сился, не счесть...
Я русский солдат, я – и слава, и честь!
От нас не отнимут грядущих побед,
Об этом России сказал Президент!

Валерий Латынин

НЮРНБЕРГ ЖДЁТ

Где бы ни запрятался лукавый,
Бог его и под землёй найдёт.
Так и хунту за майдан кровавый
Трибунал нюрнбергский вскоре ждёт.

И какие б силы ни стояли
У авантюристов за спиной,
На небесной пишется скрижали
Летопись истории земной.

Будет суд! Неотвратима кара
И народа, и небесных сил
За устройство бойни и пожара
В колыбели Киевской Руси!

Анна Токарева

* * *

Враг притаился у наших ворот,
Всюду капканы и сети.
Воины русского духа – вперёд!
Вы за Россию в ответе.
Быть или не быть. Сквозь века и года
Слышатся предков набаты.
Не покорялись врагу никогда
Русского духа солдаты.
Бочка без обруча, печь – без трубы.
Сильные духом, на битву!
Бьёт барабан. Конь встаёт на дыбы,
С нами – Господь и молитва.

Елизавета Хапланова

ДЕРЖИТЕСЬ, РЕБЯТА!

То ли сон, то ли явь, но летят на восток
Отчизны снаряды.
И снайперы метят вам точно в висок...
Держитесь, ребята.

Достанет вам сил, чтобы встать и стоять
До полной победы!
Донбасс и Россия – славянская рать,
Здесь общие беды.

Плечо подставляют Самара и Брянск,
Ростов и Саратов...
Держитесь же, Славянск, Донецк и Луганск!
Держитесь, так надо...

Орёл и Казань, Краснодар и Сургут
Молитвы читают.
Но земли Донбасса взрывают... И бьют,
Пощады не зная.

Российское братство стремится помочь –
Спасибо, что рядом.
Наступит рассвет, канет в прошлое ночь.
Держитесь, ребята!

Елена Заславская

Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, русская рулетка,
Умереть, пока не успел состариться,
В 19, 20, 21 веке.
Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия,
Любить и спасать, пока сердце
В груди трепыхается,
В 19, 20, 21 веке.
Ты же мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество...
Ничего не меняется,
Ничего не меняется,
Бесы скажут,
Ангелы ждут на пороге вечности.
Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт...
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.
А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто тоже они православные,
Русские и после молитвы встают с колен.

Светлана Размыслович

ИДУЩЕМУ

Не услышал люд твой призыв негромкий,
Не заметил – близкий – в глазах вопрос.
А потом расскажут твои потомки,
Сколько боли в сердце ты перенёс.
В одиночку, выйдя из-под обломков
Целой жизни, спорил со своей судьбой.
А потом расскажут твои потомки,
Что они гордятся – таким – тобой.
Претерпев предательства, сквозь потёмки,
Ты – как Герда Кая – шёл мир спасать.
Всё равно опишут в тебе потомки
Героических действий лихую статью.
Так оставь сомнения – им бы лихо
Завывать ветрами в твоём пути.
Завтра к ночи смолкнет неразбериха,
Выйдут в свет сидящие взаперти,
Увлекаемы общим победным взрывом.
Всем врагам хулы – воздадут сполна.
И твои потомки расскажут миру,
Что ты жил в великие времена.
Что тобой гордится твоя страна!

25 февраля 2022 г.

Владимир Силкин

АНТИДЕЯТЕЛЯМ КУЛЬТУРЫ

Сытые и модные витии!
Вам плевать сегодня на страну!
Разве можно не любить Россию,
Если мир ей объявил войну?!

Что же вы стреляете ей в спину,
Где же ваша совесть, господа?
С вашей поддержкой не покинут
Этот мир нацисты никогда.

Это стыдно, а точнее – подло,
Бить военных воплями под дых.
Никогда в России ваша «кодла»
Не полюбит ратников своих.

Мы за тех, кто точно хочет мира,
Мы за тех, кому даны права,
Мы всегда встаём за командира,
Мы с тобой, Россия и Москва!

28 февраля 2022 г.

Геннадий Иванов

Привыкаем жить без Украины.
И теперь, быть может, навсегда
нам чужие степи и долины
и Днепра широкого вода.

Так бывало в мире, так бывает.
Братья тоже ссорятся навек.
Киев золотой наш уплывает,
на враждебный уплывает брег.

Как хочу я в этом ошибиться:
наваждение, бес попутал – вот
перебесятся, и устремится
снова к нам украинский народ...

Но покуда вижу: всё сильнее
там вражда к России и всё злей
молодёжь – безжалостней, наглее,
и Россия ненавистна ей.

Там у нас у многих пуповины.
Там святых истоков благодать.
Привыкаем жить без Украины...
Не хочу, не буду привыкать.

Поэзия

Светлана Леонтьева

Светлана Леонтьева – член Союза писателей России, дипломант национальной премии «Золотое перо Руси», «Созвездие Духовности», «Бриллиантовый Дюк», фестиваля «Интеллигентный сезон», лауреат премий «Уральские горы», «Лучшие строфы столетия», «Литературный глобус», главный редактор альманаха «Третья столица», автор 31 книги прозы и поэзии.

Лугань впадает в Москву-реку

Это был полусон, полуявь, реки потекли не вспять, а друг в друга. Словно воздушный, наземный, сухопутный, речной канал открылся сам по себе. К тебе, река Лугань! И пусть воссоединятся, пусть бушуют воды, пусть бурлят, возрождают!

«САКРАЛЬНО, МОСКАЛЬНО»

(из сводок)

Объединиться. Вот что надо нам сейчас,
как в прошлом, ленинском. Объединяйся!
А я волонтерю: вещи, еду, таз
отношу на пункт сбора на Райниса.
У нас тихо. Весенне. Вдали. В глубине.
Но всё равно тревожно: как наши там?
Всё равно мы всею страной на войне,
всё равно всем нам придонбашенно!
Это корни наши болят и болят:
корни общие и нетленные.
Позвонить бы туда, возопить бы сквозь чад,
отвечают мне чьи-то сыны убиенные...
Голоса, голоса: «Мама, я старший твой!»
Голоса, голоса: «Мама, а я твой младший!»
Не люблю поговорку: мы стали травой.
Но действительно стали. Поэтому страшно.
Я вчера во всю ночь долготой-широтой
фильм смотрела по телику: «Сгинь ты, Бандера!»
Эти нацики жадные, мерзкие, хтонь!
Зря тогда отменили СССР мы.
Зря, зря, зря. Синеглазый мой сын.
Очень зря, говорю, сероглазая дочка.
Здесь, на улице Райниса, морозы и стынъ,
ямы, лёд, слева острая кочка.
Но когда восстановим мы все города,
фонари и дороги, здесь, там от Сибири,
от Урала до Ужгорода. Вот тогда
я хочу, чтобы в травы, в цветы, во имбири
лечь! Обнять! Обхватить! И пускай сквозь меня

эти травы, какими становятся люди,
прорастают! Крича, как Россия моя,
хоть стреляют в неё из орудий.

Указ Екатерины об основании литейного завода на реке Лугани: «Божиею милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская и протчая, и протчая, и протчая».

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК СТАЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

...Обними меня, мальчик мой, сокол, сизарь!
Как из нас вынимали исконное, наше!
Как из нас продавали его в стынъ и хмарь
за печеньки, за доллары, пару кругляшек,
за борзых, за гнедых. По борделям – Марусь,
пусть танцуют. И спайсы (ещё до запрета)
молодёжи! Ты где, моя дивная Русь?
Ты страна или всё-таки чувство? О, где ты?
Я – на гору, всё выше. Горят города
там, в груди моей! Пеплы святы. И топи.
Нас продали давно. Как рабов навсегда.
Нас изъяли. Мы ропщем – бессловно, безрото,
безуспешно. И нас не услышит никто.
Бог отчаялся нас создавать. Рынки, банки,
магазины, дворцы, мюзиклы, шапито
поглотят нас. Съедят. Разотрут в решето.
Как создать непредавших? Жестянки, болванки,
кто от прошлого трижды отрёкся, а кто
по четвёртому кругу уже открестился!

Я твой крест не предам! Этот свиток и список.
По утрам у меня в серебре все ладони,
пахнут ладаном пальцы, левкоем, сандалом.
Не читаю – а стоны вдыхаю! Моё ли?
Мирославова? Илларионова? Тонем
всей землёй. «О погибели» слово – финалом
прозвучало! Нас предали. Сдали. Украли.
Нас давно прикупили поштучно и оптом.
За леса. За алмазы. За нефть. Наши дали.
Наши шири. Равнины. Союз наш затоптан,
алой кровью пропитанный, скормлен Европам.
Сокровенное вынута. Но я пытаюсь,
да и многие тоже в разъятых пустотах,
находить острый край. И показывать палец,
мол, идите болотом!
Ни пяди, ни йоты
не сдадим. Но мы сдали, отъяли, отдали.
Вот уже добрались к нам до кухонь и спален.
А я крест всё несу и несу на Голгофу.
Моё сердце изломано. Кружатся ветры.
Из Китая нам амфетамины и морфий,
ибо ночи у нас безответны.
Напоследок обнимемся всё же! И кофе
по глотку отопьём из одной с тобой чашки
(эх, за Русь, за святое, за лучшее наше!)
и одну с тобой выкурим мы
сигарету!

2022 ГОД ПОСЛЕ ЗАЧАТИЯ

Они не верили даже тогда нам,
раскрывшим объятья.
Они не верили даже тогда, когда мы их просили.
Гласом в пустыне – о сёстры родные, о братья,
как докричаться до вас? Мы в бессилии...
Они не верили даже тогда нам сквозь лица
и лики,
верили только тому, что вещал телеящик.
Мы – вопиющий, взывающий – мы,
мы – молящий,
мы – Иоанн, возвещающий стон стоязыкий.
Были такие, кто верили даже тогда, в час безверья.
Были такие, фамилии их в цвет гранита,
зверски замучены,
зверски затравлены,
зверски убиты
да по окраинам, да по осколкам империи.
Ибо не верили те, как невинной невесте
в то, что цела. Они верили в НАТО и Запад.
Вот он, груз двести, хмелеющий от прели ягод,
голову кружит ему от весны, ибо он есть
груз двести.

Хватит не верить!
Тем, кто вас снимает с распятий,
Ибо помилован на самом деле Варавва-отступник,
ибо «распни его!». А мы раскрыли объятья,
ибо орать вопиющим в пустыне устали,
что любим.
Любим до боли, до войн, до страданий, до смерти,
нежно, сурово. Коль скоро Девятое мая.
К вам мы идём через минное поле – к вам, верьте,
к вам с бородинским мы хлебом,
что стал караваем!

КРЕПОСТЬ-ДОНБАСС

*Выйти из полусна в явь бывает трудно. Но
тогда явь сама врывается в тебя, как луч света,
как звонок будильника. Но это был звон колоко-
ла. Это было, как нижегородское вече. Вста-
вай, проснись, узри, услышь, встань на защиту!*

2014 год. Майдан в Киеве. Затем жгучая, рас-
стрелянная огнём Одесса. Затем самый трагиче-
ский момент – потеря друзей. Да, нам стало ар-
магеддонно, нас стали называть колорадо и вата,
москали на ножи. То есть нам стало колорадно-
ватно, маскалёво-ножово, нам стало убийственно.
Друзья... мои знакомые... мои солнечные
люди.

Их несли ногами вперёд, ногами к России,
ногами к майским солнечным весенним дням.
Это было невыносимо видеть, как груз двести,
хмелеющий от запаха ягод, опускался в землю.

ПЕРВАЯ ВЕСТЬ СКОРБНАЯ – это мой това-
рищ, поэт Игорь Грач...

* * *

Опять весна и воздух абрикосный,
мне дым костров, как запах папиросный,
весь день Саврасова мне видятся «Грачи».
И умирать не хочется. Ни капли.
От вирусов, от пуль, от стрел, от сабли.
Грачи нас прикрывают: крылья, спины,
Прикрыл нас Игорь Грач строкой глубинной...
Что чувствовал он в этот день, где снайпер
сидел, прицеливаясь? Вешайтесь, рыдайте,
но лишь не надо обобщённых мыслей, слов
родне и маме, тёте, сыну, всем нам!
А чувство родины – хребетно, внутривенно.
А чувство родины – основа из основ.
А умирать не хочется. Ну, право!
Вот одуванчики – птенячий цветы –
комочками желтеют. И холсты

Саврасова повсюду: вдоль канавы,
в дубраве и в орешнике, в саду
пошарпанные ветки, как шрапнелью.
Грачи и вправду, вправду прилетели!
Они не знали, страшно на виду
спешить в одной колонне на прицеле.
Ты нас прикрыл.
А чем тебя прикрыть нам?
Каким ребром, предсердием, молитвой?
Каким увидеть зреньем? Слепотой?
Под дымчатой да под густой листвой
не отсидеться нам в домах высоких.
Не оградиться ни щитом, ни блоком.
Вот, говорят, географ глобус пропил,
но ты не верь! Верь только слову – Грач!
Что прилетит пернатый, окрылённый
строкою, песней да слезой солёной,
и будет бесталанным всем жескач.
А кто убил, стрелял, тот гадкий сволочь!
Настанет время – утро, полдень, полночь,
но суд свершится, человеческий суд.
Наступит время твёрдое, как камень,
и каждый Ирод, каждый Брут и Каин,
да что там Каин, небеса падут!
Убитые поднимутся. Я знаю.
Поруганные встанут, вой, кричи:
– Огонь! Ах, суки! Родина... родная...
Летят грачи. Летят твои грачи!

Ничего нет страшнее – видеть слёзы матери...

ВАДИК

И весна была в городе. Третье апреля.
Если в небе бы строили мы баррикады.
Если бы заслонить получилось мне телом
беззащитного мальчика с именем Вадик.
Он играл бы в песочнице, пересыпая.
Он бы делал куличики (не самолёты
и не танки, не мины!)

Какая ты злая,
что людей убиваешь! За что ты? За что ты?
Ты великой была, ты была исполином,
а теперь что с тобой, что с тобой, Украина?
Избиенье младенцев. Младенцы рыдают.
Стон стоит по земле всей: стон стомиллионный.
Кто тебе приказал делать дроны, патроны,
кто тебе приказал – этот взяточник Байден?
Вадик булкой кормил бы, пшеном и гречихой
птиц-синиц, а они прилетали б, клевали.
Было славно на улице. Господи! Тихо.
И цвели одуванчики в почве бы рыхлой,
как бывает в Енакиеве на вокзале.

Мы бы – русские женщины, мы бы рожали.
Мы бы – русские женщины – грудью кормили.
Это было бы так, вам скажу, в идеале.
Но пришёл Ирод к нам.
Его сами впустили.
Его сами проспали. И что же в итоге?
Не весна и не птицы. Война на пороге.
Ни за что ни про что пятилетнее сердце,
неприкрытое сердце мальчишье погубило.
(Кто из дрона стрелял, верим, не отвертеться,
не на тех ты напал, не того мы пошиба!)

О, дожить бы, дожить бы нам всем до процесса,
до Нью-Йорнбергского.
Словно личное горе,
словно он мой ребёнок... держу – и нет веса,
ибо – в небо вспорхнул.
В его синее море...

И ещё – ОЛЕСЬ БУЗИНА, наш товарищ, писатель. Наш стойкий друг.

* * *

Убитый в Киеве: ему стреляли в спину,
четыре выстрела – смертельные – в упор.
«Я не люблю такую Украину»,
истерзанно глядящую с офшор.
Я не люблю – и боль застряла в горле,
я не люблю – боль заливают кровью...

Один он вышел, сам на всю страну.
Вы помните Олесь Бузину?
Глядел, как будто лил металл во взгляде,
разлёт бровей, держался гордо, прямо.
Он спрятался бы! Но такой громаде,
такой скале, как небо в Арапате,
как спрятаться?
А мама, как же мама?

Есть Украина та, что обожаю!
А знаете, что есть она другая,
цветущая, каштановая в мае,
где нас крестил Владимир-князь в Днепре!
В рубашках люд крестильных да исконных...

Но как случилось, что не бережённых
вас предали в большой чужой игре?
Серпы остры, сердца на шампуре.
Между людьми теперь чего? Раскол?
И выбрали хотя бы не из зол,
хотя бы Крым, Донбасс. Там, во дворе,
нас Бузина Олесь накрыл всем телом,
он крепостью поднялся белой-белой,

убитый, но не умерший: не вмер,
не сгиб, не пал, не лёг, не сдал он Днепр,
не сдал Украину, Русь и Беларусь!

Меня трясёт... давлюсь слезами... слышу хруст
костей, хребта, звук пуль. Пули в спину.
А мать его спешит: пустите к сыну!
Весь воздух словно выкачан. Дышать
ей больно! Пропустите мать!
А где же пульс? А где же стук в груди?
А у меня с тех пор – дожди, дожди...

Верните снова, люди, Украину
на место. Как я выдерну, как выну
её – мертвящий ужас – из нутра?
Окаменевший выкрик мне в затылок...
расстрелянную фразой пригвоздило...
Олесь... Олесь! Он вышел со двора,
пошёл искать свою он Украину –
любимую, где не стреляют в спину,
где помнят родин всех первопричину,
где водружают красный флаг Берлину
и крестят люд у берегов Днепра.

*Поэт – что он може, кроме как сказать сло-
во своё? Выплакать это слово, выплеснуть его
из сердца, выложить на сайте. Нам хотелось
пробраться к своим, сказать: «Здравствуйте,
мы с вами», вот стихи «Снайпер» о том, что
было с нами, пытающимися сходить в храм,
пройти по лугу...*

В меня целится – я вижу его! Он притаился! –
снайпер!
В его окуляре я: в куртке, джинсах, кроссовках!
В небе – белая птица, наверное, чайка.
Это небо последнее! Но мне как-то неловко
обращаться к нему! Небо – на подстраховках!
Оно было, когда я в него родилась.

Здравствуй, мама!
Ты меня ещё держишь своей пуповиной?
Она бело-прозрачная, что амальгама.
Фонтанирует. Вся из тугих парусинов.
И поэтому море вокруг меня плещет.
Это – околплодные спелые воды.
Мы – рождённые, всё состоим из тех женщин –
журавлино, невинно. О, грех первородный!
Тех, кто были до мамы. Они в наших генах.
И они внутримышечны и внутривенны.

Снайпер! Значит, и в них ты прицелился тоже?
И в ребёнка, который в утробе под кожей,

моего притаился напевного чрева.
Оно рдело! Любило! Желало! И пело
в ночь с любимым! Его помню сильное тело.
Значит, целишься ты и в него? В Русь?

И правду?
Поздно, поздно вопить мне: «Не надо!
Не надо!»
Пуль разрывы вокруг. Стон. Пожары. Снаряды.

Мне – прожившей полжизни,
мне – видевшей небо,
мне – целующей звёзды, их льдистые скрепы,
неужель затаиться? И Армагеддоны,
так вопят... Фонтанируют.

В Зайцево – храм мой.
Я иду помолиться, прикрыв грудь и лоно.
Моя старая мама, и тётка, и братья
там живут, за чертой. Как прикрыть
их синхронно?

Вы там не были!
В каждом кусте и травинке
не цедили вы детство, на этой тропинке
не пасли вы козу, белошёрстную Майю!

Хорошо рассуждать про загадочных майя,
про кино, про правителей. Деньги и власти.
Да хоть сердце не застыть! Не рвите на части
про весну ту, что в Крыме. Про Минск.

Там Иуда
щёки, спины целует! Война, как простуда
для того, кто поодаль. В глуби. За лесами.
Я иду. Продируюсь. Мне к тётке и маме.
Пробираюсь сквозь время.

(О, как мне Коньбледно!)
Продируюсь сквозь лемех, орало. Бой длится!
Нескончаемый!
Разве вам тел наших мало,
что зарыты вот в эти поля цветом ситца?
Лязг затвора. Мой снайпер – мой враг.

Помолиться
успеваю, пока не нажал на курок он.
...А малыш, что во мне, мог бы радостно
чмокать,
в колыбельке лежать мог бы он краснощёко,
потаённо, глубинно, тепло, светлооко!

*К тебе, Лугань-река, прорыт канал сухопут-
ный, небесный, облачный, воздушный.*

*К тебе, Лугань-река, стремятся воды реки-
Москвы!*

*К тебе, чтобы лечь на твой жертвенный ка-
мень ради мира. Всего мира. Всего космоса...*

ЖЕРТВЕННИК (из цикла «Взойти»)

1.

Да, ты есмь – священная корова,
 Да, ты есмь – священная теляти...
 Авраам, клади меня на камни,
 вместо сына я идти готова.
 Причащённая, развоплощённая,
 в рваном рубище, платком обвёрнута,
 я иду сквозь жизнь – дорога торная,
 но для меня она дороже золота.
 Да, как с востока вширь стоит моя земля,
 да как с прибалтик всех в одежке рваненькой,
 не надо сына, бать! Не надо сына!
 Я –
 пусть будет тот, кого ты выбрал раною.
 Пусть будет тот, кого ты выбрал в башню лечь,
 пусть будет тот, кого назвал Алёною.

...Никак не отойду я от желаний – честь
 свою сберечь, слезу свою солёную.
 Смотреть на образа своих больших светил,
 смотреть, смотреть в глаза всем тем,
 кто полюбил,
 всем тем, кто невзлюбил, всем тем,
 кто нож поднял,
 но не с подушек в пух,
 не с тёплых одеял.
 Веди туда, где верх, туда, где высь-гора,
 где всё на кон кладут: жизнь, деньги, реки, дом...

– О, здравствуй, Исаак, твой посох стёрт вчера.
 – О, здравствуй, Авраам. Сверкнул на небе гром.
 Кисейный брег реки. Молочны берега.
 Беги. Беги, беги!
 Не стал ты убежать.
 У Бога никого сегодня словно нет,
 лишь только ты и сын, лишь только тьма и свет!
 И голос, как чужой...

Сын маленький такой,
 роднее нет его,
 где есмь ответ?
 Ложусь я всклень в него, точнее, вместо всех,
 кто за моей спиной – Россия, вечность-мать!
 Пускай трава растёт, солдат, боец, морпех,
 помилованы все!
 С колен пора вставать...

2.

В тяжёлый час есть небо, мама и
 ещё вселенная! Куда мне обратиться!
 Коль можешь, брат, возьми и не убий,
 коль можешь, Ярославна, взвой зегзицей,
 береговою ласточкой из льна,
 кукушкиным болотным причитаньем!
 Как полечу над Доном, над Дунаем,
 вот подорожник, вот боржоми – на!
 Одно могу – лишь вытащить из сна
 размером с вечность, словно песню Цоя,
 что в переходах пели. Смерть в лицо нам
 глядит, что солнце прямо из окна.
 Вселенная,
 вселенная моя,
 планета! Будем до воды по водам!
 Упрямых их, не верящих, упёртых,
 их – чокнутых, майданутых, безродных –
 они зародыши ещё! Стреляют... глянь...
 в тебя, в меня, в детей и мирных бабок.
 Чего хотят? Французских жабьих лапок?
 Иль сыра проволоке?
 Дай им сыр!
 А нас верни в славянский общий мир!
 Верни всех-всех.
 Прости, что я убита
 тобою, брат!
 Лежу башкой у края.
 О, как же пахнет всклень земля сырая,
 что кружит голову от зёрен, хлеба, жита!

Это маленькая кроха – стать твоим священным теляти, Лугань-река!

«ДОНБАСС, СМОТРЯЩИЙ НА СОЛНЦЕ»

Донбасс – это не только территория, это ощущение планетарности вселенского масштаба, это иное свечение, иная подача тепла, это матрица и основа. Люди Донбасса могут проживать в разных концах света, они могут жить в Харькове – по другую сторону фронта, в Киеве, Питере, Кемерово. Донбасс – это иное восприятие исхода славянства, оно шире, глубже, патриотичнее, священнее. Можно сочувствовать, переживать, но не ощущать себя частью этого масштабного исхода. Нет, это не возвышенность, а, может, наоборот Марианская впадина, либо некий солярис борьбы за славянское братство. Донбасс – это вера, это любовь, доброта, осмысление себя и своего народа в лучших стремлениях своих, это победа над злом, это икона Богородицы только что родившейся, но видящей свои изображения в иконописи и свой путь служения христианству. Донбасс – это распятие Христа

в самый трагический момент, когда мир опустился до безверия, когда он плевал в свои святыни, когда жёлтая слюна растекалась по телу ещё живого Бога, а из его ран сочились кровь. Донбасс – это объединяющая сила любви и жизни. Донбасс – это люди, чьи тела оказались в могилах, люди убиенные, но они встают и идут рядом с живыми, чтобы сражаться. Донбасс – это сила и огромная мощь правды и справедливости. Да, иногда эта сила попирается, в неё, как в Христа, брызжут жёлтой смолистой слюной.

Всё остальное – не Донбасс.

Не Донбасс – это не заграница, а большое предательство того самого славянского братства, матрицы и исхода изначального.

Не дождались победы лучшие из лучших. Поэтому склоним голову, вспоминая их, выпивая за них горькую чарку. Но с любовью и красотой в сердце. С верой в то, что они нас слышат, верят, видят.

САУР-МОГИЛА

...Если б успела тогда, не сегодня,
Если б успела тогда, где был бой.
Весь испещрён камень, твёрдый и плотный,
сколько в нём пуль и осколков в нём, сотни?
Как же так можно? Здесь мир был живой...
Боль, только боль. Вот что нынче осталось.
Бой был здесь, бой. До победного ярость.
Сколько терпела страна моя? Жало
даже проникло сюда... Как кричала
женщина в чёрном у пьедестала,
где имена сорок пятого года
и где четырнадцатого.
С восходом
можно увидеть Азовское море.
Словно сначала,
взобравшись на взгорье.
Связано время чугунно, как стела.
Здесь запеклись пули в рваное тело.
Саур-могила, как крепость, снарядов
враг не жалел для такого массива.
Степь желтолика. И некуда падать,
ибо за нами
Россия!
Впрочем, нет «до», как и, впрочем, нет «после»,
есть лишь единое общее горе.
Рваное время от денег соросьих.
Не ищущайся, о брат мой, ты брось их...
Заново русский бы корень наш сросся,
Бога прошу, раз не помню, который.
Небо прошу.
Землю. Космос и звёзды,
бренное это прошу лукоморье.
И подхожу ближе к женщине в чёрном,
так она плачет щеночком-подростком,
гномиком, хлебушком свежеспечённым.
Словно бы сёстры, обнявшись, стояли
долго мы. Долго! Закат пал Икаром
в пенное море в туманном причале.
Пели поляны. И ветер был, ветер.

Ветер всегда здесь, и трав многоцветье.

Здесь обнимают века нас всех, люди!

Веще и свято. Светло. Непокорно.

Вот по тропе мы спустились. Лишь корни,

чуяла я, вились в сердце подгрудно,

И никаким их не выбить орудьем,

и никакою не выдолбить миной!

Мои правдорубы, мои защитники, мои поэты из поэтов, как мне не помнить о вас в эту минуту? Ибо восемь лет я была с вами, нет, не рядом, не возле, а по одну сторону фронта. Да, мы были на фронте – фронте любви, справедливости, жажды восстановления и срастания в единое целое. Мы ощущали эти болящие разрывы, но не рвались. Мы ощущали огромные зияющие между нами бездны, но эти бездны, как в сказке, срастались вновь. Мы были частью этого самого полотна – сопротивления всему, что нас отталкивало, отпихивало, выскабливало. Но мы были живы лишь одним желанием – вырасти вновь. Мы вынашивали Донбасс, как дитя в чреве, чтобы родить его в непорочном зачатии и в грешной, страстной любви! Мы прятали свой личный Донбасс в своём теле. Он горячим, мёрзлым комком бился в нас. Мы носили сердце Донбасса в себе.

Донбасс – это крепость. Но не каменная, обнесённая Кремлём, крепкими красно-пурпурными кирпичами. Это открытое пространство, слишком открытое! Но одновременно Донбасс – крепость, незримая взору, нутряная, она мякиш и твердь одновременно...

Иногда мы думаем, что Крещение Руси – это состоявшийся факт. О, нет, это продолжающееся событие, без остановок, без начал, оно идёт и идёт. Крещение – это то, что всегда, каждую минуту, каждый миг, каждую вечность...

* * *

Крещение Руси мне родней и охватней.
Оно продолжается в наши столетия.
И в прорубь!
А льдины сцепили объятья.
Дыхание рвётся. Все – чада мы, дети мы.
А солнце огромное. В первый раз вижу я
такого размера, объёма, охватности.
Вот – им вполонину вселенная выжжена,
оно растекается – красное, рыжее –
в любви к нам всем, людям, всей кровью, всей
ласкою.
И ласточки! Сколько их? Милые ласточки.
Устали, наверно, лететь, путь не близкий был?
Здесь, в Киеве, на берегу Днепра – камушком! –
народ русский принял Крещение Пречистое!
Головушка мытая.
Тело облитое.
Рубаха посконна. Запястье с монистами.
И даже не верится в боль, кровь и выстрелы,
в майданы и свастику, в горе и битвы мне.
Да разве для этого думалось-мыслилось?
Да разве для этого грезилось числами?
О мать городов русских, что же содеялось?
О, ты же под сердцем носила нас бережно,
ты в муках рожала из чрева кипреева,
ты, в звёздное небо опёршись коленями,
ты, рот искривив в женских криках, у бережка.
О мать городов русских, веришь ли, веришь мне?
Ты верить должна в нашем веке теперешнем:
мы – дети твои нарождённые!
Схватками
как чрево слепящее, гордое полнилось,
и райское древо исполнено молнией,
ты помнишь зачатие: день и ночь сладкие?
Ты помнишь детинцев своих – имя, отчество?
Чернигов да Суздаль, Владимир да Новгород?
И тело кричащее? Тела пророчество?
А помнишь ли плотью, где плоть, там связь
долгая!
И связь пуповинная, внутриутробная.
А нынче, теперь ты нам, что место лобное...
Где место крещения – место расстрельное.
Где место дитячье – лишь место постельное.
О, не предавай нас – подростков, нас – школь-
ников,
а русский язык – украинский поболее!
А русский язык украинцам роднее,
роднее, чем русским – нам! Он – планетарный!
И он им – врождённый, вменённый, как дар он!
Он им – генетический. В них, как в пекарне
хлеб, что из муки слаще, пряней, белее.
Он как Жития им, как Четьи-Минеи.

ИЗ ДЕТСТВА

Мы поехали в Трускавец отдыхать. Мне было
14 лет. Сестрёнке 4 года. Помню прекрасную пе-
вучую украинскую речь, и русскую тоже – певу-
чую и солнечную. И много прекрасного помню.
Музеи. Большие концертные залы. Широкие
улицы, площадь Львова. Всё для людей. А не
помимо людей.

Некий ореол, воспаряющий над градом. И
светящиеся купола наднебно. Объединяющего
всегда больше, чем разъединяющего.

ВОСПОМИНАНИЕ

Значок – кусок металла и эмали
и подпись красным «С Украиной вместе мы».
Не тронь шкатулку! В кровь и боль уколешь
палец,
значком в шкатулке с видом хохломы.
А нынче – пули. Бой там рукопашный.
И за людей мне страшно. Ой, как страшно.
Я с Украиной той, где вместе мы,
с другой, фашиствующей, бьющей с нею, – по-
рознь.
Всё так же страшно: ось земли смололась,
разбилась на частицы, сколы, в область
совсем иную. Я значок храню:
и чувствую, как бьётся в нём живое,
исконное, речное, луговое.
Вот детство: в Киев навестить родню,
и далее семьёй мы едем с папой.
И кружит голову от речи Закарпатья.
А нынче я друзей лишь хороню.
Ужель беда такая – пули в спину,
ужель любовь – рвать, резать, жечь, колоть?
Старух и стариков, детей невинных
за эти вот печеньки из корзины
живую плоть?
Значок – кусок металла и эмали.
А мы на великах с моей подругой Галей,
точнее с Галлой по-украински – болотами –
до магазина «Хлеб», до клуба «Родина»,
я этот мягкий «х», точнее «г»,
не позабуду никогда, нигде.
И в парке, помню, шли с цветами в гору,
ещё отец предупреждал до этой эры,
что здесь остались, опускал глаза он долу,
остались люди, чтут которые Бандеру.
И Чичибабин – он поэт высокой мерки,
в стихах об этом говорил, но кто бы слушал?
У нас вдоль речки – спящей водомеркой,
а глубже разве видят? Глубже в душу?
Стреляют здесь.

Стреляют и стреляют.
И умирают у домов, садов, сараев,
лежат, раскинув руки, телом вжавшись.
За что же, братцы?
Россия год, считай, уже не первый,
Россия, у тебя не сдали нервы?
Вот выйду в поле, выкрикну: ну, где вы?
Поехавшие в перекосе крыши.
Целую руки Украины,
той, что слышит
былинные великие напевы.

Донбасс – это история вся Руси, ибо становление Руси – это не только строительство городов, сёл, крепостей, это не только батюшка-Киев, Рязань, Чернигов, Москва. Это жаркий купол Исаакия, это Васильевский остров, это медленная Лета-Волга, это флаг Утопии и флаг любви, страдания, неурядиц. Это великое прощение и примирение, это одновременно не прощающее, гордое и безумно любящее.

Это продолжение самой нескончаемой, неисчерпаемой вечности...

Это горькое – мы же вас предупреждали!

Это сладкое – хорошо, что вы нас слышали!

Это буйное, весёлое, жизнерадостное...

Это неоплаканные могилы и исплаканные лица женщин.

Это несдающийся ветеран войны, выходящий на площадь, несущий на своём кителе ордена и медали. Их пытаются сорвать украиначисты, но не могут, ибо ордена и медали приросли к телу, впаялись в рёбра, кости.

* * *

Мы знали, что сопротивляться будут гневно смершем,
ибо обмануты братья наши Иудно.
Я имею право быть хлебом – ешьте,
я имею право быть смертной чудно.

От любви разрывается сердце – там наши.
Но напичканы злой пропагандой двоякой,
вытанцовывали они «бешено не убоюще»,
вытанцовывали площадью «москалей на гиляку».

А я есмь тот москаль: москалица, синица,
девица,
москалица-дитя, москалица-седая старуха,
Хочешь, выговорю за тебя и за всех «поляница»,
только ты не убий, у кого с этим глухо.

Ибо хлеб – макнаташ, кубане, наан, пита,
бублик!

Погляди, мы все – зёрна земли, ибо все – золотые.

Да, имею я право сказать: не забудем,
ибо мы не забудем людей, города, мостовые.

Как мы падали смертно-бессмертно на гордые травы,
сыновей отдавали, идите, сыночки, служите.
О, обнять бы так крепко за шею, затылок побритый.
О, я право имею, безмерное русское право.

Провожая, от страха трясаясь – от любви и страха
на вокзале прижаться, оглохнув почти что до Баха.

Но не тешьтесь надеждой, друзья, что само рассосётся,
что развеется как-то до самого светлого солнца.

Ничего не развеется, ибо зияет голгофа у порога уже.

И заточен в ладонь гвоздь железный.

Молоток вознесён. Да, вам плохо. Нам плохо, всем плохо.

Но всё может быть хуже пред страшной разверстою бездной.

Да, мы знали, куда и зачем мы, к кому мы, всё знали.

Были фото со спутника, космоса, фото, что птицы.

И своих защитить мы имеем всерусское право,
как имеем мы право пойти и самим защититься.

Мои друзья, подруги, донбассовцы! Мы всегда были вместе. Мы несли этот флаг Донбасса, чьё древко прикипело к нашим ладоням. Даже когда ладоней не стало, мы всё равно несли этот флаг.

Вспомним сегодня всех.

Поклонимся им до земли.

Ибо многие из друзей моих, сражаясь, пали...

Но сегодня они встали рядом! Видите их?
Слышите их голоса? Их музыку? Их пение?
Молитвы?
Крики ура!
И я тоже слышу! Троекратно!
Ура! Ура! Ура!

Поэзия

Римма Лютая

Римма Викторовна Лютая окончила музыкальное училище, Литературный институт им. А.М. Горького. Работала художником в театре, ответственным секретарем в газете и региональной организации Союза композиторов России, исполнительным директором Воронежской организации Всероссийского хорового общества. Редактор журнала «ЭкоГрад» Департамента природопользования и охраны окружающей среды Москвы, выпускающий редактор православного издания «Вестник Антониевского храма». Публиковалась в журналах «Смена», «Литературное обозрение», «Москва», «Подъём», «Простор», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостиный двор». Член Союза журналистов и Союза композиторов России. Живет в Воронеже.

Старший

По чужим, по расхожим платить счетам
долг —
в том ни смысла, ни счастья,
ни славы, ни сил — нет.

Я приду бездорожьем, построю сестре
дом —
и прощусь...
Оглянешься: руины да пепл — вслед!

Мой ли грех?..
я вернусь с полдороги.
И вновь — раб,
Божий раб — на окраине Отчей
поставлю с трудом сруб...

Да, не люб я к полночи —
но жалок до слёз брат,
битый в кровь при народе
за немощ своих рук.

Он и в драку не лез —
он хотел только жить, петь,
в сад ходить, где б дышалось легко
в дождь.

Сытых рож — до рожна, до сословья...
Но терпеть
их ленивую «правду»,
о, боже мой,
невмочь.

«Разрушение стен — это дело
самых стен!..»
(а под ними, коль выползет,
в пятом углу — всхлип).

Раздражающий остов кувалдами
в семь смен
дружно гребили б,
дым до небес жгли б...

По завету — любить, по вине —
я бреду вновь...
Только небо нагрянет,
да сердце сожмёт —
смерть!..

«На кого же на свете останет...», —
следы слов
жарким ветром доносит:
«Не руси мы...
не...
сметь!..»

Поэзия

Валерия Салтанова

Валерия Анатольевна Салтанова – поэт, публицист, переводчик, литературный критик, автор-исполнитель, редактор. Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Автор семи поэтических книг, более 150 песен, написанных на собственные стихи, а также на стихи поэтов Республики Коми, классических и современных русских поэтов. Публиковалась в российских и зарубежных литературных журналах, альманахах и антологиях. Автор семи сборников стихотворений, ряда книг для детей. Лауреат муниципальной литературной премии имени А. Е. Ванеева 2020 года (Республика Коми). Лауреат «Российского писателя» за 2021 год (поэзия). Работает заведомом литературной критики в литературном альманахе «Гражданинъ». Живёт в Ростове-на-Дону.

МНЕ НИКОЛЬКО НЕ СТЫДНО БЫТЬ РУССКОЙ

То в лаптях, а когда по погоде,
Так и в валенках – тропкою хрусткой,
Мне нисколько не стыдно быть русской,
Хоть быть русским сегодня не в моде.

Не указ мне ни янки, ни ляхи –
В сытой злобе своей, спеси узкой.
Мне нисколько не стыдно быть русской
В ладно вышитой русской рубахе.

Вы лишить нас пытаетесь воли,
Да подавитесь жирной закуской...
Мне нисколько не стыдно быть русской –
«Потому что я с севера, что ли...»

Есть душа у нас: с этой нагрузкой
И живём – костью в горле бесчинства.
И на фоне всеобщего свинства
Мне нисколько не стыдно быть русской.

НЕДРУГУ РОССИИ

Презирая путь холуйский,
Понимаем: жизнь – борьба...
К прилагательному «русский»
Прилагается судьба.

Прилагается надежда
С доброй сказкой пополам.
Не грози ты нам, невежда,
Не пугай, заморский хам!

Пусть мы валенками будем
И калошами притом,
Но живём, других не судим –
Ни из дома сор, ни в дом.

Клеветы течёт отравы,
Но ответ у нас простой:
Защищаться – наше право,
Защищать – наш долг святой!

Нам не знать ли, сколько горя
В каждый дом несёт война?
Вот и пьём, ни с кем не споря,
Долю русскую до дна.

Как вложить в твой лобик узкий,
В жидкую водицу-кровь:
К прилагательному «русский»
Прилагается любовь?!

МОЛИТВА О МИРЕ

Спаси и сохрани и правых, и неправых,
Ведь истина одна: она любви сродни.
От липких уст вранья, от лап его кровавых
Спаси и сохрани, спаси и сохрани!

Кто мерит жизнь добром, тот верит в путь свободы.
Хоть лжи вокруг не счесть – мы всё же не одни.
Пусть воцарится мир – от пропасти народы
Спаси и сохрани, спаси и сохрани!

На лучшей из планет не все ещё готовы
По меркам жить людским. Ты разум им верни!
От злобы и вражды, от бросовой половы
Спаси и сохрани, спаси и сохрани!

Как мирно нам луны сияет полукружье...
Война наш общий враг – и хватит болтовни!
Наш долг святой – призвать войну сложить
оружье.

Спаси и сохрани, спаси и сохрани!

За то, чтоб жить светло, к удару не готовясь,
За новых городов высокие огни,
За веру и любовь, за доблесть, честь и совесть
Спаси и сохрани, спаси и сохрани!

СТЫД

Стыдно быть русским? За русских вам стыдно?!
Дом мой родной, страстотерпица Русь!
Что ни крикун – то ханжа иль ехидна...
Вас я, стыдящихся, нынче стыжусь.

Совесть терзая бессонно и горько,
Вести с Донбасса катились рекой...
Если и стыдно за что-то, так только
За относительный сердца покой.

Стыдно, что счастья желать я посмела,
Мучеников обойдя скорбный глас!
Стыдно за то, что помочь не сумела –
Отгородилась, смирилась, сдалась...

Стыдно чумного веселья «элиты»,
Тьмы лицемерья, бездействия, лжи...
Предали родину космополиты,
Сдали без боя её рубежи...

Общее тесто с врагом замесили –
Так, чтоб кровавые реки лились, –
Как же стыдитесь теперь вы России,
Как вы легко от неё отрелись!

Сняты последние путы с рассудка,
Сердце сковала тяжёлая грусть...
Но не за русскость мне стыдно и жутко –
Вас я, стыдливых, смертельно стыжусь.

РУССКИЕ СКАЗКИ

Не рассказывай мне больше сказок, мама,
Про Добрыню да Ивана-дурака.
Всё смешалось нынче. Посреди бедлама
Не отыщется зелёного ростка.

Ничего они теперь-то и не знают,
И не помнят, да и помнить не хотят.
Сказку «россказней» с презреньем называют
И детей своих в беспамятстве растят.

Жизнь теперь другое тесто замесила,
Стали лишними средь злата-серебра
Сказки русские, где побеждает сила –
Сила духа, здравомыслия и добра.

И в равненье на морального урода,
Для кого весь наш уклад – наоборот,
Как-то стыдно стало «выйти из народа»,
Словно стадо мы людей, а не народ.

Чем сильнее любовь, тем злее ненавидишь
Всё, что жаждет нами чтимое убить.
А без этих сказок в люди-то не выйдешь,
Чтобы Змея да Кощея победить.

КОГДА Б...

Душа спокойна. Я в ладу с собой.
Когда б не сдвиг по фазе или сбой,
То старость я встречала бы по-царски,
Когда бы слово русское моё
В потёмках не клевало вороньё
И не растаскивало по ветвям на цапки.
Как я жила б кайфово (миль пардон!),
Когда б вприскок не мчались за кордон
Забывшие своё родство Иваны –
Из северной метельной кутерьмы,
Спеша принять лекарство от зимы –
Чужих курортов солнечные ванны!
Я им кричу: «Не рвите пуповин!
Заменит ли святых отцов – раввин?
Морская ль пена жар степей погасит?!
Опомнитесь! Очнитесь! Сердце – здесь!
И хлеб насущный, Боже, даждь нам днесь,
И кока-колу с бренди ведь не квасят!»
Мне б умереть спокойно – не вопрос,
Когда б не эхо злобы и угроз,
Что к нам летит, тревогу присоседа...
О, не судите – скорый суд жесток! –
О, не делите больше рта пирог
И шкуру неубитого медведя!

ВРАЖЕСКИМ ГОЛОСАМ

Перекрыть ли в себе голоса любви –
Что звучат то тише, а то смелей?
Этот звук, наверно, в моей крови,
Этот ток навечно в судьбе моей.
Что ж вы мечетесь всё между злом и злом?
Вашей ложью гулкой призыв корней
Заглушить нельзя, ведь любви псалом
Голосов недружественных сильней.
Быть бы только, как прежде, одной из ста
Миллионов русских живых ростков,
Лишь тянули б вербы ко мне уста
Долгих-долгих лет сорок сороков...
Вам гундеть да бесчинствовать – ну, а мне б
Пить метелей колких пьянящий бряг...
Перекрыть ли голос берёз и верб,
Что поют под сердцем, поют, поют?..

Поэзия

Екатерина Козырева

Екатерина Николаевна Козырева (Костарева) – родилась в посёлке Агаповка Челябинской области. Окончила МОПИ, ВЛК в семинаре Юрия Поликарповича Кузнецова. Издатель альманахов «Вечера в Академическом» и «Царское Село». Печаталась в журналах: «Наши современники», «Подъём», «Роман-журнал XXI век», «Вестник российской литературы» и др. Произведения автора можно найти на сайтах: «Российский писатель», «Русский переплёт», «День литературы», «Русская народная линия», Стихи.ру. Автор поэтических книг: «Дорога в Болдино» (1993), переиздана в 1999, «Свет одиночества» (1995), «Качели над обрывом» (1997), «Неземное кольцо» (1999), «Зимний шиповник» (2003), «Возвращение к себе» (2006), «Берег неба» (2009), «Другиня» (2012), «Богатый остров» (2016), «Сонеты времени» (2016). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Сонеты времени

1

Когда на облик женский ляжет грусть,
У бледных губ избрав морщинок ложе,
Я всё не верю, что не изменюсь,
Не стану лучше и моложе.

И волосы мои вольней крыла
Волнистым шёлком не взлетят от ветра,
Высоты не сдадутся, что брала
Когда-то без усилия, наверно.

О чём жалеть! Душой бы стать добрей
И терпеливее в оставшие годы,
Прощать, любить и понимать людей –
По праву человеческой природы.

И, бодрствуя, души не обмануть,
Лишь к совершенству продолжая путь.

2

Да, время – деньги, нынче говорят,
Оно течёт и протекает мимо.
Работает бездушный циферблат.
Как время перемен неутомимо!

Весна уже готовилась цвести,
А солнце причастило землю влагой,
И птицы перелётные в пути...
Но вьётся снег безвременья Гаагой.

Кого судить?! Когда любовь нема,
Когда бесчеловечность наступает!
На землю возвращается зима –
И сердце льдом холодным обрастает.

Но плачет и живёт ещё душа,
Тепло ей – и не надо ни гроша!

3

Поверхностного взгляда пелена
Не извлечёт потерянного мига.
Разрушен мир, и пролегла война.
Закрылась непрочитанная книга.

В Египет бегство не спасёт времён.
За журавлиной клинописью века
И зрению, и слуху внятен стон
Мучительной кончины Человека.

Как уберечь Твой образ высоты,
Твоей Любви источник живоносный?
Воздвигнуть мало церкви и кресты,
Чтоб отжила безверия короста.

Война и мир столкнулись. Грянул гром.
Чистильщик мира – дождь полил кругом.

4

От настоящего я отвожу глаза,
Но память юности находит слово –
Далёкая, как неба бирюза,
Весна любви, нахлынувшая снова.

«Из всех времён мне жаль её одну»,
Когда притоки сил волнуют душу.
В томленье полнолуныя не усну
И в мыслях воли Божьей не нарушу.

Как жить?! Охранный слой живой Земли
Не оградят заклатья и заборы.
Сегодня гибель мимо пронесли,
Крушеньем угрожая, метеоры!

В озонном поле чёрная дыра –
Безумцам образумиться пора.

5

Кружится снег, кружится голова,
Но повернуло солнце дни на лето.
В круговороте лет живёт молва
О синих небесах в глазах поэта.

...Шарф на плече, изящная рука,
И сень кудрей, и вольность бакенбардов,
Взгляд синевой касается слегка
И стихотворцев нынешних, и бардов.

Всё видит он! Один среди веков,
Сквозь никому неведомые сроки
Он струны арфы трогает легко.
И на душу легко ложатся строки.

Поэзии неповторимый почерк –
Живёт поэт. И дышит дух, где хочет.

6

Безумие – искать культурный слой,
Когда стихии войн крушат дороги,
И есть вожак у дикой стаи свой,
Ярится и дрожит от злой мороки.

Выслеживая кровь, за ним бегут
Вооружённые. С железной хваткой хищной
Уничтожают род людской и труд –
Ведь жизнь другая кажется им лишней.

Как быть?! Кто жаждет в мире лишь огня,
Ответного огня горячей силы,
Тот заставляет мирного – меня –
Искать себе – побед, ему – могилы...

У каждого есть мать, или была,
Кормила грудью, на руки брала.

7

Давно бегу от бранных перемен.
Там города взрывают, жгут архивы,

Искусство превращая в прах и тлен,
Сжигает мир враждебное Огниво.

Стоят руины древних деревень.
Россия, Сирия – эпические страны:
Век «Слова о полку» – земли кремль.
В веках звучат арабские дастаны¹.

Как песни русские, с какими шли и шли б,
Не очернить ни ложью и ни басмой,
Нам дороги Пальмира и Идлиб,
Седой Дамаск, с иракской древней Басрой.

И беженцев простёршаяся рать,
С детьми, со скарбом... А куда бежать?

8

О, как печален не вечерний свет!
И небо серое в любое время суток,
Душа ждала весны, и ждал поэт –
Он, как подснежник, к пробуждению чуток.

Когда проснулся первый из людей,
Подснежники цвели в пределах рая.
Не эллин был он и не иудей,
Но муж уже, ещё жены не зная.

Кто он?! Один – под неба новизной
В саду плодов и ароматных лилий.
Но Бог вознаградил его женой,
Жена и муж запретный плод вкусили.

О Человек! Печален твой удел –
Получит каждый то, чего хотел.

9

Идёт народ на вынос плащаницы –
С надеждою и верою, Христос!
Теснятся люди, чтобы поклониться
Родному, не удерживая слёз.

Страстной субботой Православье мира
Спасается у Гроба Твоего.
Благая весть, одетая в порфиру, –
Над страхом смерти – Пасхи торжество.

От Сотворения до будущего века
В истории Любви цветущий Крест.
О, чудо воскрешенья Человека!
Христос воскрес! Воистину воскрес!

И повторяются пасхальные слова
От Воскресения до Рождества.

25.03–25.10.2017

¹ Эпические поэмы, перемежающиеся с пением.

Проза

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – родился 21 марта 1950 года в Тверской области. Окончил Ленинградский государственный университет. Публиковался в журналах: «Берега», «Воин России» (Москва), «Север» (Петрозаводск), «Аврора» (Санкт-Петербург), «Дон и Кубань» (Ростов-на-Дону), «Алтай» (Барнаул), «Москва» (Москва), «Журналист» (Москва), «Домовой» (Тверь), «Пятницкий бульвар» (Вологда) и др. Автор 30 книг поэзии, прозы, публицистики, лауреат ряда премий и конкурсов.

Милость сердца

Публицистический роман (журнальный вариант)

ПОЙДЁМ
«ЦАРСКИМ» ПУТЁМ

ОБРЕТЁМ СЕБЯ В ХРАМЕ,
ВОЗРОДИМ ПРАВОСЛАВИЕ
И СВЯТУЮ РУСЬ

...Надо, прежде всего, вернуть народу его историческую память.
На этом пути не обойтись без Православной Церкви,
древнейшего хранилища живой веры и нравственной чистоты.
Однако сегодня людям вновь пытаются навязать мировоззрение,
в котором нет места святыням. Сердце человека – престол Божий –
пытаются занять уродливые безблагодатные идолы материального преуспевания:
Успех, Богатство, Комфорт, Слава.
Оттого и свирепствует в обществе разгул разрушительных страстей –
злости и похоти, властолюбия и тщеславия, лжи и лицемерия.

Митрополит ИОАНН (Снычев)
из книги «РУССКИЙ УЗЕЛ» (2004)

I

Сразу за городской чертой зеленел и переливался в лучах солнца весенний простор. Он как бы заново ожил после долгой, уже поднадоевшей всем зимы. И душа, сообразуясь с ликующим простором, желала новизны, свежести, чего-то необычного, какой-то тайны.

Но где же её добыть, эту тайну?

Всё вокруг было знакомо, привычно, буднично.

Взгляду открывалась полевая даль, уходящая на горизонте в лесной окоём, шумная автострада, разрезающая весеннюю даль, а по обеим сторонам – холмы и косогоры.

И вдруг в глаза бросилось что-то новенькое.

На обочине гудящего шоссе, на высокой бровке, стоял и как бы возносился в небо большой деревянный крест.

Крест!

Раньше его здесь не было.

Первое, что промелькнуло в мыслях, наверное, какая-то авария большая случилась здесь. Может, погибли не один человек и не два, а много, и вот в память о них установили большой крест, чтобы «на всех хватило».

Мысль-то возникла вовсе не случайно!

В последние десятилетия в современной России, чего в прежние времена не бывало, пошла мода – сооружать на обочинах дорог кресты, увитые венками и лентами, отмечая тем самым трагический уход в мир иной родственников, друзей, знакомых.

По этому поводу я даже написал стихи:

От версты до версты –
Всё венки да кресты,
По стране,
Как по кладбищу, еду.
Ты погиб здесь!
Но кто это – ты?
Безымянны кресты –
Вижу смерти
Победу!

Всё же только что увиденный Крест мало был похож на обычный крест могильный; он отличался от того, конечно, большим размером.

Хотя, когда я приехал в деревню, знакомый сосед не преминул спросить:

– Не знаешь, что там случилось?

– Где? – не понял я.

– У дороги, при выезде из города, – пояснил он. – Там крест большой поставили! Или нашли какое-то древнее захоронение?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Не слышал ничего про аварию или про захоронение.

– Это-то и удивительно! – вздохнул сосед. – Непонятно, откуда он там взялся. Я вчера, когда ехал в деревню, притормозил, вышел из машины и поднялся на бровку посмотреть. Думал, есть надпись какая-то, нет ничего. Так в недоумении и сошёл с бровки.

Мы ещё немного посудачили по этому поводу.

Интересно, если бы далёкие предки могли восстать из праха и услышать наш разговор? Думаю, они от души посмеялись бы над невежеством своих потомков, то есть нас, современных людей. Мы не знали и не хотим знать народных традиций, народных преданий, в том числе и тех, которые напрямую связаны с Православием.

Это же был Поклонный Крест!

Хочу напомнить размышления духовного пастыря, нашего современника. «“Блаженны алчущие и жаждущие правды”, – свидетельствовала Церковь народу русскому. “Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное... Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного” (Мф. 5: 6, 10, 16), – писал Митрополит Иоанн в книге «Русский узел». – Разве не этому свидетельству обязан русский народ тем, что, создав величайшее в мире государство, простирающееся от Атлантики до Тихого океана, он не унизил ни один из встретившихся на его пути народов, пусть самых малых, но всех принял как братьев, покоряя прежде сердца, а не крепости. Евангельское учение Церковь вложила в душу народа как совершеннейший образец, по которому каждый в меру сил должен строить жизнь личную, а все вместе – общественную и государственную. Именно Церковь стала центром святоотеческой государственности – не насилующей народ, не создающей рабства, следящей за духовным возрастанием и нравственным самосовершенствованием каждого. Церковная идея служения легла в основу сословного строя России, основанного на разделении общих обязанностей, а не на иерархии прав, как это было на Западе. Здесь берёт начало весь уклад русской жизни, как бы ни изменялись его формы с течением времени. Православность – непереносимое качество всего русского в его историческом развитии. Понятия “русский” и “православный” слились воедино. Так было, пока Россию не разъединили насильно – с умыслом, злонамеренно и расчётливо. Знали, чтобы убить Россию, начать надо с осквернения души...»

Прошу извинения за обширную цитату, но она была необходима, чтобы лучше понять дальнейший разговор.

Обычай устанавливать Крест вдоль дорог, при въездах и выездах из городов и сёл, возник на Руси с незапамятных времён.

Святоотеческая память сохранила нам отрадное предание.

Когда на берег Днепра пришёл ученик Христа Апостол Андрей Первозванный, то ему полюбилась неизвестная красивая земля, и святой воздвиг на ней Крест, пророчески определив, что здесь будет большой город и укрепится Вера христианская.

Может, так оно и было!

Другое предание гласит, что первый Поклонный Крест на Руси установила княгиня Ольга более тысячи лет назад на горе – близко от Киева. Не исключено, что великая княгиня, прославленная позже Русской Церковью в чине равноапостольной, установкой Креста запечатлела принятие ею крещения в столице Византии – городе Константинополе. Хотя некоторые знатоки русской старины утверждают, что, воздвигая Крест, княгиня Ольга тем самым обозначила символ победы христианства над язычеством.

Из мировой истории известно, что первый Поклонный Крест в виде памятника-символа соорудил в Римской Империи император Константин в честь своей воинской победы. На Кресте была надпись: «Этим спасительным знамением я спас город от ига тирана».

Во всяком случае, этот обычай – установка Поклонного Креста – был принят русским народом и получил широкое распространение по всей огромной территории Святой Руси. Наверное, нет случайности и в том, что стали появляться Кресты, разные по своему предназначению. Одни Кресты предназначались как миссионерские, другие – как навигационные, третьи – как межевые, охранные. Также были и поминальные Кресты. Ещё ставили Кресты для обозначения мест, где были разрушены храмы, церкви, часовни, их называли памятными.

Кресты обычно делали из дерева, реже – из камня и металла.

Наибольшее распространение на Руси получили, конечно, Поклонные Кресты.

Они свидетельствовали о «животворящей силе Креста Господня», об исконной вере Православной, о Кресте как средстве спасения души и обретения Царства Небесного, а также напоминали гору Голгофу под Иерусалимом, где римские воины по приговору еврейского Синедриона совершили казнь – распяли на кресте Богочеловека Иисуса Христа.

В наши дни, когда люди припадают к народным истокам, чтобы обрести их чистоту, оживила и православная традиция воздвижения Поклонных Крестов.

– Проезжая по сёлам и городам южной России, в частности по территории Кубани, я обратил внимание, как много там установлено Поклонных Крестов, – поведал свои впечатления от поездки на юг Константин Симаков. – При въезде и выезде в населённых пунктах, на дорогах, в других местах стоят такие Кресты. А вот у нас на Вологодчине почему-то не принято ставить их. Не знаю даже, чем это объяснить.

Да, это кажется немного странным.

Вологодский край, наверное, единственный в России, который дал Отечеству большое созвездие православных святых – и общецерковных, и местночтимых, более ста подвижников. В их числе такие светочи Веры и благочестия, как преподобные Павел Обнорский, Дмитрий Прилуцкий, Кирилл Белозерский, Нил Сорский, святители Стефан Пермский и епископ Кавказский и Черноморский Игнатий (Брянчанинов) и ещё очень многие.

И, сообразуясь с почитанием их памяти, конечно, хотелось бы видеть и Вологду, и прочие города и сёла, ограждённые Крестами.

Но их нет. Ни при въезде со стороны Москвы, ни при въезде со стороны Архангельска, ни при въезде со стороны Петербурга.

Даже тот единственный Крест, с которого мы и начали разговор, кто-то через некоторое время убрал с обочины дороги.

– Теперь на том месте уже стоит щит с рекламой, – удивлённо воскликнул Симаков. – Неужели непонятно, что и торговля, и вообще всякие дела пойдут хуже, если убрали Крест? Как подумаешь, так становится и грустно, и горько.

Поддерживая чувства собеседника, замечу: такое, с позволения сказать, непочтение к Кресту, происходит, пожалуй, от того, в каком состоянии душа человека, что в ней на первом месте – Божий Крест или реклама и доллар?

Попробуем поискать ответ на этот вопрос чуть позже.

А пока вернёмся к обычаю, о котором ведём речь.

Мой знакомый, давно воцерковлённый, сказал, что не существует каких-то церковных канонов или требований, предписывающих ставить Поклонные Кресты.

– Есть такой крест – хорошо, нет его – ничего страшного, – заключил он.

Так же относился к данной проблеме и бывший правящий архиерей бывшей Вологодской епархии, преобразованной позже в митрополию.

– Если хочешь знать моё мнение, – продолжал знакомый, – считаю, что это – народное волеизлияние. Сами люди пусть решают, где и что ставить, какой крест соорудить и в каком месте.

Да, подобная точка зрения имеет право на существование.

И всё же мне лично трудно согласиться с ней полностью.

Что мы вкладываем в понятие «люди»?

Существующая власть с её огромной армией чиновников – это люди?

Да, конечно!

Наши дети, миллионы школьников, которых усердно не допускают до азов Православия, – это люди?

Да, конечно!

Наши пенсионеры, составляющие большинство действующих церковных приходов, – это люди?

Да, конечно!

Ну и немалое количество так называемых просто обывателей тоже следует отнести к понятию «люди».

Всегда ли между такими категориями людей возникает согласие в решении разных вопросов, в том числе и духовного свойства? Увы, далеко не всегда. Не по этой ли причине установка Поклонного Креста остаётся заботой немногих инициативных воцерковлённых граждан?

Наверное, так!

Кстати, напомним слова из молитвы (тропарь Кресту Господню):

Спаси, Господи, люди Твоя
И благослови достояние Твое,
Победы на сопротивные даруя,
И Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

Возносимые на нашей земле Поклонные Кресты напоминают всякому, кто проходит или проезжает мимо них, о покаянии, о необходимости жить в любви и доброте к ближним, а также прививать детям и внукам азы духовности.

II

Я уже упомянул о состоянии душ наших современников: что в них главенствует? Жажда наживы, следование губительному горбачёвскому призыву «Обогащайтесь кто как может!» или всё же стремление развивать в себе «образ Божий»?

Чем возносится современник?

Долларом, который крутится в его голове, подобно рулетке, и заставляет мыслить о корысти подчинить всё текущее бытие?

Или его сердце широко открыто состраданию, милости, желанию благого поступка на радость ближнему?

Однозначных ответов на такие непростые вопросы, конечно, нет.

Но ясно одно: этим самым главенством, действующим в душе каждого из нас, в итоге определяется уровень развития и всего общества, настоящее и будущее России, её образ перед лицом остального мира.

И здесь, увы, всё далеко не так просто!

Вот уже около тридцати лет в России идут «реформы».

Об их последствиях для русского народа наш известный писатель Валентин Григорьевич Распутин сказал с изрядной долей горечи: «То, что произошло в конце 80-х и в 90-х годах при Ельцине, Чубайсе и Гайдаре, – гораздо большая беда, чем Мамаево побоище. Богатырскую страну разграбили

в считанные годы. Хлебные поля забросили и деревню, можно сказать, уничтожили. Промышленность заглохла, за обладание выгодными предприятиями шла кровавая война.

Народные и природные богатства поделили между собой те, кто вознёсся затем на высоту олигархов. Нравственность и совесть отменили, одно упоминание этих понятий вызывало издевательства. Отменили, в сущности, и Россию, хотя именем её продолжали пользоваться.

Но много ли радости в родном имени, если наполнение его чужое? Чужие нравы и песни, чужое образование и чужие кумиры, русский язык переполнен мусором и грубостями, великая русская литература существует в положении пенсионерки и тихо уходит в тень.

Перечислять все эти перемены (а они везде и всюду), право же, сердца не хватит. Вот такие изменения и произошли, вот такая переоценка ценностей.

Под мощной атакой бесстыдства и беззакония... в условиях беспощадной и жуткой реальности происходит, по-видимому, реформация душ.

Могущество России исходило всегда от её нравственных, духовных и культурных начал. С ними и благодаря им осваивали новые земли, делали танки и ракеты, возвращали таланты, уходили в космос...»¹.

Позиция писателя, пусть с некоторой категоричностью и заострённостью, на мой взгляд, точно отражает суть перемен и передаёт всеобщую тревогу. Ну и далее в своих размышлениях Валентин Распутин обратил внимание ещё и на такое понятие, как «успешность». Ныне она признаётся едва ли не главной оценкой всего и вся. «Поспешать, успех, успешность, даже приспешник – всё это однокоренные слова, слова одного лексического гнезда. Мне в слове “успешность”, – продолжал он, – слышится скорее бесстыдство людей среднего порядка...»².

Согласимся: приверженность успеху возникла не сегодня и не вчера, а очень давно, она стара, как стар и сам мир. Откроем наугад сочинения какого-нибудь древнего философа, например Луция Сенеки, его известные «Нравственные письма к Луцилию». Поэт, прозаик и мыслитель Древнего Рима предостерегал и своего друга, и всех жителей обширной Империи от излишнего увлечения успехом в чём-либо.

Самым большим богатством Луций Сенека считал время: «Сам убедись в том, что я пишу правду: часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Поступай же так, мой Луцилий, как ты мне пишешь: не упускай ни часу. Не то, пока будешь откладывать, вся жизнь и промчится. Всё у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше»³.

Нет ничего плохого в том, если кто-то стремится достичь успеха в избранном деле, в творчестве, в мастерстве. Думаю, такой успех будет только на пользу и самому человеку, и всему обществу.

Но известный русский писатель Валентин Распутин и римский философ Сенека имели в виду, наверное, другой успех, тот, что затмевает в личности всё остальное. И особенно такой успех, которым человек безмерно хвалится, возносится и превозносится.

Чем возносится современник?

Успехом в богатстве – роскошью, недвижимостью, финансами!

Даже появилась поговорка: «Скажи мне, сколько у него на счёте, и я скажу, кто он!»

Проще говоря, целью существования человека «элита» общества провозглашает «наживание денег» любыми способами и любыми путями.

А так ли это? В том ли смысл жизни?

Мы уже касались раньше данной проблемы и отмечали, что подобные «ценностные ориентиры» уводят современника от народных традиций, в том числе и от традиций Православия, к которым надо бы возвращаться; опустошают его внутренний мир, порождают жестокость и цинизм.

Несмотря на такую очевидность, у нас продолжают похвальбу «успехом в богатстве».

Она проявляется в разных местах и на разных уровнях.

В частности, многих жителей России шокировал такой эпизод.

В Москве, накануне новогоднего праздника, сам «отец российской приватизации» и по совместительству «великий электрофикатор», а ныне «выдающийся учёный» в области нанотехнологий

¹ Распутин Валентин. Мужайся, стой, крепись и одолей! // Советская Россия. 2016. 12 марта.

² Там же.

³ Луций Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. М.: Художественная литература, 1986.

А. Чубайс на вечеринке наносоудников заявил, что у него денег много, очень много, и он не знает, куда их девать. Наверное, Чубайс носит домой зарплату в мешках. Такой вот он «успешный менеджер». Что же столь великого совершил этот самый Чубайс, какие сделал открытия, за которые получил «денег много, очень много»? Главное его «открытие» – воровская приватизация, ограбление большей части населения Россия, ввержение в нищету миллионов и миллионов, а также пресловутые «нанотехнологии», о пользе которых мало кто знает.

А ведь Чубайс – не частный предприниматель, он – государственный руководитель, олицетворяющий существующую государственную систему.

Не трудно себе представить, какие чувства испытал от признания Чубайса лесоруб где-нибудь в архангельской глубинке или вологодский крестьянин, не знающий как свести концы с концами в своём хозяйстве. Также не исключая, что они просто пожалели «наноначальника» как человека, у которого не всё в порядке с душевной психикой. Не зря тот же древний философ Сенека говорил: «Беден не тот, у кого мало что есть, а тот, кто хочет иметь больше».

А Чубайс, вне сомнения, «хочет иметь больше».

Или как не вспомнить о «великом» юбилее – 50-летию со дня рождения руководителя государственной корпорации «Уралвагонзавод», который расположен в городе Нижний Тагил Свердловской области. Олег Сиенко, юбиляр, собрал в торговом центре «Европейский» в Москве 400 гостей. Публику веселили, смешили, забавляли, перед нею отплясывали и пели так называемые популярные исполнители – Алсу, Игорь Крутой, Анита Цой, Владимир Кузьмин и ещё некоторые «звёзды». За каждое выступление г-н Сиенко отвалил артистам по отдельности не меньше одного миллиона рублей. Столь же щедро одарил он и услуги команды режиссёров и операторов – выложил двести тысяч рублей.

На громкой вечеринке в столице угощение одного гостя обошлось примерно в восемь тысяч рублей.

Уму непостижимо, как можно съесть за вечер и выпить спиртного на такую сумму!

На сумму, которая почти дотягивает до средней пенсии среднего пенсионера в России!

Всего же юбиляр потратил в тот вечер на проведение личного праздника более 10 миллионов рублей¹.

Народная мудрость предостерегает нас, чтобы мы не считали деньги в «чужом кармане». Да, большинство населения и не считает, потому что просто не знает, какие суммы и откуда получают представители олигархата, это их «коммерческая тайна». Но когда олигархи нагло и беззастенчиво демонстрируют, подобно Чубайсу и Сиенко, своё неопишное богатство, то, конечно, людского осуждения, людского возмущения не избежать.

Здесь мы видим опять похвальбу богатством!

Что же выдающегося совершил упомянутый директор?

Может, он построил на личные средства «Уралвагонзавод»?

Нет, не построил. Одно из крупнейших в Европе предприятий возвели в середине прошлого века, ещё до начала Великой Отечественной войны, трудящиеся Советского Союза. К созданию уникального завода щедрый господин Сиенко не имел никакого отношения.

Может, он сделал какое-то яркое техническое открытие?

Тоже нет.

«Заслуга» юбиляра состоит в том, что только в течение одного 2015 года из госказны, то есть из бюджета РФ, заводу выделили 37 миллиардов рублей.

Для сравнения: эта сумма превышает годовой бюджет всей Вологодской области пятилетней давности.

Почему бы и не загулять, имея столько денег?

Накануне юбилея директора в самом Нижнем Тагиле прошёл митинг трудящихся «Уралвагонзавода». Они возмущались задержкой зарплаты, готовящимся сокращением рабочих мест. А губернатор Свердловской области направил Сиенко письмо, где благодарил «за проявленное милосердие и чуткое отношение к людям, нуждающимся в помощи».

Иногда, как это ни странно, и само государство уподобляется «юбиляру» из Нижнего Тагила, который не считает деньги у себя в кармане. Всем известно, что реальному сектору экономики крайне не хватает средств на развитие: обновление оборудования и технологий, ввод в строй но-

¹ Глава Уралвагонзавода закатил банкет на 10 млн руб. // Сайт Lifenews, 19.02.2016.

вых мощностей, организацию сбыта продукции. Если на эти цели брать кредиты в банках, то промышленникам устанавливают грабительские ставки – до 18–20%. Хотя тот же Сбербанк в своих филиалах, которые он имеет за границей, в частности в Венгрии и Польше, предоставляет кредиты по ставкам от 3 до 6%. Разница в ставках, как видим, существенная!

Чем же русский предприниматель хуже польского или венгерского? В чём он провинился перед Сбербанком?

Ни разу я не слышал и не читал какие-либо объяснения по этому поводу руководителя Сбербанка, птенца «ельцинского гнезда» и друга главы государства г-на Грефа. Он, как и директор завода с Урала, за чужой счёт готов облагодетельствовать иностранцев, а для своих граждан, кто хочет поднять экономику, держит «фигу в кармане».

Или вот как ведёт себя государство на фоне «хронического денежного голода», который испытывает реальный сектор экономики. «Россия по-прежнему вместо инвестирования в свою промышленность и своё сельское хозяйство (напрочь, наверное, забыв про импортозамещение) продолжает ежемесячно увеличивать объёмы своих средств, вкладывая их в ценные бумаги правительства США, – отмечала в одной из своих публикаций Наталья Еремейцева, депутат Московской областной Думы. – Так, например, только за последние два месяца 2015 года из российского бюджета фактически в помощь американской экономике было направлено более 10 миллиардов долларов.

В ноябре 2015 года ЦБ РФ приобрёл американских казначейских бумаг на 6 миллиардов долларов, в декабре – на 4,1 миллиарда долларов. Что в сумме составило более 10 миллиардов долларов. Это столько же, сколько запланировано на поддержку российской экономики на весь 2016 год.

И это на 50% больше, чем запланировано на всё российское здравоохранение – 516 миллиардов рублей. Вот так, оказывается, Россия противостоит США на самом деле.

При этом всякие разговоры и обещания типа “сейчас мы возьмёмся, наладим своё производство и всё импортозаместим”, оказались очень далеки от реальности»¹⁵.

В приведённом отрывке из размышлений депутата тоже не трудно увидеть одно из проявлений похвальбы, это проявление и не скрывают. Вот, мол, какая Россия богатая – завалим всю Америку деньгами! Так, наверное, считает руководство страны, перекачивая средства в чужую страну.

Чем же оно возносится, это самое руководство? Долларом, и опять же – долларом!

Эпизоды, которые я привёл, а подобные им можно ещё долго перечислять, не были нацелены на то, чтобы мне самому выглядеть в роли эдакого «праведного судьи»: дескать, богатенькие-то мужики плохие, а мы-то, рядовые граждане, очень хорошие. Нет, конечно! Такой цели я не ставил. Судья у нас один – Господь Бог! Оценку наших дел и поступков возложим на Него.

Нам важно было проследить определённую общественную тенденцию, существующую и преобладающую на нечто «новое».

III

Хочу напомнить известное изречение из Священного Писания, которое утверждает, что не хлебом единым будет жив человек, но и всяким глаголом, исходящим из уст Божьих. То есть существование человека невозможно без духовной составляющей, иначе оно тускнеет, теряет своё значение и всякий смысл.

Упование только лишь на материальное и вещественное, только лишь на «потребности утробы» искажает душу и сердце, приводит их в состояние «окаменелости». О том же свидетельствовали многие святые Русской Православной церкви. Их свидетельства не потеряли своей остроты и практической пользы до сих пор. О том же самом сказал в одном из своих выступлений патриарх Московский и всея Руси Алексей II: «При всей греховности нашей мы знаем, что Милосердный Господь через нас, немощных, совершает Свою Силу».

Если бы все люди в стране, подобно упомянутому юбиляру, возносились стяжательством и стремились только к нему, то мы бы как народ, как нация давно истаяли, иссякли, выражаясь по-иностранному, деградировали. Но, слава богу, повсеместно этого пока не происходит. Хотя в верхних эшелонах власти разложение, вызванное стяжанием и корыстью, видно невооружённым глазом, чего

¹ Еремейцева Н. Не всё так просто, как иногда кажется // Советская Россия. 2016. 17 марта.

стоят скандалы с крупным взяточничеством бывших министров – обороны и развития. Коррупция, будто раковая опухоль, поразившая чиновничество, не коснулась той части общества, которая честно живёт и работает, насколько это возможно делать в государстве, охваченном криминальной лихорадкой, её всячески подогревают СМИ. Подогрев этот не всегда удаётся.

Причина, пожалуй, как раз и заключена в том, что миллионы русских людей, в отличие от кучки «олигархов», обращённых в «новую элиту», хотят восстановить и сберечь в себе «образ Божий». Они стремятся идти в своей судьбе «царским путём», то есть путём сохранения Православной веры, желают проявлять в повседневности душевные качества – милосердие, доброту, сочувствие, жертвенность.

Такие людские порывы укрепляют надежду на то, что наше общество всё равно придёт к своим истокам, к прерванным народным традициям, хотя для того потребует проявить изрядную силу воли, преодолеть всякие преграды, быть мужественным и последовательным.

Когда я думаю об этом, в моей памяти всплывают многие разные эпизоды, детали, подробности, подтверждающие, что такое движение в обществе есть.

По утрам к проходной хлебокомбината в Вологде приходят люди из ночлежки, просто бродяги, или те, кому на сегодняшний день не на что купить хлеба. И каждый из них, на какой бы степени «падения» ни находился, здесь, у ворот комбината, получает тёплые буханки и булки, иногда – баранки и пряники. Директора этого предприятия никто не заставляет и не обязывает так поступать. Но Владимир Малек поступает так, потому что знает: помимо государства есть ещё Господь Бог!

А некоторые руководители магазинов, особенно крупных торговых сетей, вывозят продукты, срок которых истекает, на свалку. Ну, выставьте на продажу накануне, понизьте цену, сделайте благо людям, а не отвозите на свалку. Нет, не хотят: попечение о прибыли берёт у них верх над всем остальным. Мой знакомый, закончив госслужбу, вышел на пенсию и уехал в родную деревню на берегу Кубенского озера. Там, недалеко от родительской избы, уже не одно десятилетие сиротливо стоял полуразрушенный храм, с укором напоминая о былых временах, когда Кубеноозерье густо «цвело» деревнями, сёлами, где кипела весёлая крестьянская жизнь. И ему в голову пришла мысль: «Надо бы восстановить храм!» Легко подумать, а сделать-то не так просто! Как, с чего начать, где взять средства? Эти вопросы, конечно, важные, но всё-таки не главные, поскольку главным было доброе движение сердца, оно и определяло всё.

Вскоре у знакомого нашлись помощники, которые разделили его заботы. Вместе зарегистрировали церковную общину, стали собирать сведения об истории храма, отыскиались и добрые люди, которые выделили первоначальные средства на восстановление церкви.

И такое происходило и происходит не только на земле Кубеноозерья, в других пределах Вологодчины, но и по всей необъятной России. Люди потянулись к тому, что прежде было под запретом. «Ныне, отрекаясь от грехов прошлого, мы должны понять: благие цели должны достигаться достойными средствами, – напоминал митрополит Иоанн. – Созидая и обновляя жизнь народа, нельзя идти по пути беззакония и безнравственности. Совершая любое дело, нельзя приносить в жертву человеческую жизнь и свободу, чьё-либо доброе имя, нравственные нормы и нормы закона...»

– Да, и я тоже хорошо помню эту волну общественной активности, её можно назвать пробуждением христианской сознательности у народа, – вспомнил Константин Симаков. – Тогда у нас в самом Грязовце и в районе, да и в других районах одновременно и приводили в порядок, то есть реставрировали, заброшенные храмы, и строили новые церкви. И, понятное дело, обращались за помощью к нам. И я, в общем-то, никому не отказывал. Кому-то мы выделяли технику и механизмы, кому-то – строительные материалы и рабочих, кому-то – финансовые средства. Если давать оценку с позиций нынешнего дня, то мы многое успели сделать. Хотя, исходя из возможностей предприятия, поступали иногда по принципу: всем сёстрам – по серьгам. И со стороны казалось, что благотворительная помощь, творимая потихоньку для всех, как-то не очень заметна. На самом деле, когда сложишь всё вместе, то получается достаточно внушительный результат.

Перечислять с бухгалтерской точностью благие поступки, считаю, не имеет смысла, да и утомительно это. А вот назвать некоторые из них, наиболее характерные, раскрывающие общественную тенденцию, просто необходимо. В частности, руководитель КС-17 принял живое участие в возрождении Свято-Троицкого Павло-Обнорского монастыря, который расположен в живописном уединённом месте неподалёку от города Грязовца, в стороне от федеральной трассы Архангельск – Москва.

В судьбе России, в истории Русской Православной церкви названная обитель оставила яркий след, отсюда вышло немало истинных подвижников благочестия. Не так давно, 8 июня 2014 года, священнослужители и многочисленные гости отмечали 600 лет со дня основания монастыря. Это был радостный, замечательный духовный праздник с Крестным ходом вокруг обители. На торжествах я встретил и Константина Симакова.

Поскольку далеко не все читатели, даже живущие в соседних с обителью районах, знают подробности её возникновения и существования, то, думаю, уместно кратко упомянуть о них.

Чтобы почувствовать всю притягательную силу Павловой обители, надо здесь, конечно, побывать. Яркие духовные впечатления останутся надолго. И само место, где расположился монастырь, удивительное – под крутой горой на берегу лесной речки Нурмы, и святая личность её основателя. К юбилею вышла небольшая книга, где бывший архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан отмечал: «У нас в России есть своя Фиваида, Северная, древняя Вологодская земля. Сюда, в глушь дремучих лесов, в поисках суровых подвигов уединения и безмолвия в Средние века устремилось множество подвижников благочестия. Одним из них был ученик преподобного Сергия Радонежского преподобный Павел Обнорский, просиявший в сонме вологодских святых. История Свято-Троицкого Павло-Обнорского монастыря ведёт свой отсчёт с 1414 года, когда преподобный Павел получил благословение митрополита Фотия на основание обители, явившей миру немало подвижников».

О духовных подвигах преподобного Павла рассказано в его житии, многие из них поражают воображение современного человека. Так, придя в глухой, труднопроходимый Комельский лес, он несколько лет прожил в большом дупле старой огромной липы. Часть этого дупла представлена теперь в качестве реликвии в действующем храме. В дупле подвижник смиренно переносил и холод и зной.

По-своему была примечательна встреча старца Павла с митрополитом Фотием в Москве. В возрасте почти 70 лет отшельник Павел отправился в столицу просить разрешения на строительство храма. Ему предстоял разговор с митрополитом в Москве. Сам Фотий по рождению был грек из города Монемазия в Пелопоннесе, в 1408 году он был призван на Русь и временно замещал Русскую церковную кафедру, тогда она относилась к духовным властям в Константинополе.

Когда в своих покоях митрополит увидел пустытника из Комельского леса – в ветхом рубище, с утомлённым от долгого пути лицом, смиренного и покорного, то не поверил его рассказу о чудесном видении в лесу. А видение его было таким: на противоположном берегу Нурмы – от того места, где стояла хижина подвижника, он слышал звон колоколов, не раз наблюдал дивный Божественный свет, о котором невозможно рассказать словами. Вот об этих чудесах, имевших место быть в Комельском лесу, и поведал странник первостепенному Владыке. Но Фотий, далёкий от простой жизни русских северных отшельников, не поверил Павлу, поэтому и отказал в его просьбе – разрешить построить монастырь на том месте, где ему было явлено чудо.

В ту же ночь в тонком сне митрополит Фотий услышал голос: «Для чего ты унижил смиренного отшельника? Это избранник Божий! Дело, в начинании которого он просит твоего разрешения, – есть дело, указанное ему свыше. Оскорбив его, ты оскорбил самого Господа. Поспеш, найди старца и исполни всё по его прошению»¹.

Фотий проснулся от страха и едва дождался рассвета. Его слуги с трудом отыскивали старца. Он стоял на молитве в одном из монастырей Москвы.

Митрополит повинился перед блаженным, дал ему Грамоту, а также обильные средства на начало стройки. Кстати, этот редкий документ «Благословение митрополита Фотия» приводится в упомянутом издании.

Так, на берегу Нурмы, в тихом уединённом месте, стали возводить храм во имя Святой и Живоначальной Троицы, который и положил начало монастырю. В возведении храма активно участвовал и сам Павел, несмотря на свой почтенный возраст, а затем он стал руководителем братии. Преподобный прожил долгую жизнь – 112 лет.

Уже позднее иконостас главного храма в обители расписывал знаменитый русский иконописец Дионисий. Сохранились три иконы его кисти. В настоящее время одна из них находится в Третьяковской галерее в Москве, другая – в Государственном Русском музее в Петербурге, а третья – в музее Вологодского Кремля.

¹ Стрельникова Е. Житие преподобного Павла Обнорского чудотворца. Вологда, 2008.

В дореволюционной России Павло-Обнорский монастырь был широко известен. Тому в немалой степени способствовало внимание первых лиц государства. Так, с обителью связана судьба первого русского царя Ивана Васильевича IV (Грозного). Его отец Василий III приезжал в обитель в 1528 году со своей второй супругой Еленой Глинской, оба усердно помолились о чадородии; великий князь повелел и монахам «молиться о чадородии» царицы-княгини. Спустя два года после посещения Павлова монастыря у правящего князя родился сын, которого и назвали Иваном. Достигнув юношеского возраста, он сам посетил обитель на берегу Нурмы, а также и другие места, где его отец молил Бога о даровании наследника престола.

Как и большая часть обителей на Руси, Павлов монастырь являлся не только духовным, но и культурным и хозяйственным центром. Здесь существовала своя школа иконописцев. Одновременно всякий монастырь имел особенности, применительно к Павловой обители о них хорошо написал друг поэта Фёдора Тютчева, популярный в своё время духовный писатель Андрей Муравьёв: «Самая обитель носила на себе отпечаток пустынный. Нельзя было избрать места лучше для уединённого жительства; оно и сейчас ещё дико, хотя и населено. Что же было в то время, когда ещё тут ничего не стояло, кроме пустынной хижины отшельника. Никого не встретил я в пустынной ограде, как будто не было там и души человеческой, и эта мертвенная тишина соответствовала понятию пустынной обители...»

Больше века минуло с той поры, когда здесь побывал Александр Николаевич Муравьёв. И вот что удивительно. Определяющая черта монастыря – уединённость – осталась. Наверное, сохранилась она по Промыслу Божьему. В 1924 году, как раз в дни Великого поста, Павлову обитель закрыли, а многих насельников подвергли гонениям.

– Да, лихолетья последнего столетия нанесли святой обители весьма болезненный удар, – рассказал игумен Амфилохий. – Её почти разрушили. Надругались над святынями, не пощадили даже мёртвых. И кто? Собственный заблудший народ, не ведающий, что творит. Правда, разорение внешнее никак не смогло отразиться на внутреннем духовном качестве обители. Лично свидетельствую: полуразрушенная, заваленная мусором и нечистотами (такой её вернули Русской Православной церкви), обитель источала ту же благодать, как и в прошлых столетиях. Благодаря этому до невероятности увеличивались как физические, так и духовные силы, хотелось как можно скорее очистить святыню от нечистот.

Сам игумен – грязовчанин, родился в деревне Нефёдово. Работал на Крайнем Севере в разных подразделениях Газпрома. А позже, когда вернулся оттуда на малую родину, связал свою судьбу с Православием. Он прошёл школу Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря. Сюда, на берег Нурмы, подвижник поступил в 2000 году, когда в запущенных помещениях бывшей обители организовали подворье Прилуцкого монастыря. Затем здесь открыли обитель и решением Синода монаха из Прилука назначили наместником. «Тяжело было начинать с разрухи», – вспоминал игумен Амфилохий. Да и теперь трудностей хватает. Но плоды усилий игумена и братии налицо, это видит каждый, кто приезжает в монастырь.

Древняя обитель ожила, везде заметны добрые перемены.

Делясь впечатлениями о празднике – 600-летию Павло-Обнорского монастыря, Константин Павлович вспомнил и о своём участии в большом деле её возрождения.

– Ну как было не помочь игумену? – сказал Симаков. – Свой он, работал в нашей системе, да и человек славный.

– А в чём выражалась ваша поддержка?

– Мы с самого начала её оказывали, – продолжал собеседник. – Поставили людей, что называется, на довольствие. Помогали спецодеждой – сапоги, тёплые куртки; инструментом, разными материалами. Одним словом, откликались на их просьбы, конечно, учитывая наши возможности. Они, кстати, тоже не безграничны. Но на первом этапе, на мой взгляд, крепко поддерживали Амфилохия. Ещё оказывали содействие в благоустройстве территории, выкопали большой пруд.

Признание игумена в том, что хотелось как можно быстрее «очистить святыню от нечистот» достойно уважения. Теперь обитель обрела прежнюю чистоту. Не случайно на богослужения сюда приезжают верующие отовсюду.

– Очень сожалею, – признался руководитель, – но такого же отца Амфилохия, как в селе Юношеском (так называется поселение, где расположен Павлов монастырь), не нашлось на

Комельскую обитель. А очень хотелось тоже сохранить её для нынешних людей и для последующих поколений.

О какой утрате идёт речь?

Сверкая куполами и крестами, обитель Корнилия Комельского, обнесённая стенами и башнями, стояла неподалёку от большой дороги, ведущей из Ярославля в Грязовец и Вологду. Её основание относят к концу XV – началу XVI века. Сам подвижник Корнилий, выходец из богатой семьи, начал подвизаться с 12 лет в обители Белозерской. Позже он проходил учение у знаменитого архиепископа Геннадия, правящего архиерея в Великом Новгороде, того, который открыто обличал «ересь жидовствующих».

Корнилий посещал Москву, пребывал какое-то время в Савватьевой пустыни в Тверских пределах – одним словом, прошёл сложный духовный путь, прежде чем удалился на Север и обосновался в Комельском лесу.

Здесь он с помощью братии, будучи уже в почтенном возрасте – 60 лет, соорудил деревянную церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, чем и положил начало монастырю.

Увы, до нашего времени обитель, славившаяся благолепием и красотой, не сохранилась в достойном виде. Но всё-таки кое-что от неё уцелело, и это уцелевшее ещё можно было как-то спасти. По крайней мере, спасти для того, чтобы попытаться восстановить монастырь на этих самых руинах.

– Однажды мы встретились – архиепископ Максимилиан, главный врач областной психиатрической больницы Александр Куцентов и я – как раз там, у бывшего Комельского монастыря, – вспоминал Константин Павлович. – Ну, почему архиерей – понятно. У главного врача здесь был филиал лечебницы. Я тоже проявил заинтересованность в сохранении остатков святыни. Тогда ещё стояли какие-то здания, ещё в неплохом состоянии была поварская. И мы обговорили предполагаемые совместные действия. Но мы, что называется, опоздали. Пока стояла охрана, сторожившая филиал лечебницы, был какой-то относительный порядок. Когда охрану удалили, то пошла растащиловка – кто бревно унёс, кто кирпич. В общем, не получилось так, как мы хотели.

Да, и такое, к сожалению, бывает. Благотворители, увы, тоже не всемогущие люди, иногда что-то задуманное ими не удаётся осуществить.

Но ещё два удачных эпизода хочу упомянуть.

В те же годы при въезде в село Комья – центральную усадьбу крупного хозяйства «Аврора» – строили новый храм в честь чудотворца, святителя Николая, архиепископа Мирликийского, столь любимого у нас на Руси. Инициатором выступал тогдашний губернатор и бывший руководитель «Авроры» Николай Подгорнов. Когда стройку закончили, он попросил Симакова газифицировать новый храм. Константин Павлович откликнулся на его просьбу. Работ, связанных с обустройством храма, оказалось довольно много. Пришлось тянуть сюда нитку газопровода, делать «прокол» под автомобильной дорогой. В самом храме бригада с КС-17 установила газовый котёл, выполнила необходимую обвязку труб, другие виды работ.

Всё это, разумеется, на благотворительной основе.

Такую же помощь оказали газовики и храму в деревне Уткино Вологодского района.

– Вообще-то, участие газовиков в возрождении православных святынь на Вологодской земле началось давно, ещё в 90-е годы прошлого века, когда о тяге к духовным ценностям мало кто задумывался – в стране бушевал политический и экономический кризис, – заметил собеседник, – было не до храмов, но мы уже тогда обратили внимание на них.

Об этом следует рассказать отдельно.

IV

«Мы с тобой два берега у одной реки» – это слова из эстрадной песенки, когда-то очень популярной в Советском Союзе. Её исполняли артисты со сцены и по радио, её распевали в дружеских застольях.

Точно так же можно обозначить Отечество и Русскую Православную церковь – это два берега одной большой реки по имени История. Многие её события неразрывно связаны между собой поступками и деяниями людскими, особенно когда дело шло о сохранении Отечества, отстаивании его свободы и независимости. Так, в канун великого побоища на поле Куликовом князь Дмитрий Донской

приехал к монаху Сергию Радонежскому и взял благословение святого на защиту Отечества. Или вспомним, отдавая дань благодарности, блестящего полководца Михаила Илларионовича Кутузова. Когда войска Наполеона побежали из Москвы, командующий русской армией молился перед иконой Богородицы: «Слава тебе, Господи, Россия спасена!» Без молитвы не начинал какое-либо сражение великий русский полководец генералиссимус Александр Васильевич Суворов. Из 62 битв, проведённых под его началом, он не проиграл ни одной.

Естественно, что какие-то гражданские события находили отражение в бытописании Церкви. Так, в память о победе русского народа в Отечественной войне 1812 года построили храм в селе Раменье Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Он был освящён в честь Богоявления. Храм уцелел в бурях богоборчества, гремевших над страной в начале прошлого века. Уцелел храм и продолжал существовать в изначальном своём предназначении – здесь вёл службы отец Алексей. Однако и само здание, и подсобные помещения требовали ремонта. Тогда священник обратился за поддержкой к газетчикам и нашёл у них понимание.

– Да, это был наш первый храм, которому мы стали помогать, – вспоминал Константин Павлович.

– В чём это выражалось?

– Там набралось немало всяких работ, – продолжал собеседник. – Когда мы пришли, то увидели, что в храме надо менять полы. Поменяли. Стены и купол находились в запущенном виде – покрасили их. Ещё поменяли рамы на окнах. Тогда ведь как было? На благотворительность никаких средств не выделяли. Самим приходилось изыскивать всё это «из резервов». Ну а зато какое радостное настроение было у служителя и прихожан, когда мы закончили ремонт. Мы тоже радовались. И после окончания ремонта мы с этим храмом не порывали взаимоотношения. Сюда привозили многих рабочих, которые принимали в храме Святое Крещение.

Так началась эта, незаметная для постороннего взгляда, очень важная работа по возрождению традиций Православия на Вологодчине. В её орбиту, вольно или невольно, втягивались многие, кто в силу служебных обязанностей, кто из чувства интереса, кто в силу душевных движений. Считаю своим долгом рассказать об одной такой подвижнице.

– Что-то мне боязно идти туда, – призналась Зинаида Петровна и участливо взглянула на главу сельсовета. – Вдруг не так поймут?

– Не надо бояться, – успокоила её Надежда Острякова. – Я сама, когда первый раз пошла на компрессорную станцию, оробела немного. Меня спросили: «Вы что хотели бы?» Я ответила: «Мне нужна труба!» Начальник опять задал вопрос: «А какая труба? Есть трубы чугунные, есть стальные, есть большого диаметра, есть маленького. Вам-то какая труба нужна?» – «Даже не знаю, какая именно, но вот у нас прохудилась труба и надо её менять». – И начальник заверил: «Хорошо, заменим!» – продолжала она. – И слово своё сдержал – старую трубу заменили на новую. Так наша Ростилловская округа стала сотрудничать с Симаковым Константином Павловичем. И вот уже много лет у нас добрые отношения, и с какой бы просьбой мы ни обратились, всегда находили отклик. Так что, думаю, и в вашем деле, Зинаида Петровна, не будет отказа.

– Дай-то бог! – кивнула Исправникова. – Очень хотелось бы, чтобы задуманное сбылось.

Примерно такой разговор происходил у главы администрации Ростилловского округа Надежды Геннадьевны Остряковой. Правда, тогда это был ещё сельсовет, а не округ, но территория имела та же, что и теперь, и населённые пункты – те же. К ней за участием и советом приехала жительница деревни Спас-Нурма Зинаида Петровна Исправникова, отработавшая многие годы сельской учительницей, недавно вышедшая на пенсию.

Необычные обстоятельства, совсем не личного плана, привели её к Надежде Геннадьевне. Множество раз за свою деревенскую жизнь проходила Зинаида Петровна мимо пустующего храма, когда-то мощного, в два яруса, величавого, будто огромный морской корабль. И не раз её сердце сжималось от боли за поруганную святыню – оставленную, забытую, будто в такой беде была и её вина; и ей хотелось хоть чем-то помочь храму.

Однажды, это было связано с печальным событием, на отпевание жителя деревни приехал священник Алексей Бриленков, известный в Грязовецком районе церковнослужитель. После совершения обряда и проводов в последний путь Алексей Николаевич разговорился с деревенскими жителями. И как-то само собой получилось, в этой беседе священник посоветовал деревенским людям взяться всем миром за восстановление храма. И они восприняли его совет как благословение на доброе дело.

Тем более что речь шла не просто о какой-то рядовой сельской церкви, а о большом храме, основанном в Средневековье преподобным Сергием Нуромским, подвижником, причисленным после его кончины Русской Православной церковью к лику святых. Сергей Нуромский пришёл в глухомань Комельского леса ещё раньше Павла Обнорского. А после того, как они познакомились и подружились, был наставником и духовником Павла Обнорского.

Церковь называлась Спасо-Сергиевой.

Зная Зинаиду Петровну, её общительный характер, её твёрдость и настойчивость, когда решали какие-то общедеревенские дела, жители попросили её возглавить церковную общину, то есть быть старостой.

И она согласилась.

И вместе с единомышленниками прикидывала, с чего и как начать возрождение храма. А начинать надо было с самого элементарного – в храме не было полов, дверей, окна разбиты.

Жители и члены краеведческого клуба «Истоки» начали собирать материалы о храме и его создателе.

Пока вместе с Надеждой Остряковой ехали в промышленную зону, Исправникова обдумывала предстоящий разговор.

Ей непременно хотелось привлечь внимание руководителя к личности святого, к месту, где он совершал духовные подвиги.

Он был греком по национальности, а посвящение в монахи принял на знаменитой горе Афон, в одной из его обителей. Каким образом и почему новоначальный инок оказался в Русской земле, неизвестно, но предание сохранило такую подробность. Оказавшись в чужой стране, монах добрался до обители святого Сергия Радонежского и пребывал в ней, постигая науку общения с Богом. Очевидно, по благословению игумена Русской земли Сергей отправился на Север. В Комельском лесу, близко от реки Нурмы, он облюбовал красивый сосновый бор, стоящий на возвышенности, и здесь обозначил своё местопребывание. Здесь он пребывал в подвиге безмолвия.

Когда стали собираться те, кто разделял его духовные устремления, Сергей вместе с ними построил деревянную церковь во имя Происхождения Честных древ Креста Господня. Это было, по преданиям, около 1389 года.

В этой церкви, после кончины святого в октябре 1413 года, и были преданы земле его мощи.

Уже позже настоятель обители Матфей построил церковь Рождества Христова. Из этих двух храмов и сложился Нуромский Спасо-Преображенский мужской монастырь, основателем которого считается Сергей Нуромский. Много случаев разнообразных чудес происходило у раки с мощами святого по усердным молитвам к нему.

Об этом и ещё много о чём и хотела поведать Исправникова начальнику.

Может, ей пришло на память и стихотворение «Крест» известного вологодского поэта Александра Романова.

В тоске безбожья и бесправья,
Угрюмо завершая век,
О Боге вспомнил, умирая,
Осатаневший человек.
И он растерян и нем,
Перепустив моторный гул,
Во всепрощающее небо,
Как в купол вечности, взглянул.
И брызнул свет над всей округой,
И человек, в грехах скорбя,
Крест сотворил щепотью грубой
И утратил сам себя.

– Да, я её хорошо запомнил, – делился Симаков. – Она была старостой храма, была очень активной, осталась в памяти и первая встреча с нею.

Очень внимательно выслушал Константин Павлович всё, что наболело на душе у Зинаиды Петровны.

Нужно учитывать, что в те годы ещё не существовало такого понятия, как благотворительность, не было в сметах подобной строчки расходов.

И всё же начальник проникся проблемами церковной общины.

– Хорошо, – согласился он. – Давайте доедем до места, посмотрим, что там и как, и будем решать. И они поехали.

Сама Спасо-Сергиева церковь понравилась Симакову. Но запустение в ней было, конечно, угнетающее.

Не откладывая в долгий ящик, Константин Павлович стал помогать церковной общине.

На свой страх и риск раздобыл пиломатериалы, краски, отправил в деревню Спас-Нурму бригаду рабочих.

Они довольно быстро настелили полы в одном из приделов храма; побелили купол и стены, выполнили и другие необходимые работы.

Это были самые первые шаги по восстановлению заброшенного храма.

Одновременно Зинаида Петровна и её единомышленники привлекали других благотворителей, собирали всё, что необходимо для богослужения.

И вот настал этот знаменательный день.

70 лет «молчал» древний храм.

А 20 октября 1994 года в одном из приделов, который отремонтировали и привели в порядок, были зажжены свечи, зазвучали молитвы, раздалось чудное хоровое пение – началась Божественная Литургия.

Её провёл протоирей Алексей Бриленков.

Сама Зинаида Петровна, председатель приходского совета, выразила благодарность тем, кто приблизил столь счастливый день. Это, кроме газовиков, были председатель хозяйства «Ростиловский» А. И. Котов, начальник строительной организации АПСП-4 Г. Я. Пак, многие прихожане, внёсшие добровольные пожертвования, – работник Заемского медпункта Тамара Белова, жительница Грязовца Тамара Поверганова, пенсионерка Августа Левинова – всех и не перечислишь.

Ну, и позже, когда храм стал действующим, газовики не прервали своего участия в его восстановлении.

– К сожалению, после ухода из жизни Зинаиды Петровны инициатива жителей деревни как-то ослабла, – сетовал Константин Павлович. – По этой причине и по некоторым другим причинам серьёзные работы по реставрации храма были остановлены. Но я не теряю надежды, что ещё найдутся люди, подобные Исправниковой, и доведут дело до логического конца.

V

Не знаю, было ли такое в иные эпохи, но в наше время очень часто созидательная или благотворительная деятельность вызывает в некоторых людях осуждение, ожесточение, глумление и прочие отрицательные чувства и эмоции. Вместо того чтобы радоваться постройке удобного дома, вводу в строй уникального цеха, окончанию реставрации храма или ещё какому-то доброму делу, они злобствуют, начинают выискивать «недостатки» и кричать о них на всех перекрёстках. Нечто похожее испытал и Константин Павлович Симаков.

Он только что вернулся в свой кабинет со стройки первого в России храма в честь Святителя Игнатия (Брянчанинова) (об этом мы подробнее расскажем в дальнейшем повествовании), и тут руководителя ожидала несколько необычная новость, призванная испортить ему настроение.

Она не имела прямого отношения к стройке, к производству или благотворительным делам, но всё же задевала за живое. Дело в следующем. Литературно-художественный журнал «Знамя», который издаётся в Москве, опубликовал очерк «Жизнь под газом» (№ 3, 2009), посвящённый земле грязовецкой. Автор попытался представить «вид этой земли», якобы с самой высоты газокompрессорной станции, чем он и наносил «основной удар» по коллективу, которым Симаков руководил третье десятилетие. Правда, так называемый писатель не обозначил фамилию начальника, видимо, всё же опасался судебной ответственности, которая могла бы наступить в таком случае.

Нет нужды пересказывать публикацию, но суть её сводилась к тому, что город и люди, живущие в нём, – некая пакость, этакая гадкая мерзость, такая мерзость, что дальше некуда: хоть собирай пожитки и убегай скорее из Грязовца куда глаза глядят.

Да, можно было отнестись к публикации с юмором, приняв автора за «очередного московского придурка»; либо возмутиться, потребовать от редакции объяснений; либо посмотреть на очерк с обывательской позиции: «Собака лает – караван идёт!»

Но промолчать – нельзя ни в коем случае!

Ещё совсем недавно журнал «Знамя» был довольно популярным в Советском Союзе, как, впрочем, и многие другие массовые издания. Его любили, читали, на страницах печатали известных поэтов, прозаиков, публицистов. Содержание журнала не отличалось какими-то крайними точками зрения.

Теперь же, в годы демократии в современной России, направление журнала заметно изменилось. Журнал примкнул к общественной тенденции, которую часто определяют одним понятием – русофобия.

Что это такое?

Если быть кратким, то это – неприязнь к русским людям, к русской истории и культуре; вообще ко всему русскому, ко всему, что несёт в себе отпечаток оригинальности и национальной самобытности.

Сама по себе русофобия возникла не сегодня и не вчера. Её корни довольно разнообразные. Но одна из причин в том, что иностранцы, посещавшие Россию в Средние века, не понимали её бытового и исторического своеобразия, поэтому старались в своих воспоминаниях нарисовать страну «диких варваров», чтобы у читателя возникло отвращение к ней. Хотя если брать в целом культуру России, в совокупности её духовно-нравственный потенциал, то она по целям и идеалам превосходила культуру Западной Европы. На этот счёт существует много различных исследований.

Лучшие представители русской культуры и государственности всегда давали отпор русофобии, в какие бы одежды она не рядилась.

Так, в октябре 1854 года поэт, дипломат и философ Фёдор Иванович Тютчев, обеспокоенный отношением «элиты общества» к «слову русскому родному», чрезмерным употреблением иностранной лексики, с тревогой писал:

Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...
Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!
Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье...

Пленить русский язык «богохульникам» так и не удалось.

Кроме родного языка, есть ещё многое чего. Поэтому накат невежества под видом русофобии продолжался. Позже об этом говорили такие известные писатели, как Лев Толстой, Антон Чехов, Сергей Есенин.

Кто-то из читателей, возможно, упрекнёт меня за частое цитирование творчества русских поэтов. Признаюсь: я делаю это сознательно. Поэзия выражает самое сокровенное, что хранит душа человека. Наш известный православный церковный деятель и поэт Феофан Прокопович, живший в эпоху императора Петра I, написал трактат «О поэтическом искусстве», где отмечал, что поэзия – «это искусство – самое славное из всех», «даже по своему содержанию поэзия приобретает большую ценность».

Но вернёмся к предмету нашего разговора.

В разные времена русофобия принимала разные обличья.

Ныне она часто примеряет на себя одежду «психологической войны». Об этом публично и не раз заявляли русские писатели, учёные, социологи, исследователи журналистики. Обращались они и к верховной власти. Так, запомнилось письмо к тогдашнему президенту РФ, подписанное известными деятелями культуры Валентином Распутиным, Савелием Ямщиковым, Игорем Золотусским (Газета «Завтра», 16.04.2009).

«Не секрет, что многие наши “либерально-демократические” СМИ проводят политику разрушения государственных основ, стараясь очернить самых высокопоставленных российских лидеров и извратить суть их внутреннего и внешнего курсов, – выражали обеспокоенность писатели. – Некоторые

журналисты и не пытаются скрыть, мягко говоря, пренебрежительного отношения к “этой стране”, как они обозначают место нынешнего своего пребывания, позволяя себе эскапады, вызывающие гнев у тех, кто их читает и слушает».

То же самое засвидетельствовал и доктор исторических наук Александр Грабельников, профессор кафедры в российском Университете Дружбы народов. Нормальная журналистика, по мнению профессора, занимает 10 (!) процентов на информационном поле РФ, а всё остальное – «заказные» материалы, реклама, «обливание грязью» неугодных, пропаганда насилия и вседозволенности. Такое впечатление, что тратятся огромные деньги, горы бумаги, тысячи часов радиоэфира и телевизионных передач только для того, чтобы публично доказать: население России – неумехи, полудурки, лохи, алкоголики и далее в том же духе.

И вот в качестве одной из мишеней для подобного доказательства журнал «Знамя» избрал город Грязовец Вологодской области. Правда, редакция журнала не пояснила читателям, каким же образом её автор – «оператор систем спутниковой связи из г. Щигры Курской области», выступающий «как журналист в центральных и местных изданиях», вдруг оказался в Грязовце.

А он сам – некто Анпилогов – скромно умолчал об этом.

И с первых строк начал «придуриваться».

«Если при въезде в город на дорожном указателе фигурирует слово “грязь”, – писал автор, – то можно не сомневаться в состоянии его улиц. Тем более что состоит он из одних окраин...»

Ну, что можно сказать по этому поводу?

Похоже, автор сразу настроил себя на «сермяжный лад».

Замечу: в дорожном указателе отсутствует слово «грязь», как и в названии самого города. «Грязов» и «грязь» – это не одно и то же. Но автор, не понимая данной языковой разницы, в невежественном упоении вводит читателей журнала в заблуждение. «Выяснить, каким образом городу так “повезло” с названием, – иронизировал он, – довольно сложно, так как местные краеведы работают строго в те часы, когда все добропорядочные граждане добывают средства к существованию, а по субботам-воскресеньям в городе всеобщий выходной, поэтому по поводу названия есть только версия местного бомжа».

Совершенно нелепая логика автора, да и его признание – того же рода.

В центре Грязовца есть музей истории и народной культуры, его двери открыты и в выходные дни. Почему же автор не зашёл сюда? Это – один из лучших краеведческих музеев в стране, содержит много интересных сведений, в том числе – по истории города. На худой конец, «писатель» мог бы зайти в библиотеку, открыть энциклопедический словарь, где написано, что Грязовец известен с 1538 года.

Ну а зачем русофобу всё это, всё, что определяется понятием «профессиональная этика»?

Ему оказалось достаточно «версии местного бомжа». От бомжа Анпилогов узнал, что царь Александр I Победитель, «перед тем, как помереть в Таганроге, бывал проездом в этих местах» и дал название городу.

Вот так «сенсация»!

Мы тут жили давно и ничего не знали.

Невежество автора журнала «Знамя» просто дремучее.

Александр I вошёл на трон императора в 1801 году, а Грязовец получил статус города 2 августа 1780 года по указу императрицы Екатерины II. Как же существовал город 21 год, не имея названия, пока царь Александр I не застрял здесь в своей коляске на дороге?

Стиль автора можно определить одним словом – глумление.

Искажение фактов, унижение людей, обливание грязью всех и вся – приёмы психологической войны. Ими и пользуется журнал «Знамя».

«Нагрянувшая новая экономика, – поёт на страницах журнала «курский соловей», – быстро всё изменила. Сначала рухнул вместе со всей бомбово-танковой промышленностью Советского Союза машиностроительный завод», якобы градообразующий, и из-за него рухнула якобы вся грязовецкая экономика. Ну, фантазия чистой воды!

Никакого градообразующего машиностроительного завода в Грязовце не было. Да, существовал небольшой цех – филиал московского завода «Тизприбор». Но он никоим образом не определял экономику города и района, не идёт ни в какое сравнение с КС-17 или с мощным сельхозпредприятием «Аврора».

Увы, журнал умалчивал о том, откуда «нагрянула новая экономика». Но есть факты, широко известные теперь. Пресловутый президент Б. Н. Ельцин пригласил из США 150 советников (в основном сотрудников ЦРУ), и они говорили «гаранту Конституции», какой завод закрыть, какую ракетную шахту уничтожить, какой корабль пустить под нож, как ограбить население, присвоив их накопления...

Так вот «нагрянула новая экономика»!

Назвав материал «Жизнь под газом», журнал намекал на расхожую фразу «жизнь под мухой» из лексикона отпетых бомжей. И как автор мог определить «вид земли с высоты компрессорной станции», если он на ней вообще не был?

КС-17 не имеет какой-то особой высоты. Здесь обычные цеха и производственные корпуса. Единственное, что отличает станцию от какого-нибудь привычного рядового завода – высокие мачты радиорелейной связи. Она необходима для оперативной связи с разными объектами Газпрома в стране.

Может, автор забирался на одну из таких мачт?

– Никуда он не забирался, – досадливо махнул рукой Константин Симаков. – Он вообще не был здесь! Вот я никак не пойму: он не имеет к нам отношения ни с какой стороны, и мы его не видели, не наступали ему ни на какой мозоль, а он нас всех облил грязью по полной программе. Слов нет для возмущения! Читаешь – бред какой-то.

Такая же реакция на публикацию в журнале была у многих.

– Если принять её за «чистую монету», – заметила Нина Смирнова, работница КС-17, – то Грязовец состоит из одних барачных, каменных, огороженных, дети наши едут учиться почему-то в Петрозаводск, а мы все топим старинные печи дровами и курным воркутинским углём. Даже с глубокого похмелья такое вряд ли придумаешь!

Всё-таки я не удержался, позвонил в журнал редактору отдела публицистики Анне Кузнецовой, спросил её: «Почему автор глумится над святою землею?»

– Вы, похоже, принадлежите к славянофилам, – упрекнула меня Кузнецова, – а мы журнал, который следует «западному направлению».

Понятно, понятно!

Её столичный упрёк я воспринял как награду.

Лично я не против направлений – западного, южного, восточного или северного.

Но зачем публично врать? Оскорблять людей, прикрываясь «западным направлением»?

Вся эта история с журналом не стоила бы особого внимания с нашей стороны, если бы не одна деталь, о ней я сразу сказал редактору – «глумление над святой землею».

Святость эта не в каком-то переносном смысле, а в самом прямом.

До революции в грязовецком краю действовало свыше 80 храмов, церквей, монастырей. Божьи обители дали Русской Православной церкви более десяти подвижников, прославленных в лике святых.

Не встать на защиту такой святой земли было бы большим грехом. Заботясь об истине, надо сказать ещё вот о чём. Одна моя знакомая, когда я встретил её в центре Грязовца, тоже не осталась равнодушной к упомянутой публикации.

– В журнале грязи натаскано много, – поделилась она, – но, я думаю, в чём-то автор, пожалуй, и прав.

– В чём же именно? – уточнил я.

– Посмотрите на наши улицы! – воскликнула она. – Переломаешь все каблучки, пока по ним идёшь. Молодым мамам, которые везут детей в колясках, негде проехать. Чего уж тут греха таить – мало у нас уделяют внимания благоустройству. Я вот бывала в районном центре Тарногский Городок, в селе Устье, в городе Никольске на востоке Вологодчины – там чистота, порядок, любо-дорого посмотреть.

Я не стал спорить со знакомой: она здесь живёт, ей лучше знать, что и как.

Любой малый или средний городок в современной России, за исключением немногих, нуждается в заботе, в попечении, в улучшении внешнего вида.

Для благоустройства нужно иметь средства, и немалые средства.

Встаёт вопрос: где их взять руководителям малых и средних городов?

Без всякого преувеличения, Грязовецкий район мог бы озолотиться только за счёт того, что по его территории проходят газопроводы и нефтепроводы. Но «золотой дождь» здесь не пролился. Пополнять казну могли бы местные предприятия, но их с каждым годом становится всё меньше и меньше. И вот район, когда-то имевший финансовую самостоятельность, объявили «глубоко дотационным».

Теперь он должен получать средства на существование и благоустройство, полагаясь на милость «областной столицы».

Странная, а если брать практику, то и порочная система. Её трудно назвать местным самоуправлением. Она скорее напоминает такое современное иго, когда под видом «федеральных потребностей» с территорий изымают средства, столь необходимые для их развития.

Такое положение, понятное дело, не лучшим образом влияет на состояние духовности и культуры русского народа.

VI

— Я добавил бы к этому ещё и не совсем благовидную роль некоторых СМИ, действующих у нас в стране, да и в нашем регионе, — продолжал тему Константин Симаков. — Конечно, эпизод с журналом «Знамя» — он такой крайне огорчительный, но не единственный — вот в чём дело. Уж на что я спокойно отношусь к телевидению, но порой, особенно в последнее время, кое-какие передачи даже смотреть невозможно. Невооружённым глазом видно, что их авторы подтасовывают факты, искажают реальность, допускают передёргивание, увлекаются чернухой. Ну, ясно же: такое, с позволения сказать, творчество отрицательно воздействует на зрителей, особенно на детей, на молодёжь.

Здесь я разделяю обеспокоенность Константина Павловича без оговорок. Действительно, поддавшись соблазну «не иметь идеологию», правящие верхи сквозь пальцы взирают на то, что происходит в печати, на телевидении, да и в целом сфере культуры, забывают, что культура напрямую связана с духовностью. Пренебрежение к русскому языку, бравада иностранной лексикой, наконец, употребление нецензурицы превратилось в какую-то моду, её, как это ни странно, поддерживают, за неё поощряют премиями, почётными званиями.

Не будем скрывать: подобная «культура» — богоборческая по самой своей сути, она вольно или невольно способствует ослаблению традиций, заложенных в народе Русской Православной церковью. Тенденция эта, на мой взгляд, опасная.

Довольно зримо она проявила себя в шумихе, или в дискуссии, — назовите, как нравится, в связи с выходом на экраны в 2015 году фильма режиссёра Андрея Звягинцева «Левиафан». Лично я расцениваю киноленту как символ «победы» западников над русским народом и одновременно — расчётливый удар по ценностям Православия. Споры о фильме не утихают до сих пор, появляются мнения специалистов и просто зрителей на страницах изданий, на электронных сайтах в интернете. Поэтому, думаю, есть смысл поговорить о фильме подробнее.

Дело даже не в самом фильме как таковом, а в интересах общественных групп, которые он затронул или отразил.

Западники, а они около тридцати лет ведут Россию по пути, указанному «вашингтонским обкомом», и, естественно, преуспели в том, рукоплещут и радуются фильму. А люди, которые противятся насильственной американизации, искоренению у себя в стране русского порядка, уничтожению православных традиций, конечно, возмущаются вышедшей на экраны кинолентой.

Что ж, в полярности восприятия кинофильма нет ничего необычного.

В принципе, это нормальное явление, когда идут споры, когда люди смотрят на один и тот же предмет по-разному.

Давайте отложим, насколько возможно, в сторону излишние эмоции и постараемся трезво (в отличие от героев фильма!) взглянуть на то, что же перед нами: подлинное кино, произведение искусства или фальшивка, подделка в стиле «а-ля, русс».

В отличие от некоторых критиков, рассуждающих о фильме, но не посмотревших его, я всё-таки набрался терпения, посмотрел «шедевр» до конца, хотя иногда хотелось запустить в экран тем, что попало под руку.

Теперь я могу сделать собственные выводы, не претендуя на какую-либо исключительность и непогрешимость. Это в первую очередь выводы просто рядового зрителя.

Содержание фильма, во-первых, не соответствует названию — «Левиафан». Оно притянuto за уши, искусственное, не отвечает замыслу и большей части сцен. Левиафан — морское чудовище, таким же оно остаётся и в переносном смысле — в библейской мифологии, в житейском обиходе.

Где оно? Его нет!

Нельзя же, в самом деле, принимать за Чудовище муляж из каких-то костей, нелепо выставленных в протоке морской воды в бухте. Нельзя же, в самом деле, в качестве Левиафана представлять и мэра северного города, и всё его окружение. Это, по крайней мере, наивно, смешно. Но, похоже, режиссёр фильма и авторы сценария имеют в виду под Левиафаном именно данных персонажей. А может, и всю жизнь нашей русской глубинки?

Жизнь, которая для них столь омерзительна, что они обозвали её Левиафаном? Я не исключаю такой вариант.

Если под Левиафаном создатели фильма подразумевали в целом жизнь современной России, тогда их замысел понятен и название вполне «уместно». Однако я, как зритель, что-то не почувствовал полноты обобщения авторов: от частного к общему у них не получилось. Чтобы пройти этот путь, очевидно, нужны ещё две-три ленты.

Поэтому фильм, на мой взгляд, должен был иметь какое-то другое название, скажем, «Судьба Коли прибрежного», «Конфликт у дачи» или что-то в том же стиле. Претендуя на некую духовность, желая приподнять фильм над обыденностью до какого-то духовного уровня (похоже, дьявольская прелесть!), авторы ухватились за первое, что им попало под руки, и вот вам – «Левиафан».

Туманно, дёшево и сердито.

Фильм этот, во-вторых, чрезвычайно насыщен «американской иудейской идеологией», она, что называется, хлещет через край. Кадры в конце «Левиафана» однозначно говорят: русский народ (в образе мелкого предпринимателя Николая) сломлен, раздавлен, уничтожен. Американцы (в образе мэра северного городка) могут праздновать победу и во всю глотку орать: «Ура, ура! Русского мужика больше нет!»

К слову, замечу: есть он или нет, думаю, все в мире поняли по тем результатам, с которыми закончила воевать наша группировка воздушно-космических сил в Сирии в конце 2015 – начале 2016 года. Чем отличался русский человек во все века и времена? Силой духа, героизмом, бесстрашием, трудолюбием, терпением. Не зря же в молодёжной песне поётся: «Русский парень в воде не тонет, русский парень в огне не горит!» А что мы видим у режиссёра Андрея Звягинцева?

Николай, главный герой, – тряпка! Конфликтная ситуация, которая непонятно как и почему возникла, довлеет над ним, он не может с ней справиться, а в итоге она уничтожает его. Примитивная и назойливая попытка авторов фильма «залить» беду героя водкой лишь усугубляет эту самую ситуацию. Чтобы показать стопроцентную деградацию русского мужика, а также и той среды, где он обитает, режиссёр, авторы сценария и актёры пичкают героев нецензурной лексикой – матом, сквернословием, бранным жаргоном. На этом «любимом языке» создателей фильма разговаривают все – взрослые мужчины, женщины, даже подростки и дети. Во как лихо!

Вспомним наши лучшие отечественные фильмы, такие как «Судьба человека», «Летят журавли», «С лёгким паром», «Живые и мёртвые» и ещё многие, – герои их никогда, ни при каких обстоятельствах, даже трагических, даже смертельных, не выражали чувства матом или сквернословием. Тут же: сытые, довольные, пьяненькие, а в разговорах – мат-перемат. Бедные, несчастные авторы! Как же они оторваны от жизни!

«Образ Николая» они собирали, похоже, в московских или мурманских ресторанах и пивных. Ясно, что они никогда не жили в русской глубинке, имеют о ней смутное, отдалённое представление. В глубинке, в деревне, в райцентре считалось всегда большим грехом употребление нецензурных слов, особенно – в годы после Великой Отечественной войны. Это уже в последнее время, когда «подул ветер демократии», матом стали ругаться даже малыши в детских садах – «всё можно». Знаменитый наш писатель Константин Воробьёв, автор произведений о войне, в своей повести «Сказание о моём ровеснике» приводил такой эпизод. Дед Матвей Егорович, когда внук повторил за ним бранное слово, заметил: «А вот говорить так не надо. Ты норови всегда таким манером: к примеру, захотелось иной раз матюгом или иным тёмным словом хватить, а ты возьми и терпи». Замечательный совет!

Терпеть надо, господа авторы фильма, когда вам самим хочется ругаться матом или заставлять ругаться матом своих героев, своих актёров. Терпеть! А у вас терпения нет. Спешите за лаврами лауреатов Оскара или кого-нибудь ещё. Оно и понятно! Прозаик Константин Воробьёв приравнял мат к «тёмному» слову. Очень верно сделал. Кроме тьмы, оскорбления, унижения, мат ничего другого не несёт.

Употребление мата в фильме можно расценить и как один из приёмов, чтобы показать опять же деградацию русского человека. Однако это свидетельствует скорее о деградации самих авторов, во всяком случае, об их невежестве – точно. Напомню: к русскому языку мат не имеет отношения. Авторам фильма не мешало бы взять да почитать творения Нестора-летописца, или знаменитую поэму «Слово о полку Игореве», или первую русскую повесть митрополита Илариона «Слово о Законе и Благодати». Ни в этих, ни в других произведениях древнерусской литературы никогда не было мата. Происхождение этого «нароста» в нашем языке известно – он возник во времена набегов татар, монголов, половцев и других иноземцев на Русь.

Итак, какую же перспективу открывает господин Звягинцев для русского народа, разумеется, в образе Николая, главного героя?

Это – потеря любимого дела, распад семьи, потеря детей, тюрьма, возможно, самовольный уход из жизни. Иными словами – тупик для русского народа.

Разве за такие «идеалы» гибли миллионы наших отцов и дедов в жестокой схватке с фашизмом в середине прошлого века?

Нет, конечно, не за такие!

Они, наши доблестные солдаты и офицеры, воевали и гибли за то, чтобы мы были счастливыми, благополучными, а Родина – сильной и процветающей.

Ну а что же определил увенчанный лаврами режиссёр для иной, «американской стороны»? Той стороны, которая, как научил её «вашингтонский обком», не должна останавливаться ни перед чем ради достижения своих, по преимуществу корыстных целей?

Ну, для неё – полное благоденствие, полный триумф!

Да, господа хорошие, что-то вы торопитесь похоронить русский народ.

И наконец, последнее наблюдение о нашумевшей, знаковой киноленте.

В фильме «Левиафан», на мой взгляд, отсутствуют **художественная правда и правда жизни**.

Вот, к примеру, старый советский фильм «Доживём до понедельника», который ещё помнят люди среднего и старшего поколений. Когда смотришь, то не возникает сомнений в его подлинности. Ты полностью веришь и доверяешь поступкам, словам и делам героев фильма, волнуешься за них, сопереживаешь им. Это и есть художественная правда, к которой стремились авторы.

В «Левиафане» его художественная подлинность с первых кадров не вызывает доверия. Почему Николай, остановленный гаишником по пути со станции домой, посылает его матом? Ведь гаишник ничего плохого не сделал Николаю, скорее наоборот – даёт ему повод подзаработать, уговаривая отремонтировать машину. Как в начале, так и в конце фильма так и осталось непонятным: кто же такой адвокат из Москвы? Брат Николаю? Сват? Друг?

Знакомый? Неизвестно!

Ещё большее недоумение вызывает «женская линия» фильма: поведение жены Николая и одновременно (!!!) любовницы адвоката из Москвы. Когда же у них возникла любовь? И любовь ли это? Или это мимолётная похоть, которую придумал сам Андрей Звягинцев? Немотивированность поступков персонажей, их желаний, слов, действий – главный недостаток фильма, он сводит на нет усилия авторов по созданию художественных образов.

В своё время гениальный писатель Лев Николаевич Толстой, получив в подарок от Ивана Тургенева новую книгу восходящей звёзды французской литературы Ги де Мопассана, написал довольно пространственный очерк о его творчестве. В нём Лев Толстой упрекал Мопассана в том, что его герои поступают «рефлексно», то есть трудно понять мотивы их поступков. Русский писатель относил такой подход к слабости творческого метода Мопассана.

Нечто похожее мы видим и в «Левиафане». Чем объяснить действия мэра, якобы решившего заполучить в собственность участок, где дом и мастерская Николая? А ничем! Таких объяснений в фильме нет. Но ведь это – «главная пружина фильма». Что уж говорить о мотивах побочных эпизодов!

Ещё большее отторжение вызывает фильм, когда начинаешь сопоставлять его содержание с реальностью. Да, власть у нас бывает порой и «крутая». А где она не «крутая»? Покажите! Да, власть у нас не без коррупции. А что, в любимой либералами Америке её нет? Да там ещё в тысячу раз её больше, чем у нас; отсюда она к нам и пришла во всё своём великолепии. Назовите хоть один пример в современной России, где бы мэр или губернатор смог уничтожить мелкого предпринимателя, как это сделал мэр в данном фильме? Думаю, таких примеров вы не найдёте. Да, бывают стычки,

бывают тяжбы, разборки. Но до такого цинизма, свойственного именно «вашингтонскому обкому», у нас дело всё-таки не доходит. Не надо иллюзий, не надо щедро нагнетать искусственные трудности.

А чего стоит сцена пикника у озера! Это же не люди, а какие-то монстры, способные выпить по ведру водки, а потом стрелять из винтовки или сесть за руль автомобиля. Авторы фильма, да вы соображаете, что показываете? Хотя, конечно, они соображают.

Чтобы я не выглядел таким ретроградом, приведу мнение, одно из многих, протоиерея Георгия Городецкого из г. Одессы на Украине, которая теперь считается за границей и даже пытается разорвать дипломатические отношения с Россией.

«Тогда зачем же вы в самом начале вашей кинохалтуры вешаете эту свою алогичную лапшу на уши зрителя? — отмечал священник в статье «О несовместимости творчества с “Левиафаном”» (РНЛ, Петербург, 01.04.2016). — Которая не имеет ничего общего ни с реальностью, ни с логикой, ни со здравым смыслом, а является лишь следствием режиссёра; его, так сказать, хотелкой. Оно и понятно, без псевдонаучно-фантастического зачала и фильма бы не было. А так высосал режиссёр начало из пальца и пошёл дальше “творить”. Г-н Звягинцев, вы бы хоть у своих западных, особенно голливудских метров поучились. Там всё на несколько порядков умнее».

У меня возникло и полное неприятие так называемой православной составляющей фильма. Где же авторы «откопали» такого правящего архиерея? В реальной жизни, какой бы она ни была сложной и причудливой, подобных пастырей, полагаю, нет. Я лично знаю такой факт. К епископу пришёл депутат с уголовным прошлым, весьма богатый предприниматель, предложил деньги на строительство храма. Да, средства были нужны епархии позарез. И всё же епископ отказался от денег, объяснил депутату: «Нечистые деньги нам не нужны!» Думаю, так же поступил бы и любой другой епископ, потому что он несёт особую ответственность за свои поступки перед Богом.

А в фильме всё наоборот: архиерей принимает от сомнительного мэра подаяние, да ещё наставляет: «Всякая власть от Бога». А что, власть Гитлера тоже была от Бога? А власть большевиков, когда они в 20-е годы прошлого столетия взрывали храмы и убивали священнослужителей, тоже от Бога?

Уж лучше бы авторы фильма не гневил Господа, не искажали Его живое Слово.

И уж совсем ни в какие ворота не лезет сцена, когда городское начальство заполнило весь передний ряд в храме на литургии. Где же вы такое нашли? Зачем притягивать ситуацию за уши? В современной России большинство государственных руководителей, чиновников разных уровней, крупных бизнесменов и прочих начальников не ходит в храмы, не знает церковной жизни, её таинств и обрядов, не знает молитв, не умеет правильно перекреститься. А тут — всем «парадом» в храме! Смех — да и только!

«Сразу оговорюсь, — признавался известный православный поэт, подвижник из скита Ветрово под Псковом, иеромонах Роман, — поганый фильм не смотрел. А зачем? Осквернять слух матом второсортного «канадца», а зрение — блудными картинками? Режиссёр прикрывает библейским Иовом историю о современном Ное-Отечестве и продажном сыне-Хаме. «Ответственность» просто зашкаливает. И всё же? Кто порадуется позору России? Враг. А если он живёт в России? Изменник Родины (или ничего не видящий слепец)».

Я же, повторюсь, посмотрел фильм, и сложилось впечатление, что в нём нет ничего русского. Может, в том и есть его главное «достоинство»? И скорее всего, это «достоинство» оценят весьма и весьма высоко чиновники от культуры у нас в стране и за рубежом.

Столь подробно я рассуждал о фильме неслучайно. На его создание потратили миллионы бюджетных средств. Деньги, собранные с людей, направили на то, чтобы «ударить» по образу жизни этих самых людей, а заодно и опозорить, осмеять православные традиции.

Разве это справедливо?

Почему бы, к слову, не снять фильм о бывшей учительнице Зинаиде Петровне Исправниковой? Она, как я отмечал выше, посвятила «последний отрезок» своей судьбы восстановлению храма в Спас-Нурме. Здесь не надо ничего придумывать, не надо врать, не надо обманывать зрителя. Но я уверен: если бы такой фильм сняли и стали показывать в стране, он вызвал бы радость и сочувствие у миллионов простых людей, зарядил бы их энергией созидания, а не разрушения; кто-то стал бы подражать ей.

Завершить разговор о стремлении современников шествовать «Царским путём» хочу отрывком из послания знаменитого прозаика Ивана Тургенева к знакомой, Елизавете Ламберт. «Имеющий веру, — утверждал писатель, — имеет всё и ничего потерять не может; а кто её не имеет — тот ничего не имеет, — это я чувствую тем глубже, что сам принадлежу к неимущим!»

Проза

Сергей Багров

Сергей Петрович Багров – родился 8 января 1936 года в городе Тотьма Вологодской области. Окончил Тотемский лесотехнический техникум, где учился вместе с Николаем Рубцовым. Позднее окончил Пермский государственный университет. Первую книгу «Колесом дорога» выпустил в 1975 году. В 1981-м, после выпуска трёх книг, был принят в члены Союза писателей. Автор книг: «Сорочье поле» (1978), «Портреты» (1980), «Живём только раз» (1981), «Посреди вселенной» (1984), «Воробьиное утро» (1984), «В вольном небе» (2002) и других; произведений для детей: «Солёный мальчик» (1995), «Капелька» (1998), «Говорливые бани» (2002), юморесок, воспоминаний.

Глашатай

Рассказы

НИЖЕ ДОСТОИНСТВА

Валёк и Серёга – троечники. С грехом пополам закончили восемь классов. И вот слоняются по посёлку. Хорошо бы устроиться в кадры. Хоть на валку деревьев, хоть на сучки. Тут бы были у них и деньги. Жизнь покатила бы, эх, нормально. Однако работы в посёлке нет даже взрослым. Отцы у ребят работают лишь сезонно, уезжая за сто километров на вахту, где ещё сохранился остаточный лес и можно немного подзаработать.

Родители за своих сыновей тоже переживают. В прошлом году купили ребятам по новой рубашке, кроссовкам и джинсам. Спасибо отпускникам, забиравшим у мальчиков целое лето лесные деликатесы. Лучше всего покупали они землянику с морошкой. Собирались юнцы за ягодами и нынче. Да появилась идея – брать ягоды не по вырубкам и делянкам. А рядом с посёлком, через реку, где совхозное поле, на котором уже поспевает садовая земляника.

Лодку для этого дела устроил Серёга. Отца дома не было, уехал с бригадой валить дальний лес. Так что и спрашивать было не надо. Сели в долблёночку – и вперёд!

Было двенадцать ночи. Никто не видел, как подкрались они к совхозному берегу, на котором таилась сладкая земляника. Была она крупной, почти с куриное яйцо. Потому и брать её было легко.

Тихо вокруг. Никого. Сторожа нет. А если и есть, то сидит где-нибудь да, знай себе, посыпает.

Мальчики предовольны. С час просидели они на грядках. Корзины с верхом! Пора и назад.

Вышли к изгороди, вбегавшей пряслами прямо в воду, где они оставили лодку. И удивились. Лодка была – и сплыла. Кто-то сел в неё и уехал. А может, сама она отвязалась? Ягодники смутились.

– И чего теперь?

Валёк кивнул вдоль реки, где пестрели дощаники и долблёнки.

– Пойдём по лодкам. Может, какую и отопрём.

Нашли пару ржавых гвоздей, чтобы было чем открывать лодочные запоры. Лодок было штук десять. Все, как одна, на цепях с импортными замками, гвоздём которые не откроешь.

– Во, попались! – заныл Серёга.

Валёк посоветовал:

– Не скули.

Они оглядели совхозное побережье. Метрах в двухстах за низиной темнели маленькие избушки. Низину вёснами затопляет, и на ней не сеяли ничего. Лишь сенокосили, выбирая среди камышей съедобицу для животных. Два стожка уже возвышались около огородов.

– Надо идти в деревню, – сказал Серёга, – пусть нас, это, перевезут.

Валёк усмехнулся:

– Вместе с ворованной земляникой?

Подул ветерок, донеся от бараков через реку чей-то голос, крывший кого-то крепкими матюгами. Валёк прошёлся по суплесу. Пнул по выброшенной метле, отправляя её к воде. Тут и вторая метла. Пнул и её.

Где-то вверху, над пристанью, поморгало. И сразу, слепо блеснув, показался серпик луны. Удивительно, но при слабом его свечении в деревушке ответило тем же самым, таким же призрачным полублеском, в котором ребята увидели крест.

– Часовня!

Тем и знакома была им часовня, что раз в неделю её навещал из города поп Василий. Приезжал он и на неделе, когда умирал в округе какой-нибудь старичок. И приходилось его отпевать. Иногда попадали в часовенку и ребята. Просто так. Или с кем-нибудь из знакомых. В последний раз были здесь они в мае, когда у Валька умер дед. Как-то странно было смотреть на бледного, в строгом костюме мужчину, лежавшего в ярком, с кистями гробу, чьё лицо было очень спокойным, а веки слегка приоткрыты. Отчего казалось, что дед подсматривает оттуда за всеми живыми и даже сочувствует им, кого он, как маленьких, обхитрил, оставив одних, без него в этом мире.

И ещё удивило мальчиков то, что было в часовне тесно. Не от людей, а от только что выделанных гробов, что были расставлены по углам и, казалось, ждали своих квартирантов, которые так и так не сегодня так завтра придут сюда.

– Прячем ягоды – и за мной! – Валёк не стал объяснять, какая идея пришла ему в голову. Оставив корзину около лодок, он тут же выбрался на тропинку и пошагал уверенно, как хозяин, который знает, что надо делать для того, чтоб попасть домой.

Проскрипев сапогами по мелкотравью, они вышли на косогор, за которым, чернея решётками окон, стояла бревенчатая часовня. Дверь её закрыта была на завёртыш. Открыли. Вошли. И, приглядевшись в потёмках, увидели, что в углах часовни гробы уже не стояли. Был лишь один, что темнел на столе.

Открывая крышку, больше всего опасались охолонуть глазами о мертвеца. Но в гробу не было никого. Покойник, видать, находился дома. Утром за гробом, поди, и придут.

– Повезло нам с тобой, – признался Валёк.

– Это как?

– Вынимать из гроба не надо.

– Кого?

– Никого.

Не давая Серёге прийти в себя, Валёк сурово постановил:

– Крышку здесь оставляем! А ящик с собой!

Гроб был из высушенных тесин, поэтому не тяжёлый. Однако нести пришлось в перевёрнутом виде, на головах, днищем вверх.

Выбрались из часовни. Перешагивая порог, кто-то из них запнулся, и гроб, задев косяк, пронзительно скрипнул.

Где-то в потёмках твякнула потревоженная собака. Следом за лаем брызнуло пятнышко света от фонаря.

Ребята заволновались. Хотели было швырнуть свою ношу. Да удержались. Так, согнувшись в четыре погребели, и двинулись тропкой к реке.

Кое-как дотащили. Сняли поклажу и поглядели, как она будет держаться в воде. Вроде нормально.

Подобрали оставленные корзины. Подобрали и метлы. Сами залезли и, оттолкнувшись, поплыли через реку.

Чем-то гроб походил на обычную лодку. Только плыл он ужасно тихо из-за того, что в руках у ребят не вёсла, а что-то среднее между шваброй и помелом. Мальчики сразу же и устали. Оба, как в наказании. Стоят на коленочках и гребут. Верней, не гребут, а хлопают, поднимая и опуская намокающую мотню, словно отганивают от гроба нечистую силу, плывущую вслед за ними, чтобы их настигнуть и утопить.

Поглядеть на них с берега – право, поверить, что это не мальчики, а искатели собственной жизни, кою они нечаянно потеряли и теперь, спохватившись, старательно ищут, исследуя темноту...

Первым, кто разглядел пассажиров в гробу, был сторож ягодников Калыгин, пожилой, крепко сбитый пенсионер в обветшалом комбинезоне. Вооружён централкой 16-го калибра, небрежно си-

девшей на грузной его спине. Это он угнал у ягодников долблёнку. Уплыл на ней к середине реки, где, прикрепившись к бакену, воришек и караулил. Намеревался обоих арестовать. Запереть до утра в часовню. А там – и директору передать.

Смутила Калыгина дерзкая расторопность, с какой любители ягод решили вернуться домой. Без всякой там лодки. Не поленились сходить в часовню, куда он сам собирался их увести. Да ребята опередили. На какие-то двадцать минут потерял их из виду. А они уже – из часовни. Топ-топ. Не с пустыми руками, а с домовищем. Гроб-от этот сам Калыгин и мастерил. Пару тыщ хотел за него получить от бабки Ульяны, чей супруг на девятый десяток перевалил и вот преставился в воскресенье. Сегодня среда. Сегодня и день похорон. Но как хоронить, коли гроб на воде? Переправляет воришек. Работа мастера вся насмарку. Калыгин во гневе. Мальчики-то чего? Переедут реку, абы сразу домой. А гроб? Там и бросят, где вылезут из него. Буксируй Калыгин назад. По воде. А потом по земле, чтоб обратно его в часовню. Сторож кипел: «Ну, гадючкины дети. Вас бы сейчас по подспиннику коромыслом...»

Калыгин плыл, с озлоблением наблюдая, как усердствовали ребята, продвигая гроб к той стороне.

О, если бы знали мальчишки, кто их преследует, они бы, пожалуй, так сильно не напрягались. Видимость над рекой была слишком мутной. И гребец, возникший среди неё, мог им представиться кем угодно, но только не человеком. А ежели человеком, то только бывшим, одним из тех, кто родился из мертвецов.

Лодка с Калыгиным шла за воришками неотступно и, кажется, настигала.

– Покойник! – вскрикнул Валёк.

– О-о! – вздурел и Серёга.

– Гроб-от ево! – добавил Валёк. – Сейчас, как хозяин, сюда и переберётся!

– А нам-то? Нам-то чего?

– Откудов я знаю. Пуще! Пуще гребите!

Но грести тряпичными швабрами невозможно. Они впитали в себя по пуду воды, и поднимать их стало уже не под силу.

Бросили швабры. И вот в руках вместо них – матерчатые кепчонки. Но и они не годились. Их моментально выхватило водой.

Засуетились ребятки. Давай приседать то на левой ноге, то на правой, чтоб другой свободной ногой грести по воде. Гроб раскачивало, как в бурю. Неожиданно он раздвинулся, ошестинившись остренькими гвоздями. И дощечки его поехали, кто куда.

– Как же мы? – воскликнул Серёга, проваливаясь в реку.

Валёк горьким голосом:

– Плавать умеешь?

– Худо!

– И я не лучше! – признался Валёк, погружаясь вслед за Серёгой в немереную прохладу.

Двух минут не прошло, а на ложе реки – лишь две опрокинутые корзины, из которых катится в воду уже никому ненужная земляника.

Калыгин покрылся холодным потом. Ребятки-то, кажется, тонут. Что и делать? Спасать? Но как это делать, он не имел малейшего представления. Потому и вёслами зачастил, абы только прочь, прочь отсюда. На левый берег, где у него дом родимый, где старушка-жена, где охраняемая им совхозная земляника.

Ну, а здесь-то как быть? Здесь-то около бакена, на стремнине, где темно, глубоко и глухо и вода по-недоброму вьёт? Этого сторож не знает. Он в панике и расстройстве. И ничего, ничего не видит уже. Ни гроба, что рассыпался на дощечки. Ни мальчишек, что колотят ладошками по воде.

Металось в груди у Калыгина. Как если бы кто-то ловил его сердце, и оно, увёртываясь, летало, пытаясь найти спасительный уголок.

Но что это? Что? Лодка стала вдруг тяжёлой и непослушной, словно кто-то её топил. По телу Калыгина, задевая комбинезон, пробежало волнение. Калыгин увидел мальчишек на весу. Оба по шее в воде, руки же – наверху, как когтями вцепились в борта долблёнки.

Калыгин трудно выдохнул и поплыл, разворачивая долблёнку. В обратную сторону, к берегу, где темнели бараки посёлка. Плыл в растерянности и в думе. Получается, он этим мальчишкам помогает, не отдаёт их реке, спасает.

Калыгин едва успокоился и последние метры, которые оставались до мелководья, где стояла гряда отцветающего рогоза, проплыл аккуратно. «Ещё один гроб, видно, делать. И очень срочно...» – подумал, взглянув на рогоз, сквозь который шли, выбираясь на берег, несостоявшиеся воришки, кого река пощадила, отобрав от них лишь кепки и сапоги.

Потянул свежачок, донося от бараков хлопанье крыльев, с каким садился куда-то наверх поселковый петух. Начинало светать.

Ребята медленно поднимались к набережной реки, оба сырущие и босые, в прилипших к спине рубахах. Выбравшись на мостки, повернулись лицом к долблётке и громко, так, чтоб услышал Калыгин:

– Спасибо, дедо-о!..

«За что спасибо-то? – удивился старик и вдруг открыл для себя: – За жизнь! За то, что я не спасал их, но как-то по-дивному получилось, что жизнью своей они обязаны мне. Потому и лодку свою обратно не забирают. Бить бы надо меня, как стоногого дезертира. Я ведь бежать собирался от них. Глядел и не видел беспомощных рук, когда они ко мне потянулись. Такое вот коромысло. С занозинами, едрёна...»

Вздрыгнул сторож, услышав от ближних к реке бараков:

– Кукареку-у!..

Кричал глашатай пробуждавшегося пространства, утверждая всё то, что несёт в себе жизнь. Ну а то, что её умаляет, специально не замечает, считая это ниже его достоинства, не стоит даже и поворота его гордо вскинутой головы.

СУХАРИ ДЛЯ КРЫСЫ

Елизар Николаевич Татанов спокоен и тих. Сидит у окна, молча вглядываясь в красоты, в какие уходит сельская местность, оставляя под снегом отаву подворий, дорогу, изгороди и грядки.

Татанову семьдесят лет. Живёт он двумя половинами года. В городе – до весны. В деревне – до первых морозов. С тех пор, как он вышел на пенсию, прошло десять лет. Жаловаться не на что Татанову. Всё идет у него как надо. Подобно ему живут многие горожане, у кого в деревне купленный дом. У Елизара дом по наследству. От матери. Отрадно ему оттого, что выкопана картошка, убрана свёкла, выдергана морковь. Всё это покоится в коридоре в семи мешках, укрытых брезентом и одеялом. Подспорье. Не тратится зря ни ему с его постоянно хворающей Евдокией. Ни сыну с невесткой. Сын придет за этим добром десятого ноября. Сегодня второе. Увезет и его. Чтоб опять он жил-поживал в своей городской квартирке. Он да жена его Евдокия, с которой он неразлучен вот уже сорок пять лет.

В коридоре скребнуло. Опять грызуны. В Лёпеньге сорок домов. Местных жителей нет, одни горожане, и зимой никто из них здесь не живёт. И хвостатая нечисть, чуя тепло, норовит туда, где ещё продолжается жизнь. Крысы да мыши. Нынче их особенно много. Татанов всю отраву на них израсходовал. Оставался лишь яд в порошке. Очень сильный, который достал ему сын. Чтоб хватило его до отъезда, порошок растворил в горячей воде, окропив мёртвой жидкостью сухари. Сухари же повесил повыше, в сенях, около двери, в холщовом мешке. И брал их оттуда по нескольку штук, каждый раз раскладывая возле мешков с овощами.

Разложил и сегодня. И снова к окну, как к приятелю, с которым мог просидеть дотемна.

Татанов обожал пространство, ощущая себя открывателем всех ландшафтных перемещений. Что он там видел? Мягкое белое колыханье, уходящее за деревню, где протекала, глотая снежинки, чуть пристывающая река. А дальше, за рослыми ольхами, по пологому скату водораздела поля, поля и поля.

Послышались в сенях шаги. Дверь открылась. Девушка на картине художника Васнецова, прямоугольные с маятником часы, отдушина на печи, висящая лампочка над столом глядели, словно обыскивая пришельца, как бы спрашивая его: кто такой? Откуда? Зачем явился? Старик же, сидевший на табуретке, взглянул на вошедшего безразлично, не собираясь его расспрашивать ни о чём.

– Александр! – представился тот с порога. Голос свежий и ясный, как с утреннего мороза. – Попал в передрагу! За что? Да за то, что меня грабанули. Двое. Меня же и сдали ментам, как грабителя этих двоих. Пришлось убежать. Ничего. Я их всех там запомнил. Вернусь ещё к ним. Они у меня будут здесь! Как котята! – Нога Александра в мокром полуботинке колебнулась, вскидываясь носочком, словно он с неё сбрасывал этих котят.

Парень был килограммов под сто. Красивый, с волнистыми волосами, без головного убора, в кожаной куртке. Глаза весёлые, настежь, как раскрытые на весну блестящие окна. А на щеке – белая ниточка – шрам от ножа.

Татанов сразу понял, что парень бывалый, прошедший огонь и воду, однако с секретом, который нельзя раскрывать, и он не раскроет.

– Ну-ну, – сказал Татанов, – я же не видел, как ты убежал. Ни к чему это мне.

– Чудесно, отец! – Александр улыбался, сваливая с лица не только смеющиеся морщинки, но и неровную ниточку белого шрама. – У русского человека душа большая! Поймёт, не то что иностранец!

«Иностранец-то тут при чём?» – не понял пенсионер, загибая рукой полукруг небольшого кухонного пространства:

– Давай проходи.

Парень, хотя и плёл небылицу, но нравился Татанову. Нравился прежде всего своим темпераментом, натиском бойкой жизни и неизвестностью. Кто он? Куда он? И почему оказался именно здесь, этакий взявшийся ниоткуда граф Монте-Кристо, незаслуженно пострадавший и теперь настроившийся на месть?

И пройти-то всего от порога к столу полтора десятка шагов. Но и эти шаги прошёл Александр так, как надо, ступая прочно, на всю подошву, отмечая себя в глазах хозяина чуть ли не праздничным человеком, кому не положено быть, как всем.

– Батя! Выпить бы мне! – попросил Александр. Но как попросил! Слово в просьбе его было то особое обаяние, какое склоняет любого, к кому обращаются с ним, на широкую русскую доброту.

Водки было у Татанова в обрез. Одна бутылка. Её он берёт. Неделю ещё предстояло ждать сына, и ежедневная рюмка вечером перед сном была для него как спасительное лекарство. И всё-таки он сходил к холодильнику. Вынул бутылку. Тут же – на стол. И закуску принёс. Стакан же поставил один.

– А ты чего, батя, не будешь? – спросил Александр.

Татанов отказался, сославшись на нездоровье:

– Сердце. Нельзя. Давай уж ты сам. Без меня...

Александр было не хуже. Сидел, вбирая в себя уют старицкой избы, водку с закуской и робкое шевеление стрелок висевших над ним настенных часов.

Ночь подошла, как белая женщина, заслоняя окна от полумрака, в каком сидела деревня, мирно слушая шорох черёмуховых ветвей, в которых плавали еле видимые снежинки.

– Будем спать, – сказал Татанов, едва Александр покончил с едой и бутылкой.

Сам он забрался на печь. Александр – на кровать. Он уже засыпал, как вдруг услышал внизу страшный треск, словно в простенке около пола трещало рвавшееся бревно. Никогда Татанов не слышал, чтоб так храпели. Сколько энергии в этом храпе, сколько грохота, сколько силы! Слово в маленький дом ввалилась стихия.

Терпел Татанов. Ворочался на фуфайке, сквозь которую проступала твердь печных кирпичей. Храп продолжался почти до утра. Почти до утра не спал и хозяин. Лишь когда поутихло, закрыл глаза и забылся. Но ненадолго. Сквозь сон услышал шаги. Ходил Александр. Снял с печи валенки и ходил в них уютно и мягко, как кот. Слышно было, как открывались дверцы посудного шкафчика, холодильника и буфета, скрипели ящички кухонного стола. Засвистел электрический чайник.

Не понравилась Татанову самостоятельность гостя. Слез с приступков, обув на ноги вместо валенок старые тапки. Выбрался из-за печки. Глазам не верит своим. На столе рядом с чайником, пачкой чая и чашкой, откуда дымился заваренный чай, лежал разбросанный ворох квитанций, бумаг и многих других, печатью заверенных документов. Были среди них и деньги, последние триста рублей, с которыми Татанов собирался сходить за пять вёрст в магазин, чтоб пополнить свои продовольственные запасы. Именно эти три сотенные купюры и увидел хозяин в руке Александра.

– Ну-ко, положи на место! – сказал он ему.

Александр сунул деньги в карман. Пододвинул чашку с заваренным чаем. Стал отхлёбывать не спеша.

– Ухожу, отец! Неплохо бы на дорожку чего-нибудь и покрепче. Может, где заныкано у тебя?

По лицу Татанова полезли багровые пятна, взбираясь на лоб и лысую голову, в которой стало вдруг до неприличия дурно и горячо.

– Положь, говорят! – повторил он, глядя в лицо Александра, с которого тут же и стёрлось весёлое выражение удачливого гуляки, с кого решили потребовать деньги. И это его возмутило. Он лихо встал, смахнув со стола полетевшие на пол квитанции и платёжки.

– Тебе они больше не пригодятся!

Татанов, удерживая свой гнев, повернулся не только грудью, но и душой к вероломному гостю, словно увидел в нём лиходея, кого предстояло остановить:

– Ты чего это, парень? С ума посходил? Ведь последнее забираешь!?

– Заткнись!

Покоробило Татанова. Он оскорблённо моргнул, вобрал в себя воздух и вдруг завёлся:

– Смелый какой! А ежли я милицию вызову? Прямо сейчас...

Не надо бы Татанову об этом. Лицо Александра покрылось злой багрецей.

Татанов опомниться не успел, как был повязан висевшей на спинке стула бечёвкой. По рукам и ногам. И лежал на кровати, брошенный так, что шея его заломилась.

Александр торопился. Схватил со стены хозяйский рюкзак, стал бросать туда всё, что могло пригодиться в дороге из того, что нашёл он в этой избе. Досадовало его, что старик был из бедных и, кроме двух банок тушёнки, двух пачек чая, пакета с сахаром, пачки масла, он не нашёл ничего. Подошёл к Татанову:

– Хлеб? Где хлеб?

– У меня не хлеб, – ответил хозяин, – у меня сухари.

– Где они?

– Там, за дверью.

Александр пнул ногой в проскрипевшую дверь. Увидел мешок на стене. Снял и бросил его в рюкзак. Потом увидел на вешалке стёганую фуфайку. Натянул на себя. А сверху – рюкзак.

Татанов поднапрягся:

– Ты, видать, человека убил? – голос его сухой и скорбный, как шелест страниц книги актов о смерти.

Александр усмехнулся:

– Тебе-то не всё ли равно?

– А куда ты пойдёшь? – спросил Татанов.

– И этого, батя, знать тебе нынче не надо.

– Развяжи меня, – попросил Татанов.

Александр задумался на секунду. Что-то быстро решил. Но решил не в пользу хозяина дома. Пошарив в кармане фуфайки, достал оттуда спичечный коробок. Зажег пару спичек, пристроив их аккуратно на край кровати. Огонь пополз по байковому одеялу. Татанов встрепнулся.

– Это ка-ак? – вытаращил глаза.

– Так, старче. На всякий пожарный. Чтоб ты меня в этой жизни не опознал.

Переступая порог, Александр обернулся:

– Скажи мне что-нибудь на прощанье?

Татанов бросил в дверь негодующий взгляд:

– Подохнешь и ты...

Шёл Александр и шёл вдоль берега по дороге. Уже за деревней, на вырубке, где стоял одинокий стожок, оглянулся. Увидел на фоне летящего снега дым и огонь.

– Был свидетель, и нет, – иронически улыбнулся. – Никто обо мне ничего не расскажет. Хорошо, когда есть на Руси пенсионного возраста обормоты. Слава богу, мне с ними не по пути. Мне ещё жить и жить. А им? Пожили, кажется. Хватит. Их у нас слишком много. Стране и так нелегко. Для чего ей балласт? От него надо срочно освободиться. Как это сделал сегодня я. Хоть одним обормотом станет поменьше...

Ступал Александр в мягких валенках по снежку. Ступал, не смея остановиться, ибо хотел унести свои ноги подальше от этой ненужной ему деревушки, где он оставил огонь, а в огне – никчёмного старикашку, каких на Руси слишком много и все они зацепились за жизнь, как липучий репей.

Вечером мог бы он завернуть в светившееся сквозь лес огнями маленькое селенье и там попроситься к кому-нибудь на ночлег. Но не стал заходить, страхуя себя от случайного невезенья. Потому

и разжѐг среди леса костѐр. Набил котелок свежим снегом. Растопил его на огне. Опустил туда пару щепоток индийского чаю. Налил в кружку и начал пить, хрустя трофейными сухарями.

И было бы в этот вечер ему сытно, угрѐвно и романтично, но сухари объявили войну, разрывая желудок с той силой, с какой могли умертвить бы они и крысу. Александр поднялся и побежал к маленькому селенью, откуда к нему сквозь деревья струились оконные огоньки. Но боль разрасталась и разрасталась. Была она нестерпимой. Александр споткнулся, с отчаяньем постигая, что мукам своим он обязан пенсионеру, потому и находится в этом чѐртовом перелеске, где только голые ольхи, снежный покров да какая-то белая птица на пне, разглядевшая то, как он, спотыкается, падает и встаѐт, боясь не успеть к спасительным огонѐчкам.

АМОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Ах, какая она была доверчиво-юная, пылко верившая ему как какому-нибудь кумиру, кто всегда её и поддержит, и защитит. В то же время была у Наташи и собственная гордыня. И ещё уверенность в том, что он её на другую не променяет. Уверенность эта была у неё во всѐм. Прежде всего в её неусидчивой быстрой фигурке, чистом, всегда улыбающемся лице, смелой походке и, конечно, в прекрасных глазах, смотревших на жизнь как на праздник, главную роль в котором сыграет она. Платье было на ней ручного шитья, с кружевами на рукавах, казеиновым поясом и подолом, игриво плясавшим, когда она шла, и эта пляска Андрея смущала, ибо он видел её божественные колени и хотелось ему целовать их и целовать.

И ведь что? Воспалѳющая мечта оказалась осуществимой. Торопливые поцелуи. Шѐпот. Сбивчивое дыхание.

В свою очередь и она свои маленькие ладошки поднимала ему на плечи и, пройдясь по ним каждым пальчиком, говорила любя:

– Никому не отдам. Ты – мой...

Андрей учился в десятом. Она – в девятом. Всѐ это лето она как бы перерождалась. А до этого что? Была подрастающей, незаметной. И вот обозначилась той, какой её порода и назначала. Чувствовала каждой клеточкой тела, что не только её одноклассники, а, пожалуй, и все кавалеры города ловили её глазами, дабы понравиться ей, настолько была она зазывающей и прелестной. К тому же она очаровывала своими зелѳными, что-то скрывающими глазами, в которых пряталось нечто такое, что достижимо бывает только в мечте.

Вечер. Зыбкие тени от тополей. Где-то рядом река. Как всегда, они были на берегу.

– Ты никуда от меня не уедешь! – сказала она.

– Почему? – Он не понял и даже чуть испугался, учуяв в её мягком голосе женский напор, словно она ему что-то вдруг запрещала.

– Потому, что там будет другая. Не такая, как я, и ты меня бросишь.

Андрей снисходительно улыбнулся.

– Даже если и так, всѐ равно ты её будешь лучше.

Они обнялись, и он услышал её ладошки, лежавшие на обоих его плечах. Казалось, они ему и сказали:

– Буду ждать каждый день!

Они расстались на берегу. На пристань они не пошли специально. Наташа могла бы при всех рыдаться, и ему от этого стало бы неприлично.

Шѐл пароход по вечерней реке. Все пассажиры на палубе. И Андрей среди них. И тут он услышал голос её:

– Андрюша-а!

Она стояла на берегу, под текучей листвоѳ берѳзы. От платья, панамы на голове, туфельек с ремешками – вся белая-белая, как невеста. Махала ему сначала панамой, но та от порыва ветра вырвалась из руки и полетела следом за пароходом, вызывая в толпе пассажиров дружный восторг.

Андрей смутился. Все, кто на палубе был, переводили глаза с неё на него и умилялись, завидуя им. И тут он услышал всплеск многих рук, с каким пассажиры весело отправляли Наташе свой солидарный порыв. За что? За самое молодое. За то, что она сбросила туфельки с ног и стала ими махать, посылая всему пароходу своё горячее «До свиданья-я!».

Андрей чуть померк. Полагал, что Наташу он больше уже не увидит. Как ни странно, однако стало ему в последние дни с ней немного однообразно. Неужели она ему надоела? Он и сам был этому удивлён. Ещё неделю назад испытывал к ней влечение. И вдруг как-то сразу и поскучнел. И стала казаться ему она слишком, слишком простой, слишком, слишком провинциальной. Он считал себя выше её. Разумеется, и умнее. И в эти минуты, пока её видел с палубы парохода, он был расстроен и напряжён. В то же время внутренне рад. Впереди ожидала его свобода.

Разлуки не было для него. Уплыл, принимая всем своим существом длинный ряд новых дней. Хотя нового в них и не было ничего. Всё банально, обыкновенно. Общежития. То одно, то другое. Служба в армии. Институт. Работа на производстве. Девушки. О, как много их было. Выбирал самую-самую среди них. С выбором обманулся. Узнал об этом, когда погрузился в семейную жизнь. Супруга с характером оказалась. Капризным и вздорным. Пришлось разойтись. И вот он один – свободный, скептический, перспективный. На ум приходило то, что он ещё молодой хоть куда. Тридцать девять неполных лет. Так что есть у него и запас, тот, что можно пустить ещё на одну семейную жизнь, где будут и дом, и жена, и будущее, и дети. В думах вспомнилась и Наташа. Вспомнилась сладко, ласково и легко, и он ощутил её пальчики, как лежали они у него на плечах. Казалось, и не Наташа, а сами пальчики спрашивали его:

– Ты помнишь? Помнишь, как ты меня целовал?

Десять пальчиков. Столько же и вопросов. А сколько ответов? Ни одного.

И вот он, тусклый и одинокий, опоздавший к той самой пристани, без которой и человек – да не человек. Оставалось в душе, однако, упрямство. Оно Андрею и подсказало: потеряно, да не всё.

В конце концов, появилась идея – вернуться туда, где прошла его юность. Кто его встретит? Некому встретить. Мать с отцом он ещё в юные годы похоронил. Дом перешёл к дальним родственникам, кого он не знал даже, как и зовут. Но дом – это дело седьмое. В крайнем случае можно его и купить. И ввести в дом хозяйкой кого? Почему б не её, Наташу, вновь вернувшуюся к нему?

Решил послать срочную телеграмму. Пусть придёт, опять же на тропку под тополями, где когда-то они проводили свои вечера.

Потерял Андрей чувство меры и времени. Да и такт потерял. Не надо бы было ему телеграмму. Кто знает, как сейчас обстоят у Наташи дела. Может быть, она замужем. Семья у неё. А он туда как незванный варяг?

Телеграмму отправил он в тот же день, когда сел в пассажирский автобус.

И вот он, старенький городок. Нет, не старенький. Андрей не сразу его и узнал. Среди ветхих домов там и сям стоят, как на выданье, молодые многоэтажки.

Куда Андрею идти? Пошёл туда, где высокие тополя.

Однако не было тополей. Вместо них – огромные свежие пни. Кое-где на них – доски. Садись, отдыхай. Что и сделал Андрей.

Взгляд налево. Потом – и направо. Глаза мелко засуетились. Отчего они так? Словно кого-то он обманул и сейчас предстоит отвечать.

Вон какая-то девушка, стройная, быстрая, в белом, с дамской сумочкой на плече. Приподнялся Андрей. Хотел встать, но опять уселся, от волнения ощутив, как всё его тело отяжелело. Неужели она? Наташа? Какой была, такой и осталась. Нисколько не изменилась. Вот она подошла. В двух шагах от него. И нежным, однако насмешливым голосочком, как своему знакомому, кто причинил ей что-то плохое, иронически изрекла:

– Пришли?

Андрей снова попробовал встать. Но снова отяжелело.

– Наташа? – сказал он испуганно.

Девушка усмехнулась.

– Вспомнили маму?

Прошибло Андрея сверху донизу, так что ноги его ожгло, и он переставил их рядом, на новое место.

– Я и не знал.

– Что – не знал?

– Ничего.

Похожая на Наташу красавица заговорила так, как если бы совершил Андрей тяжкое преступление и надо за это его наказать:

- Вы её бросили.
- Так уж вышло, – буркнул Андрей.

Девушка чётко растолковала то, чего мог Андрей и не знать:

– Она ведь в школе училась. И снова хотела туда. Хотела учиться в десятом. И вот – никуда. Беременная. А беременных в школу кто пустит? Исключили её за аморальное поведение. Одна она и воспитывала меня. Думала, вы приедете к ней. А у вас там своя, видно, жизнь...

Измучился Андрей:

- Она чего? И замуж не выходила?
- Вас ждала! – в глазах у девушки раздражение.
- Но я, – продолжил, было, Андрей.
- Не надо. Лучше не объяснять. Понятно и так.
- Может, можно ещё... – добавил Андрей.

– Напрасно приехали. Мама не пустит. Зачем ей такой? – Это был уже грубый вызов, с каким девушка отвернулась от собственного отца. От него же и маму отгородила, дав понять, что не нужен он здесь никому.

- Дочка, – чуть слышно сказал Андрей, – как хоть звать-то тебя?

Но дочка уже уходила. Заметила возле школы высокого юношу, в светлом. К нему и пошла.

Андрей побито вздохнул и остался сидеть, глядя, как среди летних кустов, в свете поздней зари шли, обнявшись друг с другом, дочка его со своим женихом. Оба могли бы быть и родней. Могли бы, однако не будут уже. Шли, пожалуй, туда, где ждала их сейчас Наташа. Ну, а он оставался на берегу. Станет думать: куда ему? И зачем?

Сидел, весь какой-то истратившийся, пустой. «Поплыву», – сказал самому себе, разглядев под берегом стаю пасшихся на воде лёгких лодок. Спустился к реке. Подошёл к шалашу. Увидел сторожа.

- Покупаю корабль...

Отдал сторожу деньги. Уселся в одну из долблёнок. Подождал, пока сторож его выводил на речную струю. Бухнул вёслами и поплыл. Сначала к купающейся вехе. После – к бакену. Ну, а там и к небесному ходуку, опускавшему вдоль реки серебрящуюся дорожку.

«Ну, куда я? – спросил у себя. Сам же себе и ответил: – А не всё ли равно. Главное, всё на родной стороне, как было, так и оставить. Хватит с меня и одной Наташи. Упустил её. И себя упустил...»

Андрей поднял голову, прислушиваясь к чему-то. Но было вокруг тихо-тихо. Лишь капля за каплей падала с вёсел вода.

Целую ночь просидел он за вёслами. То плыл, то не плыл. Иногда поднимал вверх глаза.

Там, вверху, – глубокое звёздное небо да очищающая луна. Тогда как хотелось грозы и темнеющих туч, в глубинах которых кто-то кого-то подстерегает.

– О, небо, небо, – молвил Андрей, – ну, почему ты такое беззлобное? Почему не меня ты подстерегаешь?..

Рано утром он был на автобусной остановке. Купил билет и поехал туда, откуда хотел убежать. Сидел и слышал, как на плечах его пальчики шевелились. Он узнал их по шёпоту, с каким они спрашивали его:

- Ты помнишь? Помнишь, как ты меня целовал?
- Десять пальчиков. Десять раз и спросили его об этом...

ЗВЕЗДА ЛЮБВИ

Колчак Александр Васильевич – это не только географ, не только морской адмирал, не только исследователь русского Заполярья, не только поэт, но и командующий войсками, кто пытался спасти Россию от большевизма. Какой ценой он её спасал? Ценой эшелона российского золота, которое он захватил в Перми у Советского казначейства. Ценой того, что стал агентом нескольких государств, включая Англию, США и Японию. Ценой жестокости, с какой казнил не только красноармейцев, но и мирное население Сибири, отказавшееся признать его правителем государства. В конце концов, победителем этой страшной трагедии стал не он, а Владимир Ленин.

Потому и Иркутск с угрюмой тюрьмой. И дорога по льду через стылую Ангару к глубокой, но маленькой Ушаковке с дымящейся прорубью, из которой местные женщины черпают воду для самоваров. И ещё хруст шагов по февральскому снегу семерых бойцов-исполнителей, сопровождавших его к невыкопанной могиле, которую им предстояло самим и копать.

Ночь. Утро наступит ещё не скоро. Начальник тюрьмы, он же ответственное лицо за исполнение приговора, останавливает бойцов. Негромко, не по-военному, даже как-то сонно повелевает:

– Давайте. Здесь и покончим.

Красноармейцы вскидывают стволы. Начальник тюрьмы, как бы щадя обречённого, приказывает бойцам:

– Повязку ему на глаза!

Но Колчак отказывается:

– Не надо.

В эту последнюю из минут своего поединка со смертью хотел бы Колчак попрощаться с той, кого любил пуще жизни. Но до неё было так далеко. Как до звёзд, которую он однажды воспел.

Ночь морозная, светлая. В чёрном небе тысячи звёзд. Все незаметные. Лишь одна, в середине Большой Медведицы, отличима от незаметных и сурово, как избранная, сияет.

Александр Васильевич шевельнул губами. Может быть, он наполнился даже музыкой и от отчаяния запел. Запел не голосом, а каким-то высоким, взывавшим в нём повелительным кликом:

...Сойдёт ли ночь на землю ясная,
Звёзд много блещет в небесах,
Но ты одна, моя прекрасная,
Горишь в отрадных мне лучах...

Сколько он написал красивейших песен! И только эта стала сейчас самой главной, самой необходимой, отвечавшей его разбитому настроению, в котором Колчак учуял родственную стихию, разглядев в ней метнувшегося орла. Орёл не летел. А срывался с огромнейшей высоты, откуда видна была вся Россия, подхватив по пути и его, честолюбивого адмирала. И в этот момент Александр Васильевич разобрал:

– По врагам революции – пли!

Умер Колчак не сразу. Будучи с пулями около сердца, он упал, пожелав прижаться к земле, как к утешительнице своей.

Но земли под ним не было. Лишь затоптанный снег. Снег внизу, а сверху раздражительный голос:

– Закапывать – много чести. Туда его...

Последнего выстрела, каким добивал из личного пистолета начальник тюрьмы, Александр Васильевич не услышал. Оглушило нечто громадное, страшное и чужое, словно свалилась вдруг на него вся страна, со всем её населением, с товарищем Лениным, с отрядами красных бойцов, со всеми её лесами, полями и городами.

Взвод исполнителей, погрузив застреленного на сани, повёз его не на кладбище, где была так и не выкопана могила. А на снежную Ушаковку, прорубь которой дышала холодным паром и приняла адмирала как опытного пловца, кто сам подо льдом проложил себе дорогу до Ангары, чтобы оттуда – опять подо льдом – к Ледовитому океану, туда, где его никто не найдёт.

7 февраля 1920 года. Состав с золотым запасом страны, который забрали предавшие всех и всё чехословаки у Колчака, ещё стоял на резервном пути. Куда он пойдёт? И придёт ли по назначению? Об этом в тот день не знал даже сам Всевышний, чьи глаза были заполнены тяжкой думой, объявляющей всей Вселенной о беспомощности своей.

ЧЕМ МОГУ – ПОМОГУ...

Снится бабушке Лиде далёкое прошлое, когда была она молодой и жила в своём домике вместе с сыном. Муж на войне. А здесь, в смоленской маленькой деревеньке, тише, чем тихо, как на погосте, пока с шоссейной дороги не повернули три танка. Один из них напрямую проехал по огороду. А потом по сараю и сеновалу и даже по домику над оврагом, развалив его на два взлома.

Вовка, которому и всего-то пять лет, еле выкарабкался из дома. Обе ножки раздавлены. Должен бы умереть. А он ползёт и ползёт, цепляясь пальчиками за землю. Ползёт куда-то к колодцу. Где-то там его мама.

Лидия в ужасе. Сбрасывает с плеча коромысло. Вёдра катятся по дороге.

Жизнь у малого, как на ниточке. Ещё секунда – и оборвётся. Однако он терпит. Сквозь скрежет зубиков:

– Плохо мне, мама. Плохо...

Лидия падает на колени. Не знает, что ей и делать. Бедный мальчик всем своим личиком – ей навстречу. Так и хочет в неё проникнуть, дабы там, в своей мамочке, и остаться.

– Ножки-то у меня, – жалуется сквозь трепет, каким охватила его невозможная боль, – были, и нет. Новые надо. На этих мне уже и не встать.

Мать гладит малого по головке. Вскидывает лицо куда-то к серому небу. С горем в голосе:

– Боженька дорогой! Забери мои ножки! Я чего? Хватит – и походила. Переставь их сыночку моему...

Небо завалено облаками. Нет же там никого. Однако Лидия слышит:

– Чем могу, помогу...

Спас Господь молодую женщину. Не позволил ей умереть от великого горя. Ну а Вовке её был бессилён помочь. Был бессилён помочь и мужу, не вернувшемуся с войны.

Оттого и горюет Лидия Васильевна, не умея привыкнуть к своим потерям. В то кромешное лето было ей двадцать два. А теперь уже девяносто. Бабка древняя. И жить-то бы ей уже ни к чему. А она живёт и живёт.

Чем жила? Чем держалась? Колхозной работой. Да ещё сокроленной думой о сыне. То и тешит бабушку Лиду, что сынок у неё, хоть и мёртвый, но где-то с ней рядом. Колхоз давно предлагал переехать во вновь построенный дом, который ей, как лучшей колхознице, выделен был в перспективном селе. Но она отказалась. Жила, как птица, в родимом гнезде, собрав его из останков, какие оставил после себя страшный танк. Дабы быть возле мальчика постоянно.

Вот и сегодня Васильевна выбралась за деревню. Идёт себе через поле, где когда-то росла богатая рожь. А теперь здесь розговая трава, ивянки и заплывшие норы, в которых скрываются долгохвостки.

Кладбище рядом. Вон подкрашенная оградка с двумя рябинками, под которыми и лежит у Васильевны сын. С 41-го года он здесь.

Возле холмика с сыном – распахнутая могила – свежая, чистая, с гладко вытесанным крестом. Подготовил её местный копарь. Старушка смаргивает слезу. «Вот и постелька моя. Рядом с Вовкой».

– До завтра, сыночек, – старушка кланяется рябинкам.

На душе у неё жертвенно, чисто и благородно. Она заранее знает предел, за которым маячит безжизненное пространство, куда живущим не было, нет и не будет дороги. Она и силы свои рассчитала, которых хватит, чтоб потихоньку дойти до дома. А там всё и так подготовлено в путь-дорогу, благо сама же себя в эту дорогу и собрала.

Гроб лежит на двух лавках, напоминая Васильевне плоскодонку, в которой она со своим Иваном когда-то плавала по заливу, собирая в нём радостные купавы, чтоб сплести белоцветный венок.

Переодевшись, Васильевна положила на стол кучку денег. Для тех, кто пойдёт её провожать. Достала свечу. Сняла с божницы икону. Помолилась и улеглась, устраиваясь в гробу.

Ночь на дворе. Небо чёрное, с усиками от звёзд, как ковёр, который кто-то раскинул над строгим миром. Замерла Васильевна, почувствовав вдруг необычную радость, словно кто-то поднял её и понёс сквозь небесную бесконечность.

Умерла, как заснула, и сама не заметив, что уже находится в новом мире. Умерла, как под мягкой ладонью, по которой узнала любимого мужа. От ладони пахло осенней травой. В траву её муж в тот далёкий день 41-го и упал, когда выстрелили в него и он не успел увернуться от пули.

Проза

Виктор Борисов

Виктор Авенирович Борисов – родился в 1953 году в Костромской области, окончил художественно-графический факультет Костромского педагогического университета. Писатель, художник-график, преподавал в училищах Кунгура и Вологды, участник нескольких выставок. Публиковался в журналах и коллективных сборниках, победитель Всероссийского литературного конкурса в честь 70-летия Победы. Председатель Правления Вологодского Союза писателей-краеведов (с 2015 г.), живёт в Вологде.

Виноград зевксиса

Главы из повести для детей и взрослых о художниках Эллады

ОТ АВТОРА: Так совпало, что работать над повестью о художниках Эллады я начал в год, объявленный «Годом культуры Греции в России». Искусство Древней Греции всегда интересовало меня. Вызывали восхищение великие скульпторы: Поликлет, Пракситель, Скопас, архитекторы Иктин и Калликрат, построившие величественные храмы Акрополя, волновала трагическая судьба гениального Фидия. И только о художниках Древней Греции мне ничего не было известно, как будто и вовсе не существовало в ту пору станковой живописи. Но ведь в музеях можно увидеть роспись на керамических изделиях, фаюмские портреты – образцы древнегреческой живописи. И я рассказываю о наиболее известных живописцах, о которых упоминали философы и историки Плиний, Ксенофонт и другие.

ОКНО ВРЕМЕНИ

К северо-западу от Агоры располагался район Керамик, в котором проживали гончары и ремесленники-металлурги. Дом гончара Димитрия не отличался от большинства домов в округе. Несмотря на относительно небольшую площадь дома, мастер-гончар сумел выкроить в доме внутренний дворик – перистиль. Даже устроил в нём небольшой бассейн – импловий, где собиралась дождевая вода для хозяйственных нужд.

В портике, рядом с бассейном, было не так душно и достаточно светло. Там расположилась младшая дочь гончара Аполинария – тонконогая стройная, как молодое деревце, девочка лет двенадцати. Кудряшки её тёмных волос непослушно спадали на круглое загорелое личико с большими любопытными глазами и бархатистыми бровями, почти сросшимися у переносицы. Девочка долго уговаривала отца позволить ей расписывать керамические сосуды, научить её правильно держать кисть, вести тонкую прямую линию. И наконец, после обучения и тренировок на бракованных сосудах, отец доверил ей выполнять часть художественной работы на кувшинах, приготовленных для продажи. Зажав между острых коленок обожжённую керамическую амфору, Аполлинария рисовала чёрным лаком по горловине кувшина ободок орнамента, похожего на бегущую волну. Напротив неё, потупившись, царапая палочкой по земляному полу, сидел на табурете Александрос – старший брат, её защитник и товарищ по детским играм. В наказание за провал в учёбе отец заставил его несколько раз переписать и заучить наизусть стихотворение «Приятно, если умный сын в доме растёт». Молодой человек был атлетически сложен: сказались регулярные занятия в палестре, где он вместе со сверстниками по грамматической школе интенсивно тренировался по пентатлону – пятиборью. Не скрывая смешинки по поводу «мучений» брата, Аполлинария изредка бросала взгляд на бугры мышц, проглядывающие из-под хитона юноши.

– Сандрос, у тебя в пятиборье что лучше получается?

– Борьба и бег, – грустно ответил ей старший брат, – в прыжках ещё ничего получается. А вот с копьём и диском пока не очень.

В доме они находились, можно сказать, одни, родители ушли на скотный двор, там их лошадь вот-вот должна была разродиться жеребёнком. Работникам в гончарной мастерской и женщинам-пряхам было не до них – каждый занимался своим делом.

– А чему вас учат в школе? – не унималась Аполлинария.

– Ну, у нас там есть математика, письмо. Читаем Гомера «Илиаду» и «Одиссею». Заучиваем вслух стихи.

Сестра едва сдержала смех.

– Наверно, отец доволен, что ты в этой школе учишься?

– Может быть... Только дорого там учиться. Ладно... Скажи, а что на этой амфоре нарисовано будет?

– Я не знаю. Бывает, отец и сам заранее не знает, что будет рисовать на амфоре. А вот на этом скифосе, – она показала на большую керамическую чашу с двумя ручками, – знаю. Он на ней будет писать сцены с картин художника Тиманфа. Для этого отец даже специально ходил в Пинакотеку рисовать с его картин.

Девочка вдруг заметила, как узкий луч солнца, проникнув сквозь какую-то щель, высветил на стене профиль её брата. Она вспомнила историю про дочь горшечника Дибутада, которая так же, как она, увидела тень своего жениха и обвела его профиль на стене своей комнаты в гинекее. Рассказывают, что благодаря её рисунку горшечник-отец изобрёл стиль росписи керамических ваз.

– Не шевелись.

Александрос застыл, подумав, что сестра заметила ползущего по его одежде жука или гусеницу, но она подошла к стене и на известковой штукатурке быстро очертила остриём ножика его профиль.

– Вот так. Теперь ты останешься здесь навсегда.

– Отец тебя ругать за это не будет?

– Не будет, – бойко ответила девочка и вернулась к прерванной работе. – Сандрос, – в очередной раз оторвавшись от амфоры, заговорила она с братом, – а зачем нужна живопись? Вот амфора, скифос – понятно зачем. Ну, фигуры на них нарисовать, орнамент – для красоты. Это я понимаю, а зачем нужны картины? Отец и сам мог бы нарисовать что-нибудь на кувшине, а он идёт и срисовывает с картин Полигнота, Тиманфа, Паррасия и Зевксиса. Зачем, не знаю...

– Зачем? А вот если хочешь, сама сможешь догадаться зачем. Уговори отца отпустить нас с тобой на Агору. Сегодня там как раз состязание Зевксиса с Паррасием заканчивается.

– Когда? Сегодня? А мы успеем?

– Как постарайся, – мотнув головой в сторону амфоры в руках Аполлинарии, ответил ей брат.

Девочка постаралась и довольно быстро закончила с орнаментальными узорами на кувшинах и прибрала инструменты.

– Сандрос, я только сандалии надену, и мы пойдём.

– Если ещё нас отец отпустит...

– Отпустит. Я его уговорю.

Одной ей никто бы не позволил ходить по рыночной площади, да она и сама вряд ли решилась бы на такой поступок. Агора – это не просто рынок, хаотически застроенный торговыми палатками, это центр жизни города-кузнеца, покровителя всех афинских ремесленников – металлургов и гончаров. Бывая там, в первую очередь они всегда отдавали должное своему божеству. Потом обязательно подходили к девятиструйному фонтану, чтобы ополоснуть лицо прохладной водой, и шли дальше мимо храмов и административных зданий к району торговой Агоры. Здесь располагались торговые лавки, выставлялись эталоны различных товаров, на стелах можно было прочесть последние декреты, здесь находился перистильный дворик, в котором заседал народный суд – трибунал. К зданию примыкали водные часы с лесенкой и прямоугольным бассейном. Аполлинарии нравилось подолгу стоять и наблюдать, как с жемчужным переливчатым звучанием весело утекает время.

Набросив на плечо поверх хитона розовый пеплос и, как взрослая девушка, перехватив в локте другой конец его материи, Аполлинария приготовилась к выходу в город. Александрос накинул на плечи свой плащ. Выйти из дома можно было только через дворовые постройки: конюшни, сарай, поэтому встреча с отцом была неизбежна.

– Как наша лошадка, ещё не разродилась жеребёночком? – по-детски наивно и ласково заговорила Аполлинария.

– Ещё нет. А куда это вы собрались? – Димитрий, крепкого сложения мужчина, с острым взглядом, окладистой бородой и вьющимися в барашек волосами, скорее был похож на мифологического героя, чем на тихого художника-вазописца.

– Отец, на Агоре сегодня соревнование художников. Мне очень-очень хочется посмотреть. И Александрос меня сопровождать будет... Пусти нас, а мы всё-всё, о чем ты попросишь, потом сделаем.

– Ах да, вспомнил, два великих соперника – Зевксис и Паррасий. Ну, сходите, посмотрите, я бы сам тоже сходил, посмотрел, но... Ну, вы мне расскажете, как проходили состязания. Картины на Агоре останутся, потом и я погляжу на их творения.

Девочка в благодарность на секунду прижалась к отцу, а он успел ласково потрепать её по кудрявой голове.

СОСТЯЗАНИЕ

Они успели вовремя. Ещё издали заметили у стены строящегося храма толпу людей, которая собралась поглазеть на интересное зрелище. Художники, скрытые ширмами друг от друга и от любопытных зевак, трудились уже вторые сутки. Публику развлекали музыканты, жонглёры и канатоходцы. Ведущий состязания мэтров в паузах между выступлениями артистов напоминал гражданам о заслугах художников.

– Великий наш Зевксис, – читал диктор гекзаметром, – прославлен был Гомеровою Еленой, чей образ мастер для кротонцев воплотил, собрав черты от пятерых красавиц афинянок. С одной он срисовал уста, с другой – прекрасный стан, от третьей взял румяные ланиты, игривые глаза – четвертой, а от пятой досталась сложная причёска. Так, запечатлев навеки черты красавиц афинянок, Зевксис создал свою картину – прекрасную «Троянскую Елену», – сделав многозначительную паузу, диктор продолжил читать: – Катарсис – очищение своей души через приобщение к страданию чужому, и в этом высший смысл и цель искусства. Паррасий – живописец, как никто другой, справляется с задачей этой. Его старик с картины «Пригвожденный Прометей» есть воплощение скорби, боли и вопль страдающей души.

Диктор в своем словословии не стал пояснять, каким образом Паррасий добился такого натурализма в изображении страданий старого Прометея. Большинство присутствующих здесь граждан знали эту историю: кто-то осуждал художника за содеянное, кто-то нет, но все афиняне восхищались картиной «Прикованный Прометей, терзаемый орлом». Это была самая лучшая картина художника, шедевр правдоподобия, в ней Паррасий сумел изобразить истинное лицо терзаемого, полуживого Прометея. Невозможно было без слёз смотреть на картину и не испытать чувство протеста к произволу богов, приковавших цепями защитника людей.

Но полного катарсиса не получалось, просветлению мешала тень истории создания картины. Однажды Паррасий увидел на невольничьем рынке дряхлого старика-раба, чья иссохшая, пергаментного цвета кожа, борозды глубоких морщин и пронзительный взгляд поразили художника своей выразительностью. Паррасий купил старика. В мастерской раба привязали рядом с окном, где было самое яркое освещение, и несколько дней морили голодом. За это время художник, напевая, рисовал с него наброски, заставлял принимать разные позы и готовил материалы для картины. Когда же, наконец, Паррасий приступил к своей работе, он велел по-настоящему истязать натурщика. Старик кричал от боли, а художник, продолжая напевать, писал свою великую картину. Присутствующие просили пожалеть несчастного раба, на что художник отвечал:

– Я его купил. Я заменю больного, немощного старика картиной, которая переживёт века.

Старик впал в агонию и еле слышно простонал:

– Паррасий, я умираю...

– Вот так и оставайся! В этом миге вся суть искусства. Таким мне в частых грёзах, во мраке ночи являлся Прометей. Именно таким!

За этот случай Паррасий держал ответ перед советом Ареопага. Он был оправдан и прощён после добровольного решения пожертвовать свою картину храму Минервы.

– Полинария, смотри, – Александрос жестом показал на небо, – как домашние птицы перед кормлением.

Над людской толпой, помогая флейтистам своими трелями, щебетанием и свистом, кружила стая мелких птиц, призывая к себе всё новых и новых птах.

– Не докричались бы до орла...

– В полисе им не страшно, это не в горах или в степи.

Между тем диктор завершил своё выступление:

– И вот сегодня на Агоре два мастера сойдутся в честном споре.

Велено было разбирать ширмы, и пред зрителями наконец предстали прославленные художники. Парассий, в своём знаменитом расшитом золотом пурпурном плаще, и Зевксис, в плаще цвета старого золота, расшитом узорами собственного рисунка. Афиняне приветствовали их восторженными криками и аплодисментами. Всегда улыбчивый Зевксис, небольшого роста и плотного телосложения, и серьёзный, горделивый Паррасий даже внешне соперничали друг с другом. Художники стояли возле своих произведений, пока ещё зашторенных занавесями от зрителей.

– Кто первый нам представит свой шедевр? Пусть кинут жребий меж собою мастера, – ведущий предложил художникам бросить игральные кости.

– Я без спора уступаю Зевксису, – во всеуслышание заявил Паррасий. – Пусть он первый покажет свой шедевр.

Ведущий на секунду растерялся, но, посоветовавшись с художниками, согласился.

– Каждый может выбор лучшего из мастеров себе определить! – продолжал диктор. – Но в председатели жюри, в составе двенадцати достойных горожан, назначен нами Никий. Сам Пракситель сделал этот выбор, указав на юношу, талантом превосходным способного и дальше славить миру искусство Греции!

Никий расписывал мраморные скульптуры великого Праксителя, и мастер высоко ценил его талант, говорил, что благодаря искусству Никия его скульптуры становятся намного лучше. Молодой человек показался публике слишком юным, для того чтобы играть роль «архонта» и в то же время, по отмеченной всеми его самоуверенности и твердости характера, вполне мог быть удостоен такого назначения.

– Первым, по взаимному согласию, свою картину покажет Зевксис из Гараклеи, – громко объявил юноша.

Художник снисходительно улыбнулся, глядя на «молодого да раннего» выскочку, напомнившего всем о происхождении Зевксиса. Хотелось сказать: «Мальчик, я живу в Афинах столько лет, сколько тебе ещё от роду нет», но вместо этого он обратился к афинянам:

– Прежде чем откроется этот занавес...

Всё вокруг замерло, прислушиваясь к словам Зевксиса, даже птицы, казалось, прекратили шуметь.

– ...прежде чем вы начнёте судить мою картину, подумайте, кто из ныне здравствующих живописцев способен сделать так, как сделал это я? Лучше, чем я? – он с вызовом глянул на соперника. – А теперь сдёрните занавес!

В толпе ценителей искусства живописи эхом прокатился вздох удивления и восхищения. На стене, как живая, выросла ветвь виноградной лозы с висящими крупными гроздьями винограда. По ветке, перекрученной спиралью, змеились усы. Острые кончики тёмно-зелёной листы едва удерживали капельки росы. На спелых, полупрозрачных ягодах лежал туманный восковой налёт. Солнце отдыхало в тени тяжёлых гроздьев. Встречались и потерявшие свои соки увядшие ягоды, ставшие изюмом. Возможно, изюм привлёк внимание любопытных птиц, а может, в не ко времени созревшем винограде птицы решили полакомиться гусеницами. Сначала одна птичка, трепеща крылышками, зависла над картиной, следом за ней другая. Наконец птички решились попробовать на вкус картину-обманку и несколько раз ткнули клювом по стене.

Зевксис рассмеялся первым, толпа поддержала его аплодисментами, смехом и возгласами:

– Ты! Ты самый лучший! Зевксис победитель! Слава Зевксису!

Невдалеке от Александроса и Аполлинарии, как всегда в сопровождении добровольных учеников, за состязанием художников следил философ Сократ. За похожим на маску Сатира лицом – с приплюснутым носом, с широкими ноздрями, с выпуклыми глазами и толстыми губами, с глубокими залысинами на голове – скрывался, по признанию дельфийского оракула, мудрейший из людей Эллады.

Хотя философ говорил негромко, но каждое произнесённое им слово обладало магической силой и невольно притягивало слушателей. Оказавшись рядом, молодые люди расслышали следующее замечание знаменитого мудреца:

– Обмануть глупых птиц нетрудно, об этом знает всякий птицелов, но птицеловам никто не станет так аплодировать. Суть искусства живописи, изображающей живое, всё-таки не в этом...

О чём дальше говорил Сократ, они не сумели услышать из-за нового взрыва хохота и возгласов толпы.

– Смотри, что вытворяют! – показывали в толпе на непонятливых птиц. – Чем теперь Паррасий будет отвечать?

– Снова проиграет!

– Зевксис – победитель!

– Помнишь, как Паррасий Тиманфу проиграл?

– Помню. Как такое забудешь...

На состязании, на острове Самосе, Паррасий выставил картину, написанную на тему «Аякс в споре с Одиссеем из-за оружия Ахилла». На тот же сюжет представил картину и художник Тиманф. Судьи признали лучшей картину Тиманфа, тем самым нанеся оскорбление гордости Паррасия, утверждавшего, что его род идёт от самого бога Аполлона. Выслушав решение, Паррасий надменно ответил судьям и своему сопернику Тиманфу: «Мне жаль, жаль, что Ахилла опять победил один из недостойных!» Что теперь ответит Паррасий, как перенесёт неминуемое поражение? Этот вопрос заботил всех присутствующих. Постепенно толпа притихла в ожидании развязки.

– Ну а теперь ты отдерни свой занавес, – попросил Паррасия довольный собой Зевксис.

– Не могу, – ответил Паррасий, – он у меня нарисован.

– Как? Не может быть... – Зевксис, не веря глазам своим, подошёл ближе к работе Паррасия и потрогал нарисованный занавес рукой. – Ты победил.

Народ молча ждал решения судей.

– Победил Паррасий, – ещё раз громко объявил Зевксис. – Я обманул птиц, а он обманул глаз живописца. Я отдаю свою победу, даже если судьи присудят её мне. Победил Паррасий!

Никию и судьям ничего не оставалось делать, как согласиться с добровольным решением Зевксиса выйти из борьбы за первенство. Победу в состязании присудили Паррасию.

«СЕМЬЯ КЕНТАВРОВ»

Без особого воодушевления народ воспринял известие о присуждении победы Паррасию. Выносящего лавровый венок Никия встретили жидкими аплодисментами, а, когда тот приготовился венчать венком голову художника, из толпы донёсся недовольный свист.

– Зевксис победитель! – не успокоившись, кричали поклонники художника.

Художник Зевксис жестами и словами, как мог, успокаивал своих почитателей, а Паррасий, высматривая хулиганов, бросал гневные взгляды в толпу. Он как будто впервые увидел афинский народ. Перед ним стояли обычные люди: горшечники, оружейники, портные, повара, корабельщики, медники, лекари, плотники, кожевенники, купцы и мелкие торговцы, учителя, музыканты, писцы, наставники в гимназиях и палестрах, обычные люди самого разного положения, достатка, профессий, характеров и выражения чувств. Среди них можно было встретить и суровые лица, и возвышенные, а также низменные и трусливые, мелькали хитрые лица рабов и чумазные лица ковыряющихся в носу детей, он вычислил и раздражённые, злые лица людей, несогласных с его победой. Здесь были все. Не было только единого, легендарного, героического народа Эллады, о котором слагаются мифы.

– Триумфатора венчает венец лавровый! – читал диктор заготовленный текст. – Чествовать так победителя нам заповедал Аполлон. Чтоб никогда не забывать итог любви неразделённой, он сам на голову себе надел венок от нимфы Дафны. С тех пор от имени его мы награждаем победителей венком лавровым, чтоб вечной славой внушал восторг и поклонение артист, поэт, спортсмен, художник, музыкант, мыслитель мудрый и правитель справедливый. У живописцев в состязании сегодня победил Паррасий, воздадим ему хвалу! По праву надлежит принять ему победный символ – лавровый венок!

Пока диктор читал победителя, недовольство толпы сошло на нет. Никий в полной тишине наконец-то торжественно надел на голову Паррасия лавровый венок. Добродушно улыбаясь, к быв-

шему сопернику подошёл Зевксис, поздравил его с победой и в знак признательности вручил Паррасию свою художественную кисть со следами свежей восковой краски. В толпе снова возник шум: аплодисменты и выкрики: «Зевксис, Зевксис, Зевксис». Художник повернулся лицом к народу и призвал всех утихомириться.

– Паррасий победил! Всем, кто не согласен с моим решением, я предлагаю подождать до следующего состязания. А теперь, если кому-то интересно моё творчество и если вы хотите увидеть мою новую картину, то прошу всех через час подойти к моему особняку. В моём перистиле найдётся место для всех. Только прошу не опаздывать.

Особняк Зевксиса был, пожалуй, самым заметным в квартале олигархов. Побывать во внутреннем дворике огромного дома знаменитого и очень богатого художника хотели бы многие. Но не каждый собирался пойти туда, да и не всякого могли там с радостью принять. Зрелище кончилось, народ начал расходиться. Напоследок диктор спешно зачитывал городские объявления:

– В театре Диониса у стен Акрополя покажут завтра трагедию Эсхила. Всем зрителям советую с собою взять подушки, чтобы на скамьях театра приятно и удобно игру актёров наблюдать и голос хора слушать. Декорации к спектаклю создал Аполлодор-великий, по прозвищу «Скиаграф», что означает «тенеписец». Для трагедии Эсхила на кулисах выносных Аполлодор, изобразил горы, море, острова, виноградники, оливковые рощи так, как будто зритель в тех местах присутствует. Только ради этого, чтоб посмотреть на декорации Аполлодора, советовал бы я спектакль тот посетить.

Диктор успел прочесть и коммерческое объявление.

– Чтобы сияли глаза, чтобы алели щёки, чтобы надолго сохранилась девичья краса, разумная женщина будет покупать косметику по разумным ценам у Эклиптоса.

* * *

Покидая Агору, Александрос спросил у Аполлинарии:

– Как, Полинария, понравилось тебе?

– Да, очень. Особенно «Виноград» Зевксиса.

– Ну, теперь ты поняла, зачем нужна живопись?

– Нет, пока всё равно не поняла, – честно ответила девочка.

– Ты видела, сколько народу собралось посмотреть картины?

– Много.

– Вот именно, много. А ещё больше захочет посмотреть на картины после состязания. Каждый афинянин посчитает обязанностью прийти сюда и сам, своими глазами увидеть те картины, о которых уже сейчас рассказывают легенды.

– Ну и что?

– А то, что живопись не только катарсис для каждого отдельного человека, но живопись ещё и объединяет всех людей в единый культурный народ.

* * *

В назначенное время в перистиле особняка Зевксиса собрались все званые гости. Тут были и Сократ с учениками, и ученики художественных мастерских, и художники, и мастера, и любители искусства, и ценители, и оценщики. К Зевксису пришёл и «Скиаграф» – Аполлодор, знаменитый не только своими театральными декорациями, но и монументальной настенной живописью и своими картинами, «открывшими двери в искусство». Пришёл и судивший состязание Никий, также не гнушавшийся станковой живописи и умевший придавать написанным фигурам такую иллюзию рельефности, что, казалось, они выступают из картины. Здесь был скульптор и художник Евнафор, изображавший на своих картинах фигуры героев так, словно они были выточены из мрамора. И конечно, с лавровым венком на голове, в ещё более роскошном плаще и с тростью, перевитой золотой лентой, пришёл Паррасий. Вместе с ним пришла гетера Полиния из Эфеса, недавно прибывшая в Афины. Гордая красота независимой женщины была особенно заметна в её спокойных, умных больших серых глазах, неброско и умело оттенённых косметикой.

Зевксис добродушно встречал гостей, и на его лице не было заметно тени огорчения от поражения на состязании.

– Я хочу представить вам свою новую картину. – Все внимательно слушали гостеприимного хозяина. – Может, кому-то она покажется необычной, нарушающей привычные представления, но художник имеет право показать людям то, что никто и никогда не видел и не увидит без помощи художника. Все знают, кто такие кентавры, хотя никогда и никто их не видел воочию. Знают про их свирепый нрав, хотя никто с ними не сталкивался вживую. Я решил показать не звериную натуру кентавра, а человеческую. Ведь наполовину он всё же человек, и ему, как и нам, присущи обычные человеческие чувства. Кентавры, так же как и мы, способны любить, воспитывать детей, заботиться о своих близких и даже быть друзьями человека. Вспомним хотя бы учителей Геракла – кентавров Хирона и Фола. Моя картина называется «Семья кентавров», и вы сейчас сами всё увидите своими глазами...

Зевксис велел вынести картину на публику, и пара рабов, склонившись от тяжести, вынесла большое полотно, собранное из деревянных дощечек, на котором была написана удивительная сцена.

На переднем плане изображена кентавресса. Она отдыхает на цветущем лугу. Женская её половина, облокотившись о холмик, легко приподнята над землёй. Одного из детёнышей она по-матерински держит на руках и кормит грудью, а другой, постарше, припал к её лошадиным сосцам. На втором плане, словно стоящим на страже, изображён гипокентавр. Он, играючи, держит в руке львёнка и дразнит им своих детей. Ребятишки по-детски наивно глядят вверх и теснее прижимаются к матери. Кентавра-мужа Зевксис изобразил совершенно диким, с развевающейся гривой и сплошь волосатым. Хотя кентавр и улыбается, но смотрится вполне по-звериному. Подруга же его представляла собой красивейшую кобылицу и женщину совершенной красоты.

Картина была написана свежими, чистыми красками. Мягкий переход, связывающий человеческое тело с конским, превращение одного в другое, происходил совершенно естественным и незаметным для глаз образом.

Общее мнение среди ошеломлённых зрителей выразилось одним словом:

– Великолепно!

– Зевксис – великий художник!

– Да, надо признать, неожиданное решение, – сохраняя достоинство, высказался Паррасий. – Особенно мне понравился точный анатомический рисунок, а также композиционное построение картины.

– Да, да, – поддержали его, – посмотрите, как плавно переходит одна контурная линия в другую.

Считалось, что Паррасий в своих картинах с особой тщательностью относился к рисунку и, по признанию художников, «достиг первенства в контурах».

– Сколько такая картина может стоить? – донеслось с дальних рядов зрителей. Вопрос был явно задан торговцами искусством.

– Нет такой цены, – ответил Зевксис, – которая была бы достойна моего произведения.

А художники между тем продолжали обсуждать картину.

– По моему мнению, не надо было изображать гипокентавра чересчур волосатым, – высказал свою точку зрения Никий. – Лучше было бы показать атлетическую фигуру кентавра, а не скрывать за густыми волосами его крепкую мускулатуру.

– Это сделано на контрасте с фигурой кентаврессы, – возразили ему.

– Всё равно, – не успокаивался Никий, – картина была бы более цельной.

– А мне кажется, деревья несколько неестественны, и таких цветов, что на первом плане, в природе не существует.

– И рисунок у Зевксиса не такой уж безупречный...

– Зачем Зевксис всегда изображает фигуры несколько большими, чем они есть на самом деле?

– А вы видели настоящих живых кентавров?

С каждой новой услышанной фразой добродушная улыбка постепенно сходила с лица Зевксиса.

– Легче критиковать, чем самим сделать что-то подобное. Легче порицать, чем сделать лучше, – отвечал он соратникам по искусству живописи.

В это время Полиния из Эфеса, попросив у хозяина особняка воды, обратила на себя общее внимание. Зевксис подал знак, и статной женщине преподнесли кувшин с холодной водой. Она взяла его в руки, но пить сразу не стала.

– Все, кто говорил сейчас о картине, наверное, увидели бы в этом кувшине недостаточно обожжённую глину, мелкие трещинки и царапинки, плохого качества лак и примитивный рисунок, а, взяв кувшин в руки, наверное, почувствовали бы пот мастера, трудившегося над ним. А я вижу прекрасную форму скифоса с затейливым орнаментом и интересным сюжетом. И самое главное, из этого кувшина я утоляю свою жажду, – гетера на глазах публики пригубила от края кувшина немного воды. – И никакого пота от гончарного труда я не заметила, – она ещё раз прикоснулась губами к кувшину, – и никаких трещинок и шероховатостей не почувствовала, – она поблагодарила Зевксиса, – Великий Зевксис, вы дважды утолили мою жажду.

В наступившей тишине прозвучали одобрительные аплодисменты. Это в ладони хлопал Сократ.

– Всё-таки среди гетер есть удивительно мудрые женщины, – он редко награждал такими словами кого-нибудь ещё. Подруга Паррасия напомнила ему Аспасию, супругу Перикла, у которой он в своё время учился искусству риторики. – Вот так надо отстаивать свою правоту. Прямой путь не всегда является самым коротким. Прямолинейность высказывания не всегда убедительней иносказательной притчи, – учил он своих учеников.

После изысканной отповеди недоброжелателей разговор перешёл на обсуждение достоинств картины. Теперь все стали хвалить мастерство живописца, его красочную палитру, соразмерность частей и целого, умелое распределение света и тени и так далее и тому подобное. Но на хозяина это уже не произвело ни малейшего впечатления. Обычно весёлый нрав Зевксиса не возвращался к нему, и кажется, он не на шутку обиделся на гостей. Зевксис подал знак, и рабы, прикрыв картину занавесом, унесли её из перистилия обратно в мастерскую художника.

СОКРАТ И ПАРРАСИЙ

Афины отдыхали от дневной жары. С моря лёгким дыханием веяло прохладой. Вся Эллада погружилась в предвечерние сиренево-синие сумерки. Безграничное небо слилось с безбрежным морем, и в солёном небе плескались рыбы, а в морской бездне загорались мириады звёзд и ночных светил.

Паррасий любил в это время суток пройтись по обезлюдевшей площадке Ареопага, с которой виден морской порт, где на убаюкивающих волнах раскачивались рыбацкие и торговые судёнышки.

– Что такой хмурый? – спросила идущая рядом с ним Полиния.

– Остался какой-то неприятный осадок после перистилия Зевксиса.

– А в чём дело?

Паррасий небрежно снял с головы лавровый венок и смял его.

– Его картина поначалу поразила меня... Оригинальный сюжет, мастерское исполнение, но чем дольше я смотрел на неё, тем больше она меня начинала раздражать.

– А мне понравилась. Особенно малыши-кентавры. У ребятшек такие чистые наивные глазёнки. И кентавресса – красавица, и львёнок в руке кентавра как живой. И, я думаю, эта картина добавит славы Зевксису.

– Ты, наверно, знаешь, Полиния, что мне тоже в своё время приходилось работать над темой «кентавромахии», – не разделяя её восторгов, продолжил Паррасий. – Чеканщик Мис по моему рисунку «Битва кентавров с лапифами» выбил рельеф на щите Афины «Промяхос». Да-да, той самой, что стоит на площади Афинского Акрополя, – Паррасий невольно оглянулся и с гордостью показал на видимую отовсюду величественную бронзовую статую, горящую огнём в лучах вечернего заката. – Сам Фидий доверил мне, тогда ещё совсем никому не известному юноше из Эфеса, этот заказ, – мягкая улыбка добрых воспоминаний отразилась на его лице.

– Зевксис знаменит. Сделал себе громкое имя, – после паузы продолжил он наболевшую тему, – поэтому Зевксису сейчас позволено всё! Он может писать всё, что захочет, и всё ему сходит за золотую монету.

– Я слышала, что Зевксис иногда дарит свои картины бесплатно, говоря, что нет такой цены, которая достойна его живописи.

– Я тоже слышал об этом... Но в этом ли цель и задача искусства – поразить людей сиюминутным эффектом? И эти его постоянные слова о том, что критиковать легче, чем написать так же, как он, воспринимаются как его личное самооправдание. А в чём ему оправдываться? Он великий художник! Всеми признанный, окружённый почётом и славой. Богат. Но даже к своим картинам атлетов, вы-

ставленным в Олимпии, зачем-то прикрепил таблички, где золотыми буквами написал: «Легче может кто-нибудь завидовать, чем подражать».

– А ты ему, часом, не завидуешь, Паррасий?

– Нет. Я не собираюсь подражать ему. Не хочу писать так, как он. У меня своя дорога. Но кто из нас прав, не знаю.

– Мне кажется, каждый художник задаёт подобные вопросы и каждый сам находит на них ответы. Может, тебе стоит пообщаться с Сократом?

– Ты так считаешь?

– Конечно. Кто ещё лучше его разбирается в сути вещей.

– Наверное, ты права... А где можно найти Сократа?

– Обычно он бывает на Агоре. Может, и сейчас он ещё там.

* * *

Сократ происходил из самой обычной простой семьи. Отец его – ваятель Софроникс, а мать Фенарета – повивальная бабка. В молодости Сократ помогал отцу и даже подавал надежды стать неплохим скульптором. Но он выбрал другой путь – путь «повивального искусства». Как его мать помогала женщинам рожать детей, так и он «помогал юношам, рождающим прекрасные мысли». Вокруг Сократа всегда были его друзья, участники бесед, называющие себя его учениками – «сократиками», так про них говорили в народе. Сам он не считал своих собеседников учениками, ибо своей школы никогда не имел и денег ни с кого не брал.

В отличие от «софистов» в ковычках, которые за большие деньги обучали красноречию молодёжь из состоятельных семей, софисты, платные «учителя мудрости», считали, что изворотливая мысль бывает сильнее оружия, и если ты владеешь искусством спора, «эристикой», то сумеешь «неправое дело выставить правым, а слабые аргументы – сильными». Многие военные, авантюристы и политики учились у софистов ловко обманывать доверчивый народ.

Бедно одетый, вечно босой, Сократ, презиравший деньги и проповедующий воздержание от грубых страстей, необходимость образования, гражданский долг, справедливость, почитание богов и жизнь по совести, Сократ, обличающий гордыню и честолюбие, вызывал у «софистов» гнев и даже ненависть. Его необычная манера разговаривать доверительно, по-дружески и в то же время иронично в конце концов смущала собеседника, который вдруг понимал, что он не столь умен и значителен, как думал о себе перед началом беседы с Сократом. На него можно было обижаться, но никто не обижался, наоборот, Сократ был постоянно окружён искавшими мудрости молодыми людьми, друзьями, почитателями и учениками. Сократ не был спорщиком, как «софисты», он был диалектом, то есть способным выяснять суть предмета в дружеской непринуждённой беседе с помощью вопросов и совместного поиска ответов на них. К Сократу шли те, кто пытался докопаться до истинного знания, и шли просто любопытные, привлечённые его славой. У него были верные друзья из разных концов Греции. Иные, восторженные поклонники, были готовы ради него бросить все блага жизни, были и такие, кто во время войн по ночам под страхом смерти пробирались в Афины, чтобы послушать Сократа, записать его слова и мысли, сохранить в памяти всё, что он говорил, чтобы потом, вернувшись, пересказать всем интересующимся жизнью учителя. С ним искали дружбы и заносчивые аристократы, и цари, и властители. Сократ отклонил приглашение македонского царя прибыть к нему во дворец, он также отказался от приглашения властителей Фессалии и Ларисы.

Иногда Сократ сам находил себе достойных учеников: при его содействии был выкуплен из рабства Федон из Элиды, который на долгие годы стал ему ближайшим другом. Или, как в случае с Платоном, Сократ сначала увидел во сне встречу с будущим преданным учеником, прославившим его имя в веках. Этой встречей Платон был так потрясён, что сжёг всё, что до этого сочинил, и с этой минуты посвятил свою жизнь учителю. Сократ дал Платону твёрдую веру в существование истины, которая познаётся трудным путём внутреннего самоочищения. Ксенофонт познакомился с Сократом при необычных обстоятельствах. Однажды Сократ встретил Ксенофонта, загородил ему дорогу палкой и спросил: «Где продаются съестные припасы?» На ответ Ксенофонта он вновь задал вопрос: «А где люди делаются добродетельными?» – и на смущённое молчание юноши властно приказал: «Иди со мною и учись!» Мудрость Сократа всюду прославлял ещё один из его пылких друзей – Хорефонт. Од-

нажды он отправился в священный город Дельфы к оракулу Аполлона и спросил, есть ли кто-нибудь на свете мудрее Сократа? Ему в ответ пифия изрекла: «Софокл мудр, Еврипид мудрее. Сократ же мудрейший из всех людей». Такое признание исключительной мудрости глубоко подействовало на Сократа, и он стал учить своих сограждан истинному знанию, так как считал, что есть «одно только благо – знания, и одно только зло – невежество».

Всегда независимый, задиристый и остроумный, Сократ был общительным человеком. Он проводил дни то в гимнасии, то в палестре, то на Агоре, то за пиршественным столом. И всюду он беседовал, давал советы, выслушивал жалобы, учил жизни и пытался найти ответы на насущные вопросы.

Паррасий нашёл Сократа там, куда его направила Полиния, – на Агоре. Старец был не один. Повидимому, только что закончился очередной философский спор. Несколько молодых людей, восхищённых строгой логикой сократовской мысли, восторженно аплодировали ему. Сократ издали заметил Паррасия и сразу понял, что художник вернулся на Агору не просто так, а в поисках встречи с ним. Он также хотел этой встречи и, деликатно отстранившись от своих почитателей, направился к Паррасию.

– Что привело триумфатора живописи к бедным философам?

– Сократ, я слышал, что ты много знаешь и давно хотел с тобой побеседовать о смысле живописи и о её предназначении?

– Ты ошибаешься Паррасий, я знаю только то, что ничего не знаю. – И, хитро улыбнувшись, продолжил: – Но другие не знают и этого.

– И... мы не сможем поговорить?

– Почему же, только что с моими друзьями мы вспоминали твоё состязание с Зевкисом и его новую картину «Семья кентавров».

– И каковы суждения?

– Разные. Платон, например, называет вас «фокусниками», сделавшими своим ремеслом обманчивую видимость.

– А как тебе, Сократ?

– Я, как и все афиняне, люблю живопись, ценю и почитаю художников. Поднимаясь к пропилеям Акрополя, никогда не забываю заглянуть в Пинакотеку и полюбоваться на картины Полигнота.

– А знаешь ли ты, Сократ, что большой греческий Совет однажды решил, что Полигнот может пользоваться гостеприимством каждого дома в любом городе Греции и останавливаться там, где ему вздумается. Совет обязался оплачивать все его расходы. Надо отдать должное: Полигнот не злоупотреблял этим решением.

– Паррасий, а что такое живопись?

– Ты будешь смеяться, Сократ, но именно этот вопрос я хотел задать тебе.

– Не есть ли живопись отражение вещей, которые мы видим? Не изображает ли художник с помощью красок выпуклости и впадины, светлое и тёмное, жёсткое и мягкое, шершавое и гладкое, молодую упругость кожи и дряблость тела?

– Да, это так и есть.

– А когда вы хотите изобразить красивые формы, но не находите человека, в котором было бы всё безупречно, не соединяете ли вы в одной модели черты нескольких, беря у каждой то, что в ней красивее всего? Не так ли художник создаёт прекрасные образы?

– Да, именно так мы и поступаем, – сказал Паррасий, понимая, что Сократ намекает на картину Зевкиса «Елена Троянская».

– Теперь дальше. Выражаете ли вы душевные свойства?

– Да, – после некоторого раздумья ответил художник. – Но только проявление крайних чувств: гнев, боль, страдание.

– На этот случай я даже помню одно стихотворение, – хитро улыбнувшись, произнёс Сократ, – посвящённое картине «Филоктет на Лемносе»:

Так и Трахинский герой
Филоктет, изнурённый страданьем,
Кисти Паррасия дар здесь пред нами предстал.
Видишь, сухие глаза немую слезу затаили.
В них глубоко залегла невыносимая боль.
О ты, чудесный художник, могучий искусством, надо б
Отдых от мук наконец мужу усталому дать.

Увы, но вы бессильны изобразить самое проникновенное, самое трогательное, самое достойное изображения – состояние Души человека. Выражаете ли вы душевные свойства, как, например, приятность и равнодушие, волнение и зависть, любопытство и интерес, презрение и стыд?

– Да как же, Сократ, выразить то, что не имеет ни определённой меры, ни пропорций, ни цвета, ни ярко выраженных эмоций. Вообще ничего. То, что ты только что назвал, едва заметно, даже невидимо.

– Но бывает так, что человек смотрит на кого-либо то дружелюбно, то враждебно?

– Конечно.

– Не следует ли выразить это хотя бы в глазах?

– Разумеется.

– А замечал ли ты, что в счастье или несчастье друзей лица сочувствующих или не сочувствующих им бывают равно одинаковыми?

– Конечно, нет! – возмутился Паррасий. – При счастье друзей у сочувствующих им лица светлые, а у несочувствующих – мрачные и злые.

– Значит, и это можно воспроизвести?..

– Наверное, да.

– Дальше. Величие и независимость, унижение и рабство, осторожность и рассудочность, надменность и высокомерие разве не проглядывают в чертах человека и во всей его внешности, и когда он стоит, и когда движется, и когда он лицом к нам, и даже когда к нам спиной?

– Это правда, – отвечал Паррасий.

– Значит, и это нужно учитывать, и это можно выразить?

– Да, наверное, можно.

– И теперь думаешь ли ты, что люди охотнее смотрят на таких людей, в которых проглядывает красота, добро и любовь, чем на таких, в которых проглядывает безобразие, зло и ненависть?

– Конечно, Сократ, это большая разница, – ответил Паррасий, впервые усомнившись в истинности слов учителя.

– Чаше заглядывай в собственную душу, – уловив нотки сомнения, сказал ему Сократ. – Только в душе ты сможешь найти искру правды и истинные знания. Боги поместили их в каждое наше сердце, и вывести их на свет каждый должен сам, только ты сам сможешь раздуть пламя истины.

В беседе они не заметили, как к ним, крадучись, подошла женщина с маленьким ребёнком на руках.

– Вот ты где! – закричала она. – Старый бездельник! Плут! В доме нет ни крошки хлеба! Дети голодные, а он целыми днями треплет языком на Агоре.

– Познакомься, Паррасий, – спокойно сказал Сократ, – это моя жена Ксантипа. Если тебе попадётся хорошая жена, будешь счастливым, а если плохая – станешь философом.

– Это я-то плохая жена? – пуще прежнего закричала Ксантипа и попыталась отвесить Сократу затрепину. – Боги! Вы знаете, сколько мучений причинил мне этот старый бездельник. Я родила ему троих детей. Весь дом держится на моих плечах, и он ещё смеет называть меня плохой женой. Боги, призываю вас в свидетели, кто из нас прав – я, несчастнейшая женщина из всех женщин на земле, или этот никчёмный болтун?

Сократ, наскоро попрощавшись с Паррасием, взял на руки младенца и направился к выходу с Агоры, а рыжая сварливая женщина шла за ним, продолжая что-то громко говорить, периодически вздымая к небу руки.

Паррасий как драгоценный жемчуг перебирал в памяти услышанные мысли Сократа. Замысел картины возник сам собой. Он вспомнил прошедшее состязание, вспомнил толпу смотрящих на него людей. Перед ним предстала череда лиц с различными оттенками эмоций: простых и понятных, не кричащих, но рассказывающих о себе гораздо больше, чем те «театральные маски», которые он рисовал до сих пор. «Я обязательно напишу эту картину, – твёрдо решил он, – большую картину, и она будет называться “Афинский народ”».

Проза

Александр Балашов, Галина Чудинова

Александр Балашов – окончил с отличием Государственную военно-медицинскую академию им. Кирова в Санкт-Петербурге по специальности «хирург травматолог-ортопед». Свой трудовой путь начал от фельдшера медсанбата, приобретя необходимый профессиональный опыт, работал начальником госпиталя. Доктор медицинских наук. Служил в Грозном, Северодвинске, Приморье и на Урале. Имеет боевые награды. Автор ряда статей и монографий о заболеваниях опорно-двигательного аппарата и методах их лечения. Автор многих размещённых в соцсетях миниатюр о нелёгком труде военных врачей. Проживает в Екатеринбурге.

Галина Чудинова – прозаик, литературовед, публицист. Автор нескольких книг. Кавалер ордена Достоевского III степени (2013). Член Пермской краевой общественной организации СП России с 2015 года. Прихожанка пермского староверческого храма во имя Святителя Стефана Пермского. Живёт в посёлке Юго-Камский Пермского края. Публиковалась в журналах: «Литературная Пермь», «Сибирский старообрядецъ» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Всерусский Собор» (Санкт-Петербург), «Крылья» (Луганск).

Я тебя всю жизнь искал

Рассказ

– Лида! – мужчина, проснувшись от собственного отчаянного крика, рывком повернулся к лежащей рядом женщине. – Найди обезболивающее! Да шевелись! Этого ещё можно спасти!

– Я – Люда. Уже забыл, как меня звать?

– Лида, Люда, Люба – не один ли шайтан? – глухо пробормотал он, просыпаясь. Сел на краю постели, щёлкнул зажигалкой, закурил.

Во сне волна времени отшвырнула его на восемнадцать лет назад. Вот он в наспех натянутой прямо на грязи палатке оперирует тяжело раненного десантника. Единственный лейтенант среди своих сослуживцев, оказавшихся в Ачхой-Мартане. Год 1995-й. Около семисот человек, весь четвёртый курс военно-медицинской академии брошен на практику в Чечню. Врачей катастрофически не хватает. Боевые действия идут по всей самопровозглашённой Ичкерии. Командование сочло, что парням хватит полученных знаний и навыков, чтобы справиться с поставленной задачей.

Позади любимый Ленинград – чистый, ухоженный, культурный. Имперская столица России, колыбель революции. Позади студенческие вечеринки, шумные и весёлые попойки. Альберт вспомнил, как году в девяносто третьем он с двумя лучшими друзьями пришёл к знакомым девушкам в женское общежитие. Три товарища, уже изрядно выпившие, прихватили с собой вина и закуску: каждый хотел остаться на ночь со своей подругой. И вдруг крики – у девушки в соседней комнате начались роды. Подруги в голос: «Где тут медики приходили? Тут ещё? Слава богу, ребята, выручайте!» А они тогда умели делать всего по чуть-чуть, но отказаться нельзя – честь мундира. За два часа приняли роды. Действовали инстинктивно, зато правильно. Это были первые роды – и роженицы, и будущих военных врачей. На свет появилась симпатичная здоровая девочка. Назвали Настей...

* * *

Операция длится более часа, одного безнадёжного Альберт уже отодвинул в сторону, взялся за того, кого мог спасти. Ассистент, парень из соседней группы, ещё не брался за тяжёлые случаи.

– Где медикаменты? Чем должен я делать анестезию? Опять дедовскими методами... Вчера на совещании генерал обещал, что всё будет... Придержи, чтобы не дёргался... Водки, что ли, влей в него...

– Колонна не дошла, лейтенант. Говорят, дежурный по складу «заложил». Прапорщик, сволочь, всё загнал на сторону.

В жилах Альберта вскипела горячая кровь его матери-татарки, в глазах сверкнули бешеные огоньки:

– Расстрелять мерзавца сегодня же! А генералу набью морду при встрече! Что нового вокруг и около?

– Наши «накрыли» селения бандитов ракетами «земля – земля».

– Хороша у нас с тобой практика! Кровь, грязь, стоны раненых, которых нечем лечить...

* * *

За первой утренней сигаретой всегда следовала чашка крепчайшего кофе: Людмила успела изучить вкусы своего клиента. Конечно, мужик ей попался психованный, после двух-трёх соитий он крепко засыпал, да вскоре просыпался и будил её криком, ему снилось что-то жуткое. Бес с ним, лишь бы платил, а платил он хорошо. Однажды рискнула спросить, что ему снится.

– Лица пацанов молодых вижу, что по ночам стоят рядом с кроватью и смотрят. Молчат и смотрят. Понимаешь? МОЛЧАТ И СМОТРЯТ! Знаю, что они хотят спросить, да только не могут.

– Так чего они хотят спросить? – у женщины внутри всё похолодело от ужаса. Она почему-то поверила.

– Почему не спас именно их? Но что я мог? Если за жизнь одного порой приходилось бороться больше двух часов, а результат был под вопросом. Вот и оставлял безнадёжных умирать в палатке, занимался только теми, кого мог спасти.

– Разве нельзя было их техникой доставить до госпиталя?

– Какая, нахер, техника? Тех, кто покрепче, – в грузовик и под конвоем в Гудермес, Ханкалу, а там, если повезёт, – в Ростов или Астрахань.

– А если не повезёт, что тогда?

– Тогда оставались на дороге в сгоревшем грузовике или попадали в цинк на эвакупункте.

...Воспоминания нахлынули волной.

Мирный закат. Что вы знаете о закате? Что большой огненный шар ныряет за горизонт? Или что Земля сделала очередной оборот вокруг своей оси? Закат – самое страшное время для врача. Особенно, если врач военный. Ещё хуже, если военный врач – полевой хирург.

День был трудным. Четыре транспорта из неподалёку лежащего в руинах города. Пулевые ранения, много осколочных.

В тазах плещется грязная кровь. Фартук на животе и груди стал скользким. Некогда поесть и попить чаю. Да что там! Не хватает времени даже на сигарету.

Один за другим садятся пузатые Ми, из нутра которых осторожно вытаскивают «носиловых». Растяжки, миномётные снаряды, пули 7,62 со стальным наконечником – много придумано средств для убийства человека.

А наступление прёт вперёд. И неизвестно, когда из академии пришлют врачебное подкрепление.

– Альберт Георгиевич, самый тяжёлый отходит. – Анестезиолог садится рядом: – До утра не дотянет.

– Это точно, – вздыхает хирург. – Оторванная селезёнка, почка пополам разорвана, пуля застряла, пройдя диафрагму в восьмом межреберье.

Мой голос хрипл:

– Необратима ишемия голени, ампутация бедра.

А солнце неумолимо катится к горизонту. Тихо шуршит фольга, в которую завернуты тела умерших, сложенные в холодной комнате. Их двенадцать, и транспорта на отправку на «большую землю» нет. Все транспорты работают на живых, полуживых и почти неживых, но у которых есть шанс. А мертвецам спешить некуда. Солнечные лучи забираются через пыльные стёкла в комнаты

бывшего заводоуправления, в котором разместился госпиталь. Лучик скачет по одеялам, по бледным лицам раненых.

Вот погасли лучи, комната начинает погружаться во мрак.

Начинают ныть раздробленные осколками и пулями кости, невыносимо начинают болеть и чесаться ампутированные конечности. Наркотики льются широкой рекой по венам искалеченных бойцов. Но что наркотик – лишь забвение и отдых от боли телесной. А душа?

Смотрю на одного из парней. Ему двадцать лет. Молод, горяч, силен как бык. Дома мать, отец и любимая, что по приезду домой должна стать женой... О какой свадьбе речь, если ног теперь нет?! Оттяпали пилой, противно скрипящей по кости, по самое «не могу»!

Мясо на заднице и животе дырявое, как дуршлаг. Вправо и вниз из-под одеяла убегает тонкая трубка катетера. А под кроватью обрезок бутылки из-под пива, полная мочи вперемешку с кровью.

– До утра не дотянет, – слышен из коридора голос медбрата.

Животный, хриплый крик разрывает горло. От невыносимой душевной муки, от понимания катастрофы всей своей неполной двадцатилетней жизни.

Опять наркота. Опять забытье – отсрочка от жуткой реальности. Вены на руках начали «уходить» – капельницы, капельницы, капельницы... Да толку-то! И ему хочется заорать, так, чтобы поняли, наконец:

– Парни! Вынесите меня нахер на волю, на воздух! К солнцу, к птицам, к небу голубому! В траву положите и оставьте! Дайте помереть спокойно! Не среди смрада крови и гноя, не среди криков жутких, а среди красоты... Маааа-маааа! Больно-то как!

Опять наркота. Вновь из сумерек сознания выплывает лицо Машки.

– Маша, эх, красивые у нас были бы детки. Да и дом бы я построил. Вот этими руками. Сам! Ну, батя помог бы малость, братан тоже бы помог. Я к дяде Мише-строителю за проектом бегом бы сбегал... Только... нету ног...

Из-под полуоткрытых век мертвеца скатывается крупная слеза.

– Отмучался. – Медбрат натягивает простыню на лицо покойника.

А у крыльца госпиталя, куря сигарету за сигаретой, сидит хирург. Смертельно уставший, отупевший от крови, человек, ждущий лекарств, новых врачей... и транспорта с ранеными.

Величественна и прекрасна картина мирного заката...

Вонь. Кровь. Мрак боли у тяжело раненных и вспышки предсмертной истерии. Стоны, крики, мат. Воспалённые глаза и жёсткая щетина на щеках.

Всё это мир военного врача.

Ему не хочется думать, двигаться. Все мечты собраны в одну точку – сон. Спокойный, глубокий сон... И чашечка кофе на рассвете. Но вместо кофе – «аромат» поражённых инфекциями ран. Вместо взгляда в окно – взгляд на сломанную взрывной волной грудную клетку бойца, прикидка, дотянет ли при транспортировке?

Антисептик? Спирт. Обезболивающее? Спирт. Анестезия? Спирт.

Хуже ада. Убежать бы, зажав голову ладонями, крича во весь дух от смрада и страха. Но нет! Ваш выход, доктор.

Сгорбленный, словно старик, шлёпает сонный хирург в помывочную.

Маска, шапка, тесёмки халата трещат, заплетаясь в узел. Холодная резина перчатки облегает длань.

– Начнём, – командует хриплым голосом, собранный и жёсткий.

На столе – очередное тело, укрытое простынкой. Простынь в застиранных бурых пятнах тут же покрывается новыми, свежими.

Скальпель тускло мерцает в свете керосинки. Руки хирурга творят чудо.

– Зашивайте, – тусклым голосом говорит он ассистенту.

И уходит... Вмиг постаревший, осунувшийся.

Чашка кофе вернула Альберту хорошее настроение. По воскресным дням он любил отправляться с визитом к своему другу Валерию Рудакову: тот курировал строительство небольшого заводика по производству медикаментов для армии. Наскоро одевшись, Альберт заказал такси, сунул в руку Людмиле несколько купюр, бросив на прощание привычные слова: «Позвоню, когда понадобится!» – по-юношески резво сбежал вниз, вдохнул всю свежесть воскресного утра.

С детства знакомая мелодия и любимая песня: «Я тебя всю жизнь искал...» – властно зазвучала в глубине его души. Он попытался вспомнить, какого цвета розы покупал в прошлый раз. Кажется, они были алого оттенка, а может, кремового? В раздумьях ненадолго вышел из машины возле центрального рынка и вскоре вернулся с букетом пурпурно-красных роз. Цветы всякий раз предназначались младшей сестре Валерия, двадцатишестилетней Настеньке, чьё имя и чей облик он хранил в памяти уже больше года.

– Здравия желаю, Альберт Георгиевич! – шумно приветствовал его Валерий. – Наслышан о вашем повышении, товарищ генерал-лейтенант! Отметим это дело коньячком, не возражаешь?

– Так точно! А где твои дамы?

– В церкви вместе с тремя сыновьями. Настя, если помнишь, ведёт там воскресную школу.

Пока хозяин наспех накрывал стол на кухне, гость снова вышел покурить на балкон.

– Церковь? Воскресная школа? Зачем я здесь? Зачем ищу встреч с этой девушкой? – вслух размышлял Альберт, следя за тающими в воздухе колечками дыма. – Сделать её счастливой после всего пережитого я навряд ли смогу. К тому же она – христианка, а мать воспитывала меня мусульманином.

Он вспомнил, как в Свердловске мать, втайне от отца-особиста, сотрудника КГБ, читала ему Коран, уверяя, что нет Бога, кроме Аллаха, а Магомед – его пророк. Он помнил, как начиналась каждая сура Корана: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного...»

А ещё мать часто брала его с собой в гости к знакомому азербайджанцу, дома у которого была своя небольшая киноустановка, и они вместе с семьёй Вагифа любили смотреть музыкальную кинокомедию «Аршин Мал Алан». Простенький её сюжет был основан на переодеваниях и перевоплощениях главного героя, зато озорная, жизнерадостная музыка Узуира Гаджибекова очаровала его с детства.

Будучи мальчишкой, Альберт живо следил за всеми приключениями героев фильма. Вот богатый молодой купец Аскер решил сам выбрать себе невесту, обойтись без свахи. По совету своего лучшего друга Сулеймана нарядился он бедным торговцем тканями, этаким коробейником, да стал ходить по дворам, распевая песни, разворачивая перед девушками ворохи разноцветных шелков, отмеряя покупки аршином. «Аршин Мал Алан...» – без устали пел Аскер, обходя один за другим все дворы в городе. И вот однажды к герою вышли две сестры-красавицы – тоже из богатого дома, – и в одну из них он влюбился с первого взгляда. И девушка сразу отдала своё сердце «бедняку» за его пленительные песни. Конфликт отца и дочери вскоре разрешился к обоюдному счастью:

– Я тебя всю жизнь искал, / Я тебя всю жизнь искал. / На меня ты посмотрела: / От любви я запылал, – заливался соловьём счастливый герой.

– Ах, спасибо, Сулейман / Ты хитрей, чем сам шайтан, / Никогда не позабуду, / Что тобой совет мне дан! – обращался он в песне к другу.

Мальчишку радовал счастливый конец – сразу четыре свадьбы. Аскер женился на своей избраннице, Сулейман – на второй сестре, овдовевший отец девушек – на матери Аскера, слуга главного героя взял в жёны служанку героини. В любимой кинокомедии Альберт находил всё, что жаждала его душа: возвышенные романтические чувства господ и приземлённую любовь слуг, преподнесённую зрителям с юмором:

– Деньги есть? – в зажигательных куплетах вопрошала служанка избранника.

– Есть, есть!

– Много их?

– Хватит нам на двоих!

Как можно было забыть такие весёлые приключения, чарующую музыку и песни?! Альберт вспомнил, как впервые увидев Настю, он представился ей простым инженером, попросив друга не говорить, кто он на самом деле. Валерий тогда ограничился полунамёками, но видно было, что мистификацию он не одобрил. А теперь генерал-лейтенанту захотелось вместе с Настей снова посмотреть «Аршин Мал Алан». Захотелось, взяв её за руку, провести по своему любимому Аркаиму, где бывал он несколько раз.

– Почему ты отдаёшь детей в воскресную школу? – минутой позже спросил он у Валерия, отхлебнув добрый глоток коньяка. – Что-то раньше не замечал я у тебя веры в Бога!

– А куда ещё им ходить, рассуди сам, где не было бы мата да прочих гадостей? Теперь во многих семьях вместо нормального языка – мат, на улицах – мат, в армии всё держится на мате, слава богу, что в церкви его нет. Настя у нас добрая душа, детей любит, ничему плохому их не научит. Вижу,

что парни мои на глазах становятся лучше: старший увлёкся русской историей, средний стал писать духовные стихи, младший пока что выучил две-три молитвы. Чем это плохо?

– Альберт Георгиевич, да вы прямо дон Сезар де Базан! – радостно улыбнулась ему вошедшая в квартиру Настя, приняв букет роз.

«Я не тот благородный дон, за кого она меня принимает, – молнией мелькнула мысль у Альберта. – Знала бы она, какой ад постоянно царит в моей душе, как терзает меня по ночам шайтан, а по-русски – бес».

* * *

Во сне Альберт пытался рассказать Насте об одной из страшных страниц своей жизни:

«Настенька, нельзя бросать неподготовленных людей в такую мясорубку! Представь себе год 1996-й, разгар войны в Чечне. Наши самолёты разбомбили свой же госпиталь. Мне сразу вспомнилась картина “Грачи прилетели”: так тогда назывались штурмовики Су-25. Позже руководство доложило наверх, что произошла ошибка. Я пришёл в себя в местечке недалеко от Шали, в плену. В подвале нас было трое курсантов-медиков, и каждый день мы ожидали смерти. Поили нас дождевой водой, кормили червями из-под пола. Узнав, что мы врачи, чеченцы стали требовать медицинской помощи своим боевикам. За отказ мне тут же выбили четыре зуба, а одного из нас расстреляли на моих глазах. Настенька, это звери – не люди! Пришлось лечить бандитов полтора года... Условия наши, конечно, улучшились, но каково было переносить моральные пытки!

Как-то ночью завязался нешуточный бой, мы встрепнулись, увидели, что охрана сбежала, и бросились искать своих. Сзади боевики открыли огонь, нас спас спецназ ГРУ, но мой товарищ был тяжело ранен, умер в госпитале в Моздоке. Хорошо, что ко второй кампании мы подготовились лучше, а Пашу-Мерседеса, министра обороны Павла Грачёва, сняли. Война закончилась для меня осенью 1999 года. Милая, знала бы ты, что мне довелось пережить...»

Альберт нежно обнял лежащую рядом женщину:

– Настенька!

– Меня звать Люда!

Женщина набросила на голое тело халат и пошла на кухню – варить кофе. Альберт привычно затянулся сигаретой. В полумгле сознания перед ним было лицо Насти: густые русые волосы аккуратно прибраны под косынкой, тёмно-голубые глаза смотрят с ласковой укоризной, бровки чуть вздёрнуты, ямочки на щеках:

– Не курили бы вы так часто, Альберт Георгиевич. Дурная это привычка, греховная, бросили бы её совсем. Курящий человек не может приложиться к кресту или к иконе, а без Бога всем нам нет спасения. Да заодно и от крепкого кофе откажитесь. Давайте, я заварю вам чай с травами!

Ночное видение исчезло. Вместо доброго ангела чужая женщина подает ему чашку крепчайшего кофе. Ей, чужой, нет дела до его здоровья да и до него самого.

* * *

Машина вновь мчит генерала Батуева на другой берег Камы, на сей раз в руках у него букет белых роз. В знакомой квартире стол накрыт для обычного завтрака, пахнет свежесваренным чаем на травах. Друг Валера смотрит ему в глаза пылливо:

– Долго ещё ты будешь тревожить мою сестру цветами?

«Полюбил я, ах, полюбил я, без тебя не в силах жить...» – зазвучала в душе Альберта мелодия из любимого фильма, но он тут же отогнал её прочь, сосредоточился:

– Срок сдачи объекта – через две недели. Примем заводик, и уже не буду я столь частым гостем в вашем городе. Хватает командировок по всему округу, сам знаешь.

– Алик, тебе сейчас сорок два года. Так и будешь жить всю жизнь один, без семьи?

– Мои командировки длятся непредсказуемо. Представь, приеду я домой к жене, а сын или дочь спросят её: «Мама, кто этот дядя?»

– Представь, что будет тебе лет шестьдесят пять или семьдесят, а рядом ни единой родной души.

– Отставить спор! Эх, Валера, до сих пор не избавился я от этих кошмаров. Двадцать лет прошло, а как будто вчера всё было. Декабрь 95-го, Грозный, бомбоубежище областной больницы на улице

Лермонтова, бои в городе. Наверху периодически «ухают» мины. Раненых около сотни в сутки. Поступают постоянно, расслабиться почти невозможно. В лучшем случае транспорт за ними приходит два раза в день, иначе размещать некуда.

И в этой круговерти периодически в нашем подвале-бомбоубежище появляется хрупкая девочка-врач, старший лейтенант медицинской службы. Сопровождает раненого или приходит для пополнения медикаментов. Умывается, пьёт кофе, комплектует всем необходимым медицинскую сумку, тихо и горько плачет, затем... уходит в город. Однажды я подошёл к ней и предложил остаться в бомбоубежище. Врачей не хватает, работы много... У нас там и терапевты работали, и даже один стоматолог. Ответ меня поразил: «Не могу остаться, у меня муж командиром роты воюет». Наши ушли за Сунжу, раненых стало меньше, я сменился, а девочку эту больше не видел... Жива ли осталась?

А сколько наших погибло!

Нам бы надо сейчас проводить там жёсткую силовую политику, никакой толерантности. Сделали бандиты рейд, напали на гарнизон, вырезали наших, в ответ – расстрелять из пяти окрестных деревень по пять человек в каждой. Был в мою бытность в Чечне такой случай: сбили «чехи» наш самолёт, двух лётчиков захватили в плен. Тут же на их выручку был брошен спецназ. Ребята увидели чабана недалеко от сбитого самолёта, спрашивают его:

– Куда увели летунов?

Молчит. Делает вид, что не знает, о чём речь. Ему тут же – минус палец. Молчит. Минус второй, третий. Сказал, куда увели. Приходят наши парни в селение, спрашивают жителей:

– Где лётчики?

Все молчат. Тогда дом полетел на воздух, за ним – второй. В третьем доме сказали, где летуны. Удалось спасти их живыми и здоровыми. С бандитами – только так.

Альберт нехотя принялся за яичницу с ветчиной, отведал глоток душистого чая. Ему страсть как захотелось снова закурить на балконе, но он превозмог себя, задал хозяину мучивший его вопрос:

– Настя спрашивает тебя обо мне?

– Постоянно.

– И что ты говоришь ей?

– Сказал, что ты получил красный диплом после окончания академии.

– А ты сказал, что в Екатеринбурге я попал в психиатрическую клинику на свой двадцать пятый день рождения? Что моя психика в двухтысячном году была разрушена, что мне потребовалось длительное лечение?

– Помнится, говорил, что ты был серьёзно болен, но ведь не сломался, выстоял! Через десять лет защитил кандидатскую по военной медицине, а ещё через четыре года – докторскую. Говорил, что ты остался в армии, занимаешься новейшими разработками в травматологии.

– Что ещё говорил?

– Что у тебя золотые руки, что ты спас жизни сотням людей.

– А что она? Ей интересно было слушать всё это?

– Алик, пойми, она очень увлеклась тобой. Моя младшая и единственная сестра. Выпускница института культуры, человек добрейший. Верующий. Решай сам, как быть. Если тебе любы продажные женщины, больше не приезжай к нам с цветами.

«Вот здесь, на кухне, я впервые увидел её, – мелькнула мысль у Альберта. – Мы сидели за завтраком. Она вошла и...» Любимая озорная мелодия зазвучала в его душе: «На меня ты посмотрела...»

– А что, друг, если мы выйдем сейчас на улицу? Я хочу встретить её.

Валерий знал, что за год знакомства с Батуевым у его сестры появилась новая привычка: после занятий в воскресной школе Настя всякий раз заходила в ближайший гастроном, покупала для Альберта его любимый торт к чаю. Он оставил друга у входа в магазин, а сам отошёл поодаль.

Никогда ещё военный хирург не испытывал такого волнения, как в то судьбоносное для него утро. Вот Настя в элегантной длинной юбке, приталенной кофточке, с шарфом на русых волосах, с перекинутой через плечо сумкой и коробкой с тортом в руках быстро спускается вниз по ступенькам. С неподдельным удивлением и радостью смотрит на него:

– Альберт Георгиевич, как вы нашли меня?

– Я тебя всю жизнь искал.

Проза

Дмитрий Коновалов

Дмитрий Михайлович Коновалов – родился в 1988 году. С отличием окончил три вуза. Магистр юриспруденции, религиовед, работал помощником депутата Государственной Думы РФ, заместителя председателя комитета Госдумы по экологии и природопользованию А. Н. Грешневикува; председатель МОО «Общественный совет по проблемам Верхневолжских водохранилищ»; помощник депутата Калининградской областной Думы, заместителя председателя комитета по экономической политике П. Н. Фёдорова; с 2021 года по настоящее время помощник депутата Калининградской областной Думы Ю. В. Шитикова. Автор книг: «Летопись могожских сёл и деревень», «Рыбинское водохранилище: катастрофа духовная и экологическая», «Могожжане», «Затопленное Верхневолжье» и других. С 2018 года проживает в Калининграде.

Разлад

Растоптав в снегу валенком измусоленный окурочек, дед сел на пень и откинулся на здоровенную поленницу. На небе сквозь тьму ночи ярко светила луна. Заворачивало за тридцать градусов, но дед, укутавшись в овечий тулуп и нахлобучив по самые глаза кроличью ушанку, сшитую ещё в годы его молодости, мороза не ощущал. Он был погружён в думы. Эти думы терзали его день и ночь. Они не давали покоя ни ему самому, ни его старухе, ни даже живущим в городе детям.

– Чёрти знает что в стране творится, а эта дура глаз с телевизора не сводит, ведь верит каждому слову, – ворчал дед, сжимая кулаки в карманах тулупа. – Ну, ведь дурной козе понятно: колхоз разворовали, больницу и школу закрыли, цены растут, а она всё твердит – хорошо живём, хорошо живём, лишь бы не было войны.

Дед злобно плюнул в сторону и полез за очередной папиросой.

– Вот и папиросы раньше были лучше, «Прима» и «Беломор» крепкие были, нюшто самосад, а сейчас травы-соломы в бумажки накрутили да назвали по-красивому, всё по-иностранному, а курить нельзя, тьфу.

Тяжело выдохнув из себя клубы дыма, дед снова поднял глаза к небу и продолжил бурчание.

– Вот в ранешнее время неужто б я тут один сидел? Да у нас народу в деревне, ой, сколько было, а сейчас остались мы со старухой, Евдокимовых двое, Митрюшиных двое да бабка Марья одна. А раньше одних коров в деревне цельное стадо было. И мороз или не мороз, а все друг ко дружке в гости бегали, чай пили, да стопку-другую намахнуть. Или подсобить чем старались. А нынче помощи ни от кого не допросишься. Хоть проси, хоть плачь, все в телевизоры уткнулись да сидят как сычи, пялятся на наряды Алки Пугачихи. Поговорить по душам не с кем.

Мороз заворачивал ещё сильнее, и дед пошёл в дом, где было жарко от только что натопленной печи.

– Наконец-то выключила свой матюгальник... – гневно обратился дед к своей старухе.

Матюгальником он называл телевизор и зачастую уходил по вечерам из дома, когда его престарелая супруга включала на всю катушку новости или очередное сенсационное ток-шоу.

– Давно уж выключила. Какие ты там яйца всё высиживаешь на такой лютой стуже? – ехидно спросила бабка.

Дед лёг в тёплую кровать и молча уткнулся в потолок. Тикающие в кромешной тишине часы показывали без четверти час.

– Сегодня американцы в Украину новое оружие завезли, говорят, война будет. Надо бы сахару купить да спичек с солью. Авось чего случится, – начала бубнить старуха, лёжа на русской печи.

– На кой тебе сахар, дурная ты голова? У нас мёда, варенья цельное подполье, – вздыхая, хриплым прокуренным голосом ответил ей дед. – А соли у нас три мешка в чулане. Ты ещё в тот кризис сдуру купила втридорога этой соли. Нам её вовек не съесть. Только денег потратила. Будто мы, кроме соли, ничего не едим.

Старухе ответить было нечего, а очень хотелось доказать свою правоту. Но она знала – начнётся спор, и он снова обзовёт её злыми, обидными словами.

Они прожили вместе шестьдесят лет. Жили в любви и согласии. Он всю жизнь работал шофёром в родном колхозе, она – дояркой. Жили пусть и небогато, но в достатке. Вырастили троих детей, народилось у них пятеро внуков. Всё бы дому мир, хлеб да счастье.

Бабка лежала и вспоминала, как он, девятнадцатилетний учащийся сельхозтехникума, бегал за ней, шестнадцатилетней школьницей, на зависть всем девчонкам из класса. Он катал её на лошади, дарил полевые ромашки и качал на качелях, привязанных к старому дубу. Она стеснялась своих шитых-перешитых сандалек и ободранного платица. Времена были голодные, послевоенные. Потом они поженились и переехали сюда, за три километра от райцентра. Целыми днями зимой и летом они работали и нигде дальше Москвы не бывали. Да и не было нужды где-то бывать. Жизнь в деревне кипела. И все всегда были вместе – он, она, двое сыновей и дочка. Потом дети разъехались учиться по городам, насоздавали там своих семей и в родную деревню уже не вернулись. Грянула перестройка, потом девяностые. Всё шло своим чередом. Вышли на пенсию. Всё было как у людей. Но в последние годы дед обозлился и стал будто змей. Бабка лежала и не понимала, отчего дед так невзлюбил её. И от мыслей о личном перешла к мыслям глобальным. В городах бушевал коронавирус. В мире буйствовала Америка, и старуха начинала переживать – как бы не было войны. Одно её утешало – Россия встанёт с колен, и пусть у них в деревне всё, что можно, закрыли – колхоз, школу, медпункт, – она всё же считала, что Бога гневить нечем.

Тем временем дед, подложив под голову руки, всё не мог успокоиться и гонял в голове прошлое с настоящим:

«Она пусть и доярка, простая баба, но всё же книжки читала, не совсем пустобрёхая была. А как подарили нам дети этот новый телевизор с тарелкой на крыше, дык старуху будто подменили. Мы этот ламповый чёрно-белый “Рекорд” включали трижды в год и жили счастливо и во взаимопонимании. Старуха по дому с утра все дела успевала сделать, за здоровьем следила, в гости ходила. Теперь жизнь изменилась. Включит этот матюгальник и сидит перед ним, варежку разинув. Однажды про коронавирус придумали сказку по телевизору трынтькать, так она сто штук масок нашла и от меня в баню жить ушла. Шарахалась от меня, ближе трёх метров ко мне не подходила. Ну, не дура ли есть? Слава богу, одумалась, вернулась. Теперь у неё на уме война. Живём от границ в глухих лесах, а ей всё дуре снится, будто сейчас к ней придут американцы последнюю картошину отнимать. Раньше хоть с бабушкой поговорить можно было. О жизни, о детях и внуках, вспомнить былое. А сейчас у неё что ни тема, то всё про одно. Пятьдесят лет безвылазно в деревне коровам сиськи дёргала, а теперь она про политику рассуждает».

Дед перевернулся на правый бок в сторону окна и снова уставился на луну. С печки раздавался тихий храп его старухи.

ТИШКА

Мне было лет пять или шесть, ещё до школы, в начале девяностых годов, как к нам в деревню из города приехали жить два пенсионера – бабка Вера и дядька Лёша. Они купили дом аккурат напротив нас – низенький, в два оконца на лицо, но с огромным огородом, который они в силу возраста обрабатывать отказались. Каждый день они ходили гулять, то в лес, то на речку, и лишь изредка выбирались в райцентр за продуктами. Жили они тихо и почти незаметно. К нам в гости они не ходили, только дважды в неделю заходили за молоком. Мы тогда держали большое хозяйство, но при этом жили небогато, и бабка Вера мне зачастую тихонько подсовывала подарки – то шоколадину, то тетрадку или даже небольшую денежку. Своих детей у стариков не было.

Возможно, прошло года три, как они жили в нашей деревне, и однажды поздним зимним вечером, только мы выключили телевизор и легли спать, в оконце постучали. Пришла бабка Вера и тихо сказала – Алексей Иванович умер.

Мы, как могли, помогли ей с похоронами.

Бабка Вера тяжело переживала смерть мужа, болела, перестала лишний раз выходить из дома. Мы почти каждый день стали навещать её, и она всякий раз рассказывала, как прожили они вместе с дядькой Лёшей 52 года, как много лет работали в тяжёлом цеху на заводе и как, выйдя на пенсию, решили оставить племяннице квартиру, чтобы уехать в деревню, жить на природе.

Наступила весна. Бабка Вера уже попривыкла жить одна, стала приходить в себя, и вдруг однажды она позвала меня к себе в дом и показала ползающего в коробке серенького щеночка. Я не очень-то любил собак, но, только увидев этого щенка, моё сердце ёкнуло, и я в него безумно влюбился.

Спустя годы, до сих пор помню, как я сидел на полу, гладил щеночка одним пальцем, а бабка Вера мило смотрела то на щенка, то на меня, и впервые за долгое время скромно расплывалась в своей беззубой улыбке.

– У нас с дедом Лёшей никогда ни кошек, ни собак не было. И детей вот тоже не получилось. А понимаешь ли, тяжело одной. Я этого серенького подобрала сегодня в райцентре за рынком на помойке. Да и как не подобрать, ты посмотри, какой он хорошенький.

Я, не спуская со щеночка глаз, боялся даже дышать в его сторону.

– А что он ест? Он же есть, наверное, хочет? – чуть не заревел я.

– Я молока ему разогрела, а он не умеет из миски пить, ему с соски давать надо, а у меня её нет, но я завтра куплю, – виновато, почти шёпотом сказала бабка Вера.

Я опрометью помчался домой и изо рта спящей пятимесячной сестрёнки выхватил соску.

Оказалось, что щенку всего несколько дней. Я совал ему в рот соску, усердно выдавливал тёплое молоко и переживал, чтобы он не умер.

Больше недели мы не могли придумать с бабой Верой для найдёныша имя. Она смеялась и хотела за его рыжие уши назвать Чубайсом, а я возмущался и настаивал назвать Тишкой, потому что сидел он всегда тихо, почти не пищал, да и мы, когда склонялись над ним, сидели тихо как мыши. Так имя Тишка, Тиша, Тишенька прижилось к нашему щенку.

Мы с ней очень долго, почти до самого лета, выхаживали Тишку – грели молоко, готовили ему еду. Потом уже, когда стало тепло, мы выпускали его из коробки на землю. Тишка, видимо, из-за того что его выбросили новорождённым, не сосал мамку и не был ею облизан, оказался щенком слабым, болезненным. Но мы, как могли, ухаживали за ним. Я сразу после школы, не заходя домой, бежал в дом бабы Веры, проверял Тишку, потом учил уроки, помогал маме по хозяйству и потом весь вечер проводил у бабки Веры дома. Я играл с Тишкой как с котёнком, а она, сидя на диване, мило смотрела на нас и улыбалась.

За лето Тишка значительно вырос, но оказалось, что он был из каких-то мелких пород, ростом сантиметров тридцать, не больше. С появлением Тишки бабка Вера очень изменилась, стала ещё более заботливой и даже поправилась здоровьем. За пёсиком она ухаживала как за живым человеком – отдельно готовила ему еду, расчёсывала, читала множество книг об уходе за собаками и по их лечению.

Прошёл год, второй, третий, пятый. Всё это время Тишка жил в доме бабки Веры, но по утрам он прибегал к моему крыльцу, ждал, когда я выйду, и провожал до школы – целых три километра пешком. А потом к двум часам дня снова прибегал в школу, и мы шли с ним домой. По весенней распутице или по зимней стуже, он всегда сопровождал меня. Летом я уходил с Тишкой по утрам ловить рыбу, отводить коров на поле. Так прошло девять счастливых лет.

Школа в соседней деревне была девятилетней, и, чтобы учиться дальше, мне нужно было уезжать в город поступать в техникум или учиться в райцентре до 11-го класса и жить там же в интернате. На семейном совете было решено отправить меня в город.

Когда утром нужно было уходить на пароход, уезжать в город, я долго сидел на крыльце у бабки Веры, держал на руках Тишку и плакал.

– Возьми его с собой, раз не хочешь расставаться, – тоже плача, говорила бабка Вера.

– Да куда же я с ним? Тишка, он же ваш. Берегите себя. Мама будет к вам каждый день ходить. И я буду звонить всё время.

Когда «Метеор» отходил от пристани, я стоял на прогулочной палубе и рыдал. А Тишка, высунув язык, бегал по прогнившим доскам причала и не сводил с меня глаз, видимо, не понимая, почему я его бросил.

Учёба в аграрном техникуме поглотила меня с головой. Целыми днями я читал книжки по ветеринарии и экономике сельского хозяйства. Особой дружбы я ни с кем не водил, лишь иногда ходил поболтать к одному приятелю, с которым вместе учились ещё в школе, он жил в соседнем корпусе общежития.

Незадолго до новогодних каникул, когда я уже собирался поехать на побывку домой, мне позвонила мама и сказала, что бабка Вера совсем плохая, уж неделю не может встать с кровати, а Тишка не отходит от неё ни на шаг, даже миски с его кормом пришлось принести к бабкиной кровати.

На несколько дней раньше запланированного срока я помчался домой. Тишка и вправду сидел на стуле у кровати бабки Веры и не сводил с неё глаз. Он смотрел на неё жалкими промокшими глазами и тихонечко скулил. А бабка Вера слабой одрябшей рукой пыталась погладить ему голову и потрогать кожаный нос. Было видно, что они оба заметно исхудали. Это было берущее за сердце зрелище: умирающая, иссохшая старушка и её пёс – последняя и единственная отрада в её бездетной жизни.

Когда после Рождества я уезжал обратно в город, было очевидно, что больше бабку Веру живой я не увижу. Тишка провожал меня всего лишь до крыльца. Он не мог даже на миг оставить её одну. Я в своём сердце чувствовал большую боль души этой маленькой собачки, которая пыталась выполнять роль ребёнка, заботящегося о своём больном родителе.

В феврале бабка Вера умерла.

Конечно, мне ли, шестнадцатилетнему парню, горевать о какой-то бабке и её собаке? – задастся вопросом обыватель. Да не всякому понять ту боль, которую испытывает человек, потерявший в своей жизни единственного родного человека, но приобретший взамен верного и любящего пса. Пса, который тебя переживёт и несомненно испытает убивающую боль о твоём уходе.

Приехать домой я смог лишь после экзаменов, в конце мая. Где был Тишка, куда он пропал, никто не знал. Мама рассказывала, что на похоронах Тишка бегал вокруг могилы и пытался в неё прыгнуть, но копари отталкивали его лопатами. С кладбища Тишку увезли на руках и поселили у нас в доме. Отец даже сколотил для него специальную будку с тёплой обивкой внутри. Но Тишка жить у нас категорически отказывался и до тёплых майских дней крутился в доме бабки Веры. А потом исчез. Не дождавшись меня из города.

Я половину лета ходил по соседним деревням и искал Тишку, спрашивал у людей, показывал его фотографию. Я обошёл все дворы районного центра. Тишки нигде не было. Когда бабку Веру закопали, он, может быть, подумал, что она вернётся, поэтому он ждал её дома, но домой она, естественно, не пришла, и он убежал её искать. Теперь он её где-то ищет. Бегает, несчастный, и ищет. Такова была моя версия.

Наступил август.

В один из дней мы всей семьёй поехали на кладбище в Носовскую рощу. От нашей деревни ехать туда пятьдесят километров. Мне и в голову не могло прийти искать Тишку в этой дали от дома.

Но едва мы у церкви вышли из машины, как гляжу, – сломя голову, оттопырив назад уши и вывалив наружу язык, бежит мой Тишка.

Я упал перед ним на колени и заревел.

– Тишка, Тишенька, Боженьки ты мой. Ведь я искал тебя, всё лето искал тебя, дурня, а ты вона где.

Я сидел на земле, а Тишка, встав на задние лапы, облизывал мне лицо. Было видно, что он тоже плачет.

Когда я встал с земли, он подпрыгивал метра на полтора, почти до самой моей головы, и вилял хвостом.

Тишка был грязным и исхудавшим. Я тут же вывалил из багажника всю нашу взятую с собой на кладбище закуску – бутерброды, котлеты, пироги. Он жадно и быстро ел, а обоими глазами, даже не моргая, смотрел на меня.

А я продолжал вытирать слёзы.

– Это, что ли, ваша собачка? – спросила какая-то женщина, выходящая из церкви.

– Его это Тишка. Его, – ответила моя мама, вытирая платком слёзы.

– А я тут в церкви работаю. И давно ещё, поди што с конца весны, пёсика заметила. Он там на одной могилке живёт. Он ту могилку всю лапами разрыл. Усердно так копает. Раскопал так, что, того и гляди, крест уж упадёт. Я там лопатой подзакопала, а он опять нарыл.

Всем было понятно – это могилка нашей бабушки Веры.

От церкви мы пошли по могилам нашей родни. Тишка не отступал от меня ни на шаг. Он бежал рядом и не видел дороги, взгляд его был устремлён вверх на меня.

Вся могила бабки Веры и дядьки Лёши была ископана Тишкиными лапками. Причём больше всего с той стороны холма, где лежала бабка Вера. Отец подправил крест, мама уложила цветы, а я, сидя на корточках, гладил Тишку. Он жалобно, с поднятыми вверх ушами, смотрел то на меня, то на могилку и то и дело облизывал мне лицо.

– Ты его не заставляй сейчас поехать с нами. Может, он здесь захочет остаться. Пусть он сам решит, – подсев рядом на корточки, сказал отец.

– Я не хочу его тут оставлять. Скоро осень, потом зима. Тишка тут погибнет. Ведь он уже немолодой пёс, ему почти десять лет, – ответил я, но, понимая, если Тишка захочет тут остаться, он всё равно от нас убежит, и эти пятьдесят километров для него не станут помехой.

Когда мы уходили с могилки, Тишка метался, – он то подбегал к могиле, то добегал до нас. Когда мы сели в машину, он долго стоял рядом, смотрел в сторону могил, но потом резко прыгнул в машину ко мне на колени.

– Тишка, родной мой, больше я тебя нигде одного не оставляю, – заливаясь слезами, сказал я.

ОДНА

К обеду мне нужно было успеть в Москву, а впереди триста километров запорошённой снегом дороги. Деревни вокруг ещё спали, но кое-где из-за завернувшего под тридцать градусов мороза уже топили печки. Машину вело из стороны в сторону, перед фарами без конца выужил снег. И вдруг перед поворотом в одну из деревень гляжу, в сугробе сидит женщина, а рядом брошенные санки с котомкой. Проехав мимо неё метров пятнадцать, я остановился, посмотрел на неё и сдал назад. Это оказалась бабушка, на вид лет семидесяти, тепло укутанная в шубу и в валенках. Она сидела в сугробе, и было видно, как ей тяжело.

Я усадил её в машину, бросил в багажник санки с двумя мешками каких-то тряпок, налил из термоса чай и включил посильнее в машине печку.

– Бабуль, куда ж вы на таком морозе да в такое раннее время?

– В областной центр мне надо, – скромно ответила бабуля, отхлёбывая из кружки горячий, как кипятки, чай.

Я аккуратно, чтобы чай не расплескался, тронулся с места. Нам с ней было не по пути, но я решил подвезти её до железнодорожной станции. Не велик крюк десять километров. Кроме меня, её вряд ли кто захватит. Время раннее, место глухое, до рассвета ещё долго.

Было видно, как старушке крайне неловко. Она скромно смотрела то на меня, то на дорогу и, держа обеими руками кружку, старалась аккуратно допить остатки. Какое-то время помолчали.

– А чего в областном центре надо, да с такой неуклюжей поклажей?

– Да как сказать тебе, милоч.

Бабушка тяжело вздохнула, допила чай и поправила под платком волосы.

– Осталась я одна в деревне. А через месяц мне будет восемьдесят пять лет. Вот и думай, как одной жить в таком возрасте. Ладно бы хоть соседи были, помогли бы присмотреть за мной. А я одна. Сотовый телефон в деревне не ловит, надо на горушку идти. А до неё километр. Всё поле до горушки замело снегом выше пояса. Вот и живу. Ни людей, ни связи. Ничего нет.

Я посмотрел на старушку и не поверил своим глазам, что она, такая хрупкая и беззащитная, жила одна в глухой деревне, до которой от трассы не меньше десяти километров.

– А как же вы сейчас до дороги шли? – недоумевая, спросил я.

– Так вот и шла. Ночью из деревни вышла. Часов пять ползла через лес, через поле. К вечеру хочу до области добраться. – Бабка посмотрела на моё удивлённое выражение лица и улыбнулась: – Я очень боялась идти. Думала, если упаду, замёрзну, то не страшно. А вот ещё осенью у нас в деревне егеря были, говорили, будто где-то здесь волк поселился. Вот чего опасалась.

У меня в голове закружился вихрь мыслей. Как могла эта хрупкая бабушка в платочке жить одна в глухой деревне? Как она сейчас всю ночь по такой метели в мороз ползла десять километров по сугробам?

– Где же наши власти? – вдруг резко вырвалось из меня.

– Власти?

– Да, бабуля, власти! Они хоть к вам присылали соцработника или дорогу хоть раз почистили?

– Социального работника я выбивала два года. Просила, хотя бы чтоб раз в неделю мне хлеба привозили. Да никого не дали. Сказали, у этих работников зарплата маленькая. Никто в соцработники не идёт. Поэтому хлеб я зимой сама пеку. Правда, это очень тяжело. Даже воды с колодца принести тяжело, особенно сейчас. Колодец замёрз, я снег топила. А пенсию, чтобы мне не возить, они мне какую-то карточку сделали. Вот последний раз осенью съездила в райцентр в банк. Мне деньги с этой карточки сняли, я на них купила мешок муки, сахару, сгущёнки и мяса. На такси всё это привезла, вот и живу.

Бабка мило улыбнулась и, доставая из-под шубы висящую на шее сумочку, честно призналась – карточка у меня вот тут лежит, в ней денег накопилось, пять месяцев не снимала. Пенсия у меня маленькая, но я довольна. Хоть это дают. А в ранешние времена ничего не давали. Так что не переживай, милый человек, я с тобой за проезд рассчитаюсь. В город заедем, я в банк забегу.

От обиды у меня подступил к горлу комок и захотелось плакать. Ни о какой расплате за проезд не могло быть и мыслей, даже напротив, я сам хотел дать бабушке денег. И вообще, будь у меня денег больше, я бы подобрал всех брошенных стариков, отстроил бы заново все русские деревни, чтобы они, эти коренные и искренние люди, жили достойно в своих родных краях, на тех бескрайних просторах России, где бы они пили живую родниковую воду, дышали родным воздухом и были счастливы. Да, я готов сам всё это сделать, ежели наше государство бросило на произвол судьбы моих соотечественников, моих сограждан. Оно оставило слабых и беззащитных в беде, как это делает нерадивый сын, оставляя свою мать больной одну в холодной избе. Оно, это государство, забыло о том, что они тоже люди и придёт время, когда они состарятся, возможно, также окажутся в холодном и голодном одиночестве.

– А дети ваши где?

– Милый мой, не говори. Им тяжелее моего. Сынок погиб в Афганистане в 1984 году. Отправила его мальчишкой в армию, такого хорошенького. Он у меня с трёх годиков коровушек пас. Помню, идёт по деревне с азбукой и заставляет коров буквы учить. Это, говорит, «му», это «ма». Двадцати годиков ему не было – привезли в цинковом гробу. Даже не вскрыли. Не поцеловала моего родненького на прощание. Ещё две дочки у меня есть. Старшая не знаю в кого пошла. Спилась она. Ей нынче пятьдесят лет. Чудом, что ещё живая от такой жизни. Живёт у нас тут в райцентре. Люди говорят, будто ползает по помойкам, курит, чинарики собирает. Я уже лет пять её не видала. И не пускаю к себе. Боюсь её. Она в последний раз ко мне приехала с друзьями, они меня избили и все сбережения отняли, что я на дрова копила. Ну а младшая дочка в городе живёт, работает врачом в детской больнице. Жалко её. Зарплата у ей маленькая. Детишек двое, муж хороший, но живут на покупной квартире. Им за неё двадцать лет платить. Эту, как её, – епатеку. Правда, видишь как – связь плохая, никак не можем друг до дружки дозвониться. Она, Ленка-то моя, и не знает с декабря месяца, живая я или померла. Как всё снегом замело, так я на горушку и не ходила позвонить.

– А сейчас вы к этой дочке едете?

– Да пошто я ей? Я ей не нужна. Мне там места нету. Она, конечно, меня всё зовёт к себе. Летом пыталась забрать, но я ей в квартире буду обузой. Квартирка-то у них махонькая, а там робятишки. Пусть живут счастливо. К ним я ни ногой. Не хочу мешаться. Поэтому решила я – в дом престарелых еду. Умирать там буду. Хоть, может, в тепле да в сытости умру.

От этих слов меня чуть не убило. На моих глазах проступили слёзы, а бабулька виновато смотрела то на меня, то на дорогу и продолжала сжимать в руках пустую кружку из-под чая.

– Мне же, милоч, не под силу одной в деревне. Дом старый. Крыша худая, всё течёт. Углы в доме продувают. В избе тепло, пока печку топишь. А много дров мне уже не натаскать. Куда мне деться? Только в дом престарелых. Я ещё осенью хотела, а жалко было уезжать. Я в нашей деревне Буянке родилась и всю жизнь прожила, никогда никуда не уезжала. Мне в нашей деревне каждая травинка, каждая яблонька, каждая досочка на всех домах родные и любимые. А мой дом ещё дед строил. В нём моя мать родилась. И я в нём все свои 85 лет прожила. И умерла бы я в родном доме, но видишь – не умирается. Ноне я готовила дом к отъезду, всё убирала, заколачивала и ревела без конца. Думала, что же я непорядочная творю, дом отчий покидаю, бросаю его холодным, одиноким. Сколько мой дом ещё простоит? Ещё, может, лет пять, да начнёт разваливаться, а потом рухнет и сгниёт в земле.

А к тому времени, может, и я в земле сгнию. Только жаль, от родного дома, от деревни моей родной Буянки, наверное, далеко похоронят меня. Из дома престарелых поди-ка и не повезут в родную землю закапывать. Хотела бы лечь в одну могилку к сыну.

Бабулька посмотрела в кружку и тяжело вздохнула. Было понятно, что ей хочется ещё чаю.

– Может, ещё чайку налить?

– Ой, милый, да с радостью. Я не откажусь. Так хочу пить. Видно, вся пропотела, когда с деревни до трассы ползла.

Уже светало. Мы остановились у какого-то придорожного кафе. Я заказал горячего супа, котлет и чаю с пирожным. Бабулька жадно, но очень стеснительно ела. Было видно, что она давно не ела мясного. А я пил кофе и думал, что с ней делать. Оставлять её на вокзале и отправлять дальше в областной центр было нельзя. В доме престарелых её никто не ждал. Чтобы туда попасть, нужна куча справок, которых у неё нет, да и очередь в этот дом дожития брошенных людей такая, что многие этой своей очереди не дожидаются, умирают одинокими в своих холодных избах.

– Вы в Москве давно не были?

– Давно милый. В тот год, когда Брежнев помер, тогда последний раз и была. Я тогда работала на свиноферме. За выведение новой породы свиней мне дали медальку, премию и отправили в Москву на ВДНХ. Это уж, почитай, сорок лет как не была в Москве. Я за всю жизнь в этой Москве раза три была всего. И больше нигде не бывала. Ну, разве что в области у нас да в райцентре была. Ни на морях не была, ни за границей. Всю жизнь работала. С самого начала жизни, как научилась ходить, так матери по хозяйству и помогала. Отец на фронте погиб. После школы кончила наш районный техникум на зоотехника и так всю жизнь работала. А чего я заработала? Сына в цинковом гробу и пенсию, которую только осенью последний раз видела. Нет, нет, милый. Я не жалею. Хорошо живу. Но плохо мне одной. В доме престарелых лучше будет. Там хоть люди живые есть, есть с кем поговорить и телевизор кажет. А звать-то тебя как?

Тут я опомнился и осознал, что, погружённый в свои душевные переживания об этой бабке, погружённый в злость против власти, бросившей эту несчастную мать героя Афгана, я забыл спросить её имя; как зовут её, этого человека, одного из тех, кто вытягивал на своих плечах страну, страну, которая её вот так нещадно бросила.

– А меня Анна зовут, Анна Поликарповна Смирнова, но зови меня, если что, просто – бабка Аня, – допивая чай с пирожным, пролепетала старушка.

Допив кофе, я набрался мужества и сказал:

– Знаешь ли, бабка Аня, что я решил? Поехали, покажу я тебе современную столицу. Я сейчас туда по делам еду и сразу назад. За эти сорок лет изменилась Москва, не узнать. А потом поедешь к нам домой, это там, рядом с твоей Буянкой, в деревне Ивановке я живу. Жена у меня, хозяйственная, добрая, сыновей у нас двое – им шесть и восемь лет. Дом новый, большой, мансарду достраиваю. Комнат свободных полно. Выделю тебе одну – не жалко. И будет тебе по дому задание – ты же зоотехник? – вот и будешь моих сорванцов учить, как с животными обходиться. А то они развели кроликов, кошек да собак, а как ухаживать за ними, не знают. Согласна?

Бабка непонимающе вытаращила глаза и сказала:

– Да как прикажете.

Проза

Наталья Беломытцева

От автора: мои детство, юность прошли в Новосибирске. Я родилась в 1941 году. Любимой и родной мне стала школа № 54, что на ул. Крылова. Где бы я ни жила, где бы ни работала, я всегда с теплом и восхищением помнила о ней! После я училась и в других школах. В Высшей партийной школе (теперь это СибАГС – Сибирская академия государственной службы), хотя никогда не была членом партии. Работала – в филармонии, в газете многотиражной, печаталась в издательствах «Советская Сибирь» и «Вечерний Новосибирск». А также служила в театре и в Западно-Сибирской студии, кинохронике...

Накануне рождества

Из воспоминаний моей матушки, урождённой Анны Циклинской, записано дочерью Анны – Натальей

Утро на Рождество начиналось очень рано, часов с семи утра уже все были на ногах. Дом был большой, и каждый из нас имел свою комнату. Прислугу иметь при себе мама не любила, а приглашала её только тогда, когда в этом была необходимость. Так вот, накануне Анисья Ефимовна позвала для подготовки к празднику женщину, которая уже много лет бывала в этом доме и исполняла все просьбы, если так можно сказать, и наказы барыни. Сама Анисья Ефимовна была прекрасной хозяйкой. К ней любили заезжать по четвергам на журфиксы, которые она организовывала для родных и близких. Готовила она отменно. Куличи и пироги имели какой-то особый вкус, и запах ощущался даже на улице. Ну, поговаривали соседи, значит будет праздник или гости нагрянут. Сама же матушка выезды не приветствовала, и за ней частенько присылали извозчика, приглашая в гости. Рождество – особый праздник, поэтому за столом собиралась только её большая семья. У матушки было десять детей. Понятно, что появлялись они не сразу, в этот год, который остался в памяти навсегда, нас было пятеро. Я часто бывала рядом с мамой на кухне, и меня за это прозвали «Кулинар». В свободное время очень много читала. Вспоминаю один курьёзный случай, запечатлевшийся в ранней юности. Мы всей семьёй бывали в гостях у двоюродного брата отца и накануне Рождества нанесли визит в этот гостеприимный дом. У них была большая библиотека, и, пока не наступило время ужина, устроившись в уютном кресле, я стала читать роман, который захватил меня полностью, да так увлеклась, что вздрогнула от внезапно раздавшегося шума.

– Кто здесь?

В ответ тишина и снова шум. Посмотрела, никого. Но удары повторялись. Тогда я встала, повернулась и увидела позади кресла огромную фигуру мужчины во весь рост. Это видение повергло меня в состояние смятения и шока, но, присмотревшись, стало понятно, что это часы, которые были сделаны в образе Петра Великого и во весь его рост! Вот это да, а раньше не замечала. Позже, когда прошло много лет, не встречала и нигде не видела такие часы. Они бесследно исчезли, как и многое в последующие годы, о которых тяжело вспоминать. Но прерву свои воспоминания и вернусь в этот день – день Рождества Христова.

Наступило время обеда.

– Кого нет за столом? – подала голос Анисья Ефимовна.

– Анна ещё не пришла из гимназии, – сказал старший, Пётр.

– Но уже время, – сказала матушка. – Пойди встретить её, а то задержалась, видимо, где-то с подругой, – попросила она.

Когда Пётр стал подходить к гимназии, то увидел меня с одноклассницей Марией Грохольской.

– Анна, ты задерживаешься, а время обеда. Все уже за столом, ждут только тебя. Что-то случилось? – спросил брат.

– Пётр, не сердись, – сказала я. – Мы обсуждаем смешной случай, который произошёл на последнем уроке. – Начался «Закон Божий», и когда была перекичка, то батюшка, назвав мою фамилию и Марии, попросил нас покинуть класс. – Знаешь, мы даже обрадовались и пошли гулять.

– Странно, однако, – заметил брат. – И как он объяснил своё решение, чтобы вы ушли? – спросил Пётр.

– Да просто сказал, что у нас другая вера и нам нечего тут делать.

Ещё немного пообщавшись, расстались. И мы с Петром пришли домой. Я извинилась, что заставила всех ждать.

Обед закончился, и надо было идти на кухню к матушке и её помощнице помогать готовить праздничный ужин. Младшие дети разошлись по комнатам готовиться к Рождеству. Этот праздник любили, но семья никогда не относилась к верующим. Им просто нравился этот день, когда можно было всем собраться за одним столом и получить подарки от мамы и папы. Так повелось издавна. Когда-то давно, когда дети стали подрастать, Анисья Ефимовна, собрав детей накануне Рождества, сказала: – Хотите, ходите в церковь, вам решать. Я приму любое ваше решение. – Больше никто к вопросу о вере в Бога не возвращался.

День подходил к концу. Малышам помогли красиво одеться. В большой гостиной стояла наряженная ёлка. Она пахла лесом и свечами, которых было множество, и мерцающий огонь от них отбрасывал тени на стенах, на потолке и отражался на стёклах окон, за которыми сгущались сумерки. Все были в ожидании ужина и подарков. Чего только не было наставлено на столе: булки, большая кулебяка с капустой и яйцами, круглый сдобный паштет с форшмаком, пироги с разными начинками... Но вот ужин закончился, и дети пошли опять любоваться лесной красавицей и разбирать подарки, которые втайне от малышей спрятал под ёлкой глава семейства Прокопий Родионович. Младшие, тоже вставшие в этот день очень рано, получив игрушки, книжки, сладости, с удовольствием укладывались спать в тёплые постельки в своих комнатках, которые уютно освещались праздничными лампадками. И так весело было засыпать, думая, что впереди целые две недели праздников – не надо учиться, можно целые дни играть, гулять, а по вечерам кататься с горок, наряжаться и т.д. А все старшие – Пётр, Иван, Николай, Ксения и я – после ужина играли в фанты, в жмурки, под орган танцевали кадрили, польку, вальс.

На следующий день ближе к вечеру в дом приходили ряженые. Кто-то наряжен был медведем, кто волком, кто козой, кто-то изображал юродивого. Наряжались цыганами и колдунами. Узнать никого невозможно, потому что лица у всех были закрыты. Пели, играли на гармониях, плясали, шутили. Шум, гам стоял невообразимый. В конце ряженных угощали мёдом, пирогами, орехами, пряниками, мочёными яблоками. Все были довольны.

Матушка хоть и привечала ряженных и одаривала, но в дом старалась не пускать, а встречали их на крыльце. Вот как проводили святки. Катались на лошадях и на санках с горки с соседскими ребятами. Снегу в зимние периоды было много, и он в те времена был ослепительно-чистым и сказочно красиво блестел на солнце. Между нашим садом и усадьбами соседей Гороховских и Сафроновых нас разделяла лишь тропинка. Далее от неё был спуск, который вёл к реке. Проживающие на этой улице спускались, чтобы постирать бельё. Да, так было в те годы, и в связи с этим мне вспомнился ещё один случай из моей жизни. Это произошло также перед Рождеством. Мне всегда больше всех надо было. Матушка пригласила домработницу заняться стиркой. Ну, как тут без меня!

– Мама, можно я пойду с Матрёной на реку, помогу ей и заодно прогуляюсь? Подогнали извозчика. Всё погрузили и поехали. Был лёгкий морозец, конец октября, светило солнце. Приехали. Помощница занялась делом, я решила ей помогать. В какой-то момент не удержавшись на мосточке, я подскользнулась и упала в воду. Она испугалась больше меня и стала кричать:

– Ой, Господи, помогите, барышня тонет! Что же делать?! Кошмар, помилуй, Господи, барыня меня убьёт...

Услышали, кто был неподалёку, спасли. Плавать я не умела, да и вода была ледяная. Эта история вылилась позднее в тяжёлое заболевание с ногами, и предстояла ампутация. Моя мама даже мысли не допускала об операции. Она нашла какого-то знахаря, который и спас мою ногу. Так этот случай со стиркой остался в моей памяти. Впоследствии матушка никого и никогда больше не отпускала на реку.

Одна радость была у нас, кто жил недалеко от реки. Она зимой была скована льдом и к ней вела дорога. Мы брали санки и с визгом и хохотом, опережая друг друга, неслись с горки. То-то весело было кататься с неё, хотя страшно и хорошо. Веселью и смеху не было конца... Так проходила первая неделя после Рождества.

Так было всегда и во все те годы – годы детства и юности.

Все росли в тепле, уюте и достатке. Глава семьи служил в суде, работая архивариусом, а матушка в основном занималась детьми и домом.

Всё было хорошо, пока в стране не случилось то, что навсегда перечеркнуло привычные устои общества и его уклад.

Берега юбилеев

Александр Орлов

Александр Владимирович Орлов – поэт, прозаик, публицист. Родился в 1975 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Директор Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» с 2020 года. Член Литературного форума «Мир слова» Издательского Совета Русской Православной Церкви, жюри Международного детско-юношеского конкурса имени И. С. Шмелёва «Лето Господне», жюри Международного открытого конкурса «Просвещение через книгу», жюри Международного литературного конкурса имени С. Т. Аксакова ИС РПЦ, Совета экспертов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Автор ряда книг. Лауреат Всероссийских премий имени А. П. Платонова (2011), Ф. Н. Глинки (2012), С. С. Бехтеева (2014), Н. С. Лескова (2019), Д. Н. Мамина-Сибиряка (2020), Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского Совета РПЦ (2018 и 2019), Международной литературной премии «Югра» (2019), VIII Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2020). Обладатель «Золотого Витязя» (2019), «Бронзового Витязя» (2017) и специального приза Издательского Совета РПЦ «Дорога к храму» (2017) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь».

А я боюсь покоя своего...

Перед сном я читал стихи Василия Ивановича Белова, а утром и на работе всё думал о них, о поколении детей войны, а потом настало время контрольной работы по истории. Позже я проверял работы учеников, и оказалось, что все не смогли ответить на задание, которое звучало так: «В истории существует значительное число устойчивых фраз и выражений. Укажите, какое событие или явление обозначает каждое из приведённых выражений, и объясните, почему данное событие или явление получило такое название». Самым неузнанным оказалось название статьи Сталина 1929 года «Год великого перелома», которая была написана к XII годовщине революции.

После работы я поехал в Переделкино в гости к семейству Костровых, с которым был дружен уже много лет, а в голове всё крутилось название статьи отца народов. Всплывали строки Пастернака и Вертинского, посвящённые Сталину. Мы пили чай и долго разговаривали с Костровыми. Я завёл разговор о стихах Белова, на что Владимир Андреевич Костров мне ответил: «Мы с Василием Ивановичем вместе работали над редакцией романа «Год великого перелома» перед публикацией в журнале «Новый мир», и в это время он прислал мне книгу своих стихов и написал: «Не знаю, что получается, но никому не хочу верить, а верю только тебе, скажи, что это

такое». Прошло время, и Белов позвонил мне, и я ему ответил: «Василий Иванович, ваши стихи не надо редактировать. Это стихи простодушные, что очень любил Пушкин, и они могут оказаться интересны. Нет никакой ни интеллектуальной, ни чувственной зашоренности».

Дома я вновь читал стихи Василия Ивановича и вспоминал строки из романа «Год великого перелома»: «...но Сталин редко замечал несобственные обиды...» Куда было «шашлычнику» или «семинаристу», как называли вождя народов троцкисты, замечать обиды народа, последствия этих обид, многолетнюю горечь, которая ещё успеет перерасти в вековую безутешность. Этот кровавый рубец на сердце русского народа впитался в сознание, исходящая от него боль передаётся на генетическом уровне, не даёт спокойно спать, запрещает врать самому себе, заставляет быть, а не казаться.

Пожалей меня, пощади,
С грозовой не своди дороги,
Чтоб горел и горел в груди
Неуёмный огонь тревоги.
Слишком мало в запасе дней,
Слишком многое сделать надо.
Пощади меня, пожалей,
Не считай тишину наградой.
Так бы жить вот, чтобы ни дня

Без ветров ошалелых, резких.
Пострашнее меча и огня
Абажуры да занавески...
Если ж я – что всего страшней —
Поверну с грозовой дороги,
Не щади тогда, не жалей,
Разожги мне огонь тревоги.

(1960)

Я читаю стихи Белова и вспоминаю своего деда Александра Павловича Орлова. Седого, голубоглазого, кряжистого, с могучими плечами, большими кулаками, настоящего русского человека, смолянина, сына врага народа. Вспоминаю его сильным и грустным, смотрящим в окно и ответившим мне, десятилетнему, на вопрос «Кто такой Сталин?» – коротко и непривычно зло: «Это такая сволочь, Саша!»

Сразу на ум приходят строки из великого беловского романа: *«Прошлогодня поездка в Сибирь ещё раз убедила его в том, что Троцкий по отношению к крестьянству был абсолютно прав. Эти мешки с дерьмом действительно не годятся даже на баррикады. Мировая революция выдохнется и растворится в инертной мужицкой массе»*. Эти «мешки с дерьмом», эта «инертная масса» вынесла всё!

Это великое поколение фронтовиков, сидельцев и их детей учило нас не просто жить, а выживать, и так научить сегодня может только Господь Бог. Как быстро разменивали судьбы миллионов, но как величественно терпение русского народа, он весел и непобедим в своей беде и нищете, и это говорит наша история, очевидцем и летописцем которой был Василий Иванович Белов.

Домик с веником у порога,
С вековой четой берёз,
Он стоит у большой дороги,
Незаметен собой и прост.
На ступеньках лежит рогожа,
Разметён у крылечка снег.
В этом доме любой прохожий
Непременно найдёт ночлег.
Здесь хозяйка тебя обсушит,
Если ты в дороге промок;
Тёплым словом согреет душу,
Принесёт с грибами пирог,
Фотокарточки все покажет,
С вологодскою простотой
О своих сыновьях расскажет,
Что с войны не пришли домой.
От старушки огнём и дымом
Навсегда заслонило их...
Сколько в нашем краю родимом
Вот таких матерей седых.

(1956)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как тяжёл и зернист,
Восковой, молодой,
Ячменя колосок усатый.
Здравствуй! Я возвратился домой,
Поклонился бы, что ли, солдату.
Я присяду к тебе, покурю у межи,
На деревню свою полюбуюсь с пригорка.
Кто посеял тебя,
Колосок, Расскажи,
Может, мама,
А может, сестрёнка?
Я так много дорог
По земле прошагал
На морозе, в жару и ненастье
Для того, чтобы ты,
Колосок, вырастал
Полновесным предвестником счастья.
Вырастай же!
Приду к тебе скоро опять,
Пусть поит тебя влага земная...
Видишь, мама торопится
Сына встречать,
И смеётся, и плачет родная.

(1956)

ЮНОСТЬ

Нас жизнь повстречала
Не воплями джаза,
Не запахом вин,
Не трясучкой фокстрота.
Вложила упрямство
В сердца до отказа,
Спецовку дала
И послала работать.
Зажаты мозоли
Мальчишеской горстью,
Защиты штанины
И рукавицы.
Мы встретили зиму —
Холодную гостью —
Жарищей в крови,
Пузырями на лицах.
Мы спали в палатках
Совсем не для форса!
А утром вставая
С промёрзших постелей,
Кляли холода
И работников ОРСа
И шли в заваруху
Таёжных метелей.
Тропинка с комочком
Замёрзшей синицы.
Дымится пурга
Над верхушками елей,
А где-то, а кто-то
Под ручку с девицей

Вразвалку бродил
По зелёным аллеям.
Нет, думали мы
О таких без обиды.
Балбесы и девицы
Розовой масти,
Мамашины детки
Стиляжного вида
Не портили наше
Громадное счастье!
Дымились костры,
Котлованы зияли,
Гремели цепями
Бетономешалки,
И тех, кто не нюхал
Цемент и стали,
Нам попросту было
Немножечко жалко.
Чернели глазницы
Оконных проёмов,
Росли корпуса,
Кирпичами краснели.
А тех, что сидели
Безвыездно дома,
Мы попросту
Искренне очень жалели.

(1959)

Традиционалист Белов не впадает в радикальное безумие, в чёрствое неприятие, он искренне жалеет поклонников и поклонниц чуждого его миропониманию эволюционного эпатажа, любителей Миллера, Гудмана, Эллингтогна, Пресли... Но разве сегодня мы не с отвращением смотрим на показательные выкрутасы маменькиных сынков? Разве не с уважением относимся к людям целеустремлённым, выстроившим свой мировоззренческий фундамент?

Полагаю, что я не ошибусь, если предположу, что почти у всех поэтов поколения детей войны есть стихи, посвящённые Николаю Рубцову. Как-то раз мне сказал Владимир Костров: *«Ты знаешь, существовали поэты более изобретательные, чем Рубцов, но такой души ни у кого не было. Неким образом Рубцов, видимо, лучше всех нас передал тип поэта, рождённого в деревне и опалённого войной, а таких, как мы, было много... Я сам слышал, как незадолго до смерти его стихотворение "До конца, / До тихого креста / Пусть душа / Останется чиста!" читали актёры Олег Борисов, Георгий Жжёнов...»* Посвящение другу есть и у Белова:

НА СМЕРТЬ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

О, как мне осилить такую беду —
явилась и тучей нависла.
Не скроюсь нигде, никуда не уйду
от этого подлого смысла.

Подсчитано всё, даже сны и шаги.
Как холят тебя и как любят!
Но губят меня не они, не враги, —
друзья уходящие губят.

Как будто позор предстоящего дня
узнали и — рады стараться —
один за другим, не жалея меня,
в родимую землю ложатся.

Мне страшно без них! Я не вижу ни зги,
ступаю, не чувствуя тверди.
Кого заклинать: не отринь, помоги,
в безжалостный час не отвергни?

Ни Бога, ни Родины... Лишь Мавзолей,
и звёзды, воспетые хором,
и, тихо мерца, светило полей
горит над бессонным Угором.

(1971)

Белов в стихах и прозе показывает, как человеку, на первый взгляд в нечеловеческих условиях, не превратиться в животное. Это так легко и так тяжело. Каждый из нас инстинктивно и рефлексивно направлен на самосохранение, именно поэтому мы выбираем социальные роли, моделируем поведение, стараемся предугадать ход действий, предвидеть последствия. И такая действенная неповторимость ведёт каждого. Как часто герои Белова выявляют двойственную натуру человека, но всё это в прозе. А стихи? Стихи представляют нам коренную и многовековую боль народа, который умеет и любить, и прощать. Народа, разделённого на палачей и жертв. Если вдуматься, то становится безусловно, что только русский человек будет пить густой лагерный чай со вкусом, воспринимать его как что-то особенное, потаённое, как возможность прикоснуться к великим бедам, стать братом истинным страдальцам, врагом всемогущим негодьям. И в этот момент, когда жгучий настой будет согревать его дух, душу и тело, он становится блажен от тепла, оттого, что становится сопричастен к горестям, и ему хорошо, ведь он частица великого народа, испытавшего, казалось бы, уже всё что только можно, но нет, внутренний голос нашёптывает нам: всё ещё только предстоит. И мы ждём! Чего? Сами не знаем, но ждём, ибо есть на наше ожидание высшее суждение.

НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ

Анатолию Заболоцкому

Когда вокруг ни друга, ни врага,
когда толпа знамёнами полощет, —
на горький дым родного очага
я каждый раз иду как бы на ощупь.

В лесном краю никто меня не ждёт,
кольцом ворот побрякаю для вида...
В моём окошке тает синий лёд,
а в сердце тает горькая обида.

Клубится в небо белый-белый дым,
едва умоюсь снегом белым-белым,
я становлюсь как прежде молодым,
я становлюсь удачливым и смелым.

И в этот час печная головня
дороже мне, чем телефонный вызов.
Пушай друзья пируют без меня,
пусть не меня дурачит телевизор.

Перед огнём родного очага
я голубую полночь повстречаю
и в тишине за друга и врага
налью густого лагерного чаю.

(1985)

Белов был чист и обманут, как был обманут
каждый человек, родившийся и живший в Совет-
ском Союзе, и причина этого обмана — наша вера.
Такова наша национальная особенность. Мы,
идеалисты и романтики, умеем верить, и этим
пользуются все и всегда. Поэтому Белов пишет
в стихах тепло о Ленине и Брежневе... Но разве
он был такой один?

ВСТРЕЧА

Бережит мне сердце встреча эта.
Я тогда увидел Ильича,
Не в богатой раме из багета,
Не в густых сполохах кумача.
Не сверкали радужные люстры,
Не играли марши на трубе,
Было тихо, холодно и пусто
В деревенской рубленой избе.
Не забуду вырезочку эту
Из простой газетной полосы.
Примостившись краешком к портрету,
Тихо, тихо тикали часы.
Тикали ритмично, осторожно,
Словно потакая тишине.
Был приклеен, видимо, картошкой,

Тот портрет к бревенчатой стене.
Тишина была больнее раны,
Тишина такая — хоть кричи.
Жили в доме только тараканы
Да больная бабка на печи.
Мне в глаза смотрел Ильич с укором,
Не прощал ни капельки вины,
И дымил я горьким беломором
В тишине убогой старины.
...Мы и эту хворость одолели,
На своём же вынесли горбе,
Вновь качают бабки колыбели
Чуть не в каждом доме и избе,
Подоспели новые события,
Тишина которым нипочём.
Всё равно до смерти не забыть мне
Ту избу и встречу с Ильичом.

(1961)

Все, кто верил в светлое будущее и кто не
верил в него, писали о гигантских свершениях
и великих кормчих. В густых кумачовых споло-
хах воспитывали детей. Мы все умели искренне
радоваться жизни, незабвенно дружит, тайком
бояться в кухнях и спальнях.

Помню, как мама встретила меня из школы,
и это было удивительно, так как я перемещался
самостоятельно, взяла за руку и сказала: «Умер
Брежнев».

Я сразу ответил: «Так говорить нельзя. Он не
умер».

Мама настаивала на своём: «Нет, умер, взял
и умер».

Мы пришли домой. Бабушка подтвердила мне
смерть генерального секретаря КПСС, но этого
оказалось мало, и я позвонил папиной маме, она
тоже удостоверила меня в происшедшем. Дове-
рие к женщинам было исчерпано, и я попросил
дедушку к телефону, и только слова деда, ветера-
на войны, коммуниста, заставили меня принять
смерть Брежнева. Мне было семь лет. Я учился
в первом классе.

Время меняло всё, менялись руководители
коммунистического государства, и я вспоминаю,
как в год новомирской публикации романа Белова
«Год великого перелома», когда с экранов теле-
визоров, на радио, в газетах и журналах непре-
станно разоблачали высших должностных лиц
СССР, будучи в гостях у деда, я спросил: «А ты
не хотел бы сдать свой партийный билет?» В от-
вет я поймал суровый взгляд, и сквозь зубы он
ответил: «Я нет! За эту страну я воевал, я вос-
становливал её после войны, я честно трудился,
а те, кто крали, вот пусть и сдают».

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Как тяжело подчас в пути!
 Тернист, неровен наш большак.
 И всё же надобно идти
 За шагом шаг.
 Когда я очень устаю,
 Когда не мил и белый свет,
 Я из кармана достаю
 Свой партбилет.
 И ярко-красный переплёт —
 Такая сила пышет в нём —
 Усталость сонную сожжёт
 Своим огнём.
 Я мало жил,
 Но сколько раз
 В дороге он меня учил,
 Он для меня без пышных фраз
 Красноречив.
 Огонь былых и новых битв
 Людей земли с крошечной тьмой
 В нём ярым пламенем горит
 И гонит в бой.
 Не тот ли свет,
 Не тот ли жар,
 Не поддаваясь чёрной мгле,
 Октябрьский запылал пожар
 На всей земле?
 А искры не того ль огня
 Буравят космос, губят ночь,
 Всё устаревшее гоня,
 Сметая прочь?
 Припомню это,
 И опять
 Я полон сил. Сомнений нет.
 Не защищаться — нападать
 Зовёт билет!

(1961)

Прозрение ко многим героям Великой Отечественной войны послевоенного трудового строительства и горячих пятилеток пришло позднее, но это всегда лучше, чем никогда, и это явил и Белов:

Кто накормит страну?

Модное восклицание

С дубовых трибун и с гнилых парапетов,
 блюдя митинговую вашу страду,
 не стыдно ли вам перед белым-то светом
 истошно орать: «Накормите страну!»?
 Хотите забыть грабежи и расправы
 и слёзы детей в заполярном снегу?
 Но даже в дыму алкогольной отравы

я эту обиду забыть не могу.
 Учили меня вы пером и наганом,
 стыдили, корили под красным гербом,
 когда бунтовал — нарекли хулиганом,
 когда я терпел — обзывали рабом.
 Прощаю вам всё: отчужденье столицы
 и светлого Севера чёрную ночь,
 но хлеб из чужой, из заморской пшеницы,
 поверьте, жевать не хочу и невмочь.
 Я всех накормлю...
 Но оставьте в покое
 на Древней Земле, у травы молодой!
 Не трогайте избу мою над рекою
 и белую церковь над синей водой!

(1990)

Что надо русскому человеку, взгляд которого хранит бедствия репрессий, ужасы войны и её последствий, привыкшего жить беспокойно, что нужно ему, когда, кажется, земля ушла из-под ног? Только Божий дом и родная земля. Об этом и писал Белов в окаянные девяностые, хотя эти годы сатанинского разлома народов стали для некоторых золотыми или святыми.

На родине моей сегодня листопад.
 Октябрь стрижёт лесную шевелюру.
 В пустых полях, за древними домами
 Усатой рысью ходит тишина,
 И только слышно, как в стальное небо
 Вбивает осень журавлиный клин,
 Да тракторный усталый рокоток
 В последний раз дробится над землёй.
 Не жди меня, весёлая страна,
 Тебе нужна твоя пора покоя,
 Укутывайся снежной телогрейкой,
 Дыши глубоко свежими ветрами,
 Пусть отдохнут от летней канители
 Родимые ложбины и бугры.
 А я боюсь покоя своего,
 Как раз уснёшь
 И больше не проснёшься —
 Спокойствие души
 Необратимо...

(1965)

Мы жили и живём в странной стране! Стране, где национальная черта воспринимать боль как ниспосланное свыше, приводит к мученическому подвигу, счастливому ожиданию высшего света, словно каждый из нас знает слова блаженного Максима Московского Христа ради юродивого чудотворца: «Хоть люта зима, но сладок рай».

Берега юбилеев

Эдуард Демиденко

*Редакция журнала «Берега» сердечно поздравляет
Эдуарда Семёновича с 85-летним юбилеем
и желает новых признаний и поддержки научных разработок,
прекрасного самочувствия, бодрости и энергии!*

*Эдуард Семёнович Демиденко – инженер, социолог-урбанист, доктор
философских наук, профессор. E-mail: demidenkoes@mail.ru*

О сбережении природных биологических ресурсов России в условиях смены эволюции жизни

ВВЕДЕНИЕ

Более 400 тысяч лет homo sapiens (неандертальцы и кроманьонцы) занимались охотой и собирательством биосферных плодов, возвращая биологические ресурсы в природу. Перейдя к земледелию и оседлой жизни 10–12 тысяч лет назад, человек создал своё производство на открытой системе связей, всё меньше возвращая в природу им взятые ресурсы. Такая система существовать может продолжительно лишь при ограниченном количестве населения на Земле. Природные биологические потери стали огромными, находящимися на грани исчерпания, как и сама биосферная жизнь.

Организаторы капиталистического производства, которым охвачен весь мир, скрывают от народов ежегодные потери биосферной природы, связанные со стремительно нарастающим социально-техногенным развитием мира и сменой эволюции жизни. Этот вопрос поднимался автором более четверти века назад на XIX Всемирном философском конгрессе (ВФК), но дальше решения экологических проблем ни ООН, ни государства не идут. Ставится вопрос о раскрытии острейшей проблематики развития цивилизации, порождающей экологические загрязнения и оголение Земли от составляющих биосферной жизни, включая и человека.

ВЫБОР МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье ставится задача выбора *соответствующей методологии исследования* взаимосвязанного развития *общества и биосферы как единого потока Жизни*. Без нее нельзя строить анализ, поскольку на протяжении 4 млрд лет живое вещество практически саморазвивалось, вытягивая из земной тверди биогенные вещества, сохраняя их в почвенном покрове. Сейчас в этот процесс масштабно подключилось человечество.

С появлением человека на Земле происходит становление *антропогенной эры развития биосферы*, о чём в 20-е гг. XX в. писали А. П. Павлов и В. И. Вернадский. Вернадский отмечал, что Павлов правильно заметил: «человек... становится могучей геологической силой, всеё растущей» [1, с. 173]. О «геологической силе» человека пишут учёные, не углубляясь в полученные статистические данные науками – как о биосферных потерях, так и о создании искусственного мира.

Работая над теорией биосферы, В. И. Вернадский обратил внимание на то, что биота, с одной стороны, саморазвивалась, а с другой – преобразовывала и поверхность планеты. Теперь ещё в большей степени *человечество, опираясь на науку и производительные силы, преобразует и поверхность суши, и саму биосферу*. Развивая идеи Вернадского, Э. Леруа создаёт понятие *ноосферы* как со-

циализированной биосферы человеческим разумом [2, с. 176]; Вернадский принимает это понятие, придавая ему реалистическое содержание, сравнивая с созданием окультуренных организмов. Он сделал *открытие, заставляющее по-иному исследовать современный мир и его перспективы. Методологический подход к исследованию глобальных процессов развития мира и жизни автор статьи назвал социоприродным.*

О НАПРАВЛЕНИЯХ СМЕНЫ ЭВОЛЮЦИИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

К 1800 г., когда земледельческое общество достигло пика развития, производи-тельные силы базировались на практических знаниях homo sapiens, биологических силах человека – 30% и одомашненных животных – 68%. На технику приходилось – 2% энергии, а сейчас – 99% [3, с. 29–31]. Опираясь на машинную технику, люди в погоне за богатствами стали использовать биосферные ресурсы. За последние 10 тысяч лет, в эпоху земледельческого и индустриального развития общества (до 2000 г.), на Земле уничтожено $\frac{2}{3}$ лесов, представляющих богатый ареал биосферной жизни [4, с. 509]. Более $\frac{2}{3}$ почвенного покрова человечество использовало для своих нужд: 2 млрд га выведено из оборота, а 1,5 млрд га, полуразрушенных [5, с. 339], хватит на сотню лет. Будут использованы земли с малым содержанием гумуса, торфяники для производства продуктов питания, но дефицит биологических ресурсов мир ощущает уже сейчас. Например, в США уничтожено 95% биосферных лесов, столько же биосферных почв в сельском хозяйстве. «Антропогенное нарушение почв в России составляет около 50% её территории, в Европе – 96%, в США – 95%», – отмечает видный теоретик почвенного покрова Г. Т. Воробьёв и далее пишет: «Измучает беспечность человечества: в полной мере антропогенное изменение почв не получило научной оценки...» [6, с. 359]. В США вследствие бездумной распашки прерий были разрушены пахотные почвы – 40 млн га. Президент США Ф. Рузвельт заявлял, что «народ, который разрушает свою почву, уничтожает сам себя» [7, с. 75].

Факты уничтожения биосферных пространств с почвами и живыми организмами вынудили автора в 1993 г. выступить с докладом «Экотехнологический Апокалипсис, или «Конец света» природного человека» на XIX ВФК, отстаивая необходимость разработки «планетной и национальных программ сохранения биосферы, противодействуя ослаблению природных человеческих качеств» [8, с. 38]. В 1992 г. почвоведы РФ жаловались, что КОСР-92 проигнорировал их предложение о включении проблематики почв в повестку. В 1997 г. Г. В. Добровольский – академик, директор Института экопочвоведения – издаёт статью «Тихий кризис планеты», используя выражение директора Вашингтонского института глобальных наблюдений Л. Брауна и обосновывая «кончину почв» [9].

На КОСР-92 речь шла и о сохранении биоразнообразия, без чего не может существовать полноценная природная окружающая среда и жизнь. Сейчас происходит массовое вымирание многих видов и подвидов живых организмов. За четыре десятилетия (1970–2010) из жизни ушла половина их популяций, в т. ч. в реках и озёрах – $\frac{3}{4}$, что сократило на треть биоресурсы Земли [10]. Это связано не только с загрязнениями, но и гибелью полезных веществ в почвах. Почвенный покров представляет собой своеобразный *дом биосферной жизни*, в котором происходят уникальные непрерывные ежедневные процессы возрождения жизни.

Когда говорят о гибели жизни в связи с гибелью почвенного покрова, то речь идёт о биосферной жизни, не задумываясь о том, что на наших глазах творится новая жизнь, которую автор назвал *пост-биосферной*. Она закладывалась в период земледелия с образованием семь тысяч лет назад городов. И как показывают мои расчёты, за этот период (до 1800 г.) горожане увеличились до 5% в составе землян, 45 млн человек. С бурным же развитием индустрии, культуры и услуг к 2015 г. при *общем росте населения мира в 8 раз горожан увеличилось в 80 раз*. Этот период называют *городской*, или *урбанистической, революцией*, хотя можно говорить о наступлении *искусственного мира, техносферы* с переселением в неё людей, затем окультуренных животных, биотехнологических производств, приходящих на смену умирающему сельскому хозяйству в связи с глобальным истощением почвенного покрова.

Как видим, наряду с *усиливающейся деградацией биосферной природы* проявляется и *вторая важнейшая мегатенденция стремительного развития небiosферной жизни в глобальной техносфере*. Автор статьи защищал диссертации по социологии и политике урбанизации, рассма-

тривая её как один из этапов техноферизации планеты, а его ученики Н. В. Попкова и Е. А. Дергачёва исследовали глубоко процессы *современной техносферизации* [11] и *социотехноприродной глобализации* [12] с учётом перехода жизни из биосферных условий в техносферные. Биомасса человечества и домашних животных, отмечает М. И. Потеев, составляла в 1860 г. 5% биомассы наземных животных, в 1940 г. – 10%, в 1980 г. – около 20%, в начале XXI в. – 40% [13, с. 253]. Если на суше порядка 55% безродных антропогенных грунтов [14, с. 43–44], то к концу XXI в. будет 70–75%. При отсутствии активного участия элиты и землян в спасении биосферы человечество может оказаться в XXII в. в крупнейших городах с биотехнологическим производством продуктов питания. Именно капитализм с его погоней за прибылями и сверхприбылями ведёт к уничтожению биосферной жизни, что требует серьёзного изучения этого как ООН, так и государственными деятелями.

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ПРИРОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

*Социоприродный подход позволяет философии и науке более реально подойти к развитию мира и выдвинуть практические задачи для решения социоприродных отношений и проблем. Из множества вопросов, связанных с социально-техногенным развитием мира и России, автор останавливается на центральном – **коренном повороте к сохранению оставшихся биологических ресурсов**, без которых невозможно сохранить и биосферную жизнь на территории России, и добиться положительных решений в подъёме народного благосостояния. Россия обладает большими запасами земельных ресурсов, лесного, растительного и почвенного покровов в мире, что ставит её в особое положение – **охраны этих ресурсов и развития прибыльной экономики**. Отсюда и **необходимость организации институтов, которые будут заниматься оценкой глобальных и национальных биоресурсов и расчётами их экономики по всем направлениям**. Они могут быть организованы на базе существующих в РАН и вузах.*

Самые большие потери биоресурсов – потери гумуса, накопленного за 0,5 млрд лет в почвенном покрове. Они приходятся в основном на XX–XXI века. По данным В. А. Ковды, советского почвовед, в 20-е годы XX в. ежегодно сбрасывалось в моря и океаны 3 млрд тонн гумуса, в 70-е гг. – в 8 раз больше, т. е. 24 млрд, сейчас – более 30 млрд тонн. По его расчётам, планета накопила 2,6 трлн тонн [15, с. 149, 156]. То есть необходимо этим заняться немедленно.

Следующие потери – растительного покрова, особенно лесов с большим объёмом биологического вещества и пространства, охваченного разнообразием жизненных процессов. Ранее говорилось о потерях биосферных лесов, частично они зарастают вторичными с потерей качества древесины из-за почвенных потерь. Погубленные леса не протягиваются корнями в глубины земли, не вытягивают оттуда биогенного вещества. С переходом России к капитализму массовая вырубка лесов приобрела огромный размах, особенно отправка «кругляка» на продажу за границу, что является крайне пагубным как для биосферы, так и страны. Всё меньше остаётся и травяного биосферного покрова, который восполняет потери почв на пахотных землях. Так, в Тамбовской области чернозёмы теряют за год 2000–3650 тыс. тонн гумуса, а приобретают под травами 10–20 тыс. тонн. Конечно, потери можно уменьшить, и учёные показывают за счёт чего [16, с. 234].

Биосферная жизнь на Земле умиртвляется и массовыми загрязнениями. В городах решающую роль играют промышленные предприятия и автотранспорт, загрязнения водного и воздушного бассейнов, чрезмерное загрязнение быта химическими ксенобиотиками, которые в большинстве не проанализированы на токсичность, мутагенность, канцерогенность и тератогенность [17]. О техногенности среды обитания городского человека говорят такие данные: в моче 22 здоровых взрослых обнаружено 2282 ксенобиотика из окружающей среды [18]. В крови 10 новорождённых на присутствие 471 индустриального загрязнителя обнаружено в уловимых концентрациях 287 чужеродных химических веществ [19]. Загрязнения и цивилизационные болезни представляют собой глобальную проблему. Со второй половины XXI в. она может перерасти в мировой антропо-экологический кризис, с которым не справится и современная медицина. За это необходимо серьёзно браться.

Особое значение приобретает сейчас снижение качества продуктов питания со значительным сокращением полезных в них веществ и увеличением загрязнителей. В XX в. в США в среднем по-

лезных веществ в сельскохозяйственных почвах стало в 3 раза меньше, а по некоторым – в десятки раз, потери же микроэлементов в продуктах питания – от 60 до 99,5% [20, с. 93–94]. От нехватки их в организме приходится переедать, чтобы сбалансировать их гармонию в организме. Это привело более 70% населения к избыточному весу, а 38,2% граждан к ожирению. Такая глобальная тенденция нарастает и будет нарастать в мире, если не принять необходимых мер. После 1980 г. «ожиревших граждан» в мире стало в 2 раза больше. В России с развитием капитализма запущен тоже процесс «разбухания тела», поскольку люди стали пользоваться и западными продуктами-пустышками. Сейчас 10% граждан России вошло в стадию ожирения. Причём за последние пять лет таковых выросло на треть [21]. Полагаю, из-за внедрения по типу западных «российских пустышек» крупным капиталом.

Среди существенных мер экономии биовещества могут рассматриваться и технологии многократного использования биосферных ресурсов, что особенно ярко проявлялось десятки тысяч лет при ведении натурального и дачного хозяйства. В Дубне из туалетных и других биоотходов делают биогумус, которым озеленяют город – цветниками, деревьями, кустарниками. Но это всё – единичные примеры.

Если мы обратимся к капиталистическому миру, то отработанное биосферное биовещество в городах постигает участь или быть сброшенным в моря и океаны, или сожжённым для получения электроэнергии. Первый известный опыт был поставлен в Кёнигсберге перед Второй мировой войной: городской бизнесмен собирал туалетные отходы, из них делал технический спирт для вермахта, а брикеты продавал земледельцам. В то время окружающая среда не была загрязнена химическими ксенобиотиками, а сейчас – это опасно. В СССР развивалась практика сбора кухонных биоотходов в ёмкостях у многоэтажных домов, в пригородных садоводческих хозяйствах. Сейчас, когда остро стоит в России вопрос о переработке твёрдых бытовых отходов, следовало бы всем заняться и использованием биоотходов.

Этим далеко не исчерпываются вопросы сохранения биоресурсов. Самый большой урон биосфере наносит массовое технократическое мышление, гипнотически формирующее глобальную городскую техносферу, технические новшества и техногенную среду обитания человека и живых организмов ради прибылей и сверхприбылей. Омертвление биосферных пространств уже в XXII в. уведёт землян в города, в которых будут выживать на биотехнологических процессах питания и оздоровления. Чтобы не допустить этого, предстоит восстановительная работа – массовая, каторжная, если элита и люди осознают масштабы работ [22], чтобы избежать омертвления Земли.

Видный социальный философ и эколог Э. В. Гирусов давно ставит вопрос о жёстком научно обоснованном государственном контроле использования земных ресурсов. «Следует учитывать, – пишет он, – что времени остаётся очень мало для проведения подобной работы, т.к. биосфера находится на пределе своих возможностей саморегуляции, которые уже превышены человеком более чем в 10 раз» [23, с. 77].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одна из главных проблем сохранения биосферы и биоресурсов – преодолеть острые разногласия между ведущими государствами мира, чтобы объединить их для решения жизненных вопросов. Только сообща можно открыть возможности к научно-рациональному решению не только экологических проблем, но и сохранению биосферной жизни на Земле и ее совместимости с миром искусственным, но рационально построенным на биосферном фундаменте.

Автор предлагает конференции обратиться к президенту РФ В. В. Путину с письмом. В нём обосновать необходимость рассмотрения вопросов идущей деградации биосферы в РФ со сменой эволюции жизни с целью принятия необходимых мер её сохранения. Для этого утвердить комиссию.

Предложить президенту РФ В. В. Путину провести в 2020 г. под эгидой РФ Международный конгресс, на котором осветить серьезные проблемы в развитии жизни на Земле и выдвинуть новые масштабные решения мирового уровня, которые не были объективно оценены или же замалчиваются учёными и политиками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский В. И. Биосфера: мысли и наброски: сб. науч. работ В. И. Вернадского. М.: Изд. Дом «Ноосфера», 2001.
2. Янишина Ф. Т. Эволюция взглядов В. И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере. М.: Наука, 1996.
3. Демиденко Э. С. Ноосферное восхождение земной жизни. М.: МАОР, 2003.
4. Дробышев Ю. И., Коротков С. А. Лес // Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: Радуга.
5. Строганова М. Н. Земельные ресурсы мира // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М., СПб., Н.-Й., 2006.
6. Воробьев Г. Т. Научно-философские основания учения о почвенном покрове. Брянск: БОНУБ, 2013.
7. Заславский М. Н. Эрозия почв. М.: Мысль, 1979.
8. Демиденко Э. С. Экотехнологический Апокалипсис, или «Конец света» природного человека. Брянск: Очаг, 1993.
9. Добровольский В. Г. Тихий кризис планеты // Вестник Российской Академии наук. 1997. Т. 67, № 4.
10. Доклад Всемирного Фонда дикой природы (WWF) «Живая планета – 2014»: [эл. ресурс] (дата обращения: 27.04.2019).
11. Попкова Н. В. Философия техносферы. М.: Книжн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
12. Дергачёва Е. А. Концепция социотехноприродной глобализации: Междисциплинарный анализ. М.: ЛЕНАНД, 2016.
13. Потеев М. И. Концепции современного естествознания. СПб.: Питер, 1999.
14. Кацура А., Отарашвили З. Экологический вызов: выживет ли человечество. М.: МЗ Пресс, 2005.
15. Ковда В. А. Почвенный покров, земледелие и социально-экологические проблемы // Вопросы социологии. Львов, 1987.
16. Антропо-техногенная деградация биосферы: предложения по её преодолению. М.: ИНИОН РАН, 2014.
17. Ревазова Ю. А., Журков В. С. Генетические подходы к оценке безопасности факторов среды обитания человека // Вестник Российской Академии медицинских наук. 2001. № 10.
18. Bouatra S., Aziat F., Mandal R. et al. The Human Urine Metabolome. *PLoS One*. 2013; 8(9). Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3762851/>.
19. Houlihan J., Kropp T., Wiles R. et al. Body Burden: The Pollution in New-borns, 2005. Available at: http://www.changelingaspects.com/PDF/bodyburden2_final-r3.pdf.
20. Ларионова И. С., Алексеев А. А. Системное мышление в практике биолога и врача: философский анализ. М., 2008. Т. 1.
21. <https://rg.ru/2017/03/16/ozhirenie-stalo-nacionalnoj-problemoj-rossii.html>; <https://www.spb.kp.ru/daily/26681.5/3704824/> (дата обращения: 25.04.2019).
22. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни. М.: РАН, 2017.
23. Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: Кол. монография / отв. ред. д. ф. н., проф. И. К. Лисеев. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.

Берега юбилеев

Нина Волченкова

Редакция журнала, авторы и читатели поздравляют Нину Петровну с юбилеем и желают светлого вдохновения, приятных событий, блестящих идей и их воплощения.

Нина Волченкова – филолог, кандидат педагогических наук, член литературного объединения «Горизонт» (Трубчевск), общественный деятель. Автор шести сборников стихов: «Любимых сосен перезвон», «Тихая моя пристань», «У судьбы тропинок много», «Благодарю за счастье полюбить», «Хочу туда, где свет зари», «Под солнцем спелым». Публиковалась в газетах: «Заря» (Карачев), «БК ФАКТ» (Брянск), «Брянская учительская газета», «Брянский рабочий», «Земля Трубчевская» (Трубчевск), на сайте «Российский писатель»; в журналах – «Сибирь», «Наша молодёжь», «Берега»; в книгах – «Чтобы память жила» (Москва), «Память поколений» (Псков). Награждена Почётной грамотой Союза писателей России (2018), Литературной премией имени Антона Дельвига.

Охотник из Лагоса

Повесть

Плетёное воздушное кресло, стоявшее рядом с его, по-прежнему было пустым. Глядя на бегущие волны океана, Джордж понимал, что драгоценная женщина так и осталась мечтой, нескончаемой лунной дорожкой в его тоскующем сердце. Клубок интриг истлел, коварные хитросплетения рассыпались, рассеялись как дым, только горечь и досада на себя не исчезали.

Где ты, Дарлинг?

Так он называл её почти два месяца. А что, удобно, не запутаешься. Зато как красиво начиналось...

Она в том возрасте, когда не надо создаваться – всё создано, выстроено, расставлено по местам. Кроме душевного равновесия.

Надо думать, что Джордж обладал особым чутьём животного, находящегося в поиске уникальной добычи, отлично понимая, что увиденной им роскошной женщине, похожей на королеву, не хватает тепла, надёжного мужского плеча. И... оно появилось в форме приветствия на английском языке – «Hello!». Ждал целые сутки, которые ушли у неё на раздумье для «Здравствуйте!». И с низкого старта до финиша полетели мысли и признания взаимной симпатии.

Как же прекрасно было просыпаться рано утром даже ему, Джорджу, открывать Messenger и читать не совсем обычные письма – машинный перевод её эмоционального состояния. Но всё понималось правильно даже при нарушении грамматических форм, додумывались смысловые аспекты. Это было сказкой, в которую трудно верилось, но так хотелось в ней оказаться.

Он писал ей длинные письма, рассказывал, чем занимается в своей жизни, и это походило на правду. Беседы были почти открытыми. Джордж пытался объяснить некоторые из своих надежд на будущее. Он очень любил жизнь, и присланные фотографии были тому подтверждением: игра мышцами в спортзале, встреча с друзьями в Германии, предпочтение чёрного цвета в одежде, хотя любимый цвет синий, как и глаза, пропитанные океанской водой. Не устраивало отсутствие женщины, которая бы разделила с ним его существование. После смерти жены было много времени на раздумье. И теперь он хотел найти свою – особенную, неповторимую, такую, как Дарлинг.

Овдовевший мужчина испытывал одиночество, мечтал о счастливых временах в своём доме на берегу океана, о прогулках в сумерках рука об руку по тёплому песку пляжа. Прохладная вода ласкаться к ногам. «Мы наслаждаемся великолепным закатом...»

Это стало и её мечтой. Дарлинг читала письма, как поэмы, у неё даже появилось ощущение, как взгляд со стороны, что эти мужчина и женщина созданы друг для друга. Она изучала его по печатным буквам, потому что письма в конвертах люди давно уже перестали отправлять. Знала, что Джорджу нравится заниматься плаванием, сёрфингом, кататься на водных лыжах в океане. Он ненавидит лжецов и не может терпеть нечестных людей, сплетни, наркотики и преступников. Любит музыку, на концерте предпочитает живой голос. Проявляет интерес к американскому футболу. Уверенный в бизнесе, он помогает людям с разносторонними интересами, рискует только по необходимости. Адекватный и спокойный человек, но... безнадёжный романтик. Вырос в богобоязненном доме. «Я смогу рассказать Вам важное о себе».

Дарлинг хотела спросить его о многом, но сердце стучало так громко, что разуму пришлось на время отступить, потому что королева умела управлять своим государством. Он оставался её верным стражем. Тяжёлое время развода, дефолт, превративший её две тысячи в двадцать рублей, ледяной мартовский ветер, замораживающий слёзы на щеках, копейки в виде алиментов, расписка сына о ежемесячных пожертвованиях для ушедшего из семьи отца, бросившего детей ради проститутки... Всё пережила, перестрадала, выучила сына и дочь. Теперь уже бабушка. А личного бабьего лета ещё не видела, не коснулась лица паутинка, не прошла босиком по росе. Может, это и есть он, единственный и неповторимый, о котором всю жизнь мечтала?

Его послания Дарлинг читала с удовольствием и ждала с нетерпением: «Когда мы встречаемся в очаге любви, балансом становится ключ. И рассказ о себе пусть будет у тебя в руке маленьким резным предметом. Я прост, а порой очень сложен, почтительный, надёжный и честный. Реальный. Всегда оптимистичный. Претендую на индивидуальность и право быть свободным. Я всегда уважаю других и себя, имею сердце и душу, хорошее чувство юмора, люблю смеяться. Ищу долговременную и искреннюю дружбу, переходящую в верность, преданность и брак с той особенной женщиной, которая проживёт со мной хорошие и плохие времена. Мы сможем делиться счастьем и проблемами. Я не ожидаю от жизни многого, но хотел бы создать тёплый и любящий дом с тобой, дорогая, потому что не могу больше быть один – очень устал от этого. Хочу начинать каждый наш день с поцелуя и признания в любви. Семьи – это кровное родство, но супружеские пары связаны сильнее. Я думаю, очень важно в конце дня быть в окружении того, кого люблю, кому доверяю, кто доверяет мне. Когда я думаю об этом, рождается чувство счастья и тепла».

Джордж признавался в любви так красиво, что устоять было невозможно: «“Знаете ли вы, что мужчины и женщины – ангелы, созданные только с одним крылом? Они должны обнимать друг друга, чтобы летать”. Надеюсь, я найду моего ангела в тебе, чтобы летать вместе. Я всегда чувствую себя молодым и счастливым каждый раз, когда вижу тебя, моя Дарлинг. Пусть ангелы Божии будут охранять тебя, пока ты спишь. Да благословит Вас Бог!»

Читая строчку за строчкой, Дарлинг видела яркие эпизоды, где они вдвоём: под звёздами на берегу океана в коконе одеяла; у вымытого их руками автомобиля, сверкающего на солнце, где игривые брызги на лицах отражают результаты их совместных усилий; кофе в чашках на столике, неторопливая беседа глазами. Быть любимым – обрести жизненную силу, любить – иметь эту силу стократно.

Джордж получал от неё нежность, много ласковых слов – хотелось любить и дарить свою любовь. Она воспринимала его как продолжение себя, боялась радоваться, но после письма, в которое, казалось, он вложил свою душу, уверовала, что не исчезнет: «Я благодарен судьбе за посланного мне ангела. В долгое время траура я не давал женщине шанса на разговоры, тем более за тысячи миль. Теперь я считаю, что человек может найти свою любовь в этом мире и будет предпринимать шаги, чтобы встреча состоялась. Я всё сделаю для этого. И хотя мы ещё не виделись, я произношу слова, которые проходят через моё сердце каждый раз, когда смотрю на твои фотографии: милая, обаятельная, элегантная, интеллигентная, соблазнительная, небесная, божественная. Спасибо, что ты есть в моей жизни, и я молюсь, чтобы Бог привёл нас к нам».

Дарлинг думала о любви, посланной ей через океан: далёкое видится на расстоянии. Несмотря на быстротечность времени, она не хотела торопить и ускорять его: «Мы есть друг у друга. Я верная и надёжная, как земля под вашими ногами, чувственная, как едва уловимый любимый запах жизни, как счастье дышать полной грудью с верой в завтрашний день. А поскольку мы есть, значит всё преодолимо. И Время – наш союзник!»

Ей казалось, что у них много общего, даже в заботе о детях в социальных центрах – её добросовестный труд и его, если судить по письмам, ежемесячная благотворительность. Своих детей у него не было, и рассказы Дарлинг о мероприятиях, занятиях в школе, результатах работы с ребятами были ему интересны. Их переписку она воспринимала как беседы воочию. «Было бы волшебное кольцо, – думала Дарлинг, – оказалась рядом». Их встреча могла бы состояться, если бы... огонь, вода и медные трубы не помешали.

Первый шар был пробным: Джордж отправил «любимой» письмо, где говорилось о получении наследства – небольшого имения, драгоценных камней и долларového дождя. Ключет рыбка или нет? Попадёт ли в сети? Странная русская не вписывалась в его представление об алчности, жажде куска американского пирога. Она бросилась защищать мужчину, убеждать, что это ловушка и надо беречь сегодня свой бизнес, что такие письма рассылаются специально обученными людьми, виртуозно владеющими компьютерными программами. Джордж её как будто не слышал, он ковал железо горячим – продолжал чертить ломаную линию обольщения: богатство он может получить, если женится. Поэтому Дарлинг должна срочно отправить документы для того, чтобы...

Она перечитывала намеренно запутанное послание и отчётливо видела неумело нарисованную картину плохими красками. Нет, это не Джордж, не её «Хемингуэй»! Они говорят на разных языках. Чтобы не обидеть, просила его о благоразумии и собственной защите. Однако пазлы складывались в неприглядную картину, похожую на «Последний день Помпеи» Карла Брюллова, на агонию: на первом месте денежный знак, за которым духовная пустота. Его отца убили, семью лишили средств к существованию. Он тоже это хочет сделать, поступает так с другими? Или блефует?

Дарлинг постаралась сгладить острые углы, забыть этот случай и идти вперёд, а он, видимо, думал заканчивать комедию, чтобы она не превратилась в фарс. Исчезновение переписки с его стороны и аккаунта как неприятное известие – человек словно растворился. Хорошо, что у Дарлинг был номер его телефона, отправила смс: «Что случилось?» Известие о доставке пришло через двенадцать минут. Молчание повисло в воздухе. Как на картинке психологического теста она увидела места, огороженные колючей проволокой: путаница с возрастом, когда не стало матери, сломанный в компьютере гугл-переводчик, когда не хотел отвечать на её вопросы и раздражался, – галантность кавалера и потенциального партнёра по жизни уже не выдерживали испытания. И всё же в полночь она отважилась написать «Как жаль...», понимая, что это начало конца.

Влюблённая женщина ошиблась: она получила письмо по электронной почте, в котором ничего не объяснялось, только показался новый, теперь уже крутой поворот – из богатого наследника он превратился в бедного и несчастного человека и просил у неё помощи, но снова как конспиратор.

«Вам нужны деньги? У меня их просто нет!» – написала Дарлинг, чтобы прекратить общение, она очень хорошо знала, что Джордж напишет в ответ.

Подробности обозначили себя сами: «Доброе утро моя любовь, ты моя жизнь, я никогда не перестану любить тебя. Я недоволен, то есть меня не радует, что я купил около 70 автомобилей из Германии. Корабль, приносящий их, затонул в море. Теперь моя страховая компания говорит, что они не могли застраховать все авто, и мне нужно будет заплатить часть денег самому. Я очень занят и не знаю, могли бы Вы помочь мне, дорогая».

И снова растерянность, несогласие с происходящим: «Деньги – не всё в жизни, Дарлинг, и меня это не интересует. Я хочу заботиться о моей женщине. Это называется настоящей любовью не потому, что она хочет получить выгоду. Если нет любви, они никогда не будут с чистым сердцем делиться имеющимся». Джордж мыслил аллегориями, а скорее, использовал заготовки для переписки. Видимо, у него был свой банк данных: «Я хочу знать, сможешь ли ты встать после ночи печали и отчаяния, чтобы накормить детей? Будешь ли ты находиться в центре огня, не оставишь ли меня?»

Что могла ему ответить Дарлинг, если он реализовывал разработанный план? Всё приобретало реальные черты обманного мира. Прекрасный образ мужчины, к которому потянулась душа за долгие годы одиночества, рушился, сгорал, как скомканная на тарелке бумага во время святочных гаданий.

Вот теперь Дарлинг включила разум, закрыв на замок свои чувства, и решила погладить охотника по шерсти. Она сделала «послушной», застегнувшись на все пуговицы. Глубоко вздохнула и на медленном выдохе написала: «Дорогой Джордж! Хочу тебя обрадовать: завтра оформляю кредит. Моё предложение рассмотрено и одобрено. Скажи, сколько нужно денег для решения проблемы

в страховой компании. Не забудь указать адрес, куда отправить сумму. Да, я помню о твоём приезде в сентябре. Прошу назвать дату, чтобы согласовать отпуск с моим руководством. Я очень скучаю по тебе и посылаю интересную картинку».

В полученном ею рано утром письме чувство радости, казалось, переполняло Джорджа, несмотря на нагнетание происходящих событий: «Милая, в эти напряжённые дни возвращаюсь домой очень поздно, но утром отправлю счёт. Я буду очень благодарен, если смогу получить от вас кредит в размере 5000 долларов, который поможет мне заплатить за доставку автомобилей. Очень скучаю по тебе и сожалею, что позволяю пройти этот стресс из-за меня. Хочу приехать в Россию 27 числа. К тому времени машины будут в моей компании, и я отправил бы ваши деньги обратно».

Чудеса, да и только: то автомобили утонули и страховая компания требует заплатить за них, то выплывает доставка желанного товара, полученного за чужой счёт. Где же правда?

Дарлинг выдержала паузу до вечера, но его нетерпение сердца было связано с желанием получить результат: «Пожалуйста, дайте мне знать, получили ли вы письмо с моей любовью?»

«Ну что ж, поиграем и мы на нервах, – произнесла она почти равнодушно. – Если такую заботу о женщине проявляет мужчина, то оплатим той же монетой, как бы противно это ни было». И Дарлинг отправила добросовестно выполненное домашнее задание: «О мой дорогой Джордж! Так сожалею, что утром у нас отключили свет и я была без компьютера. Только что вернулась домой и получила твоё послание. Счастлива, что ты помнишь обо мне, любовь моя! Пишу заявление на отпуск. Сегодня зашла в банк и перенесла встречу на завтра. Думаю, такую сумму кредита мне одобряют. Пришли мне письмо с номером счёта до моего уезда на работу. Люблю тебя, мой Солнечный свет! И ещё раз даю ссылку (видимо, ты не понял!) на мои интимные фото. Улыбаюсь и испытываю чувство стыда. Ты показал себя соблазнительно завёрнутого в полотенце, а я... Посмотрите на меня, чтобы Ваши дни летели быстрее до нашей встречи».

Ответ ловца пришёл в считанные минуты с сожалением о том, что это не интимная фотография, а грибы с красными шляпками, на которых белые точки. Он не увидел грудь своей Королевы и не понял, что это за грибы.

Не было сомнения, что дежурство у экрана компьютера не прекращалось. Одновременно зазвонил её мобильный: «Мы знаем, где он находится!»

Не рыбка клюнула, а рыбак.

– Где же?

– Лагос. Нигерия.

– Прекрасно! Спасибо за дружбу!

Тринадцатое, но не пятницу, с разницей в два часа в мировом пространстве Джордж и Дарлинг прожили по-разному. В начале первого в её почте лежало письмо с учётной записью (реквизитами) Crystal Car Company. Бренд «Автомобили» – «Кристалл».

Проснувшись, Дарлинг деловито написала: «Хорошо, Джордж! Я сделаю это после работы». Его последующее послание с просьбой она прочитала по возвращении домой: «Для подтверждения мне понадобится квитанция о транзакции. Я уже сказал компании, что моя женщина отправит деньги на счёт. Я люблю тебя!»

Будут тебе и деньги, и квитанция, и любовь!

В неискренности Дарлинг вряд ли можно было заподозрить: «Джордж, слова любви дороже бриллиантов. И я тебе поверила, и пошла в банк, чтобы оформить кредит. В кабинете меня ждали директор и служащий банка. Они попросили показать реквизиты, присланные тобой. Директор банка вышел из кабинета, чтобы пригласить представителя закона. Они задавали мне вопросы, спрашивали, сколько лет мы знакомы, попросили адрес твоего местожительства, а потом сказали, что этот счёт вызывает у них подозрение, считают его мошенническим и просят, чтобы ты прислал новый. Дорогой, пришли новый счет, и я опять пойду в банк – мне назначена встреча на 17:30. Жду. Очень волнуюсь. Целую».

Что тут началось! Колокольчик компьютера давал звонок за звонком о новом сообщении:

«Дорогая не отправляйте деньги на новый счёт. <...> Отправьте на предыдущий первый, который я дал вам, моя любовь. <...> Милая, нет ничего обманного в учётной записи. Вы сообщите им, что знаете меня, и они должны отправить их на названный счёт».

Она согласилась: «Хорошо, я постараюсь убедить служащих. Встреча у меня в 17:30» – «Речь идёт не о том, чтобы убедить их в моей любви, но сообщить им, что вы меня знаете, а учётная запись не является мошеннической. Я люблю тебя». – «Я принимаю все ваши советы!» – «Пожалуйста, попросите их отправить вовремя, я уже предупредил судоходную компанию». – «Непременно!» Как и предполагала, Дарлинг получила ещё один номер счёта.

Прошло четыре часа.

Последний акт пьесы выглядел драматическим. Она не бросила ему вызова, не стала в позу жертвы, а сожалела по поводу произошедшего. В его вопросе: «Дорогая, что опять не так?» – чувствовалось напряжение. Дождавшись скриншоты обнаружения «честного», «порядочного», «заботливого», «любящего», «успешного», «неповторимого», «единственного», Дарлинг отправила пространное письмо:

«Дорогой мой Джордж! Я испытала такой стресс, что домой меня привезли на машине скорой помощи. Они специально назначили встречу в 17:30, чтобы показать мне полную картину моей беды. Но вначале я дала им твой новый счёт. При мне они проверили на компьютере твою компанию, торгующую подержанными легковыми автомобилями, которые стоят огромных денег. И мой кредит для тебя – капля в море!!! Но для меня – это кабала, иго, и я лишаюсь пенсии, средств к существованию, за пособничество мошенникам.

Меня просили ещё раз назвать время нашего знакомства и твой точный адрес проживания. История с утонувшими автомобилями оказалась лживой, а если даже и так, то пострадавшая сторона, то есть ты, не выплачивает никаких денег. Мне сказали, что ты возглавляешь преступную группировку, обманываешь женщин и исчезаешь. Я просила предъявить доказательства, и они предъявили: Керен Джордж действительно проживает в Хантсвилл, штат Алабама, но с женой и детьми, и меня там никто не ждёт.

Представители закона (спецслужбы) показали мне картинки твоего действительного места нахождения – Лагос, Нигерия. А потом моё имя ввели в чёрный список – это отказ всем моим заявлениям на какой-либо кредит. Мне стало плохо, я упала в обморок. Вызвали скорую помощь, меня привели в сознание. И говорили более спокойно о реальной жизни, о мошенниках, одним из которых являешься ты. Они напомнили мне, что мужчина обязан заботиться о женщине, подарить ей машину, дорогие украшения и никогда не просить денег – это недостойно мужчины. И подло. Настоящее твоё имя они не называют. За мной установлено наблюдение в передвижении по городу. И я обязана звонить о каждой новости от тебя. Я вынуждена тебе сказать прощай, Джордж! Прощай навсегда! Прощай!!!»

Письмо Дарлинг превратилось для Джорджа в ежедневный страх. Вначале это было связано с бизнесом. Как же так случилось, что он оказался в ловушке, отправил счета и спецслужбы России обнаружили место нахождения и страну проживания успешного предпринимателя? Но если бы он отслеживал то, что писал и не повторялся, вряд ли такое бы произошло. Дарлинг открыто дала ему понять, что у неё нет таких средств; кредита на большую сумму ей не дадут; логика в том, чтобы платить деньги за то, что никогда не будешь иметь, отсутствовала – это мошенничество чистой воды. Он был неубедительным и глухим. Потом очень остро стал вопрос о дальнейшей судьбе его, провернувшего не одно подобное дело, сколотившего целое состояние. И уже не до денег – личная безопасность важнее: «Я не мошенник, где-то что-то очень не так. Я реальный приличный человек. Я понял, что твоя страна не хочет пересылать свои деньги за рубеж. Неужели ты расстанешься со мной?» Она не отвечала.

С тех пор ни одного дня Джордж не прожил спокойно, хотя никаких санкций и уведомительных писем из её страны не поступило. Его никто не тревожил. Ответа он по-прежнему не находил и злился на себя. Впервые за несколько месяцев он решил перечитать их переписку, хранившуюся для очередной аферы (только имя меняй, заливайся соловьём!). И тут...

Он ощутил, словно отчётливо увидел волнение Дарлинг там, где прошупывал почву под её ногами, заботу о его благополучии, все предупреждения, которые спасли бы его от одиночества и безысходности. А теперь? Ни детей, ни внуков, ни жены, ни любимой... Никого!

Сколько бы раз ни читал Джордж последнее письмо Дарлинг, не глядя на экран, зная наизусть каждое слово, он всё равно не находил ответа, почему это случилось именно с ним. Трижды написанное «Прощай!» напоминало крутой обрыв, на краю которого он сейчас стоял.

Он не знал, как поступить с ней. Все попытки предложить дружбу от Смита Алекса, Таки Бахи и кого-то ещё не увенчались успехом. И Джордж писал ей письма одного и того же содержания: «Любовь моя, ради бога, поговори со мной! Пожалуйста! Моё сердце не выдержит здесь без тебя!» Дарлинг молчала, а он и предположить не мог, что каждый день она мысленно разговаривала с ним, мягко упрекая в том, что натворил, понимала, ради чего нашёл её обожаемый седой мужчина... На серых камнях будней Джордж был похож на солнечную фреску. Она ждала его, но была убеждена в его отсутствии в принципе – были только фотографии, забывающийся голос в пожелании доброго утра. Помнила их созвездие «Лира», Вегу – одну звезду на двоих, и прописала свою боль в нескольких строчках:

Я уйду, не оставив следа,
И к любви зарастёт дорога.
Утекла лет прошедших вода,
А тебя в моей жизни много.
Как упрятать нашествие дум,
Что бегут чередой друг за другом?
Я пойду босиком наобум
В бездорожье по чёрному кругу.
В нерастроченной нежности свет
Не бросай комья грязного снега.
Оглянётся – меня рядом нет,
А на небе в созвездии – Вега.

Обессилив от событий не в его пользу, оказавшись в нейтральных водах бытия, Джордж сделал невероятное открытие: Дарлинг стала ему настолько близким человеком, что он сам испугался. Когда назвал её «прекрасным вором его сердца», и представить не мог, что увеличивающееся время её молчания уменьшало его собственное пространство.

В большом доме гулял сквозняк, но ему всё труднее становилось дышать. Он заходил в каждую комнату, звал, произнося имя женщины то с интонацией отчаяния, то надежды. Тишина не давала покоя, шептала её имя, говоря о том, что он держал в клетке своё счастье – дар Бога.

Дарлинг действительно была его судьбой, но сердце признало это только сейчас. И если бы у неё был действительный адрес, то Джордж получил бы письмо, написанное рукой и заклеенное в конверт без адреса:

«Доброе утро, мой Джордж! Люблю кофе с молоком. Присаживаюсь за Ваш столик и улыбаюсь Вам.

Здравствуйте!

Я буду улыбаться Вам всегда, разговаривать глазами, чтобы Вы видели, как я обожаю Вас. Очень хочу положить свои руки в Ваши ладони, чтобы ощущать Ваше тепло и реальное присутствие. Отвечаю на все заданные мне вопросы, смогла бы я...

Я верная, добрая, умная, готовая разделить с любимым человеком всё, что выпадет на нашу долю. Я приняла Вас в своё сердце, живу Вами, думаю о Вас. Вы – мой человек, моя половина. Я давно принадлежу Вам, любовь моя!»

Берега юбилеев

Елена Крюкова

Редакционный совет, авторы и читатели поздравляют главного редактора журнала «Берега» Лидию Владимировну Довыденко с юбилеем и желают новых авторов, новых тем, читателей, прекрасного самочувствия!

Елена Крюкова – родилась в Самаре. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. М. Горького. Член Союза писателей России. Член Творческого союза художников России. Поэт, прозаик. Дипломант премии им. И. А. Бунина («Беллона», 2015) и Всероссийской премии им. генералиссимуса А. В. Суворова («Солдат и Царь», 2016). Автор арт-проекта «Театр Елены Крюковой» (моноспектакли: «Земля», «Солдат и Царь», «Русское Евангелие», «Ксения», «Империя Ч», «Беллона», «Старые фотографии», «Коммуналка», «Русский Париж», «Евразия», «Серафим»; арт-концерты: «Два ангела», «Паломница», «Исповедь», «Звёздный ход» и др.). Искусствовед, арт-критик, куратор арт-проектов в России и за рубежом («Архетип», Нижний Новгород, 2006; «Анестезия», Нижний Новгород, 2007; «Символы Земли», Кассель, 2008; «Долина царей», Москва – Брюссель, 2010; «Петроглиф», Нижний Новгород, 2014 и др.).

Солнце незакатное

О книге Лидии Довыденко «Мой светлый, горячий Донбасс». Красноярск, 2022

...Мне эта книга легла на сердце больше, чем тысячи текстов, протекших горькой рекою перед глазами за эти последние восемь лет.

Эту книгу надо читать тем, кто молчал все эти восемь лет; кто кричал о том, что дончане сами себе враги; кто упорно – и страшно – и упрямо отворачивался от ВОЙНЫ, идущей на востоке Украины всё это долгое, неизбывное, бесконечное восьмилетие.

Восемь лет прочерчены в наших сердцах кровью. Выбиты в наших душах не просто печатями слёз – пулями навывлет, смертельными осколками, воронками небытия.

Схлестнулись мнения; позиции; взгляды; но более всего схлестнулись сейчас правда и ложь. Правду не хотят видеть. Да, это трагедия. Трагедия фэйкового, обманного, сломанного времени, которая пришла к землянам и не хочет уходить: торжествует.

Но люди Донбасса слишком хорошо знают: правду не расстрелять, не сжечь, не повесить. «Всех не перевешаете!» – крикнула с эшафота фашистам Зоя Космодемьянская. Отечественная война стала для нас не только страницей истории, её дымящимся кровавым ломтём: стала уроком, слишком жестоким и ослепительно-ярким. Когда ставишь рядом с героями Отечественной нынешних подлецов и сегодняшних героев – всё становится на свои места. Время даёт нам возможность возрыдать, ужаснуться, понять. И снова полюбить.

Без любви нет жизни.

Без любви нет Донбасса.

Песню помните? Родную, любимую...

Спят курганы тёмные,
Солнцем опалённые...

Лидия Довыденко исполняет в своей книге сразу три миссии.

Журналист идёт по горячим следам: по разрушениям, пепелищам, боли, ужасу, становясь свидетелем смерти и мужества и запечатлевая их с рабочей, незыблемой точностью.

Писатель разворачивает веер раздумий, жизненных картин, философских обобщений.

А женщина – что женщина? Она всегда мать. Мать-Земля.

Земля Донбасса, обильно политая кровью – вот мать поколений, что придут после нас, и мать, что кормит, ласкает и горько утешает нас здесь и сейчас.

И Лидия Довыденко поёт на два голоса с родимой Матерью-Землёй.

Это их общий плач.

«Мы не были готовы к тому, что это нам устроили свои, братья, начавшие нас убивать. Я не могу без содрогания вспомнить первую ракету, сброшенную украинским самолётом в центре города, вой сирен, свист снарядов и мин. Со временем по звуку мы научились различать, кто стреляет, наши или вражеская сторона. Война – это проверка на прочность, на человечность. Когда линия фронта откатилась, я пришла в ветлечебницу со своим котом и познакомилась с женщиной, державшей на руках бульдога. Собака приползла к ним, попав под обстрел. У неё перебиты задние лапы, нет одного глаза, и весь живот был стёрт до крови. Муж этой женщины сделал собаке возок, на котором лежат задние лапы, а передними она передвигается. Собака жалобно смотрит людям в глаза – только бы не бросили. Не бросили».

*(Рассказ Натальи Антоновны Расторгуевой,
директора республиканской научной библиотеки им. М. Горького).*

Вслушайтесь, люди, я вас прошу. *«Не бросили!»*

Это ключевая фраза всех поступков России на сегодня.

Здесь и сейчас мы, да, платим колоссальную, немыслимую плату за то, чтобы прекратился ужас войны на Донбассе, но и более того: платим войной, чтобы не допустить ужаса новой войны, широкомасштабной, адской, с чёткой ориентацией на невозвратность.

Чтобы ответить родному народу: нет! Не бросили.

И – не бросим.

Лидия Довыденко знакомит нас с поэтами Донбасса. Звучат стихи; звучат они в книге, на страницах, напечатанные, а будто наяву; мы слышим голоса поэтов, они задыхаются, плачут, кричат и шепчут, они потрясают, как всякие – во все времена – жития мучеников.

Люди не по своей воле становятся мучениками.

Страдание – слишком тяжкая плата за то, чтобы быть и остаться свободным.

А уезжать не хочется – до слёз.
Умом-то понимаешь: всё всерьёз.
Умом-то понимаешь: всё надолго.
И может быть, там лучше будет, только
Как, если корни вырвешь из земли,
Живым остаться?

(Стихи Светланы Сеничкиной)

Обратить страдание в поэзию – значит спасти свою душу.

И – в очень большой мере – положить её за други своя, по Писанию; поймём, что писание стихов на воюющей земле – это тоже сражение.

Что боль и любовь – родные сёстры.

И что в любом излучении выстраданного слова, в любом звуке горестной музыки, как младенец во чреве матери, живёт, таится, зреет – будущее.

Наше с вами будущее.

Очень символический в книге очерк – «Птица Феникс».

Все мы прекрасно знакомы с этим древним символом-знаком; кто позабыл, напомним.

Красно-золотая, огненная орлица, она, предчувствуя свою смерть, сжигает себя в гнезде.

А потом возрождается из пепла.

«Пассажиры сидели тихо, не разговаривали друг с другом, только одна женщина тихо крестилась, стараясь делать это незаметно. А потом автобус нырнул по просёлочной узкой дороге в туннель лесопосадки, и вдруг впереди с правой стороны от автобуса я увидела яркую большую птицу с золотым и оранжевым оперением, сидящую на низкой ветке дерева.

Услышав приближение автобуса, чудесная птица мгновенно исчезла в густой зелени ветвей. “Кто это? Что за красавица?” – взволнованно спросила я у ехавшего рядом через проход замкнутого мужчины с дочерью лет пятнадцати, очень красивой девочкой, но почему-то грустной. Мужчина не очень охотно, но ответил, что это фазан, что их теперь развелось очень много, потому что никто не охотится, не ходит по посадкам, боясь мины или встречи с недобрыми людьми.

Мне вспомнилось, что, согласно мифологии, фазан – это же наша легендарная птица Феникс, сгорающая в огне и вновь воскресающая, что для христиан феникс – это символ бессмертия духа, божественной любви и благословения, Бога-Сына, воскресшего на третий день после распятия. Так вот что предвещает возникающая в пути птица: возрождение Донбасса, возрождение из огня, из страданий и мук».

Вот, слова произнесены.

Всё разрушенное, если свято, возрождается.

Всё святое, даже и в муках погубленное, воскресает.

Птица Феникс – символ Воскресения. Знак грядущего торжества Христа.

Лидия Довыденко говорит нам о святынях Православия на Донбассе.

Она говорит нам о пустынных улицах Донецка, о несчастной матери: она была готова *«растерзать пленных украинских солдат, когда их вели по городу и мыли за ними улицу. Её держали за руки, но она вырывалась с плачем, пока не упала в обморок»*; говорит о Святограде Луганском, где все восемь многострадальных лет продолжается неустанная работа духа, работа культуры, работа писателей, поэтов, художников, скульпторов; говорит о бессмертной Молодой Гвардии, о Саур-могиле, совершенно сакральном месте Донбасса, где души героев прошлого и героев нынешних встретились в небесах; о Купринских чтениях в Донецке и об очерке А. И. Куприна «Донбасс», вдруг ставшем невероятно актуальным.

Вот странно: война, по замыслу тех, кто её развязал, должна разъединять, а она, наоборот, соединяет. А может, вовсе не странно это? Лидия Довыденко рассказывает об уникальной каменной Чернухинской мадонне, о парке архаических каменных скульптур в Луганске, и мы воочию видим этот могучий, мощный мост, перекинутый из древности в наше болезненное, трагическое, израненное время.

«Я много слышала, читала о них – о загадочных “половецких каменных бабах”, и вот в этом ноябре я смогла их увидеть. Потрясена!

Эти каменные фигуры похожи на пришельцев в скафандрах, – и это женщины, ждущие ребёнка».

Вдумайтесь: женщины, ждущие ребёнка, беременные, тяжёлые!

Беременные жизнью. Беременные счастьем. Беременные Временем.

Время сохранило для нас их, древних и святых; вместе с Лидией Довыденко мы стоим перед ними, свидетелями того, чего мы не увидим никогда, и вдруг понимаем: времени нет.

Всё так же льётся кровь. Льются слёзы. Всё так же кричат от боли люди.

Всё так же непредставимо умирают дети.

Всё так же молятся за широкий Мирь и за родных людей старики: Господи, спаси и сохрани.

Всё так же застывают, затаив дыхание, влюблённые в объятии, во счастье.

И – всё так же рожают матери новых детей на свет Божий.

Земля Донецка и Луганска беременна миром.

Мирь – Вселенная, Родина – обнимется с миром – примирением, замирением, воцарением покоя и гармонии.

Сейчас, внутри войны, это чудится невозможным; кажутся фантастикой бессмертные призывы Людвиг ван Бетховена в финале Девятой симфонии: *«Обнимитесь, миллионы! В поцелуе слийтесь, свет!»* Несбыточно? Но у человечества другого пути нет.

Луганск и Донецк навеки, перед всей Землёй, что сшибается и гибнет в ссорах и распрях, в клеве и войнах, перед всей историей, что – и ход времён, и остановленное мгновение, показывают сейчас феномен и пример – пребыть собой и остаться собой.

Это и есть Родина, вера, Бог.

А Бог есть любовь. Так замыкается круг.

«Острый запах белоснежных лилий накрыл меня при входе в храм. Редкие посетители. Службы не было, звучал в записи нежный церковный хор. Я остановилась у иконы святителя Николая Чудотворца и просила о мире на земле, о прекращении войны на Донбассе (...) молилась о том, чтобы человечество помнило о несломленном духе народа Донбасса как вершине нравственного подвига».

«(...) Ау, планета Земля, ты услышала?»

* * *

Солнце встаёт над русской землёй.

Солнце встаёт над всеми землями всех народов.

Встаёт оно и над землёю Донбасса.

Не старайтесь сделать солнце чёрным.

Оно встанет и завтра, и всегда: яркое, ясное и золотое.

Отдельная благодарность – сибирскому городу Красноярску, журналу «День и Ночь», проекту «ДиН-библиотека» и издательству «ЛИТЕРА-принт», всем, кто взял на себя смелость и благородную миссию выпустить в свет эту книгу Лидии Довыденко, полную любви, мысли и надежды.

Поэтическая Седмица

Олег Будин

Александр ОРЛОВ:

Стихи Олега Будина являют чудо обретения мудрости человеком, прошедшим перекрёстки испытаний. Этот период умудрения невозможен без честного отношения к самому себе, что так явно отражено в его стихах. Стремление к гармонии, нравственному совершенству вызывает чувство сопротивления злу, это противостояние словом не оставляет автора ни на минуту, оно пробуждает в нём душевную и духовную заботу обо всём, что его окружает. Философские вопросы, рождённые жизненным беспокойством, он разрешает при помощи духовного опыта, который передаёт в стихах.

И Я, ОБЫЧНЫЙ РУССКИЙ НИЩИЙ...

* * *

Церковный треск святых свечей,
Земных свечей из плоти воска.
Нет волшебства ни у врачей,
Ни у икон – всё очень просто.
Не победит святой оплот
Мою земную паранойю:
Иссякла жизнь, уходит плоть –
Земное просится в земное.
И не к душе, и не к лицу
Воспеть прилюдно аллилуйю –
Не скажешь ничего отцу
Своим прощальным поцелуем.
За гробом покаянья нет,
Как нет в могильном грунте света:
Исход один, и в нём ответ,
Который там, за гробом где-то.
Слезам горю не помочь –
Стенайте, плачьте, голосите...
А мне бы силы... Превозмочь,
Перестрадать, пере... простите.

* * *

Здравствуй, папа... Вот мы и свиделись.
В первый раз. Ничего, что во сне.
Ты всё в том же последнем свитере,
И на улице всё ещё снег.
Всё на свете за этой комнатой
Замело, залегло, затекло –
И над миром скорбящий колокол
Безголосо звучит за стеклом.

Тени прошлого, тени утлые
Между книжных нетронутых ниш –
Здравствуй, папа... Нет, я не путаю,
Если в кресле ты рядом сидишь.
Но молчишь – и молчишь загадочно,
Оберегом в тревожной ночи.
Здравствуй, папа... И мне достаточно,
Что ты рядом. Но ты – не молчи.

Помню, лапник с убогими шишками
Лёг под первый могильный венок –
Если были и есть ожившие,
То, наверное, только в кино.
Если веровать во Всевышнего,
То хотя бы качни головой.
Я проснулся, но помню – слышал же:
– Все поймёшь – ты ещё молодой...

* * *

*Геorgию Андреевичу Будину
посвящается*

Мой дед погиб под Старой Руссой
В нещадном Дёмином котле,
Среди лесов, болот и гнуса,
Во тьме войны – кровавой тьме.

Там с сорок первого и далее
Был каждый лист подошвой смят,
И на свинец солдат кидали,
Как на закланье ягнят.

Скрипели гусеницы танков,
Кромсая рёбра под собой –
Не все безвестные останки
В могилы собраны судьбой.

И на болотах в топком иле,
В желе, где сгинет даже бес,
До сей поры находят «Илы»,
Огнём упавшие с небес.

Порой без смертных медальонов,
В которых выржавел металл,
С землёй сроднились миллионы.
А впрочем, кто тогда считал?!

И дед погиб – осталась дата.
Среди бесчисленных имён
Стоит лишь памятник солдату,
Который в яме погребён.

Он смерть нашёл в деревне брэнной.
Деревня! Думал ли о ней?
Поставьте памятник деревне –
Как рудименту наших дней.

Поставьте памятник Отчизне –
Её великий голос смолк
В чужеголосье сытой жизни,
Не признающей слова ДОЛГ.

Нам Бог – судья! Живём в искусе,
Но я – не спившийся мужик.
И буду помнить в Старой Руссе
Клочок земли – там Русь лежит.

СТЕНЫ

Четыре замкнутых стены –
Холодный склеп чужой квартиры.
Немая тяжесть тишины
И замурованного мира,
Где веет прошлым из щелей
И нет хозяйки тёти Лены,
А из распроданных вещей
Диван без ножки, стол...
И стены.
Пугает стоном в пустоте
Скрипучий голос половицы,
Хоть годы вроде бы не те,
Чтобы поверить в небылицы.
Но не по-детски страшно мне
От поминальной личной тризны,
И плющ, засохший на стене,
Как жуткий символ чьей-то жизни.

* * *

Скоро пенсия. Скоро, вроде...
Но морщины лицо сомнут,
И бюджет в пенсионном фонде
Разворуют за пять минут.

То дефолт, то особый случай
Проверяют хребет на сгиб –
От бодяги не станет лучше,
Даже если втирать в мозги.

От реформы – шаги до гроба.
Сомневаюсь, что доживу
До бесплатного бутерброда –
Это русское дежавю.

Верить хочется, но не верю
В благодущие бытия...
Горделиво закрою двери,
За которыми только я.

И пошлю все надежды к чёрту –
Прометей не порвал оков.
Нате, клюйте мою печёнку –
Что мне пенсия от божков.

* * *

Замечаю и сам, между прочим,
Без усмешек дворовых друзей –
Отъевропил невидимый зодчий
Всю Москву под крутой Колизей.

Там, в посудине амфитеатра
Из домов и рекламных огней,
В гедоническом призрачном завтра
Не приемлют духовных корней,
Ибо хлеба и зрелищ навалом
Со времён отсечений голов –
Перенял от Европы немало
Наш московский родной уголок.

Беззащитны кремлёвские башни,
Где и царь, и генсек восседал,
И мне страшно, поистине страшно
За Отечество и за себя.
И молюсь я, рождённый из плоти,
Под усмешки дворовых друзей
За страну на фатальном излёте,
Где гортанно шумит Колизей.

Поэтическая Седмица

Сергей Козлов

Александр ОРЛОВ:

Сергей Козлов известный мастер прозы, но когда он соприкасается с поэзией, то преобразается в тонкого и чувственного стихослагателя. В своих стихах Козлов становится народным сотайником и сопереживателем. Ему до дрожи больно вглядываться в минувшее и происходящее, он словно затаивает в каждой строке слёзы, и только мужественный характер не позволяет закрыть лицо руками и разрыдаться. Он верен молитвенной тишине, понимающей и спасающей его, и в своём спасении он ощущает присутствие Избавителя, которое чудотворно убеждает Козлова в воскрешении всех, кто крещён в Христа.

И ЛИШЬ ХРИСТОС НАД ЭТОЙ ХМАРЬЮ...

* * *

Приснились мне сегодня мать с отцом...
Ушли давно в небесные обители.
Приснились где-то в пятьдесят шестом
На Невском... Так бывать любили в Питере.

Им бабушка помашет из окна –
Обед готов, перекусить – не лишнее.
Она растила четверых одна –
Безграмотная – но у всех есть высшее...

А я приду к ним через десять лет,
Любимчиком... наверное, за книжками.
Я сёстрам принесу один букет,
Нас трое – и у каждого есть высшее...

Идут они по улицам без слов,
Влюблённые... И не проходят мимо,
Где дядя Боря с блеском орденов
Встречает их на улицах Берлина.

Где дядя Павел их на Эльбе ждёт,
Обняв на фото двух американцев.
Движенье их похоже на полёт.
Я был там, но не смог пока остаться...

Там есть какой-то негасимый свет,
Предвечный – до всего когда-то бывший...
Отца и мамы здесь со мною нет,
Но верю я, что и у них есть Высшее...

* * *

Идёт война по расписанию,
Идёт торговля всем и вся,
И лишь Христос над этой хмарью
Идёт сквозь время в Небеса...

Мчат поезда, идут куранты,
Идут на митинг демонстранты,
Идёт подмена всех основ...
Лишь Богородицы покров

Над нашим домом остаётся...
Идут по трубам нефть и газ,
Идёт программа про сейчас,
А жизнь во весь опор несётся.

Идут последние уроки,
Идёт какое-то кино...
Идут и исчезают сроки
Найти горчичное зерно...

* * *

За что держусь? За деньги? Вещи?
За нить морщин? За стрелок бег?
За славу? Образ человеческий?..
За грязь дорог? За чистый снег?
Держусь ещё покуда, братцы,
За веру и за Святой Дух!
А вот за брренное держаться
Мне просто не хватает рук.

* * *

Этот ветер несёт мою тень
То под снег, то под жухлые листья,
А за ним невесёлые мысли
В невесёлый уносятся день...

Вроде вновь приподнялась страна,
Вроде вспомнила вдруг Святогора,
Но не смытые пятна позора
Прожигают мне душу до дна.

И в масштабах огромной страны
Я какая-то малая точка,
Хоть общественный, но одиночка –
Из натянутой сделан струны.

Из всех букв выбирая Омегу,
Разбегаюсь, и руки вразброс,
Где босыми ногами Христос
Шёл по грязному русскому снегу.

Но взлететь не могу. Не дано.
Только ветер унёс мою душу,
Только вряд ли под райские кущи,
Впрочем, мне, как и вам, всё равно...

Там – набат, у других – благовест,
Но подорвана первооснова,
По планете шагает прогресс...
А во мне надывается текст –
Колокольчик звенит Башлачёва...

* * *

Вдруг обновились лес и поле,
И содрогнулся свод небес,
Всё сотворённое глаголет:
Христос Воистину Воскрес!

Иссякла смерть, открылась вечность,
И шепчет, зеленея лес,
Что видел Богочеловечность:
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

Как можно верить в смерть и тленье?!
Как жить без Божеских чудес?!
Как не понять, не слышать пенье –
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

Куда и как идти без цели?
И жизнь – какой имеет вес?
Когда б не знать, что в новом теле
Христос Воистину Воскрес!

Ослепший мир несётся в пропасть,
В неправде тонет лжесловес,
Но каждый год приходит новость:
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

Мир без Спасителя бесплоден,
Не осушить без веры слёз.
Грядёт сквозь вечность День Господень!
И Судией грядёт Христос!

* * *

Так странно ныне повстречать странника,
Все на машинах несутся в ничто,
в пыль времени,

И в поездах уж давно не звенят подстаканники,
Время летит пленников быстрого племени.
Зимние грозы стали дождями майскими,
Гром в январе кто разобрал? Слышал ли?
Эти плоды кто посчитал райскими?
Кто небеса нам заменил крышами?
На красный свет странник прошёл. Времени,
Видно, в обрез – мерил небес рокотом.
Не ускользнуть пленникам быстрого племени –
В душу бензин что заливать? Проку-то...

* * *

Отчего не поёт Россия?
Зато как беспробудно пьёт...
Раньше, помню, траву косили:
Хоть один вдруг да заведёт...
И в автобусе песни пели,
Если долгий случался путь.
Что же так вдруг все онемели?
Что же песня не ломит грудь?
Пели в поле, в лесу и в клубе,
Пели дома и у станка,
А теперь лишь кусают губы
Да катают в руках стакан.
И романса вечерней зорькой
Не поймать золотую нить.
Молодёжной скороговоркой
Песен русских не заменить.
Как бы мир ни казался тесен,
Но не сдвинешь плотней ряды.
Точно знаю, народ без песен –
Он хоть море, но без воды.
То ли русское небо меркнет,
То ли жить уж немоготу...
Слава богу, хоть в Русской Церкви
Вместе с ангелами поют.

* * *

Как быть, когда мне надоело
Давно уж собственное тело?
Кормить его, таскать повсюду,
Водить за угол! – Нет, не буду!
Лечить, беречь – осточертеет.
Как ни храни его – стареет.
И разлагаться не спеша...
Лети куда-нибудь, душа!

* * *

Когда на небе рвутся облака,
Душа за ними вслед бумагой рвётся,
И сердце упадёт на дно колодца,
И кровь стремится вспять. Издалека
Несётся мимо окон песня ветра.
Как притча Соломона: всё пройдёт...
Как зуммер телефона: нет ответа...
И не понять, куда она зовёт.
Так хочется открыть грудную клетку,

Навстречу солнцу начиная путь.
И выбросить подальше сигарету,
И в новый день с улыбкою шагнуть.

* * *

Есть то, чего не вернуть никогда,
Есть там, куда не дойти,
Есть время, во времени есть вода,
В воде отражаешься ты.
И ты из воды не шагнёшь ко мне...
Воды бы напиться – где бы?
Ведь я отражаюсь в седой земле,
А мне бы хотелось – в Небе.
Но камнем на сердце лежит вина,
И рвётся всегда – где тонко,
Когда мир смотрит на меня
Глазами слепого ребёнка.
И хочется, чтобы пришёл Христос,
И даже судя строго,
Он руки над нами свои вознёс,
И мы бы прозрели оба.

* * *

В распинающих снова Христа ныне даже не целюсь,
Можно просто стрелять наугад, всё равно попадётся,
Можно молча молиться сквозь этот безумный галдёж,
Потому и молюсь, что ещё хоть на что-то надеюсь.

Из каких появились помоек, бездонных трясин
Предающие Бога и Родину, сына и дочку?..
Апокалипсис длится, скорей бы поставили точку...
Лишь боюсь, что иудам в России не хватит осин.

Поэтическая Седмица

Надежда Кондакова

Александр ОРЛОВ:

Даже в самые тёмные времена Надежда Кондакова своим словом могла зажечь в сердце ясный и чистый огонь, и это пламя жизни хранило и хранит её по сей день. Её творческое бытие основано на врачевании себя во имя всеобщего блага. В каждом её стихотворении ощущается нескончаемая борьба с духами злобы, которые меняют обличия в зависимости от времени, но всегда узнаваемы истинным поэтом. Благодаря этому дару Надежда Кондакова служит всем, что ей ниспослано свыше Господом. Её поэзия взвевает над землёй чувство любви, и поэтому она близка и памятна разным поколениям читателей.

НА ГУЛКИХ ТОРЖИЩАХ ЗЕМНЫХ...

* * *

Счастье призрачно, мгновенно,
ускользающе, опасно –
и когда огонь по венам,
и когда светло и ясно.

А в финале жизни краткой –
то ли было, то ли сплыло.
То ли капал Бог украдкой
исчезавшие чернила...

* * *

От сетей ловца, от слов мятежных
комсомолок, нынешних старух,
от воспоминаний неизбежных
сохрани мой замысел и слух!

Я хочу не слышать эти бредни
и не помнить праздных толковищ,
чтоб в церковке бедной у обедни
стал мой дух беспомощен и нищ.

Чтобы в свет преобразилось горе
и глаза очистились от слёз,
чтобы на божественном просторе
облако за облаком несло.

Вот тогда увижу я, как пламя
выжигает паморок и тьму.
...А к Тому, кто сжалится над нами,
тихо побредём по одному.

* * *

Уйдут последние свидетели
эпохи серой Москвошвея,
и слушатели и глядетели,
и пониматели идеи.

Уйдём и мы, не зная лучшего,
ученики, в пример иным,
но не Леонтьева и Тютчева,
а Кожина с Бахтиным.

Из рук вторых и третьих подано,
но не бессмыслица и жмых,
а всё, что предано и продано
на гулких торжищах земных.

ДЕВЯНОСТЫЕ

Вагоны шли привычной линией...

А. Блок

Исчезли – жёлтые и синие.
В зелёных плакали и пели
продрогшие, невыносимые
простонародные свирели.

И флейты провожали жаляще
челночные, душе угодные
одежды из турецких залежей
в те девяностые, свободные.

Одни намылились отваливать,
а ты пытался в это встроиться.
И я ещё могла отмаливать
тебя у Господа на Троицу.

И я ещё могла надеяться
в Егорьевске у храма Божия,
что мной посаженное деревце
тобою будет обихожено.

Свобода была неуверенно
кому – под дых, а многим – мимо.
Но музыка была потеряна
осталась только пантомима.

* * *

Как только почувствуешь – больно,
так тотчас на тихой трубе
выиграют: «Довольно, довольно,
довольно уже – о себе!»

Я знаю, мой Ангел-хранитель,
по свету мотаясь с сумой,
что ты – мой единственный зритель,
свидетель единственный мой.

Все шрамы мои, все каверны
залечены, но всё равно:
что в сердце написано – скверно,
что в жизни случилось – темно.

МАТЬ

*Неужели вон тот – это я?
В. Ходасевич*

Неужели вот этот, распухший,
с тусклым взглядом, валяющийся с ног,
опустившийся, сникший, потухший –
ей родная кровинка, сынок...

Неужели лишь только за этим
он пришёл, ошестившись, в мир,
чтоб служить назиданием детям
из соседних элитных квартир.

Неужели судьба, в пересменке,
одного из любимейших чад
не узнала, поставила к стенке,
где железные прутья торчат.

На Страстной, на Великой седмице,
когда в храмах звучит лития,
вижу: мать, как подбитая птица,
и мне кажется мать эта – я.

И когда он кричит: «Ненавижу!»,
обезумевши, с пеной у рта –
я молюсь, и мне кажется, слышу:
«Он у Господа не сирота...»

ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ

Как хорошо, что ты был на земле –
ел землянику, купался в Урале...
Вместе черёмухой губы марали
мама и мальчик!
И вот на столе –
в тёмной прозекторской...
Боже, о Боже,
Матери Божьей смирение дай –
стоя у гроба с бесслёзною дрожью
жизни слепой собирать урожай.

Вот и рожай, плодоносная дева,
в тесто, в опару упрячь и чужай-
ся всякого-якого «права» и «лева»,
мальчиком только своим дорожай.
Что там стишки, гонорарчики, цацки,
что там газетная правда и ложь,
коль материнством – не бармы ли царские! –
Бог наградил за здорово живёшь.

Вот и прошу я у Бога прощенья.
Вот и молю Чудотворца опять
сон о младенчестве видеть – отмщенье,
пяточки сыну во сне целовать...

* * *

В Бутово на полигоне,
не приближаясь ко рву,
в кровь обдирая ладони,
рву молодую траву.
Сколько их было – не знаю,
список не полон пока...
Вижу: монашенка стаю
Ангел несёт в облака.
Небо, как рана сквозная, –
не заживёт и века.
Вижу священника в белом,
чёрные вижу кресты...
И обессиленным телом
падаю с той высоты.
...Мир разрывая на части,
цельность от боли круша,
вновь недостойна Причастья,
гневом палима – душа.

ПИСЬМО В ПАРИЖ

Возвращаясь в Эдем
после долгих блужданий
по России с её нужниками в грязи,
среди сказок её или иносказаний
удивительных – издали, страшных – вблизи,
одиноким, как перст, ты любовью – измучен,
может, это и есть родовое пятно? –
ни ногтями содрать,
ни забыться в падучей –
не залить даже водкой – проступит оно!
Так на вёсла садись и плыви по течению –
вдоль засохших кустов по умершей реке.
Но и это уже не имеет значенья
для России в её inferнальной тоске.
Может, только Господь
и остался над нами,
чтоб в надменной Европе, в роскошном саду
мы безжалостно мучились русскими снами,
умирать бы хотели – лишь в русском аду.

ГЛАГОЛЫ

Все говорят – надо валить, валить...
А мне ещё надо потолки побелить,
полы подмести, вынести сор,
и дослушать Навальному приговор,
и понять, кто судья, кто разбойник, кто вор.
На трёх могилах – посадить цветы,
дождаться их неземной красоты.
Встретить тех, кто придёт с войны.
Вынести всех из Кремлёвской стены,
похоронить на кладбище
и вас простить,
когда вы вернётесь их навестить.

* * *

В предпоследнем целованье
на больничной простыне
столько боли, то есть – знанья
о тебе и обо мне.

И покуда губы – в губы,
и пока душа – в душе,
я молчу о том, как любы
дни, прошедшие уже...

Нет ни страсти, ни влеченья
в лёгкой старческой руке,
но уходит в ночь свеченье
и не гаснет вдалеке.

А о том, что там, за знаньем, –
за последним целованьем
на исходе немоты –
знаем только я и ты...

РОПОТ

Смерть есть не что иное,
как милость Бога,
захотевшего ещё раз
испытать тебя на веру
и достоверность,
послать, как
маленькую сверкающую моль
к огню –
выживет или,
опалив крылья,
превратится в невидимый глазу
пепел.
Праздные рассуждения
стихоплёта или
реальность?

Прости, Боже!
Но мне очень и очень больно.
Больно.
Боль
но...

* * *

мой мальчик идёт война
боюсь что оставшись жить
ты бы пошёл умирать

и мне снова надо было
заказывать гроб
подбирать его по размеру
по форме и цвету
опираясь на своё безумие
и твоё отчаянье

боюсь я бы уже этого
не выдержала
да не боюсь
а бьюсь об заклад
ты бы пошёл на войну
а я умерла

но это был бы
лучший выход
в безвыходной ситуации

Поэтическая Седмица

Марина Кудимова

Александр ОРЛОВ:

В своём поэтическом видении мира Марина Кудимова, пристально вглядываясь в окружающую действительность, легко проникает сквозь её наружный слой, созерцая внутренние движения и явления пространства, находящегося между сфер. Перед её мыслительными процессами раскрывается едва уловимый для слуха и зрения мир, который она, сосредоточенно и бережно запечатлев, показывает тем, кто готов следовать вместе с ней и за ней. Свойственная её восприятию поэтическая идейная метафоричность служит ей для передачи увиденного и услышанного всем нам и никак не является способом усовершенствования личного внутреннего согласия. Физические и духовные тонкости выхвачены, выстраданы, обозначены и узнаваемы, именно так и рождён индивидуальный поэтический мир автора.

ГОСПОДИ, ТЕБЕ ВИДНЕЙ...

* * *

Господи, Тебе видней
Из предвечного предела,
Но не надо двух огней,
Чтобы тьму я углядела.

И смертей не надо двух, –
Соглашаюсь на однажды.
Либо голос, либо слух,
Либо голод, либо жажда.

* * *

Разверзается зимний Никола,
До верхушек снегами достав,
И баржу мою гонит с прикола,
И ломает она ледостав.

Я судьбы пробегаю аллею.
Я почти ничего не боюсь.
Я ни капли тебя не жалею
И с душой твоей не расстаюсь.

Ты собою края зашиваешь
Предназначенной мне полыни.
Ты впопых мою жизнь проживаешь,
Превосходишь страдания мои.

Я такой не отвергну заступы!
И пока меня клонит ко сну,
У любви нашей режутся зубы
И твою разрывают десну.

* * *

От ячества,
от рвачества
помилуй и спаси!
А жизнь всё поворачивается
Вокруг своей оси.
В ногах её валяюсь –
Я хаоса боюсь.
И заново дроблюсь,
И снова исцеляюсь,
И целой становлюсь.

* * *

Было время – только в Слове
Мир проверил свой почин
На сбытаемость условий,
На несбыточность причин.

И тогда судили небо
И возможности его
Не за «пере», не за «недо»,
А за всё – иль ничего.

Но с тех пор, как душегубке
Души сдаены внаём,
Самовольные поступки
Мы историей зовём.

Иждивенцами, как слизи,
Мы к стволу прикреплены
И несвойственной жизнью
До смерти утомлены.

* * *

Кленовый засвети шандал
И в бездну без перил и сходен
Ты, двоечник и камчадал,
Сойди учить урок Господень.
 Незрим в невидимой руке,
 Язык придавливает шпатель.
 Здесь трудится в одном лице
 Отец и родовспомогатель.
То схватки дальняя волна,
А то конвульсия потуги.
Ломает зубья борона,
И лемех тупится на плуге.
 На миллиметр, на сантиметр
 Выходит дерево из грязи.
 Глазка ромашкового фетр
 Открылся – и Гомер оглазел.
Опятами покрылись пни –
И скрипку изогнул Амати.
Природа, о себе не мни:
Родильница – ещё не мать.

* * *

Хотя бы и есть полунощные страны,
Где чёрное небо – дыра на дыре,
Где льды громоздятся, как будто стаканы
В большой судомойке на чёрном дворе, –
Всё ж, надо признать: всякой твари – по паре,
И всяк извлекаем, как он ни ужмись,
И что не в термитнике и не в опаре –
В миру происходит непарная жизнь.
Ведь в ритме её абсолютных симметрий,
Где всякая плоть до себя доросла,
Пожалуй, нет мест одной только смерти,
А в общем и целом – удачный расклад.
И я – со своей колокольни и крыши,
С начатками истин в могучем мозгу
Казнюсь, поелику: зачем недослышу
И косноязычья не превозмогу!
И мир костюмирован мной и напудрен,
Но необоримое в нём естество:
Ведь он сотворён, посему целомудрен,
Иначе бы я разлюбила его!

* * *

Чтоб ни в чём не возникло убытка
И земля не поверглась вверх дном,
Продолжается вечная сквитка
Двух начал в пересчёте одном:
Непорочной природы святыни,
Воплощённой без помощи рук,
И жестокого девства гордыни,
В наказание лишённого мук.

* * *

За подмогу, скажете,
Дорого дала б я?
Переноска тяжестей –
Это дело бабье.
Ничего, – помолишься,
Оземь лбом побьёшься.
Не переневолишься
И не надорвёшься.

* * *

Оперенье, нарощенье
На заплечии...
Исполать, отягощён
Человечий!
Возрастают до вершины
От изножия.
Женщины мои, мужчины –
Люди Божии!
Обнимать без отторженья –
Служба истая.
Это – жар самосожженья,
Это – чистое.
А душа взойдёт из праха –
Куда денется, –
Белошвея, тонкопряха,
Рукодельница.

* * *

Вкруг рта усугубляют алость
Закушенные удила.
Душа смиренная осталась,
Душа смятенная ушла.
Сперва поблизости бродила,
А после подалась блуждать
И всех на грех опередила,
Чтоб никого не осуждать.

* * *

Отлучён ты не клиром безгласным –
Сам гонитель твой кем-то гоним.
Предан ты, но не миром безвластным,
А законным Иудой одним.

Ванька-Каин и попросту Каин
Нас вгоняют в сомненья порой
Тем, что первый из них не раскаян
И пока не оправдан второй.

Но никто ничего не решает
В том, чем заняты мысли твои,
И никто никому не мешает
Исполнять порученье любви.

* * *

Грех – это мера одиночества.
Нет праведничества на всех.
Рискнувшему на иноходчество
Во вспомоществованье – грех.
Что устоявшему в прощении!
А падшего суди молва...
Благодарю за попущение –
Его заботами жива.

* * *

Когда, истощены виною,
Мы пошатнёмся на стезе,
Несовершенное дурное
Нас подпитает, как НЗ.

Был некто. Он людей извечно
Не понимал и не любил,
Но не теснил движеньем встречным
И дальним светом не слепил.

УМИЛЕНИЕ

Иванова и Петрова
Не желая умалить,
Что там ласки, что там крова –
Мысли не с кем разделить!

До чего неумолимый
В черноте чела и век,
До чего неумилимый
Одержимый человек!

Господи! Живём как можем...
Что нам мнится-кажется?
Человек вот был хорошим –
И сидит, куражится.

Грозный дождь довлеет рекам,
Небесам – сияние.
Двум довлеет человекам
Противостояние.

Не помогут здесь ни числа,
Ни рецепты чёрствые:
Тот давно уже смягчился,
А другой – упорствует.

Примирение – и снова
Одоление.
А вначале было Слово
Умиления.

ДОПУСК

Как при квартирном обыске,
Соря и мельтеша,
На допуске, на допуске
Работает душа.

О праведности-святости
И мыслить не моги!
Да ей бы к вящей радости
В срок выплатить долги.

Стращать её Валгаллоу
От имени небес?
Да ей уступка малая
За чудо из чудес!

Манерочка, баклажечка
На донышке бренчит,
Уступочка, поблажечка
Уж так ли облегчит!

Советуют унизиться,
Порядок уважать.
А ей бы не капризиться,
Не мстить, не обижать.

По-рабски, по-холопски,
Таясь и лебезя,
На допуске, на допуске -
Меж «можно» и «нельзя».

Кому иным – каления
С красна и добела,
Ей – грош благоволения:
Глядишь – опять цела!

Драконовски, эзоповски
И трепетно вельми...
На допуске, на допуске –
Меж Богом и людьми.

* * *

Грех замолен –
Зуб удалён.
Нежный провал
Кровью солён.
Без вариантов:
я – раб, я – червь.
Все лучше меня.
Но начиналась царёва верфь
С выкорчеванного пня.

Берега истории

Григорий Блехман

Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. Доктор биологических наук, профессор. Много лет был научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор одиннадцати сборников – стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Союза писателей России, лауреат двух Международных и многих Всероссийских литературных премий: им. Н. С. Гумилёва, им. А. Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, «Слово-2017», им. А. А. Блока, им. И. А. Бунина, им. М. А. Шолохова...

Сталин в истории СССР и современном мире

(Факты, мнения, сравнения, размышления)

Военный писатель, полковник КГБ, профессор Академии проблемб, обороны и правопорядка Анатолий Терещенко в своей книге «Сталин и контрразведка» приводит слова Сталина, сказанные им Александре Михайловне Коллонтай во время беседы в 1939 году:

«...Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплётаны, прежде всего за рубежом, и в нашей стране тоже.

Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет мстить нам за наши успехи и достижения. Он всё ещё рассматривает Россию как варварскую страну и как сырьевой придаток. **И моё имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут много злодеяний.**

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия никогда больше не могла подняться.

Сила СССР – дружба народов. Остриё борьбы будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы ещё не всё сделали.

С особой силой поднимает голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, но только на некоторое время. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций.

В целом, развитие в будущем пойдёт более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идёт к тому, что Восток взбудоражится. Возникнут острые противоречия с Западом.

И всё же, как бы ни развивались события, но пройдёт время, и взоры новых поколений будут обращены к деяниям и победам нашего социалистического Отечества. Новые поколения поднимут знамя своих отцов и дедов. Своё будущее они будут строить на примерах нашего прошлого».

С той поры прошло более 80 лет, и мы видим, что каждая его фраза в точности отражает то, что происходило со страной после смерти вождя и происходит по сей день.

А несколькими годами позже он скажет:

«Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет её».

Эта фраза тоже известна давно. Впервые её услышал от отца-фронтовика, когда Хрущёв развернул кампанию лжи, чтобы любыми путями опорочить имя Сталина. Как видим, не удалось. А фразу и сегодня широко цитируют, порой, в тех или иных вариантах, но непременно сохраняя суть, а также

то, что сказал он об этом ещё в далёком 1943 году. То есть тогда, когда, казалось, ничто не предвещало его имени такой судьбы после жизни на земле.

Однако все, кто его знал, отмечали, каким чутьём обладал этот человек. Вот и здесь, как оказалось, предвидел и «кучу мусора», и что «ветер истории безжалостно развеет её», и всё остальное.

* * *

Теперь о предвидении Сталина и стратегии его поведения на позиции государственного деятеля высшего уровня.

Но прежде о том, что опрос Левада-центра осенью 2019 года показал – роль Сталина в истории положительно оценивают более 70 % граждан страны. К сегодняшнему дню, согласно таким же опросам, эта цифра почти достигла 80 %.

Причём происходит такое вопреки усиленным и последовательным стараниям опорочить его имя – сначала Хрущёвым, потом Горбачёвым, Ельциным, а с нулевых – и властью современной России.

Ведь с начала 90-х, когда в результате преступного сговора нашей «пятой колонны», поддерживаемой на Западе, Советский Союз прекратил существование, либеральная часть нынешней России постоянно пытается внушить всем, что конструкция великого не один десяток лет СССР была ошибочной. Поэтому «стоило на неё дунуть, и она рассыпалась».

И с той поры – начала девяностых – 14 из 15 (за исключением пока Белоруссии) новообразовавшихся стран – бывших советских республик, на которые «рассыпался» Советский Союз, тщетно идут по пути так называемой «рыночной экономики» на манер капиталистических стран Запада. Тщетность объясняется тем, что наша плановая социалистическая экономика не была готова к таким внезапным, кардинальным изменениям, поскольку законы развития капитализма и социализма принципиально разные.

Да и с каждым годом становится всё очевиднее кризис капиталистической системы на фоне всё более заметных успехов развития экономики Китая, который не уничтожил социализм, а лишь модифицировал его. Китай пошёл по пути реформ, введенных Дэн Сяопином. Их суть состоит в том, что, наряду с сектором социалистической экономики, в стране **на конкурентной основе** развиваются рыночные отношения, дающие заметный экономический эффект. То есть материальный стимул основан на принципе – чем лучше работаешь, тем больше заработок. Но всё это идёт в Китае **под строгим регулированием и контролем государства**. Последнее важно отметить, потому что именно такой подход к развитию экономики исключает «утечку» каких бы то ни было средств, и это позволяет очень серьёзно пополнять бюджет страны, который в Китае расходуют строго по-государственному.

Однако очень многие сегодня уже не знают, что задолго до Дэн Сяопина по такому пути в нашем многонациональном Советском Союзе пошёл Сталин. И существенные успехи были налицо.

Именно при Сталине предпринимательство – в форме производственных и промысловых артелей – всемерно поддерживалось. А в трудные послевоенные годы развитие таких артелей считалось важнейшей государственной задачей. Потому что это давало заметное оживление в развитии экономики и, как следствие – **заметные поступления в бюджет под строгим государственным контролем**: на тот момент объём таких поступлений достигал уже более 6 % от общего.

Так что либералы явно лукавят, говоря о неверной конструкции создания СССР, постоянно опираясь в своей аргументации на «пустые прилавки магазинов» в 80-х.

Советский Союз распался совсем от другого.

И этапы его ослабления, приведшие после правления Сталина к такому печальному исходу, несложно проследить.

* * *

Но вначале немножко подробнее о самом Сталине, потому что, чем больше проходит времени с момента его ухода в мир иной, тем отчётливей становится масштаб личности этого человека. Хотя и при жизни многое было очевидным. Никто другой из лидеров нашей страны не умел, как он, почувствовать, **что** в данный момент является главным для её развития и поэтапно реализовывать это наиболее эффективными способами. А главным для него, кроме подбора и расстановки кадров, персональной ответственности каждого из руководителей за порученное дело, была опора на русский

народ. И русский народ ни разу не подвёл своего лидера. Вспомним выступление Сталина на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года:

«... Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа. Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – русский народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего Правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам сёла и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое Правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошёл на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошёл на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!»

Заметим – такой тост о русском народе прозвучал из уст грузина. А это показывает, что, если человек, находясь на высшем государственном посту, беспристрастен и умеет увидеть и оценить главное, он приводит страну к победе.

И ещё обратим внимание на фразу: «у нашего Правительства было немало ошибок». Такую самокритичность не часто встретишь у кого бы то ни было, а уж у главы государства тем более. Но именно это редкое качество и постоянная «работа над ошибками» позволяли Сталину их не повторять, а нашей стране под его руководством находиться в постоянном развитии. И каждый ощущал это на себе.

Однако и ему «далась победа нелегко».

ОБСТАНОВКА В ПРЕДДВЕРИИ ВЛАСТИ СТАЛИНА

Что касается выделенной особо роли русского народа, то здесь логично привести основанные на документальных исследованиях слова известного специалиста в области геополитики, конфликтологии, международных отношений и военной истории, доктора исторических наук, профессора, генерал-полковника Леонида Ивашова. В своей книге «Опрокинутый мир» он пишет: «К концу 1928 года И. Сталин имел хотя и далеко не полные, но уже реальные рычаги власти в СССР. Как он получил эти рычаги – отдельная большая тема. Остановлюсь лишь на моменте, логично вписывающемся в нашу тему. После смерти Ленина И. Сталин не получил должности председателя Совнаркома (правительства СССР), которую вплоть до смерти занимал Ленин (а с 1924 по 1930 г. – А. Рыков. – Прим. Г. Б.). Он оставался генеральным секретарём партии. Реальная власть находилась у Троцкого и мирового сионизма, захватившего её в результате октябрьской революции. Созданные после революции спецслужбы и репрессивный аппарат на 80–90 процентов были укомплектованы лицами еврейской национальности. Русских в них практически не было. В этих условиях говорить о полноте реальной власти Сталина в СССР не приходилось. К деятельности спецслужб его не допускали: мол, это не партийное дело. До смерти Ф. Дзержинского Иосиф Виссарионович ещё мог получать секретную информацию и оказывать определённое влияние, по крайней мере, во внутривластной борьбе. После смерти Феликса Эдмундовича (1926 г. – Прим. Г. Б.) такие возможности резко сократились.

Поэтому приписывать И. Сталину репрессии 20–30-х годов не вполне правомочно. Тем более, что для ВКП(б), как и для всех партий, входящих в Коминтерн, решения его исполкома были обязательны. А в исполкоме Коминтерна своих людей (да и русских по национальности) практически не было. Но именно на Сталина сделали ставку воспитанник милютинской школы, руководитель военной разведки Российской империи генерал-лейтенант Потапов, перешедший на сторону большевиков ещё летом 1917 г., и глава Имперской разведки, находящийся в эмиграции граф Канкрин. Естественно,

не только сами руководители российских разведок были важны для “группы Сталина”, но прежде всего их закордонные агентурные сети.

Несколько слов об Имперской разведке, созданной ещё после вооружённого восстания 1825 г., в ходе которого выяснилось, что за спиной восставших стояли масонские круги России, во главе с декабристом Пестелем... Главным принципом работы в этой спецслужбе являлось беззаветное служение России, кто бы ни стоял во главе её. Именно граф Канкрин, последний руководитель Имперской разведки, а ранее успешный министр финансов Российской империи, направил Сталину своего представителя с предложением о сотрудничестве ради сохранения российской государственности и освобождения от сионистской оккупации. Сталин предложение принял и в борьбе с троцкистами, зиновьевцами и пр., а позднее и с западной агентурой в СССР активно опирался на эту сеть, **последовательно восстанавливая русскую власть в России. Через военную и Имперскую разведки Российской империи, а не через ОГПУ, Сталин владел информацией о тайных операциях первых чекистов за рубежом. И именно эти две службы сыграли решающую роль в победе Сталина над властью международного сионизма в Советской России. Без их поддержки и при полном контроле над сионизмом, репрессивной системой и спецслужбами в СССР эта победа не могла состояться...**»

Так подробно процитировал эти слова видного учёного потому, что они отчётливо показывают обстановку в руководстве досталинского периода, доставшуюся ему в наследство, а отсюда и объективные трудности, которые испытывал Сталин в 20–30-х годах.

Такому наследству, действительно, не позавидуешь. Поэтому прежде, чем Сталину удалось добиться монолитности власти, без чего невозможно было достигнуть тех успехов, о которых всем известно, ему пришлось очень тяжело.

И здесь мы вновь обратимся к словам Леонида Ивашова о том, **какая** обстановка была во власти при Ленине и долгое время после него: «Можно выделить **три группировки** “смертельных” противников, ведущих борьбу на уничтожение друг друга, т. е. имеющих непримиримые идеологические разногласия. **Первая** – это большевики, объединившиеся вокруг Ленина, а затем Сталина. Они опирались на беднейшие слои населения, рабочий класс, часть крестьянства, патриотическую интеллигенцию. Идеологической базой этой группировки являлось построение государства рабочих и крестьян под руководством ВКП(б)...»

Эта группировка ставила целью, чтобы пример социалистического строительства в России (а потом и в СССР) позволил поднять революционные процессы в других – капиталистических – странах и таким образом **«перестроить весь мир на принципах социальной справедливости»**, власти трудящихся, равноправия и мирного развития всех народов. Для этого необходима была диктатура пролетариата, откуда и появился лозунг: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!»

«...**Вторая группировка** представляла радикальные еврейские слои России и связанные с ними мировые сионистские структуры. Лидерами этой группировки выступали Л. Троцкий и Я. Свердлов. Их целью являлось: создание в России власти еврейских националистов и подчинение русского и других коренных народов; **уничтожение духовных основ русской традиции**, патриотически настроенных слоёв трудящихся, военных, священнослужителей и интеллигенции; превращение России в плацдарм и движущую силу мировой революции.

К третьей группировке следует отнести партию социал-революционеров, активно участвовавшую в революционных событиях 1917 года, но затем отстранённую от власти. К октябрю 1917 года эта партия была наиболее многочисленной среди революционных масс (около 1 миллиона человек). Она объединяла в своих рядах разные слои населения, от помещиков и средних предпринимателей до офицеров, рабочих, крестьян и интеллигенции...»

Эта третья группировка имела краткое название – эсеры. Их лидеры предлагали так называемый «третий путь» развития России: ни «белый» и ни «красный», а классовый мир, парламентскую республику с Учредительным собранием во главе и сотрудничество с буржуазными странами. Следовательно, в её программе было полное неприятие диктатуры пролетариата – базового принципа первой группировки.

Однако отсутствие единства в руководстве эсеров и, как следствие, размытость их политической позиции вполне естественно привели к внутреннему расколу. А решительные меры первых двух группировок, у которых находилась реальная власть, в борьбе с эсерами привели к тому, что дви-

жение третьей группировки постепенно стало угасать, и часть членов этой партии не нашла ничего лучшего, как перейти к террористическим методам борьбы.

Так эсеры и канули в Лету.

Борьба же между первой и второй группировками, по словам Леонида Ивашова: *«будет продолжаться вплоть до Великой Отечественной войны, однако уже к 1934 году группировка И. Сталина станет обладать реальной властью в стране. После процессов 1937 года эта власть ещё больше укрепилась»*.

И вот тут Сталин уже становится доминирующей фигурой и в партии, и в государстве. Причём, как показала история, происходило это не путём занятия высоких должностей или их захвата, а **только благодаря растущему авторитету в стране**. Ведь, как отмечает Леонид Ивашов: *«до 1939 года он и его сторонники были в явном меньшинстве в руководящих органах государства, таких как репрессивный аппарат (ОГПУ – НКВД), политическая разведка, контрразведка, наука, культура, политический аппарат армии, оборонно-промышленный комплекс...»*

Но если человек рождён лидером, он не может им не стать, как бы ни складывались обстоятельства. И то, что именно Сталин им стал в таких тяжелейших условиях послеленинского периода раздвоя в борьбе за власть, когда, казалось бы, его шансы далеко не очевидны, в очередной раз подтверждает эту историческую аксиому.

ОТНОШЕНИЕ СТАЛИНА К ХРИСТИАНСТВУ И РУССКОЙ ЦЕРКВИ

И здесь следует остановиться ещё на одном очень важном моменте – отношении Сталина к христианству и русской церкви, о чём давно принято тщательно замалчивать.

А между тем уже в 20-е годы Сталин как генеральный секретарь ЦК ВКП(б) в своих решениях явно противостоит антихристианской политике троцкистов, набравшей поистине невероятную разрушительную силу. Вот что написал в 1918 году Святейший Патриарх Тихон: *«К тебе – обольщённый, несчастный русский народ, сердце моё горит жалостью до смерти. Оскудеши очи мои в слезах, смутится сердце моё при виде твоих тяжких страданий, в предчувствии ещё больших скорбей»* («Послания святителя Тихона». М., 1990, с. 17).

К сожалению, эти горькие слова вешнего старца оказались пророческими для судеб России, поскольку около двух первых десятилетий советской власти отмечены как время широкомасштабного антирусского геноцида. Страну захлестнула волна террора против коренного населения и особенно против священнослужителей. Например, к 1919 году из примерно 100 тысяч дореволюционных священников осталось около 40 тысяч. Но судебные процессы над ними продолжаются – в Москве (дважды), Смоленске, Петрограде, Казани, Астрахани, Царицыне и других городах. В 1922 году состоялись более 250 таких процессов, в 1923-м – более 300. Только за эти два года осуждены больше 10 тысяч человек, из которых каждый пятый приговорён к расстрелу. Страна находится в состоянии постоянного антиправославного террора. Причём **как только в очередной раз Россия, несмотря на тяжёлый период, быстро заживает раны братоубийства, репрессий и голода, ни на йоту не собираясь отречься от веры предков и своей великой судьбы, так сионистская группировка во главе с Емельяном Ярославским вновь ввергает страну в очередной кровавый процесс под лозунгом Союза воинствующих безбожников. Их цель – уничтожить религию в СССР** (потом лживый, трусливый и исторически невежественный Хрущёв припишет всё это Сталину).

И такие действия окрашены явным русоненавистничеством, которое безраздельно царит в кремлёвских верхах и агитационно-пропагандистском аппарате партии. Апогеем же официального отношения этой второй властной группировки в России звучит лозунг Троцкого: «Будь проклят патриотизм!»

Его поддерживает Зиновьев, призывая *«...подсекать головку нашего русского шовинизма... калёным железом прижечь всюду, где есть хотя бы намёк на великодержавный шовинизм...»*. А ведущий идеолог ВКП(б) той поры Бухарин разъясняет соотечественникам: *«Мы, в качестве бывшей великодержавной нации, должны поставить себя в неравное положение в смысле ещё больших уступок национальным течениям»*. Он требовал поставить русских *«в положение более низкое по сравнению с другими»* (Шафаревич И. «Русофобия». Л., 1990, с. 86).

Ну и, конечно, ярким моментом навязываемой сионистами Троцкого русофобии стал воздвигнутый по его инициативе в августе 1918 года в городе Свияжске памятник апостолу-предателю Иуде Искарриоту.

В общем, русофобия процветает на всех направлениях. В строго секретном документе, (его содержание приводит в своей книге «Опрокинутый мир» Леонид Ивашов) на имя председателя ВЧК Дзержинского от 1 мая 1919 года дано следующее УКАЗАНИЕ:

«В соответствии с решением В.Ц.И.К. и Совета Народных Комиссаров, необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией.

Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше.

Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады.

Председатель В.Ц.И.К. Калинин

Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин»

Счёл необходимым специально акцентировать здесь внимание на том, что содержание этого документа, как и сам документ, приводит в своей книге Леонид Ивашов. Дело в том, что о подлинности такого документа, как и о слове «УКАЗАНИЕ» существуют противоположные точки зрения. Но поскольку такой авторитетный учёный-историк обнародовал его в таком виде, у меня не возникло сомнений, следовать ли его примеру.

* * *

Сегодня уже известно, что Сталин был против антирелигиозных действий троцкистов. По мере сил и возможностей он пытался снизить накал этих репрессий. Но, как уже отмечено раньше, в ту пору он ещё не обладал такой властью, какая могла ему позволить открыто противостоять могучему тогда председателю Реввоенсовета Троцкому.

Однако о том, что у Сталина была твёрдая позиция, свидетельствует документ, в котором генеральный секретарь РКП(б), опираясь на мнения делегатов 12-го партсъезда, состоявшегося в апреле 1923 года, заявил:

«Циркулярное письмо ЦК РКП(б) № 30

“Об отношении к религиозным организациям”

16 августа 1923 г.

Строго – Секретно Экземпляр №

ВСЕМ

ГУБКОМАМ, ОБКОМАМ, КРАЕВЫМ КОМИТЕТАМ, НАЦИОНАЛЬНЫМ ЦК и БЮРО ЦК.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО ЦК РКП(б) № 30

(Об отношении к религиозным организациям)

ЦК предлагает всем организациям партии обратить самое серьёзное внимание на ряд серьёзных нарушений, допущенных некоторыми организациями в области антирелигиозной пропаганды и, вообще, в области отношений к верующим и их культам.

Партийная программа говорит: “необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма”. Резолюция 12-го Партсъезда по вопросам антирелигиозной агитации и пропаганды подтверждает, что “нарочито грубые приёмы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательство над предметами веры и культа взамен серьёзного анализа и объяснения – не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков”.

Между тем некоторые из наших местных организаций систематически нарушают эти ясные и определённые директивы партийной программы и партийного съезда...»

Дальше Сталин приводит многочисленные примеры такого надругательства над православными храмами и репрессий по отношению к духовенству. И после продолжает:

«Эти, и подобные им, многочисленные примеры с достаточной яркостью свидетельствуют о том, как неосторожно, несерьёзно, легкомысленно относятся некоторые местные организации партии и местные органы власти к такому важному вопросу, как вопрос о свободе религиозных убеждений. Эти организации и органы власти, видимо, не понимают, что своими грубыми, бестактными действиями против верующих, представляющих громадное большинство населения,

они наносят неисчислимый вред советской власти, грозят сорвать достижения партии в области разложения церкви, и рискуют сыграть на руку контрреволюции.

Исходя из этого, ЦК постановляет:

1) воспретить закрытие церквей, молитвенных помещений... по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации, а где такое закрытие имело место – отменить немедленно;

2) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и проч. путём голосования на собраниях с участием неверующих или посторонних той группе верующих, которая заключила договор на помещение или здание;

3) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и проч. за невзнос налогов, поскольку такая ликвидация допущена не в строгом соответствии с инструкцией НКЮ 1918 г. п.2;

4) воспретить аресты “религиозного характера”, поскольку они не связаны с явно контрреволюционными деяниями “служителей церкви” и верующих;

5) при сдаче помещений религиозным обществам и определении ставок строжайше соблюдать постановление ВЦИКа от 29.03–23 г.;

6) разъяснить членам партии, что наш успех в деле разоружения церкви и искоренения религиозных предрассудков зависит не от гонений на верующих – гонения только укрепляют религиозные предрассудки, – а от тактичного отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков, при серьёзном историческом освещении идеи бога, культа, религии и проч.;

7) ответственность за проведение в жизнь данной директивы возложить на секретарей губкомов, обкомов, облбюро, национальных ЦК и крайкомов лично.

ЦК вместе с тем предостерегает, что такое отношение к церкви и верующим не должно, однако, ни в какой мере ослабить бдительность наших организаций в смысле тщательного наблюдения за тем, чтобы церковь и религиозные общества не обратили религию в орудие контрреволюции.

*Секретарь ЦК И. Сталин
16.08–23 г.»*

И здесь налицо два момента. Первый – взвешенность документа, который написан по инициативе Сталина и, естественно, им подписан. Второй – насколько кардинальны различия между Сталиным и Троцким в подходе к работе с Православной Церковью и религиозными организациями как таковыми.

Поэтому, если знать, что в 1923 году Сталин не только не обладал полнотой власти в стране и в партии, но и не имел властных полномочий вообще, это постановление впечатляет.

Ну и, конечно, из приведённых здесь документов видно, насколько беспочвенно обвинён Сталин в терроре против церкви и духовенства.

Эти обвинения полностью относятся к Троцкому и его единомышленникам.

Окончательно же снимает со Сталина какие бы то ни было обвинения в этом вопросе следующий документ:

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО

Всесоюзная Коммунистическая партия (большевики).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ 1697/13.11.1939 г.

Товарищу Берия Л. П.

Выписка из протокола № 98 заседания Политбюро ЦК от 11.11.1939 г.

Решение от 11 ноября 1939 года.

Вопросы религии.

По отношению к религии, служителям русской православной церкви и православно верующим ЦК постановляет:

1) Признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих.

2) Указания товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года «О борьбе с попами и религией», адресованное председателю ВЧК, товарищу Дзержинскому и все соответствующие инструкции

ВЧК – ОГПУ – НКВД, касающиеся преследования служителей русской православной церкви и православно-верующих – отменить.

3) НКВД СССР произвести ревизию осуждённых и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительной деятельностью. Освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осуждённым по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда советской власти.

4) Вопрос о судьбе верующих, находящихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих иным конфессиям, ЦК рассмотрит дополнительно и вынесет решение.

СЕКРЕТАРЬ ЦК Сталин

Ну а о том, что это решение было выполнено неукоснительно и в кратчайший срок свидетельствует документ уже от 22 декабря того же 1939 года:

СЕКРЕТНО.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

22 декабря 1939 г.

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

№ 1227 «Б» 224989 МОСКВА

СПРАВКА

Во исполнение решения ПБ ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года за №1697/13 из лагерей ГУЛАГ НКВД СССР освобождено 12 860 человек, осуждённых по приговорам судов в разное время; из-под стражи освобождено 11 223 человека. Уголовные дела в отношении них прекращены.

Продолжают отбывать наказание более 50 000 человек, деятельность которых принесла существенный вред советской власти.

Личные дела этих граждан будут пересматриваться. Предполагается освободить ещё около 15 000 человек.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
(Л. БЕРИЯ)**

22 декабря 1939 г.

К началу Великой Отечественной будет освобождено значительно больше указанных Берией 15 000 человек.

Полное содержание этих документов тоже приведено Леонидом Ивашовым в книге «Опрокинутый мир».

*** * ***

О роли Русской Православной церкви в этой войне хорошо известно. С первого же её дня, 22 июня 1941 года, глава Церкви Митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) обратился ко всем православным верующим страны с письменным посланием: «К пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором сказал, что Церковь в любые времена разделяла, разделяет и будет разделять судьбу своего народа.

Он акцентировал свою речь на том, что «фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали», постигнет та же участь, что и других захватчиков, когда-то вторгшихся в нашу страну.

26 июня Сергей отслужил в Богоявленском соборе Москвы молебен «О даровании победы». И с этого дня во всех храмах страны почти до самого конца войны постоянно шли подобные молебствования.

И не только молебствования. Хорошо известно, что немало священнослужителей собирали любые пожертвования для фронта, а также воевали на передовых и в партизанских отрядах, за что многие из них имеют боевые награды.

Надо сказать, что Сталин хорошо знал историю, из которой, в частности, известно о важной роли Русской Православной церкви в борьбе с иноземными нашествиями. Так было и во времена Александра Невского, громившего рыцарей-крестоносцев, немцев, и во времена Дмитрия Донского, получившего благословение от игумена Земли Русской Сергия Радонежского перед Куликовской битвой...

Историю таких благословений перед нашими великими победами нетрудно продолжить.

Главное же здесь в том, что Сталин сохранил эту славную традицию на Руси. Хотя, ещё раз отметим, насколько нелегко ему и его сторонникам было это сделать.

Следует добавить, что 4 сентября 1943 года по инициативе Сталина в его кремлёвском кабинете состоялась встреча с иерархами РПЦ, митрополитами Московским Сергием (Страгородским), Ленинградским и Новгородским Алексием (Симанским) и Киевским Николаем (Ярушевичем). Кроме Сталина со стороны советского руководства в беседе принимали участие В. М. Молотов и Г. Г. Карпов – начальник 4-го отдела 3-го Секретно-политического управления НКГБ СССР. В короткой речи Сталин отметил заметную положительную роль Русской Православной церкви в патриотическом служении Отечеству, после чего предложил иерархам высказаться о насущных проблемах. Внимательно выслушав каждого, одобрил все высказанные предложения; по его распоряжению они будут оперативно выполнены. В частности, по предложению митрополита Алексия через три дня после этой встречи на Архиерейском соборе в новом здании Московской патриархии будет единогласно избран на патриарший престол митрополит Сергий. Новоизбранный Патриарх Московский и всея Руси тут же сообщит об этом в личном письме Сталину. Подробно обо всех результатах такой встречи напишет газета «Правда» от 8 сентября 1943 года.

Следовательно, приведённые документальные факты позволяют не только снять со Сталина обвинения в репрессиях против Русской Православной церкви и её духовенства, но ещё и увидеть, насколько велика его личная заслуга в освобождении многих тысяч священников и верующих, которых посадил в тюрьмы Троцкий, а после его изгнания – троцкисты; а также в дальнейшей судьбе служения Отечеству всех верующих.

Такое решение, а скорости и результат стали возможными лишь после ряда побед над троцкистами. И особенно – с ликвидацией военного заговора Тухачевского, Гамарника, Уборевича, Якира..., направленного на свержение власти.

О том, был ли такой заговор или нет, существует множество противоречивых суждений. Однако только после этого начался новый этап развития Советского Союза. Он характерен *восстановлением духовного потенциала страны в рамках государственной политики*. При этом изменился и очень важный момент в идеологии: **идею мировой революции сменяет идея великодержавная**.

И тут следует подчеркнуть, что даже в условиях такой ожесточённой борьбы, долго не имея должной полноты власти, Сталин сумел организовать развитие страны невиданными в мировой истории ни до, ни после сталинского периода темпами.

Вспомним, что он сказал, подводя итоги первой пятилетки (1928–1932), выступая на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) от 7 января 1933 года, который и был посвящён достижениям в развитии народного хозяйства СССР тех пяти лет:

«...У нас не было чёрной металлургии – основы индустриализации страны. У нас она есть теперь. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьёзной современной химической промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было действительной и серьёзной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь. У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электроэнергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест. В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест. У нас была лишь одна-единственная металлургическая база – на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали ещё новую угольно-металлургическую базу на Востоке, составляющую гордость нашей страны. Мы имели лишь одну-единственную базу текстильной промышленности – на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новые базы текстильной промышленности – в Средней Азии и Западной Сибири.

Мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии...»

Вряд ли здесь требуются комментарии, потому что любые факты скажут больше, чем какие бы то ни было слова.

Если же подытожить всё, о чём уже шла речь, то вывод один – именно после того, как страну возглавил, даже поначалу не полностью, Сталин, она преодолела очень серьёзные послереволюционные трудности и стала мощной индустриальной державой, которая в тяжелейшей Великой Отечественной сумела победить практически объединённую армию Европы.

Поэтому с его именем и связаны самые крупные победы Советского Союза как внутри страны, так и за её пределами.

Беспристрастные кадры кинохроники, из которых можно видеть, **как** советские люди прощаются с И. В. Сталиным, провожая его в последний земной путь, наилучшим образом свидетельствуют о высшей степени благодарности советских людей за такое руководство страной.

Во время этого, казалось, безбрежного прощального шествия очень многие плакали и были в растерянности, не представляя себе, **что** станет с великим государством без такого руководителя.

К сожалению, тревога соотечественников за судьбу Советского Союза после ухода из жизни своего лидера оказалась не напрасной.

Хотя поначалу соратники Сталина заявили на всю страну, что они, «тесно сплотившись», продолжают его дело по дальнейшему развитию СССР.

В частности, такие слова звучали и из уст Никиты Сергеевича Хрущёва, избранного на пленуме Центрального Комитета КПСС 7 сентября 1953 года первым секретарём ЦК Коммунистической партии.

* * *

Однако не прошло и трёх лет, как на 20-м съезде КПСС Хрущёв в корне изменил свои заверения, опорочив, как только мог, имя Сталина и все его достижения, объяснив последние лишь «использованием бесплатного труда многомиллионных узников ГУЛага».

Он заявил, что теперь с культом личности Сталина покончено, страна «вдохнёт свободно» и будет идти по пути строительства коммунизма, который, по словам Хрущёва, сказанным позже – на 22-м съезде КПСС, наступит в СССР к 80-му году.

Такое его публичное отношение к Сталину сразу раскололо соотечественников на два лагеря: одни, в основном молодёжь, поверили Хрущёву, другие отнеслись к его словам скептически, оставаясь верными тому, чему в предшествующие десятилетия отдавали силы и видели серьёзные результаты своих трудов.

К тому же были живы ещё очень многие фронтовики, для которых победа в Великой Отечественной войне неизбежно ассоциировалась с именем Главнокомандующего. В своей книге «Воспоминания и размышления», опубликованной в 1969 году, знаменитый советский военачальник Г. К. Жуков напишет: *«И. В. Сталин внёс большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и её союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик, и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками положительно. (...) Опираясь на всестороннюю помощь ЦК и организационную деятельность партии на местах, горячий патриотизм советского народа, поднявшегося на священную войну с фашизмом, Верховный Главнокомандующий умело справился со своими обязанностями на этом высоком посту».*

А поскольку известно, что у нашего «Маршала Победы», как называли в мае 1945 года и по сей день продолжают называть в народе Жукова, были довольно непростые отношения со Сталиным, приведённые из его книги слова имеют особую значимость.

И послевоенное восстановление разрушенного народного хозяйства в неимоверно короткие сроки тоже оставалось прочно связанным с именем Сталина. В той же книге Г. К. Жуков, вспоминая послевоенное время при Сталине, пишет: *«Оно отличалось неповторимым, своеобразным подъёмом настроения, оптимизмом, какой-то одухотворённостью, и в то же время деловитостью, скромностью и простотой в общении людей. Хорошо, очень хорошо мы начали жить».*

Поэтому восприятие Хрущёва даже у поверивших в его слова о Сталине и в остальные обещания по развитию страны было, мягко говоря, неоднозначным.

НАЧАЛО И ЭТАПЫ РАЗРУШЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПОСЛЕ СТАЛИНА

Чем дольше находился Никита Сергеевич на фактически главной государственной должности, тем очевиднее становилась его несостоятельность в роли лидера страны.

Вполне естественно, что при этом всё очевидней становилась и степень иницированной им клеветы на Сталина, несмотря на все старания приближённых Хрущёву людей во власти вызвать доверие к его словам.

Больше того, достаточный отрезок времени, прошедший с весны 1953 года, позволяет сегодня уверенно говорить, что **разрушение того великого Советского Союза, прочный фундамент которому был заложен при Сталине, началось не при Горбачёве, а при Хрущёве.**

Об этом свидетельствуют многие аналитические исследования. В том числе и известного историка Александра Мясникова. Своими выводами он, в частности, поделился с корреспондентом газеты «Комсомольская правда» Дмитрием Смирновым (слова Мясникова из этой беседы пойдут курсивом).

«Все начинания Хрущёва в конце концов обернулись для страны колоссальными убытками. Пытаясь “догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока на душу населения”, страна надорвала деревню. При Сталине было запрещено продавать за рубеж сырую нефть – только продукты нефтехимии. А при Хрущёве построили нефтепроводы, на которых мы до сих пор, как на игле. Внедрение кукурузы – это вообще пародия...»

Долгое время подавляющее большинство советских людей не знали, **что** предшествовало знаменитой речи Хрущёва на 20-м съезде КПСС, где он яростно разоблачал преступления, порождённые культом личности Сталина. Оказалось, что *«за год до съезда около 200 работников МГБ (Министерства государственной безопасности. – Прим. Г. Б.) шерстили все архивы и уничтожали документы с упоминанием Хрущёва и его причастности к репрессиям ...».*

Однако «недошерстили». Вряд ли по халатности. Её в таких структурах представить невозможно.

Скорее всего, в рядах органов госбезопасности были люди, которые не хотели искажения истории. Поэтому позже в архивах КГБ (Комитета государственной безопасности) нашлись документы и копии, свидетельствующие о том, что *«страшнее Хрущёва, как инициатора расстрелов, ни в Москве, ни на Украине не было никого. Даже Сталин говорил ему: “Никита, что ты делаешь, по полторы тысячи человек в неделю предлагаешь отправлять на расстрел!..” А на одной из записок Хрущёва – с инициативой увеличить квоту для репрессий – Сталин даже написал: “Уймись, дурак!..”»*

Естественно, что, испытывая непреодолимое желание обезопасить себя от такого прошлого и свалить все грехи на Сталина, Хрущёв хотел уничтожить документы о своей роли в репрессиях.

А дальше он захотел сыграть на амнистии, где тоже сильно исказил факты: *«По амнистии Хрущёва было освобождено 200 тысяч человек. По амнистии Маленкова и Берии – миллион».*

Потом Никита Сергеевич принял деятельное участие в реформе сельского хозяйства. Как помнит поколение 50–60-х, ему надо было *«догнать и перегнать Америку...»* в этой области. Причём он непременно хотел, чтобы всё это было связано лишь с его именем – с «мудрым руководством». Поэтому любые крупные здравые начинания в аграрном секторе, которые были связаны с другими именами, уничтожал.

Например, начинание Маленкова, который с марта по сентябрь 1953 года на посту председателя Совета министров СССР фактически руководил страной. *«Именно Маленков разрешил приусадебные хозяйства: держать коров, свиней, огороды... что заметно оживило развитие сельского хозяйства».*

В связи с именем Маленкова следует привести слова Леонида Ивашова, сказанные в интервью главному редактору газеты «Аргументы недели» Андрею Угланову («Аргументы недели». № 5 (749). 10.02.2021): *«В прошлом году американцы рассекретили один важный документ. 5 марта 1953 года, как известно, скончался Иосиф Виссарионович Сталин. А уже 13 марта американцы принимают меморандум об использовании смерти Сталина в национальных интересах США. Большие всего они хотели, чтобы в Советском Союзе после смерти вождя не сложилось монолитное руководство, и главной опасностью для них являлся Маленков. Хрущёв вообще как руководитель не котиrowался. На втором месте стоял Берия, но главным претендентом был Георгий Максимилианович Маленков...»*

Естественно, Хрущёв прекрасно знал о кадровых приоритетах Сталина, и после кончины вождя очень ревностно следил за деятельностью этих людей. А они – ближайшее окружение Сталина – первыми, что естественно, увидели бездарность действий Хрущёва на посту Первого секретаря ЦК

КПСС. Поэтому готовились на ближайшем съезде КПСС обсудить этот вопрос, чтобы высший орган власти принял коллективное решение о дальнейшей судьбе Хрущёва на руководящей должности.

Однако спецслужбам Хрущёва стало об этом известно, что позволило ему действовать упреждающе. На пленуме ЦК КПСС в июле 1957 года он объявил об «Антипартийной группе» в составе Маленкова, Молотова, Кагановича и «примкнувшего к ним Шипилова», и пленум вывел их из состава ЦК.

После этого судьба каждого из них сложилась по-своему. В частности, Маленков был переведён на должность директора электростанции в Усть-Каменогорске, потом теплоэлектростанции в Экибастузе, а в ноябре 1961 года – сразу после 22-го съезда КПСС исключён из партии.

Вот так Никита Сергеевич снял все опасения американцев в том, что в СССР после смерти Сталина «сложится монолитное руководство».

* * *

С 1959 года Хрущёв начинает свои реформы. Сначала уничтожает МТС (машинотракторные станции) и велит колхозам самим заниматься сельскохозяйственной техникой. К чему они были совершенно не готовы, поскольку не имели технической базы.

Потом *«устроил гонение на приусадебные хозяйства, обложив их таким налогом, что они стали людям невыгодны. Его главный тезис: “Всё должно быть обобществлённое”, ни к чему хорошему не привёл. Обложили налогом даже яблони. И люди со слезами вырубали яблони в садах, коров резали...»*

Ну и, естественно, предшествующие достижения в аграрном секторе стали неуклонно уменьшаться.

В итоге *«в стране случился голод, хлеба было не купить. Никому не могло прийти в голову, что победившая в войне страна станет голодать. Именно при Хрущёве страна стала продавать золотой запас для покупки зерна. Американцы спросили Хрущёва – почему бы ему не платить те же деньги советским крестьянам. Он ответил, что это категорически нельзя, так как они станут богатыми и независимыми».*

Пребывание Никиты Сергеевича во главе страны отмечено и двумя событиями массовых расстрелов. Первый случился в августе 1959 года в Темиртау на комсомольской стройке металлургического комбината. Приехавшие туда люди долго терпели систематические перебои с питьевой водой, снабжением продовольствием, отсутствием нормального жилья, плохими условиями труда. Местное начальство никак не реагировало на многочисленные обращения. В итоге строители не выдержали и взбунтовались: разгромили столовую, близлежащий универмаг, магазины...

К месту восстания были стянуты войска. *«Солдаты отказались стрелять в безоружных, тогда прислали охрану из лагерей...»*

По официальным данным, убиты были 11 человек, ранены 32, из которых пятеро скончались потом. Остальные разбежались.

А в 1962 году случился расстрел в Новочеркасске. Там взбунтовались рабочие Новочеркасского электровозостроительного завода из-за резкого ухудшения уровня жизни и плохих условий работы. Этот расстрел привёл к значительно большему числу жертв, чем в Темиртау.

Естественно, всё это тщательно замалчивалось, поэтому ни в каких советских средствах массовой информации тогда не появилось.

К тому же *«такого при “кровоавом режиме Сталина” не только не было, но и быть не могло, поскольку забота о людях и уровень их жизни были значительно лучшими. В 1948 году объём промышленного производства и производства сельскохозяйственной продукции не только достиг довоенного уровня, но и стал его превосходить. Это позволило Сталину ежегодно при росте заработных плат, пенсий, стипендий... снижать цены на товары первой необходимости. Последнее такое снижение состоялось после его смерти лишь однажды – 1 апреля 1954 года. Однако это было ещё по инерции, поскольку дальше уже ни о каком снижении цен и росте благосостояния трудящихся при Хрущёве речи быть не могло».*

В этом контексте очень показателен анализ известного историка, экономиста и писателя Алексея Чичкина, который он даёт в книге «Анатомия краха СССР. Кто, когда и как разрушал великую державу», где, останавливаясь на деятельности Хрущёва, пишет: *«...В конце 50-х Хрущёв начинает ликвидацию в России “неперспективных деревень”, которая продлилась практически до краха СССР*

и стала приговором русскому пекарю... Эта ликвидация стала одним из классических примеров того, как под благовидным названием “революций”, “преобразований”, “перестроек”, “оттепелей” и “реформ” запускаются губительные для страны процессы.

С начала 60-х Советский Союз превратился в хронического импортера мяса и зерна...» Причём это было настолько непривычно после правления Сталина, что даже министерство сельского хозяйства США в своём докладе госдепартаменту и президенту отмечает особо: «...беспрецедентно ошибочные мероприятия советского руководства в региональной политике и в сельском хозяйстве, включая, например, методы освоения целинно-залежных земель и распространения посевов кукурузы, ликвидация травопольных севооборотов, приусадебных хозяйств колхозников и скота на личных подворьях, устранение так называемых “неперспективных деревень” в РСФСР приведут к деградации советского сельского хозяйства и растущей зависимости СССР от импорта сельхозпродукции. **Что пагубно скажется на экономике, обороне, внутренней стабильности и внешнеполитических возможностях СССР и его союзников...**»

Собственно, сегодня всё это мы и видим. Причём, что парадоксально, из-за океана такой результат предсказали ещё в далёкие 60-е, а Хрущёв и его окружение не увидели этих «перспектив» под «собственным носом», заложив тем самым мину замедленного действия под великие достижения эпохи Сталина.

Недовольны Хрущёвым были и военные. В январе 1960 года по его инициативе упразднили МВД СССР, рассредоточив его функции по республиканским министерствам, лишив тем самым внутренние войска координированного всесоюзного управления.

В течение этого же года почти на треть от численного состава сократили армию.

Всё это было связано с постоянно ухудшающимся экономическим положением в стране, которое в свою очередь существенно подрывало и её обороноспособность.

Так что случившаяся в октябре 1964 года отставка Хрущёва напрашивалась во всех отношениях.

* * *

Пришедший к власти Леонид Ильич Брежнев поначалу сделал немало хорошего. Прежде всего вернул историческую справедливость по отношению к имени Сталина. В июле 1966 года восстановил МВД СССР. И при нём довольно быстро наметился рост экономического развития страны.

Этот рост связан с именем Алексея Николаевича Косыгина, который после отставки Хрущёва стал Председателем Совета Министров СССР. Именно под руководством Косыгина была разработана и в 1965 году внедрена экономическая реформа. Её суть состояла в сочетании плановой экономики с рыночной или, другими словами, – частичный перевод плановой экономики на рыночные рельсы. При этом была существенно расширена самостоятельность крупных предприятий и хозяйств, введены методы экономического стимулирования...

И действительно, первая пятилетка благодаря тому, что Брежнев сразу поддержал идею Косыгина, дала ощутимые результаты.

Однако дальнейшего развития инициатива Косыгина, который предлагал уходить от уравниловки в оплате труда, расширять сферы самостоятельности предприятий и хозяйств, развивать *под разумным контролем государства* рыночные отношения (вспомним отмеченное ранее: примерно то же, что было при Сталине и что мы наблюдаем в современном Китае), не получила.

Всё это настолько напугало многочисленную – явно превышающую числом, необходимым для координации дела, – армию чиновников разных уровней, что те постарались убедить Брежнева, здоровье которого с начала 70-х стало неуклонно ухудшаться, постепенно реформу Косыгина свернуть.

Удалось это бюрократическому аппарату благодаря тому, что вызвали ревность Леонида Ильича к нарастающей популярности в народе имени Председателя Совета Министров.

В результате темпы экономического роста стали замедляться. И к сожалению, этот процесс остановить уже не удалось.

Правда, краткое пребывание после Брежнева на высшей государственной должности Ю. В. Андропова вселило серьёзные надежды на перемены к лучшему.

Юрий Владимирович Андропов сразу вернул сильно пошатнувшуюся в последние годы власти Л. И. Брежнева трудовую дисциплину. А также при нём вновь наполнились продовольствием полки продуктовых магазинов, заметно опустевшие в последние годы Л. И. Брежнева даже в Москве.

Оказалось, что и в тот период продовольствие было, но его почему-то стали придергивать на базах и магазинных складах.

Причём ещё и в таких объёмах, что их в полном ассортименте можно было купить даже вечером после работы, о чём при позднем Леониде Ильиче люди начинали уже забывать.

Резко усилился контроль качества обслуживания и правильного расчёта оплаты купленного – серьёзному наказанию стали подвергаться продавцы, обвешивающие покупателей. То есть возвращался сталинский стиль руководства страной, где во главе угла была забота о людях честного труда.

Это дало заметное воодушевление подавляющему большинству соотечественников и надежду, что положение выправим – сумеем возродить всё лучшее, что до этого утратили, и двигаться вперёд.

В одном из интервью корреспонденту газеты «Известия» Николай Иванович Рыжков, который был в ту пору среди основных членов команды Ю. В. Андропова, готовившей положения экономической реформы, вспоминает: *«он (Андропов. – Прим. Г. Б.) был знаком с основами китайского варианта реформ, которые Дэн Сяопин начал проводить в 1979 году. Все вопросы, все высказывания Андропова крутились вокруг этого. К сожалению, Бог не дал ему много лет жизни».*

Эти слова Н. И. Рыжкова позволяют предположить, что Андропов намеревался использовать идеи Сталина – вернуть в СССР многоукладность экономики.

К сожалению, сменивший Ю. В. Андропова на высшем государственном посту Константин Устинович Черненко продолжить его замыслы не мог, так как в качестве главы СССР был абсолютно не на своём месте: он не имел ни должного авторитета, ни идей.

Да и в мир иной ушёл вскорости.

* * *

В результате во главе страны в середине 80-х оказался М. С. Горбачёв – единственная серьёзная, совершенно непонятная и даже, в конечном счёте, преступная ошибка Ю. В. Андропова, чьим ставленником Горбачёв являлся. Эта ошибка состояла в том, что Горбачёв, получивший страну в довольно плачевном, но ещё далёком от критического состоянии экономики, оказался явно бездарен на высшей государственной должности. И Андропов, долгое время находившийся на посту председателя КГБ, не мог не знать о сущности Горбачёва – демагога и взяточника, о чём прекрасно знали его земляки.

Поэтому выдвижение Андроповым в высшие эшелоны власти этого «Мишки-Конвертика», как звали его земляки-ставропольцы, до сих пор остаётся загадкой.

Но даже и при Горбачёве, как раньше при Брежневе, мы могли прийти к абсолютно иному результату, последуй высшее руководство страны настоятельным требованиям лучшего после А. Н. Косыгина Председателя Правительства СССР Н. И. Рыжкова, который ***был категорически против нерегулируемой государством рыночной экономики.***

Однако бацилла всеобщей авантюры рынка, исходившая от некомпетентной части тогдашнего руководства страны, привела в конечном счёте не только к распаду Советского Союза на пятнадцать составляющих его республик, ставших отдельными странами, но и к плачевному состоянию экономик подавляющего большинства из них.

В результате Горбачёв, вместо того чтобы сохранить СССР, предав суду Ельцина, который, по существу, совершил государственное преступление, инициировав разрушение великого государства, позорно отдал ему власть. Со всеми вытекающими отсюда печальными для подавляющего большинства соотечественников, а значит и страны, последствиями.

* * *

Этот краткий обзор нашей истории в лицах показывает, что последовательное разрушение великого Советского Союза, прочный фундамент которому был заложен при Сталине, длилось почти четыре десятилетия. **И шло оно так долго – с середины 50-х по начало 90-х – именно из-за прочности сталинского фундамента.**

Кроме того, анализ действия руководителей государства на обсуждаемом отрезке времени позволяет понять причину, по которой остановить такое разрушение не получилось: после Сталина во главе страны ни разу не оказалось лидера, близкого ему по уровню государственного мышления и способности организовать дело так, чтобы страна непрерывно развивалась во всех направлениях.

Это одна сторона вопроса.

Но есть и другая, на которой убедительно заострила внимание известный геополитик, экономист, а также выдающийся поэт и публицист Сэда Вермишева. В нашей беседе о том «Как уходил СССР», опубликованной в газете «Слово» (№ 23 (1005). 2019) Сэда Константиновна сказала: *«На мой взгляд, конструкция Советского Союза изначально содержала изъян, который со временем дал о себе знать. Однако не соглашусь с тем, что говорят о ней либералы: “стоило на неё дунуть, и она рассыпалась”. Конструкция была достаточно прочной, поэтому распался СССР долго».*

Продолжая свою мысль, Сэда Вермишева приводит сравнительный анализ двух государственных устройств – Российской империи и Советского Союза: *«Конструкция Российской империи носила унитарный характер, и это отвечало интересам единства и целостности многонационального государства. В интересах управляемости громадных территорий Российская империя делилась на административно-территориальные единицы – губернии, уезды, округа и т. д., безотносительно к проживающим на этих территориях этносам.*

Советская же модель имела двойственную природу: границы проживания русского этноса носили административный характер, а на территориях проживания остальных этносов создавались национально-территориальные образования, границы которых в пору нахождения в составе союзного государства носили внутренний характер.

С ликвидацией же союзного государства все национально-территориальные образования автоматически обрели статус суверенных государств, а их внутренние границы – статус внешних границ.

Создание национальных образований с соответствующими национальными границами в рамках унитарного государства и есть ошибка конструкции СССР, которая привела в условиях изменения в стране внутриполитической ситуации к распаду Советского Союза... Если бы не было послереволюционного реформирования территории значительной части Российской империи в территории национальных республик с собственными, официально зарегистрированными границами и с собственной, хотя и урезанной в пользу центра государственностью, то и распадаться было бы не на что...»

Этот анализ Сэды Вермишевой всё расставляет на свои места. При Сталине, когда жизненный уровень советских людей постоянно повышался, никому не приходила мысль воспользоваться утверждённым во втором разделе «Декларации прав народов России» от 1 ноября 1917 года положением о «праве народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства», сохранившемся и при образовании СССР 30 декабря 1922 года. А когда страна после Сталина пришла к 90-м в такое печальное состояние, то нации и воспользовались своим правом, имея для этого полные юридические основания.

РЕЗУЛЬТАТ ТЕЗИСА СТАЛИНА ОТ 9 ИЮЛЯ 1928 ГОДА

Теперь обратим внимание на то, что по инициативе Хрущёва ставят в вину Сталину, пытаюсь и по сей день затмить этим его достижения во главе страны.

Конечно, ни один человек без ошибок в своей работе не обходится. Тем более, когда этот человек является первопроходцем. И чем крупнее масштаб его деятельности, тем заметнее и влиятельнее масштаб оплошностей. Порой такие оплошности выливаются в намеренно неверные толкования слов лидера крупного «калибра», которые определённая категория людей использует в корыстных интересах. И предусмотреть это очень непросто, а иногда невозможно.

Вот и тезис Сталина, высказанный им 9 июля 1928 года на пленуме ЦК ВКП(б): *«по мере нашего продвижения вперёд, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть, силы которой будут возрастать, будет проводить политику изоляции этих элементов... создавая базу для дальнейшего продвижения вперёд*

рабочего класса и основных масс крестьянства...», абсолютно логичный и, на первый взгляд, не предвещающий ничего дурного, привёл к многочисленным невинным жертвам. И привёл потому, что трагические последствия слов о «политике изоляции этих элементов» вряд ли можно было предвидеть.

Именно эти слова и породили тогда появление в стране «атмосферы террора», к которой прежде всего причастны глава НКВД – Генрих Ягода (1934–1936) и особенно Николай Ежов (1936–1938). Их чрезмерное усердие в этой области было достойно лучшего применения. Оба по приказу Сталина были впоследствии арестованы и расстреляны.

Конечно, были и бескорыстные исполнители «политики изоляции» – те, кто поддался гипертрофированному ажиотажу в выявлении «врагов народа». Поэтому «находили врагов» и там, где их не было. Со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями для невинных и во вред государству.

В частности, результат свехусердия в выявлении «враждебных элементов» снизил степень боевой готовности нашей армии к началу Великой Отечественной войны, что привело к трагически излишнему числу жертв с нашей стороны в первые месяцы нападения гитлеровской Германии.

Отразилась такая атмосфера в обществе и на развитии важных областей научных знаний – генетики и кибернетики, которые, с подачи «партийных генералов от науки», были официально признаны лженаукой или «буржуазной наукой». И это, естественно, не лучшим образом сказалось в ту пору на общем научном потенциале страны.

Поэтому, хотя в тот период людей, пытавшихся мешать развитию государства и заслуженно изолированных от общества «за колючую проволоку», тоже хватало, жертв среди невинных от такого вольного прочтения и толкования тезиса Сталина, высказанного 9 июля 1928 года, было слишком много.

Вот и получилось, что далеко «не чистый на руку» Н. С. Хрущёв сначала сам ловко пользовался «атмосферой террора», а после смерти Сталина возложил всю вину на него. Со всеми вытекающими отсюда печальными для дальнейшего развития страны последствиями.

Но время всё расставляет на свои места. Вот и в этом вопросе, о чём красноречиво свидетельствуют документальные факты, уже неоднократно приведённые известным общественным деятелем – педагогом, историком и публицистом, профессором Евгением Спицыным. В частности, в его статье «Хрущёвскую “оттепель” на самом деле впору назвать слякотью» читаем: *«В июне 1954 года была создана комиссия, которой на высшем уровне поручили заняться пересмотром политических и уголовных дел. Через 10 месяцев работы, после того как комиссия рассмотрела 237 тысяч дел по уголовным и политическим мотивам, её результаты были направлены Хрущёву и другим членам Политбюро ЦК. Оказалось, что из этих 237 тысяч человек реабилитации могли подлежать лишь 3,75 % осуждённых. Остальные были признаны преступниками.*

И несмотря на такие выводы комиссии, по отношению ко многим из законно осуждённых либо снизили меру наказания, либо применили амнистию.

По РСФСР было рассмотрено 76,5 тысячи дел. Реабилитированы 4,8 % осуждённых. В Украинской ССР рассмотрели 93 тысячи дел и реабилитировали только 0,91 % осуждённых.

То есть, подавляющее большинство (95–99 %) осуждённых оказались за “колючей проволокой” абсолютно законно, что признали даже официальные лица, заряжённые заранее на доказывание широкомасштабных преступлений сталинского режима (!).

Однако в 1956 году, уже после 20-го съезда партии, когда был провозглашён курс на десталинизацию, вышло постановление ЦК, согласно которому была создана ещё одна комиссия (не успокоился Хрущёв, потерпевший и в этом вопросе фиаско. – Прим. Г. Б.), которую возглавлял секретарь ЦК КПСС, член Президиума ЦК КПСС Аверкий Аристов. В рамках этой комиссии было создано 97 местных комиссий, которые по территориальному принципу были обязаны поехать в места лишения свободы и на своё усмотрение во внесудебном порядке решать вопрос, кого освободить, кого нет.

Вот откуда и появились сотни тысяч узников сталинских лагерей, якобы невинно осуждённых и реабилитированных в годы “хрущёвской оттепели”».

ИМЯ СТАЛИНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И всё же, несмотря на все эти оплошности и усиленное очернение имени Сталина как государственного деятеля, со стороны нынешних властей, именно он, а не кто другой из руководителей страны за всю её историю, вызывает сегодня повышенный интерес людей современной России.

Объяснение этому лежит на поверхности, поскольку логика здесь проста.

С каждым днём всё большее число людей современной России обращают внимание на то, что, чем хуже дела в стране, тем активнее с самых высоких трибун идёт осуждение «кровавого режима Сталина». Понять перестроечные и постперестроечные власти легко, потому что из-за их некомпетентности и воровской сути государство не только лишено развития, но и обречено на явную деградацию, которая ощутима едва ли ни на каждом шагу. Если рассматривать деградацию пошагово, получается такая картина.

История современной России практически берёт начало 25 декабря 1991 года. С того момента, как Горбачёв предал (или продал – бытует и такая версия, но она требует отдельного разговора) свою страну, объявив о собственной отставке с поста президента СССР. С того же момента Ельцин получил всю полноту президентской власти в Российской Федерации. Ему были переданы резиденция в Кремле и так называемый «ядерный чемоданчик».

И в этом, уже самостоятельном государстве довольно скоро началась такая разруха, о которой сложно без содрогания вспоминать.

Эта разруха привела и к невиданному расслоению в нашем обществе. А основу такому расслоению положили и законодательно закрепили *изменения в ельцинской Конституции РФ от 1993 года базового принципа всех Конституций СССР о всенародном достоянии*.

Так, в Конституции СССР от 1936 года, которая названа сталинской и которая закрепила принципы первой Конституции СССР от 1924 года, сказано: *«Земля, её недра, воды, леса... являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием»*.

Это же, в несколько другой редакции, подтверждает и Конституция СССР от 1977 года, именуемая брежневской: *«В исключительной собственности государства находятся: земля, её недра, воды, леса...»*

А в ельцинской Конституции Российской Федерации от 1993 года уже сказано *принципиально* иначе: *«Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности»*.

Именно это положение, когда **понятие о всенародном достоянии было убрано из главного юридического документа страны**, привело к той катастрофе, какая «аукается» нам и по сей день. И «аукается» очень ощутимо подавляющему большинству людей России, потому что **не было прописано о строгом контроле со стороны государства – чтобы были серьёзные доходы в его бюджет от «частной, муниципальной и иных форм собственности»**.

Причём довольно скоро стало ясно, *с каким «прицелом» это не было прописано*.

«Архитекторы перестройки» знали, куда они направят доходы, а точнее, сверхдоходы от *«народного достояния»*. Поэтому довольно скоро и появилось в современной России такое невиданное расслоение общества, когда у горстки людей оказались практически все ресурсы и весь капитал страны. А остальным в результате ельцинских реформ оставалось лишь выживать самостоятельно. Государство от них отвернулось. И было ощущение, что Россия катится в пропасть по всем направлениям.

* * *

Поэтому, когда в конце 1999 года В. В. Путин получил «жезл» из рук Ельцина, первые годы его пребывания в должности президента Российской Федерации вселили заметные надежды на возрождение страны.

Довольно скоро наладились выдачи заработных плат заметно убавившемуся при Ельцине числу бюджетников, а также выплаты пенсий, стипендий..., которые в 90-е задерживались месяцами.

Вернула свои позиции правоохранительная система, в частности милиция, чью роль при Ельцине в заметной степени стали играть бандитские «стрелки», судившие «по понятиям».

Наладилось питание в армии, где в 90-е солдаты явно недоедали и нередко можно было видеть, как, находясь в увольнительной, просили у прохожих деньги, чтобы купить себе поесть.

Да и офицерам в ельцинский период стало значительно хуже, чем в Советском Союзе, поэтому небольшое число из них вынуждены были демобилизоваться и искать работу, чтобы кормить семьи.

При Путине же с первого года его пребывания в должности президента РФ заработные платы офицеров стали неуклонно расти. Одновременно с этим пошло заметное укрепление всех силовых структур, оставшихся после всеобщей разрухи 90-х в заметно убавившейся численности. А также – расширение этих структур.

Кроме того, Путин решительно «разобрался» с такими крупными фигурами ельцинской олигархии, как Ходорковский, Гусинский, Березовский...

Все эти действия нового президента вызвали надежду, что теперь жизнь наладится. Причём подавляющее большинство людей, кому довелось жить ещё при Сталине, с удовлетворением сравнивали чёткий стиль руководства Путина со сталинским.

* * *

Однако шли годы, и во второй срок президентства Владимира Владимировича постепенно становилось очевидным, что эта надежда напрасна. А потом и стало в немалой степени понятно, почему.

Вариантов предположения два: Путин, получив власть из рук «семьи» Ельцина, **либо с самого начала не думал принципиально менять ход «развития» страны, либо оказался не в силах.**

Что из двух «либо» правомочно, можно лишь гадать. Но то, что он до сих пор продолжает верно служить основному курсу, взятому этой «семьёй» с начала 90-х, **опираясь в экономике на уже приведённый антинародный пункт статьи ельцинской Конституции от 1993 года**, трудно не видеть.

Следует отметить, что этот пункт сохранён и во время поправок в Конституцию, вступивших в силу 4 июля 2020 года.

И получается, что Путин лишь сумел существенно замедлить темпы деградации России, которыми мы при Ельцине стремительно шли в лоно сырьевого придатка Запада.

Собственно, это к концу 90-х и напугало «семью». Ведь в случае превращения в такой придаток «семья» с большой долей вероятности могла лишиться тех «лакомых кусков» народного достояния, какие она так ловко сумела получить в частную собственность, во многом благодаря «государственнику» Чубайсу – «гению приватизации», чьи идеи оказали существенное влияние на результат ельцинской Конституции 1993 года.

Отсюда и логика в предположении, что именно поэтому приближённые Ельцина уговорили его передать власть «надёжному человеку», который сумеет приостановить такой процесс, но будет верен интересам «семьи».

Их выбор оказался точным. Вряд ли «семья» хоть раз об этом пожалела. Пожалуй, самым ярким публичным свидетельством верности ей является создание в 2015 году Ельцин-центра. **Он выстроен и открыт вопреки всенародному гневу по поводу этой идеи.**

То же и с переименованием в 2008 году Большой Коммунистической улицы в улицу имени Солженицына, а в 2018 году установка этому антисоветскому «деятелю» памятника, у подножья которого Путин возложил цветы и произнёс речь, преисполненную благодарности такому «патриоту России».

* * *

Конечно, преемник любит при любом удобном случае сказать о том, насколько значимы положительные изменения, произошедшие в стране с начала нулевых. В этом он, как уже сказано, прав.

Если же продолжать разговор о значимых изменениях в сравнении с 90-ми, важно ещё отметить, что Владимир Владимирович создал и существенно укрепил «вертикаль власти», которой при Ельцине вообще не наблюдалось.

И сделал это мудро. Мудро для себя, своих соратников из кооператива «Озеро», других надёжных приятелей из Питера и прочих надёжных приятелей, довольно скоро ставших «новой семьёй», не только не уступающей «семье» Ельцина в несметности материального достатка, но и, похоже, давно уже её превосходящей.

Такая «вертикаль» позволяет удерживать эту власть, если не бесконечно, то очень долго. Что и происходит. Происходит вопреки нормальной логике, поскольку вместо развития страны мы наблюдаем лишь внутренние «кремлёвские рокировки», манипуляцию обещаниями о лучшей жизни народа, и непонятно, а точнее понятно, откуда берущиеся услужливые цифры о росте экономических показателей. В то время как подавляющее большинство россиян чувствуют на себе неуклонное ухудшение уровня жизни.

И хотя итоги очередных «демократических» выборов президента – 15 марта 2018 года, – благодаря услужливой для власти ЦИК, использующей на конечном этапе подсчёта голосов специально настраиваемую на нужный результат систему «ГАС “Выборы”», показали чудодейственную цифру – 77 % голосов, якобы отданных за Путина, это вызвало всенародное недоумение.

То же случилось и после трёхдневных (17–19 сентября 2021 года) выборов в Государственную Думу с активным подключением абсолютно неконтролируемого электронного голосования.

Однако дальше этого недоумения мы пока не движемся. И хотя у нас есть возможность поменять эту власть легитимным способом, остаёмся *«ленивы и нелюбопытны»*, – в большинстве своём не приходим на избирательные участки и тем самым способствуем провластным членам избиркомов и, естественно, ЦИК использовать пустые бюллетени и, якобы, результаты *такого* электронного голосования в пользу существующей и поныне власти.

Поэтому так и остаёмся со своими, постоянно растущими, бытовыми и прочими проблемами, обвиняя в этом только власть и забывая слова мудрого У. Черчилля: *«Плохую власть выбирают хорошие люди, которые не ходят на выборы»*.

В одной из своих статей – «“Страшный суд” как национальная идея?» – блистательный журналист, публицист и прозаик Лилия Беляева написала: *«“Какое самое ходовое слово витает над Россией?” – “Почему?” С уточнением: “Почему лидер нации не ответил... на самые жгучие, насущные вопросы? Например, такие: “Почему страна засела в чёрной дырище кризиса? Почему грандиозных размеров достигла нищета миллионов? Почему, как ни в чём не бывало, процветают всё те же “прихватизаторы”, иначе говоря, “воры в законе...” Почему на том же ТВ, по сути, военном объекте, формирующем общественное мнение, не прекращается охаивание “совков” и уничтожение с помощью архилжи истории нашей страны?»*

Конечно, ответы на эти вопросы Лилия Ивановна знала, как и знала о том, *«почему нет для ельцинского “общака” никого ненавистнее, чем Иосиф Виссарионович Сталин», а также приведённые уже слова Уинстона Черчилля.*

И очевидно поэтому – от бессилия гражданского общества России 21-го века что-то *принципиально* изменить в лучшую сторону – всё отчётливее звучит имя Сталина, при котором такое было немыслимо.

И звучит оно, несмотря на постоянные, как уже отмечено, попытки опорочить его со стороны нынешней власти.

Ведь как ни стараются провластные структуры, ничего у них не выходит: из сопоставления фигур Сталина и Путина видна громадная разница в пользу лидера Советского Союза.

* * *

Рассмотрим эту разницу в исторической перспективе.

Прежде всего, Сталин сумел сделать, казалось бы, невозможное: страну, измождённую в Первой мировой и Гражданской войнах, а также послереволюционным кризисом, равного которому вряд ли сыщешь в нашей многовековой истории, превратил в настолько мощную державу, что она, как уже отмечено, сумела в Великой Отечественной войне победить практически объединённую армию Европы.

Поэтому масштаб его личности был безоговорочно признан во всём мире. И как бы к нему ни относились главы любых государств, как бы ни критиковали и ни клеветали его враги внутри страны и вне её, **с ним считались все.**

Доктор экономических наук, профессор В. Ю. Катасонов в книге «Экономика Сталина» пишет: *«Он сумел изначально выстроить ту целостную идеологическую платформу, на которой и построил величайшее в мире социальное государство. По сути, Сталин создал свою уникальную модель “социального коммунизма”»*.

Анализируя сталинскую модель, автор приходит к выводу, что в этой экономике *«как ни странно, было больше честной частной инициативы и созидательного народного творчества, чем во всех предшествующих и последующих моделях хозяйствования будь то в России или за её пределами во все времена»*.

А, сопоставляя с тем, что происходит в экономике нынешней России, замечает: *«нынешняя наша несуразная экономическая модель, почему-то именуемая капиталистической и свободно-рыночной, на самом деле и в подмётки не годится сталинской ни в разрезе социальной справедливости, ни с точки зрения частной инициативы. Её в пору назвать квазифеодальной, олигархически-чиновничьей, полуколониальной – какой угодно, но только не социальной»*.

И действительно, современный так называемый «неолиберализм» не имеет никаких точек соприкосновения с *идеологической направленностью* на развитие сильного государства, что неуклонно происходило в СССР при Сталине. Это видели и чувствовали люди в период его правления.

Теперь же у нас – только набор пустых, звонких лозунгов, фальшь которых давно уже очевидна.

К тому же необходимо повторить, что при Сталине довольно долго и до конца его дней происходило ежегодное снижение цен на широкий ассортимент товаров и рост заработных плат, пенсий, стипендий....

А при Путине цены только растут, а темпы увеличения заработных плат, пенсий, стипендий... явно уступают повышению цен. Оттого и большинство российского населения только нищает.

Все противники Сталина первым делом ссылаются на «сталинский террор» и любят повторять, что он «залил страну реками крови и насилием». Вот что пишет об этих «реках крови и насилии» известный политолог Александр Нотин в статье «Путин и Сталин»: *«Сталинский террор был, как ни болезненно это звучит, естественным и даже неотвратимым продолжением безумия Первой мировой и Гражданской войн, общенациональной катастрофы 1917 года, тотального ожесточения всех и вся. Был ли в силах один человек, даже с такой полнотой власти (а мы теперь из фактов, приведённых в книге Леонида Ивашова, знаем, что эта полнота власти пришла к нему лишь перед Великой Отечественной. – Прим. Г. Б.), как у Сталина, остановить или хотя бы затормозить цунами, вызванное к жизни тектоникой поистине вселенского масштаба? Похоже, это так и останется тайной века, а вернее, тайной промысла Божьего. Последний, по свидетельству многих духовидцев, подобным “хирургическим” образом не убивал, а исцелял русский мир от наползавших на него с Запада апостасии (безверия) и сатанизма»*.

Даже если оставить в покое мысль о «промысле Божьем», то, судя по народной памяти о Сталине, в уже приведённых ранее словах историка Александра Мясникова и результатах пребывания Сталина у власти, *«его скальпель действительно избавил страну от угрозы социальных “метастазов” в то время, когда терапевтические методы и даже “химиотерапия” были бессильны...»*

На его фоне Путин, который так и остался опутанным неолиберальными иллюзиями, бессильным что-либо сделать для возрождения страны, выглядит, мягко говоря, очень бледно на высшем государственном посту».

Это очевидно не только из давно уже ухудшающегося положения подавляющего большинства россиян, но и из его речей, посланий и чисто декларативной программы «подушки безопасности» президента – правящей партии «Единая Россия», как бы она ни обновлялась.

Больше того, при таком плачевном положении дел в стране наблюдается, на первый взгляд, явление парадоксальное, а точнее, *вызывающе* парадоксальное – увеличивается число фамилий наших соотечественников на страницах журнала «Forbes» в разделе «Forbes-Russia».

Даже при том, что пункт первый статьи номер семь Конституции Российской Федерации гласит: *«Российская Федерация является социальным государством. Главная задача социального государства – достижение такого общественного развития, которое основывается на закреплённых правом принципах социальной справедливости...»*

Нужны ли здесь комментарии о том, *как* следует Конституции нынешняя власть?

На фоне этого напрашивается вполне естественный вывод об отсутствии у Кремля какой-либо чёткой стратегии развития России, а есть лишь привычное с начала 90-х *либеральное словоблудие*.

Продолжая сравнительный анализ между Сталиным и Путиным, вполне естественно подходим к ещё одной существенной разнице. И тот и другой носят гордое звание *«национальный лидер»*. Но насколько же по-разному. А всё оттого, что природа этого звания у Сталина одна, у Путина – другая.

Сталин – грузин по происхождению – искренне и не без оснований верил в русский народ и ему служил.

При этом он не только с уважением относился ко всем нациям и народностям, населявшим Советский Союз, но и умело использовал на ключевых государственных должностях интернациональный состав: вместе с русскими – армянина Микояна, еврея Кагановича, грузина Берия...

Хотя, конечно, подавляющее большинство людей на таких должностях были русскими.

Вот что он сказал А. Коллонтай в очень напряжённый для страны период – в канун Великой Отечественной войны: *«...русский народ – великий народ. Русский народ – это добрый народ. У русского народа – ясный ум. Он как бы рождён помогать другим нациям. Русскому народу присуща великая смелость особенно в трудные времена, в опасные времена. Он инициативен. У него – стойкий характер. Он мечтательный народ. У него есть цель, поэтому ему и тяжелее, чем другим нациям. На него можно положиться в любую беду. Русский народ – неодолим, неисчерпаем».*

Как мы уже отметили раньше, немножко другими словами, но с тем же смыслом произнёс Сталин здравицу в мае 1945 года в честь победителей после завершения Великой Отечественной войны.

Не эта ли позиция по отношению к русскому народу в сочетании с талантом организатора и руководителя привела возглавляемую им страну к тем небывалым в её истории достижениям и победам?

Нынешний «национальный лидер» России, к сожалению, не может, по словам Александра Нотина, *«похвалиться столь же ясным, чётким и недвусмысленным пониманием “станового хребта России и Русского мира”». Он по-прежнему осторожничают, дрейфуя в старице ельцинских идеологем о “народе российском”, не понимая или не до конца отдавая себе отчёта в том, что умаление роли и места государствообразующего народа в истории России, какими бы мудрёными аргументами оно ни прикрывалось, лишь подрывает корни русского имперского древа, мешая ему превозмочь очередную историческую напасть и расцвести новыми красками долгожданного возрождения».*

Как видим, и в этом – принципиальнейшем вопросе для нашей страны – видение Путина несравнимо уступает видению Сталина, который, прежде всего, понимал самобытность нашего народа и на этом строил стратегию развития государства.

Путин постоянно идёт на сближение с так привлекающим его Западом, пытаясь реализовать на русской почве западную модель развития. Хотя и Запад уже давно «трясёт» от разного рода внутренних передрыг, и тяга к сближению с ним не только бесперспективна – мы всегда будем для него чужими, – но и чревата потерей главного: той самой нашей самобытности, на которую опирался Сталин и которая позволяла ему принимать *самостоятельные решения* как во внутренней, так и во внешней политике.

Чего давно уже, за исключением присоединения Крыма, в современной России не наблюдается.

Один лишь так позорно для нас брошенный на произвол судьбы Донбасс, где по сей день гибнут мирные люди – наши, русские, – красноречиво свидетельствует о зависимости нынешней власти от Запада и, как ни прискорбно, ещё от собственных карманов.

Что, впрочем, в данном случае одно и то же.

К тому же вряд ли кто-то сегодня не видит, что основная способность нынешней власти в последние годы отмечена лишь тем, чтобы как можно больше увеличивать число и размеры взимаемых налогов. В то время как себя и гипертрофированное число других чиновников разных уровней – основную, едва ли ни единственную ныне опору этой власти – она обеспечивает заметными льготами, надбавками к заработной плате, серьёзными доплатами к пенсиям...

Да и постоянная демонстрация президентом «ручного управления» свидетельствует о его слабости как главного лица государства, не сумевшего создать *систему* управления страной. Со всеми вытекающими отсюда последствиями её сегодняшнего печального состояния.

Ну и, конечно, невозможно представить Главнокомандующего Сталина во время парадов на Красной площади, сидящего, как нынешний Главнокомандующий, перед идущими в парадном марше военнослужащими всех родов войск (а ведь он физически не инвалид). Как невозможно и представить, что при Сталине так позорно, как сейчас, мог быть во время парадов задрапирован Мавзолей, к подножью которого 24 июня 1945 года наши воины-победители бросали знамёна и штандарты поверженных фашистов.

Это уже из области общей культуры, где тоже отчётливо видна разница между лидером великого Советского Союза и нынешним президентом деградирующей современной России.

Поэтому вполне логично желание людей, чтобы во главе государства был человек, который обладает способностями видеть путь и стратегию *возрождения* России. И не только видеть, но и организовать достижение такой цели – подобрать и расставить соответствующие кадры, которые, как с полным на то основанием заметил Сталин, *«решают всё»*.

Только в этом случае Россия *может стать во всех отношениях страной сильной, социально ориентированной и самостоятельной в своих решениях*.

И такое желание у людей созидательного труда – учёных, педагогов, медиков, инженерно-технических и сельскохозяйственных работников... людей мелкого и среднего бизнеса, а также тружеников остальных профессий, в ком сохранилось понятие Отечества, никакие соблазны из *«а-ля западной цивилизации»* не вытесняют.

Может быть, здесь и содержится ответ на вопрос: почему, несмотря на далеко небезошибочные действия со стороны Сталина, – а у первопроходцев они и не могут быть иными, – повышенный интерес в современной России наблюдается именно к нему, а не к какому-то другому лидеру в истории нашей страны.

Ведь единственным, полностью объективным и беспристрастным судьёй является время. А время показало, что именно Сталин сумел поднять страну на такой высокий уровень развития, какой на весах истории существенно перевешивает все его прошлые оплошности, как перевешивает и результаты работы остальных глав нашего государства.

Причём, чем больше с конца 20-го века и по нынешний день поносят власти России имя Сталина, тем более выпукло на фоне их «достижений» видно, насколько масштабней в сравнении с ними предстаёт его фигура как выдающегося государственного деятеля высшего уровня.

МАСШТАБ ЛИЧНОСТИ СТАЛИНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Здесь мы вновь вернёмся к книге известного историка, экономиста и писателя Алексея Чичкина «Анатомия краха СССР. Кто, когда и как разрушал великую державу», где автор, размышляя о начале или инициации этого краха, пишет: *«После кончины Сталина и его фальсифицированной дискредитации (1956–1961) пошло внутреннее разложение в руководстве партии и государства, в том числе и с помощью агентов иностранного влияния... А отсутствие и дискредитация политического, экономического, нравственного и т. п. ориентиров ускорили буржуазно-бюрократическое перерождение партии и государства...»*

В этом, конечно, очередной раз подтвердилась известная истина о том, откуда *«гниёт рыба»*.

На страницах газеты «Слово» (№ 1 (1007). 17–30 января 2020 г.) Алексей Чичкин представил сведения о том, насколько уважаемо имя Сталина в современном мире. Вот лишь короткие выдержки: *«...даже западные политики и эксперты признают исключительную роль Сталина не только в отечественной, но и мировой истории. Это прежде всего отражается в том, что поныне улицы и проспекты его имени сохраняются в Великобритании (Колчестер, Чатем), во Франции (Эссом-сюр-Марн, Витри-сюр-Сен), в КНР (Харбин, Люйшунь – бывший Порт-Артур, Далянь – бывший Дальний, Нанцзе, Кульджа, Урумчи, Цзилин), Индии (Амбатур, Коччи, Питтучери). Огромный барельеф Сталина красуется на Шенбруннершлоссштрассе в Вене...»*

В центре города-героя Волгограда торжественно открыли памятник И. В. Сталину. Данное событие было приурочено к 140-летию со дня его рождения, сообщает bloknot-volgograd.ru. Бюст на постаменте разместили на фоне знамени победы на стене здания обкома КПРФ, чтобы подчеркнуть роль Генералиссимуса в разгроме нацистской Германии и освобождении Европы от фашизма. Скульптурное изображение Сталина было изготовлено ещё при жизни вождя. Несколько лет назад оно было найдено на складе одного из пионерских лагерей области».

И тут невольно вспоминаются слова одного из величайших государственных деятелей Франции – символа французского сопротивления в годы Второй мировой войны, генерала Шарля де Голля: *«Сталин не ушёл в прошлое – он растворился в будущем»*.

Это событие в Волгограде в очередной раз подтверждает верность предвидения де Голля.

Хотелось бы, конечно, дожить и до тех времён, когда будет устранена и ещё одна из многочисленных хрущёвских нелепостей, а точнее подлостей, – переименование Сталинграда в Волгоград в ноябре 1961 года. Ведь знаменитая, вызвавшая восхищение стойкостью советского солдата Ста-

линградская битва в мировой истории есть, а города Сталинграда, официально ставшего вместе с Ленинградом, Севастополем и Одессой городом-героем (*приказ № 20 Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 1 мая 1945 года*), в названиях российских городов нет.

Как нет среди названий городов и Ленинграда – подлость уже перестроечного периода 1991 года.

Следует ещё отметить, что в память о знаменитой Сталинградской битве, внёсшей существенный вклад в нашу Победу в Великой Отечественной войне, название «Сталинград» носит одна из станций Парижского метро и площадь в Париже. В честь нашей Великой Победы 1945 года носят это название улицы и проспекты Лиона (Франция), Брюсселя (Бельгия), Милана (Италия)... Имя «Сталинград» носит даже малая планета под номером 2250.

Это к вопросу об атрофированной исторической памяти у власти современной России.

* * *

Однако продолжим ещё немножко о публикациях зарубежной прессы. Материалы о величии Сталина как государственного деятеля разместило в декабре 2019 года финское издание «Yle» (Хельсинки): *«После революции 1917 г. И. Джугашвили, взявший фамилию Сталин и издавна проникшись революционными идеями, начал вместе с В. Лениным строить и построил Советский Союз... И. Сталин стал военачальником во время войны и, по воспоминаниям Анастаса Микояна, только внимательно выслушав членов Государственного комитета обороны, отдавал личные указания...»*

Но особенно показательна заметка из польской «WPolityce.pl» (Варшава), гласящая: *«Сталин восстановил мощь государства и сделал его одной из сверхдержав, а также вышел победителем из крупнейшей войны в истории человечества. Поэтому свою историю современная Россия берёт, скорее, не от Октябрьской революции, а от Великой Отечественной войны. Именно тогда, как гласит действующая концепция, Сталин победил режим, считающийся воплощением зла, и спас, в том числе, еврейский народ от холокоста... именно Сталин в 1941 году фактически воскресил Московский патриархат, и с того момента до самой смерти генералиссимуса антирелигиозных кампаний в СССР не вели...»*

А японская газета «Asahi Shimbun» (Токио) особо подчёркивает, что *«по данным последних опросов, более 70 % россиян положительно оценивают роль Сталина в истории страны».*

Ещё раз отметим, что растущая популярность Сталина и сталинского периода в современном мире и России, в частности, согласно постоянно растущему числу публикаций в бумажных и электронных СМИ, является отчётливым показателем усиливающихся протестов против руководителей послесталинского времени. *«В этом отношении, – продолжает Алексей Чичкин, – характерны оценки деятельности Сталина коммунистическими и рабочими партиями... Если вкратце, то публикации или заявления этих более 70 партий, действующих и поныне, в связи со 140-летием Сталина, сводятся к тому, что все ошибки социалистического строительства и военных лет послесталинское руководство приписало сузубо Сталину...»*

Однако факты являются той субстанцией, которая ничем неодолима. Кто бы и как ни пытался их исказить или даже уничтожить, они имеют свойство каким-то, порой непостижимым, образом восстанавливаться. Видимо, существует некая социальная генетическая память, передаваемая в поколениях. Да и как, допустим, может кануть в Лету такой факт: *«Всего за предвоенные годы было построено около **9000 только крупных объектов промышленности** (мелких и средних – десятки тысяч), что позволило СССР победить практически объединённую промышленность Европы, работавшую в 1941–1945 гг. на практически объединённую армию Европы...»* («История индустриализации СССР 1938–1941 гг.». М.: Наука, 1972. Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР.)

Свою аналитическую книгу «Экономика Сталина» Валентин Катаонов предваряет словами: *«Кое-что об экономике советского периода в наше время всё-таки пишется и говорится, и почти всегда с негативным оттенком. Иногда и вовсе подвергается уничтожающей критике как неэффективная, неконкурентоспособная и даже социально несправедливая. Если внимательнее присмотреться к подобным сюжетам, то в 99 % случаев они относятся к экономике последних 30–35 лет существования СССР – поздней советской экономике. Другими словами, ко времени*

нахождения у руля таких руководителей, как Н. С. Хрущёв, Л. И. Брежнев, М. С. Горбачёв. Надо сказать, что в критике поздней экономики немало справедливого. Но **лукавство и даже подлость состоит в том, что выводы по поздней экономике СССР экстраполируются на экономику сталинского периода...**

Когда-то я встречался в США с экономистом Василием Леонтьевым, получившим Нобелевскую премию за анализ межотраслевых балансов. Без них невозможно сверстать 5-летний план. До 1926 года Леонтьев работал в СССР, в Госплане, и, как он мне рассказал, все эти экономические премудрости применялись уже тогда и были результатом коллективной работы.

Ситуация первых пятилеток в чём-то напоминает нынешнюю российскую: мы находимся в окружении недружественных государств. И все мы помним высказывание Сталина: “СССР отстал от промышленно развитых стран на 50–100 лет. Историей отпущено на преодоление этого отставания 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут...” (Сталин И. В. Сочинения. – Т. 13). Эти слова, сказанные на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года, удивляют своей исторической точностью: расхождение с июнем 1941 года всего четыре месяца...

За неполные три пятилетки в стране были построены 364 новых города, сооружены и введены в строй 9 тысяч крупных предприятий. Но **главное не количество, а системный принцип. Сталин фактически в условиях санкций создал самодостаточную экономику, которая не была ориентирована ни на импорт, ни на экспорт. Индустриализация имела чёткий алгоритм. В первую пятилетку закладывались тяжёлые отрасли – добыча нефти, железной руды, кокса, производство стали и чугуна. Во вторую – производство станков и оборудования. В третью – техника, позволяющая производить высокоточное оружие.**

В советское время были открыты и все основные месторождения, в том числе Самотлорское, в то время крупнейшее в мире. Кстати, при Сталине отечественная геологоразведка превосходила мировой уровень.

Сейчас крупных месторождений не открывают: пополнение ресурсной базы – большая тема для экономики страны...»

Размышляя на эту тему, известный экономист и писатель Николай Стариков в книге «Сталин. Вспоминаем вместе» пишет: **«Мы действительно проедаем наследие СССР, а основной базис этого наследия был заложен во времена Сталина. Использовались новейшие разработки того времени, необходимая часть которых закупалась и за границей. Сталинское наследие – не только сами заводы, а комплексное развитие экономики, умение договариваться со своими злейшими врагами – теми, кто сегодня является нашими “партнёрами”; в этом смысле ничего не поменялось.**

Если можно было с конца 1920-х построить при Сталине тысячи заводов, то почему нельзя это сделать сейчас? Пусть не заводов, а других высокотехнологичных производств. Но проблема в том, что мы не знаем, чего и сколько нам необходимо, чтобы выйти на высокий мировой уровень. Нет чёткого плана развития страны – того, чем занимался Госплан. Для новой индустриализации нужно договариваться с носителями технологий...»

Вот к чему мы пришли в результате последних трёх десятилетий: охаивая Советский Союз, «проедаем» то, что в нём создано. При этом с начала 90-х отчётливо видно, как власть имущие разных уровней увлечены тем, что самозабвенно набивают собственные карманы.

Такая увлечённость привела к тому, что коррупционные «откаты», ворующиеся у государства доходы – от приватизированных, согласно до сих пор неизменному пункту ельцинской Конституции, земли, водоёмов, лесов, природных ресурсов, а также от труда подавляющего большинства граждан России, от постоянно растущих налогов и цен – для них давно уже стало нормой. Поэтому ни о каком экономическом, культурном и интеллектуальном развитии страны такие власти явно не думают. То есть живут как временщики, лишь сегодняшним днём.

Вот отчего к сегодняшнему дню практически разрушено промышленное и сельскохозяйственное производство, и в результате мы впали в позорную зависимость от Запада и Китая.

* * *

Однако вернёмся от нынешнего – очень грустного, сугубо потребительского – образа жизни в «деятельности» нынешней власти к Сталину и послушаем доктора экономических наук, политика и публициста, научного руководителя Института проблем глобализации Михаила Делягина: *«Нам до сих пор приносят экономический эффект такие объекты первых пятилеток, как электростанции, железные дороги, метрополитен... При Сталине же были запланированы такие проекты, как **выпуск компьютеров (мы на каком-то этапе даже превосходили США в этом направлении), развитие реактивной авиации, освоение космоса, атомная энергетика.** Были гигантские проекты по модернизации природы – вспомним известный плакат, как Сталин с трубкой склонился над картой страны, карандаш занесён где-то над Каспием, а подпись гласит: **“И засуху мы победим!”** Кстати, проект поворота сибирских рек он не поддержал...»*

Эти факты, приведённые известным учёным-экономистом в интервью обозревателю отдела экономики газеты и радио «Комсомольская правда» Владимиру Перекресту (10.02.2021), усиленно замалчивает современная беспомощная власть, поскольку на фоне фундаментальных достижений Советского Союза и особенно сталинского периода нынешняя власть, мягко говоря, выглядит очень бледно. Действительно, сегодня уже несколько поколений соотечественников удивятся, узнав, что в **1948–1950** годах под руководством будущего (в 1953 году) академика АН СССР Сергея Алексеевича Лебедева была **разработана первая в СССР и континентальной Европе Малая электронно-счётная машина (МЭСМ) – прообраз современных компьютеров.** Затем под его руководством были созданы 15 типов ЭВМ (электронно-вычислительных машин), начиная с ламповых (БЭСМ-1, БЭСМ-2, М-20) и заканчивая современными суперкомпьютерами на интегральных схемах.

По словам видного математика и механика, бывшего (с 1991 по 2013 год) президента Российской академии наук Юрия Сергеевича Осипова, которые опубликованы в книге «История отечественной электронной вычислительной техники» (М.: Столичная энциклопедия, 2014), **разработки Лебедева «опередили столбовую дорожку мирового компьютеростроения на несколько десятилетий вперёд».**

Не знают уже многие и о том, что **основа в освоении космоса заложена при Сталине.** Первый проект полёта человека в космос, который назывался: *«О рассмотрении предложения Тихонравова и Чернышева о создании ракеты для полёта человека на высоту 100–150 километров»*, принёс Сталину ещё в 1946 году министр авиационной промышленности М. В. Хруничев. Там, в частности, сказано: *«По Вашему поручению мною рассмотрено предложение группы инженеров, руководителей тов. Тихонравовым и Чернышевым о создании ракеты, предназначенной для полёта с двумя людьми и аппаратурой на высоту 100–150 километров...»*

(Заметим, что в то время Германия располагала ракетами подобного типа, но они не были способны подниматься выше 30 км.)

Однако Сталин отложил на несколько лет подготовку к такому полёту, поскольку после Великой Отечественной войны восстановление народного хозяйства было приоритетным. А оно требовало огромных сил и средств.

Но через пять с половиной лет, когда уровень развития народного хозяйства стал даже превышать довоенный, Сталин к этой идее вернулся. В феврале 1953 года – за две недели до его неожиданной смерти – вышло постановление Совета Министров СССР о начале научно-исследовательских работ по освоению космоса. Что и привело к созданию легендарной ракеты Р-7 («королёвская» семёрка), которая в 1957 году и вывела в космос искусственный спутник Земли, а затем на основе модернизации «семёрки» была создана ракета, отправившая на околоземную орбиту «Восток-1» с Юрием Гагариным.

Обо всех этапах развития на 2021 год отечественной ракетно-космической техники подробно изложено в энциклопедии «Космонавтика» (1997–2017), написанной под руководством академика РАН Александра Борисовича Железнякова).

О развитии атомной энергетике так же последовательно – шаг за шагом – изложено в трёхтомнике «Атомный проект СССР: документы и материалы» (ред. акад. РАН Л. Д. Рябев. М., 2010), где роль Сталина и Берии в организации такого проекта более чем очевидна.

Отдельно отметим, что Л. П. Берия со времён Хрущёва и по его инициативе был оклеветан, как и Сталин.

Фундаментальный анализ с документальными подтверждениями послевоенных научно-технических достижений сталинского периода приведён в книге уже процитированного раньше учёного-историка и педагога, профессора Евгения Юрьевича Спицына в книге «Осень патриарха. Советская держава в 1945–1953 годах». В завершающем абзаце автор, в частности, пишет: *«Даже такой заклятый враг нашей страны и советского общественного строя, каким был Уинстон Черчилль, в одном из своих выступлений перед палатой общин в сентябре 1942 года (когда ещё фашистская Германия вроде бы имела полные основания верить в свою победу. – Прим. Г. Б.) сказал: “Большой удачей для России... было оказаться под началом этого великого, закалённого военачальника. Человек этот – внушительная, выдающаяся личность, соответствующая тем серьёзным и бурным временам, в которые прошла его жизнь; человек неисчерпаемого мужества и силы воли и человек прямой... Что наиболее важно, это человек с тем спасительным чувством юмора, которое так важно для всех людей и всех наций, но в особенности – для великих людей и для великих наций. Сталин также произвёл на меня впечатление своей глубокой и хладнокровной мудростью и полным отсутствием любых иллюзий”».*

* * *

Эта «хладнокровная мудрость и отсутствие иллюзий» отчётливо проявились во время выступления Сталина на 19-м съезде ВКП(б), утвердившем новое название партии – КПСС.

Съезд проходил в Москве с 5 по 14 октября 1952 года. Сталин выступил в заключительный день, сказав вкратце о том, о чём написал в своей фундаментальной работе, которая вышла в виде сборника статей, составивших книгу «Экономические проблемы социализма в СССР» (М.: Политическая литература, 1952). По существу, эта работа стала его **политическим завещанием**. И начинается она с того, что после успехов социализма в СССР и в развивающейся благодаря такому примеру мировой социалистической системе возник ряд очень важных проблем, от решения которых зависит судьба социализма и в СССР, и в мире. Суть этой проблемы состоит в том, что наступил момент, когда необходимо **в кратчайшие сроки провести реформы партийного и государственного строительства в СССР – разделить высшее партийное и государственное руководство в стране. Для этого нужно освободить партийные органы от хозяйственных и контролирующих функций, а управление народным хозяйством сосредоточить исключительно в министерствах и ведомствах под управлением Совета Министров СССР.**

На съезде присутствовали делегации компартий Китая, Польши, ГДР, Венгрии, Болгарии, Румынии, Чехословакии, Албании, КНДР, Вьетнама, Монголии, а также делегации компартий капиталистических стран.

Через день – 16 октября – состоялся пленум ЦК КПСС, который был уже закрытым. По воспоминаниям члена ЦК КПСС знаменитого писателя-фронтовика Константина Михайловича Симонова, здесь Сталин говорил значительно более детально, чем на съезде. И говорил он о том, **как эти реформы – важнейшие на данном этапе развития страны – провести и какие перестановки в партийном руководстве нашего государства требуется для этого сделать.** Причём называл пофамильно. Его речь длилась не менее полутора часов. Говорил он, как обычно, чётко, конкретно, без бумажки. В частности, подверг жёсткой критике своих ближайших соратников – Молотова и Микояна, которых обвинил в нестойкости и нетвёрдости действий (когда Сталин бывал в отпуске) по отношению к всегда существующей угрозе со стороны капиталистического лагеря, стремящегося внедрить в СССР «пятую колонну» – самого опасного врага нашей страны, нацеленного разрушить её **изнутри** (история СССР с конца 80-х, а с конца 1991-го и история современной России является наглядным подтверждением тому, насколько он оказался прав: эта «колонна» торжествует у нас и по сей день, активно уничтожая пока ещё оставшуюся часть от сравнительно не так давно Великой Державы под названием Советский Союз).

Подробно об атмосфере на последнем для Сталина пленуме – что и как происходило в зале 16 октября 1952 года – К. М. Симонов написал в своей книге «Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине» (М.: Книга, 1989).

Анализ происходившего в заключительный день работы 19-го съезда КПСС, а затем на пленуме приводит к ещё одному выводу, который очень важен для того, чтобы понимать особенность руководящего стиля Сталина. Эта особенность состоит в том, что он **никогда не останавливался на достигнутом, каким бы внушительным оно ни было**, оставаясь всегда динамичным в своих действиях, направленных на то, **чтобы аппарат управления страной был максимально эффективен и соответствовал требованию времени**.

Похоже, в какой-то момент послевоенного периода – в начале 50-х – он почувствовал неладное в рядах своего ближайшего окружения. Может быть, по его видению или ощущению, некоторые из ближайшего окружения руководящих работников перестали соответствовать такой динамике работы, и он предположил, что в их сознание проникла успокоенность от успехов, достигнутых в немалой степени и благодаря их труду. Возможно, решили – пришла пора руководить на вверенных им участках работы, находясь в том психологическом состоянии, о каком когда-то сказал один из героев сатирической пьесы знаменитого поэта: *«Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть»*.

И Сталина перестал устраивать этот подход к делу, поскольку он прекрасно понимал, что принцип *«Царствуй, лёжа на боку!»* до добра не доведёт.

Однако оказалось – подобная атмосфера среди его ближайшего окружения в руководстве страной стала к этому времени преобладать. Поэтому материалы Съезда не получили широкой огласки и какого-либо существенного обсуждения в партийных и руководящих хозяйствах организаций. Не было этого в министерствах и ведомствах.

Материалы же пленума на обсуждение вообще не выносились. Просто замалчивались по непонятной для очень многих в ту пору причине (сегодня она очевидна для всех).

Такая реакция явилась единственным исключением в истории мероприятий КПСС высшего уровня.

* * *

Не прошло и полгода, как Сталин умер.

Причина его смерти до сих пор остаётся не выясненной. На этот счёт существуют разные версии – была ли она естественной или случилась в результате умышленного отравления.

Единственное, что давно уже ясно, – насколько он оказался прав в своём желании осуществить реформы, о которых сказал на последних для него съезде и пленуме. Это отчётливо показывает история «развития» нашей страны в течение всего послесталинского периода – не захотело провести такие реформы ближайшее окружение, и, в конечном итоге, инерция приверженности прежнему стилю руководства привела к распаду, казалось бы, несокрушимого Советского Союза.

Поэтому кто бы и как ни относился к Сталину, сегодня для всех очевидно, насколько он оказался велик по сравнению с кем бы то ни было на посту руководителя государства.

Судят ведь по результатам сделанного.

И сегодня мы видим, что сказанную им в далёком 1943-м фразу: **«Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет её»** – сам «ветер истории» полностью подтвердил.

Берега Новороссии

Ирина Горбань

Макеевчанка, по образованию преподаватель дошкольной педагогики и психологии, чему посвятила 17 лет работы. Работает в Министерстве информации ДНР (Донецк) ведущим специалистом в отделе реализации социальных проектов. Пишет о погибших защитниках Донбасса, мирных жителях и детях. Материалы размещаются в республиканских газетах, на сайтах. Одно из направлений – «Белые журавли», где ведется активная работа по увековечению памяти ополченцев, защитников Донецкой Народной Республики. Автор 10 сборников стихов и прозы. Лауреат литературных премий: им. Михаила Матусовского, Людмилы Татьяничевой, «Молодой гвардии», Владимира Даля.

Два письма

Повесть

I часть

«Здравствуй, папочка. Пишет тебе твоя дочь Аня. Наша мама – спекулянтка. Она покупает вещи в чужом городе и продаёт в нашем. Я знаю, что это нечестно. Я готова жить в детском доме, но мама должна ответить за это. Я с ней разговаривала, что могу жить бедно и есть только хлеб, но она меня не слушает. Поскорей возвращайся».

1.

В тридцать с небольшим Нина выглядела старше своего возраста. Грубые черты лица, никогда не знавшие косметики, большой мясистый нос и реденькие рыжие брови её удручали. Нос – наследство матери, рыжие волосы – отца. Все в её роду были чёрными как смоль, только отец был рыжим, вот и наделил дочь-последыша этой «красотой». Только губы на её лице выглядели так, словно были позаимствованы. Ровные, упругие с розовым оттенком – всё, на чём можно было остановить глаз. Знала, что прицепилось противное прозвище «Нинка рыжая», но принципиально никогда не красила волосы. Как-то примерила парик – сама рассмеялась. Нет уж, какая уродилась, такой и век доживать. Лишь бы мозги работали. А мозги у неё работали – дай бог каждому. Рыжие волосы Нина два раза в год завивала в парикмахерской и дважды в год красила брови чёрной краской. Носила свою деревенскую красоту, как Бог послал. Главное, он послал ей сильный характер.

Выехав из деревни в семнадцать лет, так никогда туда и не вернулась. Не её жизнь – прозябать на колхозных полях. Как вспомнит – оторопь берёт, неужели удалось сбежать. Никогда не пожалела Нина о своём поступке. Никогда не хотела, чтобы её дети жили в селе и бегали босыми по пыльным песочным дорогам. Лучше в гости к родне. Правда, её никто домой никогда не позвал. Как-то быстро отрезали пуповину. Уехала – живи своей жизнью. И помогать не помогали – ни куска сала, ни мешка картошки с огорода. Живи, девка, в городе. Жила. Многому научилась. А главное – научилась молчать и не жаловаться. В какие бы перипетии она ни попадала, никто никогда об этом не знал. То ли ошибки, то ли какие достижения – это только её секрет. Она и детям ничего не рассказывала, не хотела, чтобы знали о том, что она иногда может быть слабой и беспомощной. Мать – образец для детей. Всегда чистая, с напыженными губами, улыбалась детям, а глаза излучали не счастье, а грусть, но зачастую – жёсткость. Она привыкла прятать от соседей глаза. И не потому, что была слишком скромной, – потому что не любила откровенных взглядов.

Семейная тайна много лет не давала возможности жить открыто. Об этом не принято было говорить. Тайна отца, который воевал в Великую Отечественную, вернулся живым и угодил на Беломорканал... И только в 53-м освободился досрочно по амнистии. Не хочется об этом думать и вспоминать. Когда старшая сестра увидела отца живым, не смогла сдержать эмоции. Бросилась отцу в объятия и замерла. Её аккуратно отвели в хату-мазанку, уложили в постель, а через несколько дней Оля умерла. От разрыва сердца, говорили.

2.

Сегодня Нине нездоровилось. Всё валилось из рук, ноги подкашивались, тошнота подступала к горлу. Болеть она не просто не любила – боялась. Она аккуратно уложила своё тело в постель и притихла в ожидании сна. Дети где-то мотались на улице. С этим было нормально: пока не загонишь в дом, ни за что не зайдут сами. Не хотелось, чтобы видели сонную мать. Она всегда была для них примером стойкости, силы и уверенности в себе. Нина резко провалилась в сон так, что дёрнулась на кровати и широко раскрыла глаза. Сон улетучился. Где-то она читала, что в такое состояние можно впасть, когда головной мозг сон путает со смертью. Мозг думает, что он умер и отключается, а потом вспоминает, что это всего лишь сон и продолжает свою работу.

– Бред какой-то, – произнесла она шёпотом. – И жизнь после жизни – бред. Какая это жизнь, если своих детей не увидишь.

По стеклу поползла муха. Она так шлёпала своими железными лапками, что стало совсем тошно. Нина вскочила с кровати и побежала к ведру. Похоже, колбаса была просроченной. Или нервы сделали своё дело? Говорят, при повышенном давлении такое бывает.

Освободив желудок, женщина снова улеглась в постель. Под подушкой лежало письмо, которое принесла соседка, работающая на почте. Когда-то, очень давно, в другой жизни, Василий уже писал письма из мест лишения, и Мария приносила их сама, горя желанием посмотреть на соседку, у которой муж тюремщик. Ждала, что та при ней вскрыет письмо и быстро начнёт читать, как в войну с фронта. Но и в прошлые разы, и в этот раз Нина при Марии сунула письмо под школьную тетрадь и повернулась к плите, всем видом показывая, что соседке пора уходить. Маше уходить не хотелось. Любопытство съедало всю совесть.

Муж у Марии был тихим, низкорослым, пьющим мужиком. О том, что он пьёт, соседи не знали. Ей и так хватало позора без этих сплетен. С Ваньки смеялась вся округа: он не выговаривал половинны звуков. Как малое дитя что-то «булькал», не стеснясь, что это смешно и глупо. Глубоко в душе затаилась червоточинка у соседки, что не только у неё в семье должно быть плохо, пусть у многих так будет. Козни делать она не умела, а личным любопытством не обделена. Просто получала бабье удовольствие от чужих слёз. В отличие от Нины, Мария была высокой и худой. Разговаривала на украинском. Они прекрасно друг друга понимали: русскоязычная соседка внимания не обращала на разговорный диалект.

Мария не только Нине носила письма. Всё местное стариковское население в определённые дни ожидало её с квитанциями. Маша разносила по дворам пенсию. Она это делала с каким-то вкусом. Одна старушка пригласит на чай, другая борща свежего предложит. Никого не чуралась почтальонка. Дома всё было, но доброе слово могло обернуться двумя копейками, незаметно придвинутыми старой ладошкой в сторону «кормилицы». Она не стеснялась брать – так было заведено. Систему никто не собирался ломать. Нина денег не давала, но с ней можно было договориться по блату купить детские вещи. Всего рубль сверху, а дефицитная вещь долго будет радовать глаз.

Только Мария ушла, Нина вскрыла конверт. «Здравствуй папочка. Моя мама спекулянтка»... Это был удар в солнечное сплетение. Родная дочь написала бывшему мужу жалобу на мать. Откуда в ней эта ненависть, кто надоумил девчонку написать такое злое письмо? Неужели она не понимает, что может оказаться в детском доме при живой матери? Сначала хотелось порвать письмо, но что-то остановило от опрометчивого решения. Нет, так нельзя. Пусть пока останется как напоминание. Нина лежала в постели и всем телом, всеми мозгами, каждой своей клеточкой умирала от обиды.

Наверное, надо было рассказывать детям, откуда берутся копейки на молоко и хлеб. Многие не выживали на одну зарплату. А в её случае это было полное опустошение. Бывший муж алиментов не платил, нового мужа она, вечно загнанная лошадь, так и не завела. Чтобы хоть как-то оставаться на плаву, надо было заниматься торговлей. Фарцовкой, одним словом. Да, это было противозаконно,

но это было. Вот и договорились с приятельницей Татьяной вместе мотаться в Белоруссию, Ригу, Румынию, Москву за косметикой. Благо соседка-старушка присматривала за дочерьми. Зря всё-таки молчала. Надо было поговорить с детьми. Теперь поздно. Как вырывать?

Кто-то постучал в дверь. Вставать не хотелось.

- Нина, ты заболела? – просунула голову в дверь соседка тётка Фрося.
- Немного.
- Давай я тебе молока принесу.
- Не надо. Я скоро встану.
- Встанешь и попьёшь, – уже на ходу кричала соседка.

3.

Жили они в колхозном доме. Почему именно в колхозном? Потому что в колхозе Василий проработал несколько месяцев и ему выделило правление часть дома. Располагался дом в середине длинной улицы. Подворье имело преимущество: в конце огорода протекала речушка. Ну, речушка – громко сказано, но то, что бурный поток грязной отработанной шахтной воды носил в своих водах множество крыс – это было. Огороды грязной водой никогда не поливались, но трава, буйно растущая вдоль берегов, была словно ковёр в дорогом доме. Так и хотелось разбежаться и нырнуть в этот ковёр, необычайно мягкий и нежный. Особенностью этого дома было то, что он предполагался изначально для двух семей. Такое незатейливое общежитие для работников колхозных полей. Кто здесь только не жил! Но надолго никто не задерживался. Мужики попадались работающими, им быстро выделялась земля под застройку, и они выезжали, навсегда оставляя бетонные стены холодного жилища.

Первое, что бросилось в глаза, когда переступили порог дома, – мышинный помёт. Нина постучала палкой по полу и стенам, и все услышали шуршание. Тогда не придали значения этому шороху, а спустя время послышался топот ног по чердаку.

- Кто у нас ходит по потолку? – спросила старшая дочь Инна.
- Крысы.
- Разве они топают как люди?
- Похоже, как люди.

С тех пор девочка стала бояться своего дома. Рисуя перед собой картины одну страшнее другой, она пугала Аню, а та в самый неподходящий момент могла закричать: «Крыса!» – и убежать из дому. Визг стоял на весь дом.

Нина организовала спальню, временно занавесив окно стареньким пододеяльником. Знала ли она тогда, что это временное затянется на неопределённое время. Спальня была узкой и длинной. Вдоль стены – кровать, стул для вещей и в углу, у окна, старенький шифоньер. О коврах не было и речи. Она, пока Вася был на работе, сняла со стола скатёрку, прибила её над кроватью и молча любовалась этой выдумкой. Со временем всё купится. Шуршание крыс настораживало. У соседки свиньи и корова, у них – лежище крыс. Ладно, Василий выведет.

Где-то на подсознании Инночка понимала, что опыт общения с этой тварью, крысой то есть, у неё был. И тут она вспомнила своё безоблачное детство, проведённое на Целине.

4.

Крыса приходила сюда часто. Всякий раз, когда дома никого не было, она спокойно проходила вдоль дальней стены и так же спокойно располагалась у порога. С высокого топчана было тревожно за ней наблюдать. Что будет дальше? Может, накормить гостью? На топчане ничего съедобного, кроме печенья, не было. Не отдавать же любимое лакомство непонятной гостье. Стоило только пошевелиться, как у дверей происходило чудо: гостья вскакивала на задние лапы и обнюхивала воздух.

- Крыса, уходи отсюда, – шептала девочка и, чуть осмелев, что-то бросала в сторону двери.

В мгновение ока крыса исчезала в норе, которая была где-то в углу, у печки.

Вставать было всегда страшно, и Инночка отчаянно ждала с работы маму. Как долго длился рабочий день... как долго длился выходной в детском саду. Сестру часто забирала тётя Груня, а Инночку, на правах старшей, почему-то оставляли дома. Мать и сейчас не даст ответа, почему так поступала. Много времени прошло с тех пор. Память решила оставить этот вопрос нераскрытым.

Это было обыкновенное детство целинных детей. Не всех детей, а некоторых. По утрам вереница родителей с детьми тянулась к детскому саду, некоторые дети молча, в одиночку брели по дороге сами (их родители давно уже были на работе).

Инночка с Анютой в детский сад часто ходили без мамы. Ох, и непослушная была сестрёнка: никак не хотела перепрыгивать через ручеёк. И что здесь сложного? Разгонись и прыгни, а она сразу в рёв. Инночка из всех детских сил пыталась самостоятельно перетащить её через струйку воды, которую малышка истерически боялась, но силёнок не хватало. Попрыгав через ручеёк несколько раз и поняв, что ничего этим не добьётся, Инночка заплакала. Ну почему сестра такая капризная? Анютка начала орать на всю округу, чтобы её пожалели и перетащили на другую сторону ручейка. Никого рядом не было. Инночка сказала, что детский сад пропускать нельзя, и пошла сама, как на работу, оставив сестрёнку одну. А та быстро побежала домой. В сад ходить было интересно – там непременно угощали печеньем. Девочка знала, что печенье помогает выдержать страх перед крысой, поэтому никогда его не ела, а прятала в кармашек платья и приносила домой.

5.

На Целину Нина приехала не из патриотических убеждений, хоть и была комсомолкой. Просто поехала на зов непутёвого мужа. Родила ему дочурку. Вроде семья получилась, завод выделил жильё. Самое настоящее: комнату в квартире «дома-сталинки». Живи и радуйся. Жила. Радовалась. Пока муж не объявил, что завтра уезжает осваивать Целину.

– Вась, тебя кто туда послал? – решила спросить Нина.

– Родина. Знаешь такое слово? Родина меня позвала. Ты не грусти, я, как только там обживусь, сразу тебя вызову. Одна не останешься.

– А ребёнок, Вась? Мне на работу пора оформляться, а куда я её, трёхмесячную, дену?

– Ну что ты завелась? – вспыхнул Василий. – Не на войну еду. На Целину. Поняла? На Це-ли-ну!

Вот так осталась в городе молодая мать одна одинёшенька. Сердце рвалось на части от мысли, что ребёнок не будет знать отца. Так нельзя. Ладно бы его не было, а тут – жив и здоров. В ясли отдавать ребёнка не хотела, думала, свекровь поможет. Напрасно думала. Эта семья жила своими интересами. Только когда Нина ходила на сносях, узнала, что муж отсидел срок за хулиганство. Вот откуда в нём агрессия. Она пыталась разговаривать с ним мягко и ласково, но это всегда получалось ехидно и саркастически. От тонкого слуха молодого человека это не спрячешь. И тут же – разряд эмоций – кулаком в глаз молодой жене. Где и прыть делась? Как-то сникла молодичка, потухла. Длинную косу обрезала, косынку повязала по-деревенски и завила короткие волосы такой химией, что на год хватало быть кучерявой.

В последний раз заглянув свекрови в глаза, поняла, что не будет ни любви материнской, ни помощи. Пришлось оставить работу. Василий заваливал жену письмами. В этом деле он был мастером. Иногда рифмовал стихами. Столько слов тепла и любви Нина никогда в жизни не слышала. Сердце растаяло. Рассказав соседке о намерении уехать, удивилась её резким возгласам.

– Ты куда едешь? Ты знаешь, что такое бескрайние степи? Ты видела, где он живёт? Да кому ты нужна? Твоя свекровь на руки не взяла внучку, а я, соседка, с ней сижу. Не отдам! – вдруг прижала к себе маленькую Инночку соседка. – Не отдам. Одумайся!

– Я всё решила. Ребёнку нужен отец.

– Давно не битая?

– Он не будет бить. Читала, какие письма пишет?

– Читала. Врёт. Поверь моему опыту. И... долго будешь скрывать?

– Что скрывать? Ты о чём?

– Все знают, что твой Васька сидел.

Как обухом по голове двинуло молодую женщину известие. Конечно, она знала. Но так не хотелось, чтобы о ней говорили плохо. Свекровь скрывала факт ходки в тюрьму. Да и как она могла проговориться, если на горизонте замаячила деревенская дурочка. Она только выпендривается под городскую. Видно невооружённым глазом, что деревню из девки вовек не выбить. А сын пристроен.

– Зина, ну какой у тебя опыт? Твой тебя пальцем не тронул, – продолжила Нина.

– А твой...

– Я всё решила.

С завода уволилась быстро, связала в узелок свои пожитки, завернула в старенькое, умело спрятанное в белый хрустящий пододеяльник одеяльце малышку и отправилась к мужу на край света. Семья должна жить под одной крышей. И старенькая мама когда-то её учила. Неграмотная была женщина, но такая тёплая и домовитая. Надя знала, что её отец был ещё тот ходок по девкам. Говорили, что и дети его по чужим дворам живут. Он только залиvisto смеялся на все пересуды, растягивал меха гармошки и заводил частушки. Любили Тимофея не за деловитость, всем по нраву был его весёлый озорной характер. Неграмотная жена со временем из первой красавицы на деревне превратилась в маленького загнанного зверька. Но семью блюла. Детей нарожала, обихаживала всех, как кошка. Но только в семье дружбу так и не основала. Каждый жил сам по себе. Секреты, шепоток, ухмылки – всё это со временем стало привычным.

«Семья должна жить под одной крышей», – шептала Нина, увидев над головой высокое бескрайнее небо. А где дом? Где улица? Где семья? Василий не встретил. Говорят, был в дальнем зерносовхозе с агитконцертом.

Пшеничное поле встретило новеньких пылью, ковылём, травой перекасти-поле, ветром, запахом переработанной солярки. Где-то далеко работали комбайны. От обиды не плакалось, а вылось. Как здорово быть в степи. Вой – не хочу. Подумав, что напугает дочурку, Нина замолчала. Благо в это время появилась живая душа.

– Эй, мать, садись в машину, – закричал издали шофёр, выглядывая из кабины.

– Нет, я сама дойду.

– Сама? – засмеялся шофёр. – Не дури. Это – поле. Бескрайнее, слышишь? Останешься на ночь, вместо волка быть будешь.

– Мне бы Василия найти... – хотела, было, продолжить Нина, но мужичок её остановил:

– Вася попросил встретить тебя с поезда. Извини, мать, опоздал. Извинила?

Конечно, она извинила. Не очень хотелось оставаться в поле, тем более голодной и тем более с крошкой на руках.

Когда «мать» влезла в кабину грузовика, водитель заржал:

– Ну, ты даёшь! Ты чего так вырядилась? Я растерялся, как к тебе обращаться.

– Так я в дорогу оделась. Не в вечернем платье по полям гулять.

– Ладно, встретимся ещё в вечернем платье да в смокинге. Урожай снимем, медали на грудь повесим, вот тогда отметим.

6.

И пошла-покатилась жизнь. Кто там никогда не был, не догадается, что там не мёд. Вместо домика – барак на восемь семей, уборная и умывальник на улице, вода в чистом роднике – за два километра от дома. Летом метёт песок в лицо, зимой – снег выше крыши. Из крайности – в крайность. Золотой серединой был только энтузиазм молодых сердец да любовь. Хорошо, если любовь была в семье. Тогда и проблемы не видны были так ярко. Хуже было у Нины. Оказалось, вся любовь осталась в письмах, которые она любовно связала ленточкой, мечтая вместе с мужем перечитывать их по вечерам.

Не заладилось. Если в зерносовхозе и уважали Василия за сильное слово и юмор, то дома всё заканчивалось скандалами, стоило ему переступить порог. Тот самый порог, у которого вечно сидела крыса. Неустроенный быт в бараке, постоянные разъезды комсорга-активиста Василия развели ржавчиной все отношения. Нину держал в семье долг. Не денежный, конечно, а тот самый пресловутый долг перед детьми, которых было уже двое. Она и сама поначалу жалела о втором ребёнке, но всё сложилось так, что посоветоваться было не с кем – рожать или не рожать.

Вася снова был в длительном отъезде. Да и какая разница, что он скажет. Ей ведь растить. Она стояла у дверей местной акушерки. Кто-то посоветовал Барбару. Многие немцы после того, как освободились от плена, остались жить на целинных землях. Барбара не была пленной, она приехала сюда к своему мужу. Поняла, что притеснений для неё не будет (отличный гинеколог), осталась устраивать свое гнёздышко. Никто в округе не смел слова плохого о ней сказать, но если муж был дома, близко к порогу никто не подходил. Отдельно снимать комнату ей никто не разрешил, поэтому перебивались, как могли.

Барбара своим видом напоминала мужика-спортсмена. И уродится же такая «красота» – не чета славянским девчатам. Но Нина на этот счёт имела собственное мнение и собственное отражение

в зеркале. Если Барбара была высокой и угловатой, то Нина – низенькой, с овальными плечами и красивой грудью. Но это можно было заметить, если её раздеть. А она стоит на пороге в старой фуфайке, огромных валенках, обёрнутая клетчатым пледом. Мороз ударил недетский.

- Ви зачем? – картавя, спросила доктор.
- Мне срочно надо избавиться, – стесняясь своего положения, прошептала молодая женщина.
- Проходите...

Очнулась Нина в палате больницы. Оказывается, всё пошло не по плану. Неожиданно вернулся муж Барбары, и она быстро проводила пациентку за двери. По дороге домой у женщины открылось кровотечение. Она присела у забора, заваленного снегом, и не заметила, как начала дремать. Тело становилось слабым и бессильным. Постепенно пришло чувство умиротворения...

Ребёнок остался. Она не рассказала мужу о походе к знатной акушерке. Знала, что ему безразлично, или догадывалась. Но так хотелось верить. Хотелось быть маленькой девочкой, спрятавшейся воробышком под крыло мужа.

- Нинка, приходи на чай, – как-то позвала подруга Груня. – Чего дома сидишь? Опять мужа ждёшь?
- Конечно, Грунь. Он снова на работе.
- Да знаю я его работу, – начала, было, Груня, да быстро осеклась. – Ладно, жди нас с Нелькой. Вместе придём почаёвничать. Сахар есть?
- Нет...

– Ладно, чего потухла?! – прикрикнула Груня. – Всё равно жди. В магазине работаешь, а жратвы нет. Дурная ты – учить надо. Семью так не накормишь, – матюгнулась на всю округу подруга.

Ох, и матершинницей она была. Не замечала ни детей, ни стариков. Иначе не могла разговаривать. Говорят, на фронте была, многое повидала. Там и курить «Беломорканал» научилась, и самогон пить не закусывая. Наберёт в рот глоток побольше и держит его, словно хочет прогреть каждый зуб. А потом как хряснет луковицу – брызги во все стороны – и причмокивает от удовольствия.

Все любили неугомонную Груню. А та таскала на руках Анютку, смеялась и учила её материться. Школа была отличной. Научила-таки.

7.

Чай был вкусным. Подруги принесли сладостей, сушки, заварки. Пили долго, смачно прихлёбывая чай из блюдец. В совхозе принято было пить много чая. Дети не мешали, мужа не было. Говорили обо всём: о пшенице и совхозном фруктовом саде, о больнице и магазине, о том, что на совхозном току обрызгали семечки каким-то раствором для того, чтобы воробьи не склевали весь урожай, договорились всей компанией сходить в совхозный сад набрать яблок. Хотя они и мелкие, как дички, но детям нужны витамины. Сколько они будут грызть чай в брикетах из сухофруктов? Расхотелись тихо, стараясь не разбудить детей.

Муж домой не пришёл. Утром его тоже не было, к вечеру – тишина... через полмесяца получила Нина письмо. Он рассказал, что на Целине делать нечего, что всё, что от него требовалось, он сделал. Родина не в обиде на него, и теперь он снова живёт на Украине. Дома.

Нина не плакала. Выть тоже не было сил. Она молча повернулась к деревянному топчану, где спали дочери, машинально провела руками по бёдрам сверху вниз, словно одёргивала юбку, и намертво решила остаться в зерносовхозе. Сама вырастит дочек. Работа есть, место в детском саду – тоже. Старшая Инночка осенью в школу пойдёт. Кое-как быт налаживается. Да и в совхозе её уважают. А там и диплом скоро получит. Пусть заочное обучение, но всё же – грамотная.

- Мама, а где папа? – как-то раз спросил кто-то из детей.
- Родине помогает, – улыбнулась мать, и слеза капнула просто так, машинально.

Иногда она брала детей, и все вместе шли в поле посмотреть на комбайны. Дети знали, что на одном из них работает папка. Но он не может к ним подъехать – у него работа. Так и жили в маленьком обмане. Дети верили матери.

Писем было слишком много. Каждый день. И не ленился строчить. Снова о новом доме, о работе, снова сказки. Не верила. Долго не верила, но... она – мать, а детям нужен был отец. Уладив все дела в зерносовхозе, сдав под ключ магазин и загрузив контейнер с нехитрым скарбом, Нина купила билеты домой. В мыслях она представляла себя счастливой женщиной. Она была убеждена, что Василий совершенно изменился. Иначе и быть не могло. Зачем тогда такие душещипательные письма?

Домой возвращалась долго... Уральские горы, реки, степи, леса, города, посёлки, снова степи. На руках двое детей – семи и пяти лет. Удобнее было бы в купейном вагоне, но это дорого стоит. «Хорошо, что не в общем», – успокаивала себя измученная дорогой женщина.

На вокзале семью никто не встречал. Постояв минут пятнадцать, Нина решила пойти на вокзал. Василий сидел на корточках, прислонившись спиной к стене, и спал.

– Ой, роднулька! – подскочил он, как только жена прикоснулась рукой к его плечу. – У тебя деньги есть?

– Есть немного.

– Дай полтинник, очень надо.

Надя достала мелочь и отдала мужу. Он пулей скрылся из глаз. Спустя минут десять вернулся довольный, с примятым и подвявшим букетиком полевых цветов и сильным перегаром от свежеспитого вина.

– Это тебе! Я так соскучился! У тебя есть деньги на такси?

Родители Василия неприятливо встретили новоявленное семейство с двумя детьми. Да и соседи по коммунальной квартире рано утром помчали в контору с жалобой на то, что по соседству живут без прописки приезжие с шумными и крикливыми детьми. Недолго думая, Нина пошла по бывшим знакомым в поисках любого жилья, лишь бы поскорее освободить родительскую комнату. Правы были товарки: ничего у мужа нет. Одни слова, одни письма.

II часть

Как ни старалась всю жизнь, Нина так и не нашла общий язык со старшей сестрой. Слишком разными они были что внешне, что внутренне. Только после смерти Евдокии поняла, что никому не нужна была со своими сестринскими чувствами. Когда хоронили Евдокию, Тимофеевна стояла поодаль одна. Именно сейчас, спустя пятьдесят лет, она поняла, что всю жизнь была одна. Гипотетически.

Была когда-то большая и совсем не дружная семья, которая никогда не приняла и не полюбила «последыша». Как можно полюбить сестру, которая на двадцать лет моложе старших детей? Зачем семье лишний рот? Кому надо её кормить в голодные годы войны? А мать и не пыталась навязывать свою кровинку. Всё делала сама, оправдываясь своей неграмотностью. Сама, мол, всё сделает.

Как слепой котёнок, металась подростком то к сестре, то к брату, пока не поняла, что выживать надо самостоятельно. А потом решила, что, когда у неё все заладится, они поймут, что зря отворачивались от сестры.

Наверное, очень заладилось. Заочно окончила техникум, устроилась сама на работу с постоянным окладом, получила жильё в новостройке, вырастила достойных детей. Почему старшие братья и сёстры так и не приняли её в свой круг?

Как-то дочь сказала, что от зависти.

– Не говори глупости, – шикнула мать. – Такого быть не может. Чему здесь завидовать?

– Тому, что никогда не попросила помощи.

– И не попрошу. Я ещё и сама им помогу.

– И напрасно, мам. Напрасно.

И вот сейчас она стоит одна. Поодаль. Ни слезинки.

Что с тобой, женщина? Ты так сильна? Или всё же поняла, что никогда и никому из своей родни не была нужна?

В гробу лежала её старшая сестра.

– Как они похожи на свою мать, – прошептал кто-то за спиной.

– Как они похожи между собой...

– Прости меня, – вдруг прошептала младшая, – прости.

– Мама, она не ответит. А за что ты просишь прощения?

– За то, что родилась, – сказала женщина и бросила горсть земли в могилу...

Тимофеевна долго таила обиду на старшую сестру, которая усадила Василия за решётку. Да и причина мизерная – обычный семейный скандал. Сколько их было, уже и не сосчитать. И надо было Дусе крикнуть на Васю и расстроить его. И пусть бы только крикнуть, но она его выгнала из собственного

дома. Дома, который Василий получил в колхозе. Да, не работает он там давно, но кто Нину с двумя детьми выгонит? Да и платит она регулярно за жильё.

8.

Суд был долгим и показательным. Стыдно было по улице пройти. Ни разу не было случая, чтобы кто-то её не зацепил и не начал расспрашивать, как такое могло случиться, что именно «за злостное хулиганство» мужика упрятали.

Вот с тех пор и притихла женщина, понимая всю тяжесть своего положения. Надо было терпеть из последних сил, пока не получит квартиру в новостройке. Вот там её никто не знает и там она будет совершенно свободна от сплетен.

Она ещё не могла понять, что, если бы не сестра, так бы и жили с дочерьми в постоянном страхе. Время шло, обиды стирались из памяти, а на их месте стали появляться новые, более яркие «воспоминания», где она себя видела красавицей с длинной косой, где была смелой молодухой, умеющей дать любому отпор. И Василия своего за пояс могла... Теперь она знала, что это она, Нина, его выгнала из дому за нелюбовь к себе. Что просто открыла дверь и выставила его за порог. «Иди! Иди отсюда навсегда!» – шептала вслух как заклинание, очень важные для себя слова.

9.

Одиночество Нины Тимофеевны закончилось в шестьдесят лет. Нет, это была не любовь. Это было именно неодинокство. У неё наконец появилась возможность приготовить борщ не себе, а кому-то. Как-то постепенно всё отошло на второй план. Хотя она и продолжала говорить дочерям, что прожила жизнь ради них, хоть и периодически интересовалась, как там внуки, всё внимание доставалось её «неодинокству». Тем более, всех устраивал ход таких событий. Все оставались при своих интересах. Главное – Тимофеевна приободрилась, сменила старенькую косынку на новую. Теперь в её голосе появились командные нотки. Она легко управляла своим дедом, а он только посмеивался, глядя на то, как она превращается в хозяйку у плиты.

Дед был не прочь выпить чарочку-другую самогонки перед завтраком, обедом и ужином, и это не мешало ему, бывшему шахтёру, крепко держаться на ногах. Снова поползли слухи, но в этот раз Тимофеевна не прятала глаз, не молчала, а лихо отбрасывала соседок, стоило тем рот раскрыть на её новый образ жизни.

Инсульт свалил её деда на три года. От больницы отказались сразу, понимая безвыходность ситуации. Или помедлили необдуманно, кто теперь знает? Теперь Нина, та Нина, которая в молодости не долюбила, не наухаживалась, стала просто необходима лежащему старику.

Ни разу не укорила судьбу за это испытание. Ни разу не упрекнула себя за то, что выбросила из головы всех родных, а накрепко оставила в сердце больного, немощного старика. Она – его надежда и опора. Она его любовь и вера.

10.

Она спокойно сидела на стуле возле газовой плиты, изредка отвечая на вопросы, с трудом вытягивая из себя реплики и, как заворожённая, глядела на флакончик с «тройчаткой». Слез не было, стонов и вздохов она не издавала. Привычка всегда и во всём быть сильной не давала выплеснуться крику наружу. Элементарному бабьему крику на все девять этажей, на всю бабью долю. Ничего этого не было. Ни о чём не думалось. Да и что теперь вспоминать? Вокруг суетились женщины, то и дело разговаривая на татарском.

- Слава тебе, Господи, – вдруг выдала она и перекрестилась.
- Ну вот и всё. Всё нормально? – спросила татарочка.
- Конечно. Плакать не буду, слёзы не приходят. Застряли где-то глубоко.

Да и делать им здесь нечего. Деньги у меня в кармане. Сколько надо – берите, похороним по-человечески. Сильная. Она всю жизнь играла роль независимой женщины.

Раньше никому не было дела до жизни и существования старого, грязного, вечно пьяного Гришки. То он валяется в подъезде у себя под дверью, то спит на скамейке, то бродит по двору в поисках собутыльников. Нашлась сердобольная Тимофеевна быстро. Сейчас модно у подъездов прикармливать

бездомных собак и кошек. Она стала прикармливать Гришку. А чем можно поделиться со скудной пенсии? Остатками своего обеда. Но не голодать! В наше время стыдно помирать от голода. От водки – куда проще.

Вот так всё и закрутилось. Соседки стали перешёптываться между собой, мол, глядите, Тимофеевна в молодость ударилась. А ей и дела не было до пересудов: сама кого хочешь обсудит и глазом не моргнёт. То штаны деду постирает, то рубаху. Картуз новый прикупила, сигареты стала носить из киоска. На Пасху угостила свежее испечёнными куличами, и старик совсем подобрел.

Привыкали друг к другу насторожённо, по-стариковски. Но доброта и сострадание здесь шли рука об руку. Никто уже не помнит, как всё спустилось с тормозов, но дед уже стал заходить в квартиру Тимофеевны.

Дети к этому отнеслись более чем спокойно. Вроде и не теряли мать и бабушку. Не было в ней этой жилки. Не хватало у неё терпения на семью. Свободное время она коротала во дворе своего дома. У всех на виду привела в порядок детскую площадку для соседских детей, соорудила небольшую клумбу, раза два в неделю мыла общий коридор. Одним словом, находила себе занятие. Не любила сидеть в квартире, не свила уютное гнёздышко, не было в ней этой жилки.

Бабай (так Тимофеевна звала деда-татарина) внёс разнообразие в её созданную искусственно одинокую жизнь. Повеселела бабушка на глазах. Преобразился и бывший пьяница. И темы для разговоров находились сами собой. Дети не мешали. Если ей это нравится, – пусть живёт. Лишь бы не болела.

Всё произошло неожиданно. Ночью он упал с кровати и больше не поднялся. Это был инсульт с вытекающими последствиями. Каждый день Тимофеевна ждала его смерти. А смерть положено встречать чистым и вымытым. Так и проходили день за днём в ожидании конца. Кормёжка с ложки, питьё через трубочку, памперсы, тряпки, пелёнки, таблетки и капельницы. Соседки перешёптывались, затем переговаривались, не решаясь в лицо высказать своё отношение к этой ситуации.

– Это мой крест, – только и говорила Тимофеевна, – я должна его за что-то нести.

– За что, мама? – спрашивали дочери.

– За грехи свои.

– Но он совершенно чужой человек. И вера не наша, и ругается громко и противно, хоть и лежащий. Может, в больницу его определим?

– Я сама. Я должна...

– Да что ты ему должна?

– Не знаю, дети. Пусть всё остаётся так, как есть. Я выдержу.

И вот теперь она никому не нужна. Она – православная. Рашида, разбитная и разговорчивая соседка, заранее договорилась о ритуале погребения и сейчас стояла в дверях, никого не пуская в комнату, где лежал Бабай. Мулла со своими помощниками проводил ритуал омовения.

Только и разглядела дочь медицинские халаты, чемодан старого образца, огромное деревянное корыто, оцинкованное изнутри, и кумган, из которого за шторой поливали покойного.

Русским нельзя находиться рядом. Увидели Бабая, только когда он был спеленан в кокон. Никого нет. Ничего не видно. Гроба тоже нет. Очень тихо и быстро прошёл ритуал. Без лишней суеты покойного вынесли во двор и положили на чиназу (носилки такие) и укрыли покрывалами, исписанными молитвами из Корана.

– Слава Богу... – сказала дочь, глядя матери в глаза и по христианскому обычаю взяла горсть земли и бросила вслед отъезжающему катафалку. Русских женщин на мусульманское кладбище не взяли.

Тимофеевна вернулась на кухню и присела на старенький табурет. На столе стояла «тройчатка». Ни слёз, ни крика, ни стонаний. Мусульманин ушёл тихо.

– Царствие небесное, – прошептала Тимофеевна... Была маленькая надежда на счастье. Была ведь. Она точно знает. Теперь как жить? Без надежды пусто. Нина Тимофеевна подошла к окну, упёрлась полусогнутыми руками в подоконник и посмотрела вниз, с пятого этажа.

– Люди ходят... Куда идут? Куда торопятся? Чему верят? На что теперь надеяться?..

В углу подоконника лежала стопка пожелтевших писем, перевязанных верёвочкой. Тимофеевна медленно развязала шнурок, надела очки, прочитала адрес и достала из конверта письмо. «Здравствуй, роднулька. Как долго мы не виделись. Тюрьма – не курорт. Как там наши дети? Ты ещё продолжаешь меня ждать? Смотри, не дури. Я скоро вернусь, ноги повыкручиваю, если узнаю, что с кем-то живёшь»...

– Одна я. Одна. Прошептала в пустоту старушка.

Берега Новороссии

Валерий Герланец

Валерий Ильич Герланец – известный в Донбассе и далеко за его пределами писатель, драматург и публицист, заслуженный деятель искусств ДНР, член Союза писателей ДНР и Союза писателей России, многократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов и премий. Его произведения для детей и юношества издавались в Белоруссии, Германии, Израиле, Канаде, России США, Чехии, на Украине, а также ставились в профессиональных театрах, театральных коллективах школ искусств и дворцов детского и юношеского творчества, звучали по радио и телевидению.

В 2007 году «За духовное воспитание подрастающего поколения страны» писатель был награждён «Почетным Знаком» Украинской православной церкви Московского патриархата, в 2009-м удостоен почётного звания «Золотое перо Донбасса», а в 2010-м – отмечен медалью А. С. Грибоедова Московской городской организации Союза писателей России.

Большой вклад также внёс в краеведческую литературу, участвуя в многотомном книжном проекте «Донецк в лицах» и написав ряд книг о родном крае и его людях: «УкрНИИВЭ – вчера, сегодня, завтра (1957–2007)», «Дорогу осилит идущий...», «Донецкий политех в моей жизни», «Проккофьев», «Театр и кино Донецкого края (вторая половина XIX в. – 2020 г.).

Ряд прозаических и поэтических произведений давно вошли в школьные хрестоматии и учебники, выходили в престижных литературно-художественных журналах и альманахах, а философская сказка «Как Иван правду искал» включена в собрание сочинений лучших современных писателей во славу М. Горького «Литературный фонд», которое вышло в 2018 году в Москве.

Земноводные против людоземных

Повесть

СВЕРХСЕКРЕТНЫЙ СЕКРЕТ

Ярко-зелёная лягушка скакала по луговой тропе с такой скоростью, словно за ней гналась стая безумно голодных цапель. Это была крупная квакша по кличке Крикуха. Так прозвали её сородичи, такие же как она сама, древесные лягушки, за чрезвычайно пронзительный голос, в котором неизменно присутствовали панические нотки. Едва зычная квакша открывала рот, все остальные мгновенно умолкали, прекрасно осознавая, что при всём своём желании перекричать её не смогут. Даже звонкоголосые цикады и сверчки стыдливо притихали, как только Крикуха выдавливала из себя первое «Ква-а-а!!!».

Древесная лягушка спешила к правителю земноводных – кванцлеру Жабсу, резиденция которого располагалась на болоте, начинавшемся сразу за синеющей на горизонте тенистой левадой. В несколько гигантских прыжков она преодолела опушку и, сделав эффектное сальто-мортале, плюхнулась в воду. Местами подёрнутая ряской поверхность озера вмиг покрылась рябью, а кувшинки стали осуждающе покачивать своими жёлтыми головками, согнав эскадрилью сидевших на них разноцветных стрекоз. То ныряя, то плывя брассом, Крикуха наконец добралась до замаскированной в глубине камышовых зарослей резиденции главы всех земноводных.

– Стой, кто плывёт?! – дуэтом прокричали две огненные саламандры, которые служили личными охранниками кванцлера. Обитатели болота весьма опасались этих, похожих на маленьких драконов, амфибий, так как они по бокам своей пятнистой головы имели железы, брызгающие самым настоящим... ядом. Вряд ли кому-либо хотелось попасть под смертоносную струйку, поэтому все старались обойти саламандр десятой дорогой. И вообще об этих странных существах ходили мрачные легенды, утверждающие, что они не горят в огне и даже могут вызывать его появление магическими заклинаниями.

Крикуха ловко выбралась из воды на большую кочку и громко на всё болото потребовала немедленно пропустить её к господину Жабсу.

– По какому такому делу? – поинтересовалась одна из саламандр, пронзая квакшу подозрительно-сверлящим взглядом.

– По сверхсекретному.

– А ты договаривалась с его высокоземноводностью о встрече?

– Квак, ква-ак я могла договориться, если этот самый сверхсекретный секрет узнала только час назад!

– И в чём же секрет твоего сверхсекрета? – поинтересовалась другая саламандра.

– Я не могу его раскрыть первым встречным.

– Это мы-то первые встречные? Мы – личные телохранители главы нашего земноводного общества! – возмутились саламандры, и жёлтые пятна, покрывающие их чёрные длиннохвостые тела, стали оранжевыми.

– Извиняюсь, вы... вы не первые встречные, а морды, то есть, извиняюсь, лица, которым доверена охрана первого лица. А это, я понимаю, очень серьёзно и ответственно! Но у меня дело государственной важности! Господин Жабс обязан знать о надвигающейся на всех нас угрозе.

– Где угроза? От кого угроза? – обеспокоенно завертели по сторонам головами саламандры. – Может быть, именно ты и являешься этой самой угрозой, а?

Терпение Крикухи лопнуло как мыльный пузырь. Сжавшись в комочек, она сиганула так высоко, что с высоты своего рекордного прыжка увидела чуть ли не всё болото и даже окраину города, из которого сюда прискакала. Приземлилась она как раз перед главным входом в правительственное здание и тут же юркнула в приоткрытую для проветривания массивную дверь.

Не обращая внимания на бурные протесты красной в горошек лягушки-секретарши, уроженки какой-то далёкой экваториальной страны, Крикуха проскользнула в кабинет кванцлера.

Хозяин кабинета, на фронтальной стене которого висел его огромный парадный портрет, был невероятно толст и буквально весь усыпан бородавками. Голова кванцлера по своим размерам почти не уступала его грузному телу, красноречиво намекая, что такая большая голова глупой быть ну никак не может. Короткие передние лапы лидер земноводных привычно размещал на своём необъятном желеподобном брюхе. Около двух лет назад Жабс уверенно победил на выборах, пообещав своим хвостатым, бесхвостым и прочим избирателям сытую и безбедную жизнь без новомодных реформ и болотных потрясений.

– Беда! Беда, господин кванцлер! – с порога заголосила Крикуха, и эхо от её панического голоса заметалось от стены к стене. – Они... они хотят всех нас погубить!

– Кто они? – медленно приоткрыв свои выпученные глаза, как-то безучастно поинтересовался Жабс.

– Люди! То есть, как вы метко их называете, – людоземные.

– И что же эти неутомонные людоземные задумали? – оживился кванцлер.

– Они хотят осушить это болото, чтобы на его месте построить, извиняюсь, мусорозавод, который своими вредными дымами и стоками уничтожит всё живое.

– Откуда у тебя такая информация?

– Из первых, как говорится, лап.

В этот момент в кабинет ворвались не на шутку озлобленные ядовитые охранники, но кванцлер резким недовольным жестом выпроводил их за дверь.

– Я весь – внимание, – уткнулся он взглядом в неожиданную гостью.

– Я живу в городе, в дупле старого клёна. Он растёт буквально впритык с офисным зданием крупной строительной фирмы «Стройблат» или «Стройбат», но это не важно...

– А нельзя ли конкретней, – поморщился Жабс, – без долгих вступлений.

– Квак скажете, – как бы извинилась Крикуха. – Так вот, у владельца этой фирмы... Квак ни странно, его фамилия Болотников. У него в квабинете есть террариум. Когда я забираюсь на широкую ветку, что рядом с моим дуплом, он прекрасно виден. В этой стеклянной тюрьме квак раз и томится наш бедный собрат из далёкой заокеанской страны... По имени Отелло...

У Жабса стал нервно подёргиваться правый глаз, но квакша, словно не замечая этого, продолжала свой рассказ, так и не добравшись пока до сверхсекретной сути.

– Его кожа необычного оранжевого цвета... Она даже ярче кожуры квашельсина, который в наших краях, извиняюсь, не произрастает...

– Может, его зовут Мантелло? – не скрывая раздражения, перебил говорливую гостью кванцлер.

– Вы правы, господин Жабс, – Мантелло. Точно, Мантелло. Сегодня утром он стал свидетелем разговора этого самого Болотникова с мэром города. И тот заверил его...

– Кто кого заверил?

– Не перебивайте! Сейчас всё узнаете, – шикнула на кванцлера Крикуха. – Ну, конечно же, лично мэр заверил владельца «Стройблата» в том, что буквально на днях тот получит все необходимые документы, которые дадут ему полное право приступить к осушению вот этого самого болота.

– А потом?

– Потом на этом месте будет возведён крупный мусоросжигающий, извиняюсь, мусоросжигающий завод. А теперь угадайте, кто станет совладельцем этого вредоносного предприятия?

– Мэр?

– Нет. Его сын. Ещё тот отморозок и мажор. Поговаривают, что именно он является владельцем единственного в городе ресторана французской кухни, где подают блюда из... из лягушек.

– Какая дикость! – вскричал Жабс, и его огромная голова покрылась багровыми пятнами. – И обо всём этом тебе рассказал лично Отелло?

– Да. Только не Отелло, а Мантелло, и не при личной встрече, а по каналу нашей земноводной связи. Я первой услышала позывной Мантелло, потому что находилась ближе всех от его террариума. И вот я здесь, – стала раздуваться от гордости квакша.

– Чудовищная авантюра! – вскричал кванцлер и, несмотря на свою грузность, подпрыгнул от переполнивших его чувств чуть ли не до потолка. – Ну, почему эти нелепые двуногие существа творят произвол, совершенно не считаясь с интересами других обитателей Земли?

– Вот именно, – поддакнула Крикуха.

– Людоземные считают, что природа создана исключительно для удовлетворения их прихотей. Они возомнили себя существами высшего порядка, которым дозволено абсолютно всё: вырубывать леса, осушать болота, поворачивать вспять реки, превращать плодородные земли в пустыни... Они не задумываются о вселенской гармонии природы и несут лишь разрушение и гибель всему живому!

– Мы, земноводные, сможем помешать коварным планам людоземных?

– А разве у нас есть другой выход? – вопросом на вопрос ответил кванцлер.

УРОК ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ

До прихода учителя весь пятый «Б» стоял на ушах. Не в переносном, а в самом буквальном смысле. Маленький и юркий Дима Макин, оседлав более рослого одноклассника Вову Бондаренко, гарцевал на нём перед классной доской, размахивая указкой и выкрикивая: «Но-о, конячка! Но-о!» Неразлучные подружки Лена, Катя и Оля пытались натянуть на череп школьного скелета, стоящего в углу, бейсболку с глупой надписью на английском языке «It's me». Миша Кацман и Лёля Зубарь с помощью минимума слов и максимума жестов пересказывали группе сверстников сюжет нового боевика, в котором отважные земляне побеждают злобных инопланетян.

В противоположном от группы юных киноманов углу Юля Соколова колошматила учебником древней истории Лёшку Козыря, – это было мщение за развязанные мальчишкой банты на её смотрящих в разные стороны косичках. Юра Смолич, посещавший цирковую студию, ходил по партам на руках, в то время как пухлая Виолетта Карапетян радовала свой не по годам прожорливый организм очередным бутербродом, совершенно не подозревая, что сидевший за её спиной Витёк Бубнов, смешно корча рожи, копировал все её жевательные действия. В конце концов, природная интуиция, а может, хорошо развитое боковое зрение позволили Виолетте раскрыть козни одноклассника, и тот мигом оказался под партой, да ещё с запихнутым в рот бутербродом.

Не участвовал во всеобщем «ушестоянии» только Вася Лях. Он сидел за последней партой, сосредоточенно передирая у «конячки» – Вовки Бондаренко – домашнее задание по математике, которое не сделал, потому что весь вчерашний вечер провёл в виртуальном мире, посещая запрещённые детям сайты.

Прозвенел звонок, и в класс вошла Элеонора Витальевна, учитель естественно-научных дисциплин. У пятиклашек она читала природоведение, а в старших классах – биологию и экологию. Элеонора Витальевна завивала волосы мелкими кудряшками, которые делали их обладательницу несколько старше своих лет. Она предпочитала закрытые, чуть просторные фасоны одежды, которыми пыталась хоть чуть-чуть скрыть свои пышные формы. За круглые очки и пронзительно-умный взгляд ученики дали ей кличку Кобра. Однако так ребята называли биологичку достаточно редко, потому что любили её за интересные уроки, доброту и объективность в оценке знаний.

Элеонора Витальевна кивком поздоровалась с классом и, не объявив тему урока, с порога заявила:

– Я очень огорчена, ребята. Очень!

Ученики в недоумении стали переглядываться, а Виолетта Карапетян от волнения даже полезла в портфель за очередным бутербродом.

– И знаете, кто меня огорчил? – продолжала учительница. – Олег Болотников.

– У нас в классе такого нет! – дружно прокричал пятый «Б».

– Этот господин – руководитель крупной строительной фирмы. Вчера в местной газете появилась его статья, в которой он с нескрываемым восторгом сообщает о строительстве мусоросжигательного завода в юго-западной части нашего города, как раз на месте Тишинского болота и окружающего его леса. А это значит, что?..

– Погибнут все комары и пиявки, – выпалил Дима Макин, и весь класс дружно захихикал.

– Осушение заболоченных мест и вырубка деревьев приведёт не только к гибели комаров и пиявок, – не реагируя на смех учеников, продолжала Элеонора Витальевна, – это приведёт к нарушению экологического равновесия, а следовательно, коснётся каждого из нас. В том числе и тебя, Макин. Итак, тема нашего сегодняшнего урока – «Экологическое равновесие». На прошлом занятии я просила вас подготовить примеры такого равновесия.

Юля Соколова стала тянуть руку, ёрзая от нетерпения так, что её косички начали раскачиваться из стороны в сторону, как на пружинках.

– Отвечай, Соколова.

– Я считаю, что живая и неживая природа взаимосвязаны, – затараторила девочка. – Многие из нас, оказавшись в лесу или на лугу, ломают ветки деревьев, рвут цветы, ловят бабочек, стрекоз, кузнечиков, швыряют в лягушек камни. В общем, ведут себя как эти... питекантропы...

– А откуда ты знаешь, как ведут себя люди каменного века? – спросил Лёша Козырь, видимо, неплохо усвоивший историю древнего мира, которой Юля на перемене несколько раз стукнула его по башке. – Они что, тебе сами рассказывали?

По классу вновь прокатилась волна смеха. Не смогла сдержать улыбку даже Элеонора Витальевна. Однако Юлю вопросы давно равнодушного к ней одноклассника не смутили, и она тут же отпарировала:

– Ты что, Козырь, забыл, как сам мне об этом рассказывал? – и, словно профессиональная актриса, сделав многозначительную паузу, завершила своё выступление умозаключением о том, что каждая попусту сломанная веточка, каждая пойманная бабочка – это рана, нанесённая природе. Пусть крошечная, но всё равно рана. И чем больше таких ран, тем природе труднее сохранять экологическое равновесие.

– Может, кто-то хочет продолжить? – окинула взглядом класс учительница.

Руку поднял Миша Кацман, пронырливый мальчуган, которого в классе прозвали Рыжей Википедией, видимо, за цвет его огненной шевелюры и неудержимое всезнайство.

– Летом я отдыхал в Малайзии, – небрежно сообщил он.

– Сам? – одновременно спросили Лена, Катя и Оля.

– С родителями. Их тоже надо оздоравливать... Там, между прочим, на одном из островов развелось много малярийных комаров. Местные власти, чтобы не отпугнуть туристов, обработали весь этот остров специальным антикомариным порошком.

– Вручную? – выразила удивление Лёля Зубарь, хотя слышала эту трагическую комариную историю от Мишки уже раз пять, не меньше.

– С помощью гидроплана, – пояснил мальчишка. – Абсолютно все кровососущие отбросили копыта, а вот тараканы – они там во-о-от такие здоровенные – помирать не захотели, хотя ядовитого порошка в их организмах оказалось выше тараканьих усов... Как известно, в природе существует

пищевая цепочка, и вы, Элеонора Витальевна, нам об этом рассказывали. Ну и вот: напичканные ядом тараканы становились добычей ящериц, а те в свою очередь попадали в цепкие лапы кошек. В итоге на острове перевелись и ящерицы, и кошки. Этим воспользовались крысы, которые расплодились в невероятном количестве. Пришлось островитянам вновь завозить кошек...

– Миша рассказал весьма поучительную историю, – похвалила Рыжую Википедию Элеонора Витальевна. – Она наглядно демонстрирует, как подчас бездумно поступают люди и насколько хрупким бывает равновесие в природе. Один неверный шаг, и человек получает новую проблему...

– Или целую кучу проблем, – выкрикнул кто-то.

– Но давайте, ребята, вернёмся из далёких тропических стран на нашу родную землю. – Элеонора Витальевна достала из сумки газету с возмущившей её статьёй. – Знаете, почему меня так задела за живое публикация Олега Болотникова? Кстати, в недалёком прошлом выпускника нашей школы. Да потому, что он тишком-нишком всё решил сам, поставив общественность перед фактом: на месте Тишинского болота будет стоять мусорозавод. Точка... А ведь Чёртова топь – так ещё называли это место в стародавние времена, – это удивительная экологическая система, которая формировалась тысячелетиями. Там произрастают растения и обитают животные, занесённые в Красную книгу. Я уверена, что уничтожение этого уголка природы приведёт к непоправимым последствиям. Кто мне скажет, к каким именно?

В классе вырос лес рук. Ребята горячо и наперебой стали говорить, что если будет осушено Тишинское болото и вырублен лес, то исчезнут звери, птицы, рыбы, лягушки и насекомые, что городской воздух станет совершенно сухим, грязным и горожане начнут болеть, что не станет морошки и черники, из которых получается очень вкусное и целебное варенье...

– Поэтому давайте, ребята, начнём борьбу за нашу Тишинку, – и в этой борьбе нам помогут учёные, журналисты, «зелёные» – все неравнодушные, любящие родную землю люди...

Юля Соколова сорвалась с места и, подбежав к доске, размашисто написала на ней мелом: «Болотникова – в болото!»

– Болотникава – в болото! – дружно и троекратно прокричал весь пятый «Б».

– Прекрасная кричалка. Мы обязательно используем её в наших акциях протеста, – пообещала учительница и, бросив взгляд на часы, решила подвести итог сегодняшней темы: – Некоторые люди считают болота язвами на теле земли. Но на самом деле они имеют огромное экологическое значение, потому что фильтруют и питают родниковой водой ручьи и малые реки, чистят атмосферу, превращая углекислый газ в торф. Не случайно учёные считают их наряду с лесами лёгкими нашей планеты. Я очень хотела бы, чтобы все вы твёрдо усвоили: ни растения, ни животные, ни человек не могут жить сами по себе. Поэтому людям так важно знать, как всё в природе связано, как одно зависит от другого. Тогда они смогут составлять достаточно точные экологические прогнозы и поступать так, чтобы не нарушать равновесия в природе.

– Элеонора Витальевна, – поднял руку Вася Лях, которого учителя из-за плохой успеваемости считали проблемным ребёнком. – Вот вы нам это... целый урок рассказываете об, как их... ну, отрицательных последствиях уничтожения природы. Но ведь есть и положительные...

– Какие же примеры положительных последствий от уничтожения природы ты можешь привести, Василий?

– Неужели не понятно? Если исчезнет природа, то это... мы не будем изучать природоведение.

СОВЕТ ВОИНСТВЕННОГО ДУХА

Крайне обеспокоенный сообщением, которое Жабсу принесла квакша по кличке Крикуха, тот в срочном порядке собрал Совет Воинственного Духа, или, как его сокращенно называли, СВОД. На него явились напыщенные чиновники, увешанные наградами военные, доктора всяческих земноводных наук, а также полномочные представители кванцлера на всех материках планеты, кроме Антарктиды, которая из-за сурового климата, как известно, совершенно не пригодна для жизни амфибий.

По правую лапу от правителя земноводных сидел командующий надводными и подводными войсками гребенчатый тритон Углозуб, носивший звание кавалера. Он то и дело нервно бил тяжёлым хвостом, обводя грозным взглядом собравшихся. По левую лапу вальяжно расположился командую-

ший сухопутными, мокропутными и беспутными войсками генерал-квайор Прыгс. Это был крупный лягуш камуфляжной окраски с вечно насупленной широкооротой физиономией.

Чтобы прекратить стоящий вокруг гвалт, Жабс отпустил звонкий щелбан комару, предусмотрительно приклеенному к крышке длинного овального стола, и насекомое обиженно затащило своё «З-з-з-з-з!!!». Этот сигнал означал, что заседание начинается. Члены СВОДа тут же притихли, обратив свои лупоглазые взоры на кванцлера.

– Вы прекрасно знаете, господа, что я собираю вас только в самых экстренных случаях, – начал Жабс. – И сегодня именно такой случай. Наши самые бдительные соотечественники, и это подтвердили оперативные сводки секретных и сверхсекретных служб, сообщили мне о надвигающейся катастрофе...

По кабинету прокатилось встревоженное поквакивание и посвистывание. Сделав паузу и обведя всех присутствующих многозначительным взглядом, кванцлер продолжил:

– Болото, вот это самое, на территории которого проживают миллионы лягушек, жаб, тритонов, саламандр, не говоря уже о головастиках, где сосредоточена большая часть наших правительственных штаб-квартир, коварные людоземные хотят осушить. На его месте они намерены построить огромный зловонный мусоросжигательный завод.

Аудитория наполнилась громким возмущённым гулом, но глава правительства земноводного общества вновь отпустил щелбан комару, и его звонкое «З-з-з-з-з!!!» успокоило членов Совета.

– Нас на Земле в тысячи, даже в миллионы раз больше, чем людоземных, – продолжил своё выступление Жабс. – И потом, мы появились на ней значительно раньше, ещё во времена динозавров. Почему же эти двуногие нахалюги не считаются с нашими интересами? Почему они делают всё, как им хочется, в ущерб другим обитателям планеты, всей природе, частью которой они, к великому сожалению, тоже являются? Кто-нибудь из вас может мне дать вразумительный ответ на эти вопросы?

С места поднялся во весь свой могучий рост лягуш Голиаф, академик естественно-болотных наук. Он осмотрел пристальным взглядом присутствующих и, остановив его на Жабсе, взял слово:

– Как показали многолетние исследования наших учёных, людоземные, вознёсшие себя на вершину эволюции, на самом деле обыкновенные деграданты. Вот аргументы! В процессе своего исторического развития они не приобрели, а, напротив, растеряли важнейшие для любого живого организма качества. Они добровольно отказались от данного им природой способа хождения на четвереньках и стали прямоходящими. Итог весьма плачевен – возникли острейшие болезни позвоночника. Далее... У людей весьма скверное зрение, поэтому многие из них носят очки. У них предельно притуплены обоняние, осязание, слух и к тому же весьма странный вкус. Например, большинство из них не ест дождевых червей, личинок, комаров и стрекоз, хотя любой головастик прекрасно знает, что это незаменимый природный источник протеина, то есть белка, необходимого для жизнедеятельности мышц и мозга. А ещё эти примитивные создания не способны, как мы, общаться друг с другом телепатически, поэтому и напридумывали различные искусственные виды связи. То есть, будучи на первом этапе своего развития неотъемлемой частью природы, людоземные в ходе эволюции стали стремительно от природы отдаляться, превратившись в её заклятых врагов.

– На мой взгляд, академик, вы несколько предвзято относитесь к людоземным. Ведь среди них есть и подлинные друзья природы, – прервал рассуждения Голиафа кванцлер.

– Безусловно. Это биологи, экологи, океанологи, климатологи, лесоводы... Но их мнение мало кто учитывает в абсолютно чокнутом обществе потребления, созданном сородичами-вырожденцами. Ради сиюминутной выгоды людоземные идут на любые преступления против флоры и фауны... И даже против самих себя!

– Что-то я не понял науку, – нервно заёрзал на стуле генерал-квайор Прыгс. – Мы сможем переиграть людоземных в стратегическом плане или нет?

Квадмирал Углозуб промолчал, хотя по тяжёлым ударам его гребенчатого хвоста чувствовалось, что этот вопрос его тоже очень волнует.

– Причём легко! – успокоил бравых вояк светило болотной науки. – Свой вид эти самовлюбленные особи называли человеком разумным, но на самом деле всё с точностью до наоборот. Их действия – безумны. Взять хотя бы идею осушения нашего болота – устойчивой природной системы, существующей веками! Ну кто из разумных существ станет рубить сук, на котором сидит? Только умалишённый!

– Я не во всём согласна с коллегой, – проквакала упитанная рогатая жаба Краля, почётный доктор жабоведения, эксперт в вопросах конфликтологии. – Решение определённого круга проблем, вызвавших зарождение того или иного конфликта, может, так сказать, способствовать преодолению тех трудностей, которые уже обозначились в связи с определением сущности возникшего конфликта. Противодействие одной из сторон конфликта заключается в действиях с целью, так сказать, выражения несогласия с оппонентом, блокировки его активности или нанесения ему материального ущерба.

После тирады учёной все сидящие обалдело завертели головами, а у кванцлера стал дёргаться то правый, то левый глаз. Наконец, он пришёл в себя и хрипло произнёс:

– Насколько я понял, конфликта нам не избежать?

Не успела рогатая жаба ответить, как со своего места вскочил кванцлер Углозуб и по-военному чётко, зычным голосом отрапортовал:

– Враг не пройдёт! Мои надводные и подводные войска готовы отразить атаку любого противника!

– Подчинённые мне сухопутные, мокропутные и беспутные войска не допустят вторжения на нашу территорию, – тоже вытянулся в струнку генерал-квайор Прыгс. – Смерть людоземным оккупантам!

– Всё это пусть и правильные, но общие патриотические призывы, – произнёс Жабс. – А мне нужен конкретный план действий.

– План прост, как хвост головастика, – Прыгс в два скока оказался рядом с висящей на стене картой болота. – Кванцлер возьмёт на себя акваторию и дно, а вверенные мне силы окружают болото с правого и левого флангов. В резерве останутся сверпрыгучая диверсионная группа и корпус кваквалерии.

– Предлагаю также создать квармию из наёмников, уже имеющих военный опыт с людоземными, – дополнил коллегу кванцлер. – И в первую очередь из безногих бойцов невидимого фронта – червяг с Чёрного континента.

– Жаль, у нас нет квавиации, – насупился кванцлер. – Летучих мышей природа создала, даже – летучих рыб. А вот создать летучих лягушек почему-то поленилась.

– Мы подумаем над этим вопросом, – заверили его командующие родов войск.

Члены Совета Воинственного Духа принялись детально обсуждать представленный Прыгсом и Углозубом план отпора людоземным агрессорам. Одни озвучивали предполагаемые действия людоземных, другие – наиболее эффективные ответные меры земноводных. Обсуждение было столь бурным, что не обходилось без воплей, взаимных оскорблений и даже тумачков, которыми отъявленные патриоты награждали своих менее патриотичных соболотников. Кванцлеру то и дело приходилось разнимать дерущихся, разводя их в разные стороны.

В самый разгар обсуждения в кабинет, тяжело дыша, вбежали огненные саламандры и что-то по секрету прошептали на ухо своему шефу Жабсу, которого они были призваны охранять и днём и ночью.

Кванцлер в очередной раз щёлкнул комара и, когда его пение успокоило пыл членов СВОДа, подавленным голосом произнёс:

– Они уже здесь!

– Кто? Кто они? – переполошились собравшиеся.

– Людоземные... До зубов вооружённые бульдозерами, экскаваторами и самосвалами!

МИТИНГ ПРОТЕСТА И СОЛИДАРНОСТИ

На площади возле городской мэрии бурлил митинг защитников природы. Его инициатором стала учительница биологии Элеонора Витальевна. Возмущённая до глубины души решением местных властей пожертвовать Тишинским болотом ради строительства вредоносного мусоросжигательного завода, она собрала единомышленников – членов местного отделения общественного движения «Зелёный патруль» и других природолюбивых горожан, чтобы сообща высказать этим самым властям своё решительное гражданское «фе». Выразить свой протест вместе со взрослыми пришло и десятка два школьников, лица которых были скрыты под масками лягушек, жаб и тритонов. Это были в основном учащиеся старших классов, в ряды которых затесались и две пятиклашки – уже знакомые нам Юля Соколова и Лёля Зубарь. Смешно имитируя кваканье и прыжки земноводных, они скандировали: «Болото – наш дом! Мы в нём живём!»

Число митингующих постоянно увеличивалось. Участники акции приносили с собой больших надувных лягушек, рыб и водоплавающих птиц. А ещё они энергично размахивали разноцветными плакатами и лозунгами с кричащими надписями: «Мэр, не гробь Чёртову топь!», «Биосфере – да! Техносфере – нет!», «Ты, а не кто-то, спасёшь болото!», «Заводу-киллеру – наше нет!», «Болотникова – в болото!». Между митингующими сновали стражи порядка, какие-то загадочно-озабоченные лица в гражданском и вездесущие журналисты.

Эпатажного вида девица – медийное лицо местного телеканала «Альфа» – вела прямой репортаж с многолюдной площади, протестующей против строительства мусоросжигательного завода и грядущей экологической катастрофы. Подойдя к Элеоноре Витальевне, которая в это время вместе с другими громко скандировала: «Мэр, не порть нам воздух!!!» – телеведущая обратилась к ней с вопросом:

– Что вы можете как профессиональный эколог и лидер «Зелёного патруля» рассказать нашим телезрителям по поводу уничтожения топи и строительства на её месте мусорозавода?

Привычным движением руки Элеонора Витальевна поправила причёску и, дождавшись кивка телеоператора, начала говорить, глядя прямо в нацеленный на неё объектив:

– Многие люди недооценивают значение болот. Даже слова: болото, топь, трясина – большинство из нас воспринимают как нечто негативное. Между тем, болота имеют огромное экологическое значение. Они фильтруют и питают водой ручьи и реки, чистят атмосферу, дают приют многим видам растений и животных...

– Вы можете, хотя бы в общих чертах, рассказать о последствиях наступления на природу? – поинтересовалась телеведущая.

– Осушение Тишинки приведёт к падению уровня грунтовых вод, что, я думаю, негативно скажется на окрестных лесах. Из-за недостатка влаги высохнет подлесок. Вместе с ним и лесная подстилка, которая может загореться не только от беспечно брошенного кем-то окурка, но даже от солнечного луча, сфокусированного осколком разбитой бутылки. Как эколог, я гарантирую, что «подсушенный» лес будет испарять значительно меньше влаги, чем здоровый. Следовательно, начнёт выпадать меньше осадков. То есть нарушение нынешнего экологического равновесия обязательно приведёт к изменению климата и сопутствующим негативным последствиям... Человек почему-то вбил себе в голову, что он царь природы, и на протяжении веков прикладывает максимум усилий для её уничтожения. Природа терпит, но не бесконечно.

– У вас есть конкретные примеры?

– Конечно. Наводнения, землетрясения, ураганы, торнадо... Не намекает ли всеми этими катаклизмами нам Природа на то, что человек должен остановить, наконец, свою разрушительную деятельность и занять отведённое ему на планете место...

Элеонора Витальевна скользнула взглядом по фасаду здания городской мэрии и вдруг увидела, как в одном из окон второго этажа, закрытого от посторонних глаз жалюзи, мелькнула чья-то тень.

– Мэр-то за нами наблюдает. А выйти поговорить с народом не хочет, – с нескрываемой досадой проговорила она.

Градоначальник действительно стоял по другую сторону окна и сквозь щёлочку в жалюзи наблюдал за действиями митингующих. Лицо мэра, словно вырубленное из гранита, и густая, местами тронутая сединой шевелюра делали его похожим на стареющего льва. Но самым невероятным казалось то, что он с рождения носил фамилию Львов.

В глубине кабинета нервно прохаживался его великовозрастный сынок – безликое, изнеженное и безмерно наглое создание, являющее собой полную противоположность отца. Запоминался Львов-младший только крупной бородавкой, которая рассекала его правую бровь.

На рабочем столе Львова бравурной маршевой мелодией пропел мобильник. Мэр бросил взгляд на вспыхнувший экран и хмыкнул:

– О! Болотников нарисовался.

Он включил громкую связь, чтобы сын, метивший на пост директора мусоросжигательного завода, тоже слышал его разговор со строительным магнатом, из-за которого, собственно, и заварилась вся эта каша с осушением Тишинки.

– Что это за цирк? – негодовал Болотников. – Причём сразу по всем каналам! Я хочу знать, кто проплатил это сборище?

– Мы сейчас выясняем.
– Не пойму, зачем вы всё это допустили?
– Что именно?
– Цирк шапито!
– Спокойствие! Пусть народ покричит, потолкается, выпустит пар, – дружелюбно проговорил градоначальник. – В конце концов, это его право, которое гарантирует наш Основной закон.
– Вы же меня заверяли, что всё пойдёт как по маслу. И «масла», как вы знаете, я не пожалел.
– Олег Петрович, у вас нет оснований для беспокойства. Мы всё уладим!
Мэр раздражённо отключил телефон и пристально уставился на сына:
– Мы, законно избранная власть, просто обязаны слышать глас народа. И ты как депутат должен это понимать.

Львов-младший понятиливо закивал, вмиг став похожим на китайского болванчика, а Львов-старший продолжил:

– Иди на площадь и объясни биомассе от лица депутатского корпуса, что Тишинка будет осушена частично, что проект завода согласован и одобрен всеми охраняющими природу органами, что строительство такого предприятия поможет нам не уничтожить, а, наоборот, сберечь окружающую среду для грядущих поколений. В общем, уверенно, доказательно, с конкретными цифрами... Не мне тебя учить.

– Ну а если они не успокоятся? – поинтересовался сын, и его нахальные глазки суетливо забежали из стороны в сторону.

– Тогда мы организуем свой митинг, а точнее, антимитинг... Только без этих мерзких жаб, лягушек и прочих землеройных...

– Ты хотел сказать, земноводных.

– Не имеет значения, – мэр скользнул взглядом по экрану телевизора, который показывал ту же картинку, что прекрасно была видна из окна. – Главное, чтобы участников антимитинга было в три-пять раз больше, чтобы они настоятельно требовали от власти незамедлительно построить мусоросжигательный завод... Вот тогда посмотрим, чья возьмёт!..

– Но чтобы замутить подобную антиакцию, понадобится прорва денег, – предупредил сынок.

– За всё в этой жизни надо платить... Или заставлять это делать другого.

– К примеру, того же Болотникова.

– В правильном направлении мыслишь, сынок...

В это же самое время во внутреннем ухе кванцлера Жабса, а точнее, в барабанной перепонке, связанной с ушной косточкой, раздался щелчок, и он услышал звучный голос квакши Крикухи, вышедшей на связь по телепатическому каналу:

– Смею доложить, господин кванцлер, что здесь, в городе, людоземные устроили шумный сход в нашу защиту и требуют от власти отквастаться от своих коква... коварных планов.

– Прекрасная новость!

– Так вот, мы, местные земноводные, хотим поддержать квакцию протеста людоземных.

– Это крайне опасно! Многие из вас могут попасть под колёса машин или погибнуть под подошвами близоруких горожан.

– Да, это опасно! Но мы должны поддержать разумных людоземных. Это наше общее решение.

– В таком случае не возражаю, – после краткого раздумья проговорил Жабс. – А мы постараемся дать отпор неразумным людоземным здесь, на болоте.

– Господин кванцлер, у меня к вам ещё один вопрос...

– Задавай.

– Я разработала хитрый план освобождения Мантелло. Помните, того оранжевого лягушонка, который уже второй год томится в застенках болотниковского террариума.

– Это преждевременно.

– Но почему?

– Потому, что нам очень важно иметь такого ценного агента в самом логове нашего заклятого врага.

– Поняла. Конец связи...

Но вернёмся в гущу митингующей толпы, в центре которой с мегафоном в руке стоял Львов-младший, пытаясь растолковать собравшимся, какую реальную пользу принесёт городу и каждому горожанину строительство мусорозавода, оснащённого самыми передовыми технологиями. Говорил он сумбурно, неубедительно, поэтому большая часть протестующих стала прерывать его речь неодобрительными выкриками, свистом и оглушительным хлопанием в ладоши.

Чуть поодаль Элеонора Витальевна завершала своё интервью телеканалу «Альфа». Смело глядя в камеру, она обещала, что если местная власть не отреагирует на протесты горожан, то те вынуждены будут обратиться в центральные органы власти, а также в авторитетные международные организации, которые занимаются экологическими проблемами.

– Кстати, на нашей сегодняшней акции присутствует защитник природы из далёких Нидерландов. Его зовут Якобс ван... Дальше не помню...

– Где? – глаза теледивы вспыхнули, как студийные софиты.

– Да вон же он, – и Элеонора Витальевна показала в сторону худосочного молодого человека, энергично размахивающего игрушечным лягушонком.

Недолго думая, медиа-лицо «Альфы» на предельной скорости потащило оплывшего на солнце-плёке оператора к иностранцу, столь равнодушному к экологическим проблемам чужой страны. Нельзя было терять ни секунды, ведь Якобса мог перехватить любой другой конкурирующий телеканал, а такой оплошности ведущая новостной программы не пережила бы.

– Почему вы здесь? – поинтересовалась теледива у голландца на плохом английском, улыбаясь от уха до уха.

– Потому что вмешательство в природу – это есть плохо, – ответил Якобс на хорошем русском, немного путаясь в согласовании слов. – Нидерланды тоже осушал болота. Она небольшой страна, поэтому ей не хватало земля для сельского хозяйства и жилья. На осушение был израсходован сумасшедший средства. А потом... Потом болота начали искусственно восстанавливать, а это стоило во много раз больше, чем...

Голландец вдруг запнулся, и его бесцветные рыбы зрачки вылезли наружу на манер рачьих. Теледива имела неосторожность посмотреть в том же направлении и выронила микрофон. Из рук работавшего с ней в паре оператора вывалилась и грохнулась об асфальт дорогая телекамера...

По центральной улице двигалось, волнами выплёскиваясь на митингующую площадь, несметное скопище прыгающих, скачущих и ползущих жаб, лягушек, тритонов и саламандр. Все эти хвостатые и бесхвостые существа испускали громкие протяжные звуки и размахивали плакатиками с надписями на своём земноводном языке, очень напоминающем древнешумерскую клинопись.

Среди митингующих началась лёгкая паника, которая подкреплялась аханьем, криками и визгами прежде всего представительниц слабого пола. Юля из пятого «Б» торопливо достала из джинсовой наплечной сумочки смартфон и включила режим видеосъёмки, чтобы запечатлеть для себя, друзей и истории невиданное шествие земноводных по центру города.

Из ошарашенной толпы вынырнула Элеонора Витальевна и прокричала:

– Молодец, Соколова! Пятёрку по природоведению я тебе гарантирую.

В ДОМЕ С ПРИВИДЕНИЯМИ

Возвратившись после акции «зелёных» домой, Юля перегнала видео массовой манифестации земноводных с телефона на планшет старшего брата и посмотрела теперь уже на большом экране, что у неё в итоге получилось. А получилось очень и очень впечатляюще – словно эпизод из нового ужастика. Осознав, что она, Юля Соколова, обладательница двух непослушных косичек, почему-то сводящих с ума мальчиков, является ещё и автором эксклюзивного ролика, девочка вдруг почувствовала непреодолимое желание познакомиться с ним если не полмира, то хотя бы кого-то из одноклассников.

Первой она позвонила Лёле Зубарь, которая вместе с ней участвовала во взрослой акции и уже видела отснятый материал в телефонном варианте.

– Лёлька, слушай, жабки получились просто супер! И тритончики – тоже. Я их на планшетку перегнала – это что-то! Голливуд отдыхает! Может, через часок соберёмся на нашем месте?

– А кто ещё будет?

– Не знаю. Я сейчас звякну Лёшке и Юрке, а ты – Мишке.

– Идёт.

Ровно через час пятеро одноклассников собрались возле огороженного высоким покосившимся забором старинного особняка, который горожане называли не иначе, как домом с привидениями. Занимаемую им территорию несколько лет назад приобрела местная компания «Стройбат», решившая развивать ещё и гостиничный бизнес. Она намеревалась снести аварийное двухэтажное строение, чтобы на его месте возвести сверкающий престижем и роскошью отель-небоскрёб. Но с его возведением что-то не заладилось, и тогда глава компании принял решение переключиться на воплощение другого, по его мнению, более выгодного проекта – строительство мусоросжигательного завода. А дом с привидениями так и остался уродливым пятном на прекрасном лице города. Вот его и облюбовали ребята из близлежащих многоэтажек для своих посиделок или, как они их по-своему окрестили, поболталок.

Со стороны главного фасада ветхий дом был огорожен солидным забором из оцинкованного металлического листа, а вот с тыльной – обыкновенным горбылём, в котором ребята ещё полгода назад проделали лаз. Именно через него небольшая группа искателей приключений из пятого «Б» легко проникала внутрь. По лестнице без перил, местами заваленной строительным мусором и домашним скarbом, они поднимались на второй этаж, где в самой просторной комнате с облупленными стенами сохранилось несколько старых стульев и сервант с деревянными резными вставками по бокам. На одной из его полок продолжала одиноко стоять на одной ножке покрытая толстым слоем пыли фарфоровая балерина.

Посмотрев снятый Юлей ролик, ребята принялись обсуждать как операторские достижения и просчёты его автора, так и сам запечатлённый земноводный сюжет.

– Когда там, на площади, я увидела всю эту прыгающую ораву, то завизжала и дала дёру, – призналась Лёля. – А Юлька смелая! Вытянула мобилу и давай снимать.

– Но ты же потом вернулась и нашла меня, – обняв подружку за худенькие плечи, сказала Юля.

– Короче, на триллер твой ролик не тянет, – менторским тоном проговорил Миша Кацман. – Но впечатляет! Правда, нашествие земноводных снято скучным общим планом. А где средний план? Где крупный? Почему не использован метод рапидной съёмки?

– Чего?

– Вот темнота. Пятый класс дамочка заканчивает, а не знает, что такое рапид, – продолжал мальчишка по кличке Рыжая Википедия. – Так вот, рапид – это ускоренная съёмка, которая при последующей прокрутке отснятого материала создаёт эффект замедленного действия.

– У тебя смартфон есть, Мишель? – как бы между прочим поинтересовался Лёшка Козырь.

– Есть.

– Вот и сними нас рапидом. Мы начнём прыгать, бегать, кривляться, Юрка вон на руках пройдётесь... А ты снимай.

– Но... но в моём... этом самом... смарте нет такой... ну это... функции, – запинаясь чуть ли не на каждом слове, признался Кацман.

– А Юлька разве профессиональной кинокамерой снимала?

– Чего ты ко мне прицепился, Лёха? Шуток не понимаешь? Просто нашествие земноводных более эффектно смотрелось бы в рапиде.

– Дело не в том, кем, чем и как снято, – вступил в спор Юрка Смолич, – а в том, что это сенсация. Кто-нибудь из вас хоть раз видел подобное?

– Такое даже в кошмарном сне не увидишь, – произнесла Лёля и тихо ойкнула, услышав вдруг отчётливый скрипящий звук и чьи-то шаги «топ-топ-топ».

Ребята притихли и насторожились. Их шеи вытянулись, уши наострились, а широко распахнутые глаза, словно маятники, стали метаться то в один, то в другой угол мрачно-пыльной комнаты.

– Может, привидение? – прошептала Юля и принялась искать свой смартфон, чтобы запечатлеть ещё одну сенсацию, совсем позабыв, что держит в руках крутой планшет с функцией видеосъёмки.

Что-то вновь протяжно скрипнуло, затем послышалось шуршание, и вдруг на середину комнаты выбежала самая обыкновенная домовая мышь. Она остановилась напротив прекративших дышать ребят, и её глазки-бусинки застыли в диком испуге.

– А-а-а, я сейчас закричу, – дрожащим голосом пролепетала Лёля.

Но тут Юрка-циркач, который никогда ничего не боялся, топнул ногой, и мышка, прощально вильнув хвостом, стремительно ретировалась.

– Мало нам земноводных, – облегчённо вздохнув, сказала Лёля, – так ещё грызуны достают. Наверное, Элеонора Витальевна права – равновесие в природе серьёзно нарушено.

– Мы отвлеклись, – Юра обвёл одноклассников взглядом. – Соколовой удалось запечатлеть уникальный момент.

– На западе за подобное видео она отхватила бы кучу баксов, – вставил свои два слова Миша, а Юра продолжил:

– Надо срочно предложить этот ролик какому-нибудь телеканалу и выставить в интернет...

– Точно! И наутро проснуться знаменитым! – мечтательно пропела Лёля. – Как ты на это смотришь, Юль?

Но Юля тревожно смотрела в сторону лестницы. Именно оттуда доносились какие-то непонятные звуки. Остальные ребята тоже притихли и стали прислушиваться.

– Мне кажется, на первом этаже кто-то ходит, – снова перешла на шёпот Юля.

– Не зря эту хибару прозвали домом с привидениями, – поддержала подружку Лёля и на всякий случай подошла поближе к Лёшке и Юрке.

– А вы уши и развесили, – вмешался Мишка.

– Так все знают, что давным-давно здесь жил какой-то купец... – сказал Лёшка Козырь.

– Который дочке из заморских стран аленький цветочек привёз, – рассмеялся Кацман.

– Ржёшь? А мне бабушка рассказывала, что этот купец был жадным до невозможности. В гости никого не приглашал, даже прислугу не держал. Всё копил и копил.

– А где он богатство своё хранил? – любопытствовала Лёля.

– В каморке. Он все её стены железом обшил и двери тоже. И вот один раз уехал он по своим купеческим делам, а когда вернулся, то в каморе – тью-тью! – ни денег, ни золота. Вот и умер от разрыва сердца. Но его сущность продолжает бродить по дому и причитать: «Кто украл моё золото? Где мои деньги?..»

«Где мои деньги?» – отчётливо услышали ребята чей-то приглушённый голос – к ним, на второй этаж, он долетал явно снизу.

– Эт-т-то при-привидение! – затряслась от страха Лёля. – Точно-точно оно!

– Все остаются здесь, – прошептал бесстрашный Юра, – а я – на разведку...

– Я с тобой, – решительно проговорила Юля, прихватив планшет с функцией фото- и видеосъёмки. Никаких возражений по этому поводу от остальных одноклассников не последовало.

Парочка смельчаков осторожно, буквально через шаг-два останавливаясь и прислушиваясь, спустились на первый этаж. Там царил полумрак, потому что виднеющееся сквозь грязные оконные стёкла небо затянуло свинцовыми тучами, которые вот-вот должны были пролиться дождём. На мгновение помещение осветила вспышка молнии, и по его обветшалым стенам заплясали уродливые тени. Дом вздрогнул от прокатившегося раската грома, и на плечо Юрки откуда-то с потолка посыпались мелкие кусочки штукатурки.

Ребята пробрались к смотрящему во внутренний двор окну. По стеклу, наполовину разбитому, скатывались первые капли дождя. В нескольких шагах от оконного проёма беседовали две мужские фигуры, лица которых скрывали раскрытые зонтики. Спрятавшись за выступом стены, Юля направила объектив планшета на говорящие зонтики и включила видеозапись. Ну а Юра стал вести наблюдение за незнакомцами, осторожно выглядывая из-под широкого, заваленного мелким мусором подоконника.

– Остальное получишь после решения вопроса с Тишинкой, – с плохо скрываемым раздражением сказал хриплый голос, который обычно бывает у больных ларингитом или заядлых курильщиков.

– Всё идёт, как надо... – попытался возразить ему обладатель более тонких голосовых связок.

– По-твоему, сегодняшняя акция «зелёных» – это «как надо»?

– На их акцию мы ответим антиакцией. Только для её организации нужны «зелёные».

– Ни о какой новой порции «зелени» речи пока быть не может. Ты с папашей ещё толком аванс не отработал... – прорычал хриплый.

– Но отец...

– Он должен заткнуть рот общественности... И как можно быстрее!

У Юльки где-то за пазухой предательски зазвонил телефон.

– Это у тебя трезвонит? – спросил тонкоголосый.

– Я думал, у тебя...

Один из обладателей зонтика подозрительно покосился на разбитое окно дома с привидениями, но Юлька уже отдернула руку с планшетом, а другой хлопнула по голосящему в кармане смартфону, и он обиженно умолк.

Незнакомцы больше не проронили ни слова. Воспользовавшись всё тем же лазом в заборе, они спешно покинули огороженную от посторонних глаз территорию дома с привидениями.

– Знаешь кого-нибудь из этих хмырей? – спросил Юра одноклассницу.

– Не-а, – призналась Юля. – Хотя этот тонкий голос я уже где-то слышала.

– Я успел его разглядеть. У него родинка вот здесь, – и Юра Смолич ткнул указательным пальцем в свою правую бровь.

Несостоявшиеся охотники за привидениями позвали всех оставшихся наверху членов тусовки. Они показали им зафиксированный на видео разговор двух «зонтиков», но он никого из ребят не заинтересовал. Ну, беседуют два каких-то типа, лиц которых не видно. И что из этого? То ли дело многотысячное орущее полчище земноводных!

Уже перед тем, как разбежаться по домам, Юлька вдруг вспомнила:

– Этого, с родинкой, я узнала... Он на акции «зелёных» выступал... Но его освистали...

ОЧЕВИДНОЕ НЕСУСВЕТНОЕ

Над Тишинским болотом висела лёгкая туманная дымка. Первые лучи солнца быстро прогнали её прочь, заиграв ослепительно-золотистыми бликами на водной глади озёр и речных плёсов. Многочисленные островки и кочки из болотной травы пушицы, низкорослые деревца, причудливые коряги и кусты багульника вмиг обрели розоватый ореол, превратившись в пейзаж из какой-то волшебной сказки. Первозданную тишину нарушали лишь всплески игривых рыб, лягушачьи трели да пронзительные крики невидимых болотных птиц, гнездящихся в густых тростниковых джунглях. Изредка природную симфонию дополняли ещё и булькающие звуки – это поднимался из торфяных глубин, устремляясь к поверхности воды, газ метан. В старину люди принимали эти звуки за проделки водяного или кикиморы, а потому неизменно старались обойти страшные заболоченные места стороной.

Однако утренняя болотная идиллия продолжалась недолго. Вскоре к поросшему камышом берегу подкатил запылённый рабочий автобус, который привёз шумную ораву гидростроителей, механизаторов и прораба Михалыча. Прораб, коренастый мужик лет сорока, круглосуточно ходил в жёлтой каске и с чадающей сигаретой в таких же жёлтых зубах. В течение смены он либо просматривал рабочие чертежи, либо орал на работяг, которые почему-то всё делали не так, как ему хотелось. «Куда? Куда ты роешь, утяни тебя трясина?! – неистово кричал прораб. – Боковее надо! Ориентир во-о-он та коряга. Понял, наконец, дурья башка?»

Затарахтели моторы мощных бульдозеров, задвигали ковшами экскаваторы, завизжали рабочими органами другие машины, и работа по осушению Тишинского болота закипела. Всё живое вмиг умолкло и попряталось, лишь высоко над головами тревожно кружил не на шутку перепуганный аист, оглядывая с высоты ближайшие окрестности, где можно было найти спасение от нагло вторгшихся в его дом бескрылых двуногих существ.

Где-то через час к болоту подкатил огромный чёрный джип, из которого вышел Болотников. Высокий, стройный, современный – в фирменных джинсах, с золотой цепью на шее и дорогими швейцарскими часами на левом запястье. Возле шефа, как из-под земли, тут же пророс Михалыч и, забегая то справа, то слева, повёл его осматривать фронт работ. Прораб уверял, что всё идёт по плану и что завтра, в крайнем случае послезавтра субподрядчики пригонят сюда крот-машину, которая начнёт прокладывать дренажи – сточные ходы под землёй для отвода воды.

– Я сотру с лица земли это квакающе-крякающее царство! – силясь перекричать рёв землеройной техники, пообещал Болотников то ли самому себе, то ли прорабу, то ли замершему в предчувствии недоброго Тишинскому болоту. – Не случайно мне от предков досталась такая выразительная фамилия.

– С чего вы, Олег Петрович, так лягушек невзлюбили? – полюбопытствовал Михалыч. – Безобидные, можно сказать, твари. К тому же они пользу приносят: исправно комаров, мошек и прочих кровопийц уничтожают.

– Ты мне лекций не читай. Это всё я и без тебя знаю. И потом, не надо из меня жабоненавистника делать. У меня в кабинете, между прочим, в террариуме уникальная лягушка живёт, с острова Мадагаскар. Очень редкий экземпляр – мантелла называется! И знаешь, Михалыч, какого она цвета?

– Синего, наверно, – предположил прораб.

– Почему синего?

– Потому что холодно ей у нас, вот она и посинела. Всё-таки средняя полоса – это вам не жаркие тропики...

– Да-а, железная у тебя логика, – засмеялся Болотников. – А цвет у моей лягушки, точнее лягуша, совсем не такой, как у наших, а ярко-оранжевый. И кричит он не «ква-ква», а протяжно так «тиик-тиик».

– И чего только природа не создала!

– В том числе и человека. А теперь он преобразовывает эту самую природу: строит города, дороги, заводы, газопроводы... Потому что человек – главный на этой планете, а все остальные должны ему служить.

– Или идти в пищу, – подытожил прораб.

К болоту подкатили два многотонных самосвала, и Михалыч был вынужден на пару минут покинуть шефа, чтобы показать водителям, куда им становиться под погрузку.

Возвратившись и закулив очередную сигарету, прораб спросил:

– Олег Петрович, а чего это вчера за смута была? Вечером по телеящику показывали, как народ возле мэрии требовал от властей прекратить осушение Тишинки и всё такое...

– Не бери в голову, Михалыч. Делай своё дело и не обращай внимания на дешёвые провокации, – панибратски похлопал подчинённого по плечу Болотников. – Ну, «поквакают» эти экологи день-другой, да и разойдутся. Прогресс остановить невозможно! Мы – цивилизованные люди и не должны жить по соседству с какими-то жабами, лягушками и комарьём. И потом, мусорная проблема – это сейчас для человечества проблема номер один!

– Люди нам ещё спасибо скажут, что мы избавили их от этого гнилого места...

– Это точно.

– Кстати, там, в телеящике, одна училка в очках выступала, настырная такая. Сказала, что проект вашего мусоросжигательного завода – это бомба замедленного действия для горожан и окружающей их среды. Что через время он уничтожит всё живое в радиусе двадцати километров.

– А если мы не построим завод, то город значительно раньше будет погребён под мусорными свалками, по которым начнут шнырять стада упитанных мышей и крыс.

– Да куда ж ты роешь! – закричал вдруг Михалыч и, нелепо размахивая руками, ринулся к ближайшему экскаватору. – Я же тебе объяснял, утяни тебя трясина!..

Едва прораб произнёс свою ритуальную фразу, как стоящий на берегу огромный экскаватор на гусеничном ходу стал проседать в грунт, словно его действительно засасывала трясина. Смертельно испуганный экскаваторщик успел выпрыгнуть из кабины и на манер тушканчика, какими-то нервными петляющими прыжками, бросился наутёк. Почва на месте исчезнувшей землеройной машины ещё какое-то время шевелилась, подбрасывая небольшие комья вверх. Создавалось такое впечатление, что экскаватор, лихо орудуя ковшом под землёй, сам себя закапывает всё глубже и глубже. Вскоре странное перелопачивание почвы прекратилось, и место провала непонятным образом затянулось дёрном. То есть напрочь исчезло, став неразличимым на фоне живописного болотного пейзажа.

Если бы то, что случилось, не произошло на глазах Болотникова и Михалыча, они бы в жизни не поверили, что такое вообще возможно в реальном материальном мире. Так и не оправившись от транса, оба одновременно повернули головы в сторону работавшего чуть поодаль второго экскаваторщика. «Чур, чур меня!» – орал бедняга благим матом, наблюдая за тем, как его мощная машина, лихорадочно трясясь, накренилась и стала медленно проседать в грунт.

Такая же печальная участь постигла вскоре и всю другую привезённую на болото технику. Причём никаких заметных следов её пребывания здесь даже вооружённым очками глазом не замечалось.

Охваченные страхом механизаторы спешно покидали свои рабочие места, убегая от гиблого места как можно дальше.

Каким-то колдовским способом залечив нанесенные людьми раны, болото вскоре обрело свой первозданный вид. Вновь устроили переключку озёрные лягушки и дикие утки, вновь стали слышны протяжные крики аистов и цапель, вновь огласили окрестности звонкие всплески проворных рыбных стаек. Эти и масса других звуков, переплетаясь друг с другом, творили чудную, вечно звучащую мелодию болотной жизни.

– Чертовщина какая-то, – бормотал Болотников, посматривая зачем-то на циферблат своих швейцарских часов. – Что ты стоишь как истукан, Михалыч, делай хоть что-нибудь!

Но прораб ошалело вертел по сторонам головой, раздувал щёки, как жаба в брачный период, совершенно не зная, что именно он должен делать в такой ситуации.

– Чёртова топь! Не случайно это место так называли, совсем не случайно, – процедил сквозь зубы Болотников и направился к своей машине.

Сделав лишь дюжину шагов, глава «Стройбата» вдруг остановился как вкопанный. Его чёрный джип, со всех сторон облепленный лягушками, жабами и тритонами, сам ехал к нему навстречу. Олег Петрович внимательно всмотрелся в ветровое стекло, и его чуть не стошнило. Обитый дорогой кожей салон внедорожника по самую крышу тоже был заполнен амфибиями всех видов и мастей. Они лихо неслись прямо на него и, как ему казалось, ехидно улыбались во всю ширину своих беззубых ширококоротых физиономий.

– Это невозможно! Они же тупы и примитивны! – панически пролепетал Болотников.

Он больно ущипнул себя, чтобы проверить, не снится ли ему весь этот кошмар. Кошмар не снился, а происходил наяву.

Олег Петрович успел отпрянуть в сторону от пронёсшегося мимо джипа и побежал, не разбирая дороги. Это и спасло бизнесмена от инфаркта. Потому что он не увидел, как перегруженное необычными пассажирами авто, не сбавляя скорости, сигануло с берега в воду и, издавая хлюпающе-квакающие звуки, взяло курс к противоположному берегу, исчезнув вскоре в густых камышовых зарослях.

Михалыч, ставший невольным свидетелем произошедшей прямо на его глазах несусветности, схватился за сердце и медленно осел на траву. Наполовину выкуренная сигарета выпала у него из рта, угодив прямо в розетку из зубчатых листьев одуванчика.

ФЕНОМЕН ТИШИНКИ – ВОПРОСОВ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОТВЕТОВ

На следующий день на Тишинское болото приехал следователь Дронов, редковолосый мужчина с глубоко посаженными глазами-буравчиками. Он тщательно обследовал береговую зону, где, как ему сообщили из «Стройбата», вчера таинственно исчезла дорогостоящая землеройная техника, но ничего подозрительного не обнаружил. Ни единой зацепки или улики. Кроме одной – окурка в траве. Всё остальное выглядело так, будто нога человека впервые ступила сюда только сегодня. А ведь должны были остаться вырытый экскаваторами многометровый отводной канал, отвалы земли, глубокие следы от гусениц. Должны были остаться огромные глубокие ямы, в которые якобы провалилась вся землеройная техника. В общем, загадки, загадки и ещё раз загадки, разумных отгадок на которые Дронов пока что не находил.

После следователя в оцепленную ярко-жёлтой пластиковой лентой зону вошла группа людей с металлоискателями. Они тщательно прошупали рамками приборов каждый квадратный сантиметр, но так ничего примечательного не обнаружили. Ни с чем возвратились и два водолаза, которые обследовали озёрное дно.

Дронов тоскливым взглядом окинул лягушек, кучками и поодиночке сидящих на круглых, как блины, листьях кувшинок, снующих туда-сюда стрекоз, ныряющих близ тростниковых зарослей диких уток и досадливо сплюнул. Все они, безусловно, были живыми свидетелями вчерашнего мистического происшествия, но поведать, что здесь произошло на самом деле, не могли в силу своей природной примитивности. «Интересно, упекли бы меня в психушку, если бы я взял свидетельские показания у озёрной лягушки или кряквы?» – пришла следователю в голову безумная мысль. С прорабом Михалычем ему пока поговорить не удалось – тот после случившегося оказался в реанимации,

а Болотников и его механизаторы несли такую околесицу, что хотелось рыдать или биться в истерику. Из их сбивчивых показаний получалось, что экскаваторы сами себя закопали в землю, а жабы с тритонами и саламандрами лихо раскатывали на джипе.

«А может, этот Болотников голову морочит? Может, здесь рядовое хищение в особо крупных размерах... Загнали кому-то дорогостоящую технику, а концы в воду», – размышлял Дронов, недружелюбно поглядывая на стайку журналюг, которые поджидали его поодаль.

Едва местный пинкертон пересёк огороженное ярко-жёлтой лентой гиблое место, к которому полицейские никого из посторонних не подпускали, к нему ринулись жаждущие сенсаций представители пишущей братии. Впереди всех с микрофоном наизготовку несло обаятельное медиа-лицо телеканала «Альфа».

– Что вы можете сообщить по поводу загадочно исчезнувшей строительной техники? – спросила теледива следователя.

– Ведётся расследование, начат сбор улик и опрос свидетелей, – пробубнил тот дежурную фразу, протискиваясь сквозь напористую толпу акул пера к служебной машине.

– А правда, что земноводные угнали у Болотникова джип?

– Думаю, что вам лучше спросить об этом у самих земноводных, – кивнул в сторону болота Дронов и, выдавив из себя подобие улыбки, умчался по своим важным сыскным делам.

Во второй половине дня Тишинское болото облетела на вертолётке группа экстренно прибывших из столицы учёных. Они просвечивали и сканировали его какими-то хитроумными приборами, делали фотографии в различных лучах спектра и снимали на видео. Затем вертолёт опустился на грешную землю, и учёные взяли несколько проб почвы и воды, а также образцов растительности именно в том месте, где накануне работала бесследно исчезнувшая многотонная техника.

Один из столпов науки – седеющая борода лопатой, тоном, не требующим возражений, заявил:

– Я думаю, коллеги, что в данном случае мы столкнулись с тектоническим сдвигом. Как геолог смею утверждать, что вот здесь, на этом самом месте, произошёл спонтанный сдвиг плит... Надеюсь, вы не сомневаетесь в правильности теории дрейфа земных континентов? Наглядную иллюстрацию этого глобального явления мы с вами сегодня как раз и увидели.

– Не могу с вами согласиться, профессор, категорически не могу, – тут же возразил ему другой учёный в роговых очках с толстыми линзами, которые превращали глаза их обладателя в глаза лемура. – Тектонические сдвиги, как правило, сопровождаются землетрясениями и прочими катаклизмами, а здесь подобных страшилок замечено не было. И потом, где вы, уважаемый, увидели изменения рельефа? Он остался таким же, каким и был.

– Вам, мой дорогой, наверное, известно, что плита, как именинный торт, состоит из слоёв. Одни из них тверды, как базальт, другие, наоборот, пластичны. Предполагаю, что именно такая пластичная плита сдвинулась и поглотила всю землеройную технику.

– Не поперхнувшись, – добавил очкарик.

– А потом она вновь заняла своё привычное место, – не обращая внимания на язвительную насмешку своего более молодого коллеги, продолжал бородач. – Вот почему наши приборы не могут зафиксировать погребённые экскаваторы и тракторы, которые оказались словно в подземном сундуке.

– А почему бы не предположить, что причиной Тишинского феномена стал пливун? – подбросил в разгоревшийся научный спор дровишек профессор-лемур. – Да, да, да, подвижный, как ртуть, обыкновенный песок с водой, с которым постоянно сталкиваются шахтёры и метростроевцы. Когда начались работы по осушению Тишинки, он себя и проявил, отомстив человеку за его очередную попытку видоизменить природу.

Но тут в эмоциональную дискуссию двух докторов наук решительно вмешался широко известный в очень узких кругах собиратель сведений о неопознанных летающих объектах. Это был абсолютно лысый человек неопределённого возраста с тонкими белёсыми усиками. Он стал рьяно убеждать, что принадлежащую местной строительной фирме технику, безо всякого сомнения, похитили инопланетяне. И понадобилась она им, чтобы устранить поломку своего НЛЮ, на котором они к нам прибыли из другой галактики.

– Неделю назад я, значит, ездил к тётке в село Кукушкино, – затараторил он, – и там баба Марфа – она живёт по соседству с моей тёткой – рассказала, что ночью видела, как над селом летал странный

светящийся диск. Она, значит, вернулась в дом и стала будить внука, чтобы он сфотографировал этот неопознанный летающий объект. Но пока тот проснулся и понял, что к чему, инопланетян, значит, след простыл. Но я убеждён, что именно они здесь, на болоте, и накуролесили.

Выслушав доводы лысого, как воздушный шарик, уфолога, молчавшая до сих пор дама со стрижкой мальчика-подростка из какого-то очень серьёзного НИИ не выдержала:

– Получается, вот эти жабы, лягушки и тритоны прилетели сюда из космоса? Наверное, из созвездия Рака?

– Какие ещё жабы из рака?..

– Так ведь свидетели произошедшего утверждают, что автомобиль владельца строительной фирмы угнали, а затем, возможно, утопили земноводные. Вон они, лупоглазенькие, сидят и комариков хрумят.

Лягушки, жабы и сидящие в густых зарослях тритоны, как по команде, повернули головы и посмотрели на спустившуюся с небес молодящуюся даму и её учёных коллег.

– Создаётся такое впечатление, что они прекрасно понимают всё, о чём мы говорим, – улыбнулась знаток внутреннего мира фауны.

Седобородый профессор бросил на неё скептический взгляд и сказал:

– Только не надо приписывать весьма примитивным позвоночным созданиям наличие интеллекта. Не надо очеловечивать их деятельность, которая подчиняется исключительно инстинктам. Место, которое занимают земноводные в современной классификации животного мира, находится на очень большом расстоянии от места, которое занимаем мы – цари этого самого мира...

– Браво, профессор! Значит, во всём случившемся на этом болоте виноваты тектонические плиты, которые сдвинули с места некие космические пришельцы или обитатели параллельного мира, совершенно невидимые ни человеческим глазом, ни сверхчуткими приборами? – ироничным тоном произнесла дама-подросток.

– Извините, но я не утверждал подобное. Я лишь высказал одну из научно обоснованных версий произошедшей здесь череды феноменальных явлений...

– Давайте в отчёте нашей компетентной комиссии так и напишем: экскаваторы спёрли нечистые на руку инопланетяне, а бульдозеры умыкнули неведомые параллельномирцы. И поставим подписи трёх докторов и одного кандидата наук, – то ли в шутку, то ли всерьёз предложил профессор в очках, толстые линзы которых порождали солнечных зайчиков.

– Тихо, тс-с, – приложила длинный указательный палец к губам учёная дама и направилась в сторону озера, стараясь ступать по траве как можно невесомее.

В зарослях багульника, близ самой кромки воды шевелилось какое-то существо, похожее то ли на гигантского дождевого червя, то ли на змею. Рядом из просверленной в почве норы торчала подслеповатая голова ещё одной такой особи.

– Червяги? – в недоумении прошептала психозоолог. – Аномально! Каким образом они здесь оказались?

«ТАЙНЫ И СЕНСАЦИИ» ИНТРИГУЮТ

– Олег Петрович, я уже устал слушать все эти рассказы о добровольно закапывающих себя в землю экскаваторах и о лихо разъезжающей на авто болотной нечисти, – устало проговорил следователь Дронов. Он сидел в шикарном кабинете владельца строительной фирмы неподалёку от террариума, в котором жил заморский лягуш необычного апельсинового цвета.

– Я рассказал то, что видел собственными глазами. Зачем мне врать или заниматься сочинительством. Я – бизнесмен, а не сказочник, – стал нервно мерить шагами рабочий кабинет Болотников. – В конце концов, свидетелями аномального события на Тишинке кроме меня стали прораб, механизаторы, водители.

– Да, все они во многом подтвердили ваши слова, но... но почему ни наши специалисты, ни прибывшие из столицы учёные так и не смогли обнаружить пропавшую технику? Ни под землёй! Ни под водой! Нигде! Быть может, вся эта история – не более чем прекрасно организованное шоу? По типу тех, что устраивают иллюзионисты. Вот она – техника, а вот её уже и след простыл. Ловкость рук и никакого мошенства...

– Но мне-то зачем такие шоу?! – возмутился Болотников. – Стоимость техники по сравнению со сметной стоимостью завода, который я собираюсь возвести, ничтожно мала. Хотя, не скрою, за эти болотные тракторы и экскаваторы мне пришлось выложить весьма кругленькую сумму. К тому же ничем не обоснованное затягивание строительных работ чревато крупными штрафами и неустойками. Зачем же мне самому себе ставить подножку? Напоминаю: исчез и мой собственный автомобиль, причём любимый... Не там ты, Дронов, копаешь, совсем не там.

– Это вы, Олег Петрович, не там копать стали. Кто вас только надоумил начать строительство на Чёртовой топи? Когда я был мальцом, бабушка мне про эту топь такие страшилки рассказывала.

– Ну, Дронов, если верить во все бабушкины сказки, то прогресс остановится и мы снова облачимся в шкуры диких зверей. Человек покорил самые высокие горные вершины, побывал на дне океана и в космосе, создал искусственные моря, построил мегаполисы... Он выделился из животного мира, чтоб сказку сделать былью. А тут какая-то топь, пусть даже и Чёртова! По моему распоряжению уже объявлена солидная награда тому, кто раскроет тайну этой топи... Ну и, конечно же, найдёт исчезнувшую технику и мой чёрный джип.

– Мы ищем и днём и ночью. Но пока никаких зацепок. Я бы посоветовал вам, Олег Петрович, найти контакт с этими, из академии наук...

У Болотникова приторным голосом короля попсы запел айфон последней модели, нашпигованный самыми передовыми технологиями. Прослушав первый куплет с припевом, тот нехотя поднёс трубку к уху.

– Какой телеканал?.. «Альфа»... Приглашаете меня в «Тайны и сенсации»?.. Смотрю ли я эту передачу?.. К сожалению, не так часто, как хотелось бы. Бизнес, знаете ли, занимает большую часть времени. Но вас я, безусловно, знаю... Вы – само очарование! Лекарство от насморка рекла... Ах, не рекламируете... Извините... А кто ещё примет участие?.. Учёные из столицы...

– Олег Петрович, вам повезло! Это же те самые архимеды из академии наук, – не удержался и вмешался в телефонный разговор хозяина кабинета Дронов. – Может, они прольют свет на то, что произошло на нашей Тишинке?

– Хорошо, к этому часу я у вас буду, – завершил разговор с телеведущей Болотников и, как бы рассуждая вслух, добавил: – И не только на Тишинке... Но и у нас в центре города, на акции «зелёных».

– Вы имеете в виду нагрянувшую вчера орду земноводных?.. Мне кажется, эти два факта между собой как-то связаны...

– А вот мне не кажется. Я абсолютно убеждён, что между ними существует прямая связь.

Ближе к вечеру Болотников поехал на телевидение, где в павильоне, похожем на античный амфитеатр в миниатюре, завершались приготовления к записи очередных «Тайн и сенсаций» – самой популярной передачи телеканала «Альфа». Её третий год бессменно вела Стеша – уже знакомое нам медиа-лицо канала. Эта энергичная девица представляла собой взрывоопасную смесь из притягательного обаяния, потрясающего всезнания и неудержимой коммуникабельности. Она умудрялась проникать на самые секретные объекты и брать интервью у тех, к кому других журналистов не подпускали на пушечный выстрел. Конечно же, коллеги дико завидовали её профессионализму и напористости, а телезрители, напротив, любили, с нетерпением ожидая новых встреч с интригующими «Тайнами и сенсациями».

Пока главных участников передачи причёсывали и пудрили в мрачноватом закулисье, а техническая служба проверяла работоспособность съёмочной, звуковой и световой аппаратуры, кресла амфитеатра заполнялись зрителями. Среди них можно было увидеть подружек из пятого «Б» Юлю и Лёлю, сидящую рядом с ними биологичку и руководительницу «Зелёного патруля» Элеонору Витальевну, сына мэра с приметной бородавкой над правой бровью и даже Дронова, приехавшего буквально за несколько секунд до начала прямого эфира.

Едва известный сыскарь занял своё место, как вспыхнули на полную мощь юпитеры и световые пушки, прозвучал музыкальный позывной, и на залитую светом площадку бодро вышло макияжно-облагороженное лицо «Альфы». Ведущая была в таинственно переливающимся платье, безукоризненно сидящем на её стройной, как у топ-модели, фигурке.

Поприветствовав заполнивших овальный зал зрителей и всех прилипших к экранам телезрителей, она объявила тему и представила главных участников сегодняшней передачи. Места за пластиковым барьером с логотипом «Тайны и сенсации» заняли члены прибывшей накануне авторитет-

ной комиссии академии наук, каждый из которых был отягощён кучей научных степеней и регалий. Седобородый профессор оказался мировой величиной в геологической науке Павлом Колчедановым, очкарик-лемур – известным гидрологом Львом Водохлёбовым, а дама, похожая на мальчика-подростка, – психозоологом Маргаритой Зайцевой.

Когда молодая психозоологиня появилась на сцене, Юлька с гордостью и нарочито громко произнесла:

– А это моя тётя Рита!

Затем ведущая представила владельца крупнейшей местной строительной компании Олега Болотникова и лысоватого, с белёсыми усиками уфолога Степана Космогонова. Взгляд последнего участника передачи буквально излучал фанатичную веру в то, что инопланетный разум существует, но почему-то не торопится вступать в прямой контакт с человечеством.

– Дорогие телезрители! Уважаемые гости студии! Каждая наша передача, как вы прекрасно знаете, это попытка постичь загадки и тайны окружающего мира. А их бесконечное множество, – начала профессионально напускать туман Стеша. – Родившаяся в древности фраза «мир полон чудес» остаётся актуальной и по сей день. Существует масса вещей и явлений, которые не вписываются в рамки нынешних представлений и научных концепций. Их невозможно объяснить с помощью формул, накопленного опыта или логических рассуждений. Но мы всё же пытаемся это делать, чтобы хоть чуть-чуть приблизиться к разгадкам окружающих нас тайн. Мы не раз рассказывали о паранормальных явлениях, которые происходили на необъятных просторах нашей родины или за её пределами. Но сегодня я попытаюсь рассмотреть – и в этом мне поможет группа столичных экспертов – два феномена, произошедших непосредственно у нас. Это странное исчезновение землеройной техники на Тишинке и невиданное по своим масштабам шествие земноводных по центру города. Однако прежде, чем начать сегодняшнюю дискуссию, давайте посмотрим имеющийся у нас видеоматериал.

На огромных панелях, висящих по периметру студии, появилась панорама Тишинского болота, на фоне которой споро трудилась землеройная техника, а по ухабистой полевой дороге один за другим сновали большегрузные самосвалы. Затем появились озабоченная физиономия прораба Михалыча с неизменной сигаркой в углу рта, ползущие по траве широкие гусеницы ковшового экскаватора, роющего длинный ров и растущие на глазах горы выкопанной земли.

– Этот материал мы сняли два дня назад, – прокомментировала сюжет ведущая. – А вот что мы с оператором увидели на болоте вчера...

Вновь пошла панорама Тишинского болота, в которой совершенно не наблюдалось каких-либо следов человеческого вторжения. Ни рвов, ни отвалов земли, ни техники. Объектив телекамеры приблизил водную гладь озера, широкие листья кувшинок и болотные кочки, на которых сидели, поквакивая, типичные для здешних мест лягушки. Неожиданно прибрежные заросли зашелестели, и в них промелькнул чей-то массивный длинный хвост, похожий на хвост древнего ящера...

Маргарита Зайцева впиалась глазами в экран и нервно заёрзала. Ведь ни у одного обитателя местного болота такого хвоста быть не могло. Как не могли здесь оказаться и жители тёплой тропической зоны – безногие земноводные червяги. Но ведь вчера она видела их так же близко, как видит сейчас лемурии глаза гидролога Водохлёбова!

...Затем на фоне всей этой природной идиллии возник следователь Дронов, который, отмахиваясь от журналистов, как от назойливых мух, произнёс дежурную фразу, совершенно не прояснившую ситуацию с бесследно исчезнувшей техникой.

– А теперь давайте посмотрим ещё один сюжет. Он запечатлел явление, вызвавшее панику у многих горожан, которые протестовали против осушения Тишинки... Извините, за плохое качество... Из-за поломки камеры наш оператор, к сожалению, не смог снять наше шествие земноводных, и мы воспользовались видеоматериалом, который нам любезно предоставила юная природозащитница Юля Соколова. Где ты, Юлечка?..

Девочка, словно мячик, подскочила со своего места и радостно помахала ведущей и гостям студии рукой. Зал взорвался аплодисментами, и непослушные Юлькины косички начали самостоятельно подпрыгивать им в такт. Пятиклассницу вдруг охватило двоякое чувство: она радовалась своей буквально свалившейся на голову популярности и одновременно смущалась от дружного внимания сидящих вокруг людей.

– Упасть и не встать, – проговорила Лёля, – моя подруга теперь – знаменитость!

На экране появилось дрожащее изображение буро-зелёной массы, которая неотвратно, как цунами, надвигалась на центральную площадь. Наконец дрожание кадра прекратилось и стало понятно, что это – гигантское скопище земноводных, неёсших к тому же в лапках плакаты и транспаранты с надписями на непонятном людям языке. Промелькнул кадр убегающих в панике людей, среди которых мелькнуло и перекошенное от страха личико Лёли. Любительский видеоряд внезапно оборвался.

– Связана ли таинственная пропажа техники на болоте с городским маршем протеста земноводных? Эту загадку попытается разгадать программа «Тайны и сенсации»! – рекламным голосом произнесла Стеша и пристально посмотрела на профессора Колчеданова.

– Безусловно, в нашем материальном мире всё взаимосвязано – энергия и материя, живое и неживое, микро и макро. И феномен, а точнее два феномена, которые нам были продемонстрированы, – яркое тому подтверждение, – пустился в пространные рассуждения учёный. – Смею предположить, что импульсом для проявления этих феноменов послужил тектонический сдвиг... Мы ещё не успели всё детально изучить и проанализировать... Но я уверен, что работа нашей группы рано или поздно внесёт ясность и в эту загадку природы.

– Многоуважаемый Пал Палыч, вы считаете, что именно движение плит заставило сотни земноводных проникнуть в мой автомобиль, завести его и намеренно утопить в болоте? – поинтересовался Болотников.

– Ни я, ни мои коллеги не видели того, о чём вы только что поведали, – отпарировал седобородый профессор. – Быть может, это ваши фантазии или пагубные последствия от злоупотребления спиртным.

– Но я всё это видел собственными глазами. Всё это видели мои механизаторы, водители, прорабы...

– А вот наши приборы ничего не увидели. Ровным счётом ни-че-го!

– Хотя они сверхчувствительные, – поддержал коллегу-геолога гидролог Водохлёбов и принялся объяснять местные феномены катаклизмами, которые постоянно случаются на глубоких водных горизонтах.

Однако уфолог Космогонов не дал ему развить эту мысль, начав доказывать, что всё аномальное на земле связано с инопланетянами, которые давно уже превратили нашу планету в свою лабораторию, а нас – в подопытных кроликов. Иллюстрацией к этой мысли послужила фотография двухголовой козы, которая одно время якобы жила у его тётки Марфы из села Кукушкино, а потом куда-то исчезла.

– Ни космические пришельцы, ни геологические катаклизмы не объясняют парадоксы, свидетелями которых стали сотни горожан! – прокричала в поднесённый ей микрофон Элеонора Витальевна, и зал поддержал её скептический настрой одобрительным гулом. – Как земноводные узнали о нашей акции в защиту природы? Каким образом они сообщили друг дружке о месте сбора? В какие тартары провалилась техника, став невидимой для приборов?

– Мы всё болото обшарили металлоискателями, а толку, – поддержал учительницу Дронов, и его глаза-буравчики поочерёдно просверлили каждого из гостей телепередачи и даже ведущую.

– Полностью с вами согласна, – вступила в полемику Маргарита Зайцева. – То, с чем лично я как психозоолог здесь столкнулась, – трудно объяснить. Во всяком случае, наука, которую я представляю, с подобными явлениями пока не сталкивалась.

– Неужели у вас нет ни одной версии? – поинтересовалась ведущая.

– Пока это просто рассуждения... Быть может, догадки. По сути, мы столкнулись с параллельным миром. Ведь всё живое отличается неповторимостью своего природного проекта. Получается, для нас, людей, жизнь любого существа – это параллельный мир. Мы классифицировали всё живое, поставив себя на самую верхнюю ступень развития. Однако более глубокое проникновение в природу, изучение тех или иных видов преподносит сюрприз за сюрпризом.

– А нельзя ли от общих рассуждений перейти к конкретике? – подбодрила Зайцеву Стеша.

– Большинство учёных пришло к выводу, что животные не наделены разумом, что эволюция касается чего угодно, но только не развития их интеллекта. Так считать удобней и проще для человека, назвавшего себя владыкой мира. Но многочисленные факты говорят как раз об обратном. К примеру, вороны обладают способностью решать подчас непростые физические задачи,

дельфины называют друг друга по именам, и у каждой особи оно уникально, слоны умеют проявлять сочувствие, обезьяны пользуются орудиями труда, ход мыслей осьминога вообще загоняет в тупик...

– Вы хотите убедить нас в том, что жабы и тритоны способны водить авто? – спросил Болотников, и в его голосе прозвучали нотки язвительности.

– Когда животное чувствует смертельную угрозу для природного равновесия, дальнейшего существования своего вида или сталкивается с другими трудностями, для преодоления которых инстинкты и навыки оказываются недостаточными, оно каким-то образом включает интеллект. Этот природный компьютер позволяет ему изобрести абсолютно новый способ действия, ранее им не применявшийся. Думаю, что подобные рассудочные действия являются высшей формой приспособления животных к окружающей среде.

– Но вы не ответили на мой вопрос.

– На него весьма красноречиво ответили аборигены Тишинского болота. В природе нет ничего простого, и она ничего не создаёт просто так, – после того, как в зале отзвучали аплодисменты, Юлина тётя продолжила:

– На одной из научных конференций я услышала доклад моего американского коллеги. Он посвятил его обитающим в тропиках муравьям-аттиям. Трудолюбивые крохи, как и люди, занимаются строительством, сельским хозяйством, доставкой грузов. Но удивительно не это. Оказалось, что аттии пользуются хорошо развитой системой телекоммуникации и умеют телепортироваться.

– А что такое – телепортироваться? – выкрикнула Лёля.

– Способность в мгновение ока перемещаться из одной точки пространства в другую. Американец не был голословным, а показал снятый им фильм. От муравейника, который представляет собой огромный подземный город, расходятся радиальные дороги с многочисленными развязками. По ним снуют потоки муравьёв – пустые бегут наружу, а навстречу им спускаются с грузом. Вдруг входящие и выходящие потоки муравьёв смешиваются и создают самую настоящую дорожную пробку. Спустя мгновение появляются муравьи-полицейские, которые начинают наводить порядок и делать объездную дорогу. Возникает вопрос: как полицейским была передана информация о дорожной пробке? Учёные подсчитали, что если бы сотни тысяч муравьёв одновременно коснулись друг дружку усиками-антеннками, то сигнал с места происшествия до муравьиного мегаполиса шёл бы значительно дольше, и полицейские не смогли бы прибыть так быстро. То есть у муравьёв существует скоростная и безотказно действующая система сообщения, природа которой нам пока не известна.

– Следовательно, у аттий есть как свой язык, так и способность к телепортации? – предположила Стеша.

– Совершенно верно. Подобные выкрутасы матушки-природы противоречат всему тому, чему нас учили в школе и вузах, тому, что мы привыкли ожидать от представителей фауны. Невозможность объяснить непознанное вызывает раздражение, а подчас страх. Куда проще жить, не ломая голову над загадками, которые постоянно подбрасывает нам окружающий мир.

Сидящий в зале следователь Дронов встал и направился к выходу. «Ох уж эта профессура, – размышлял он, – насочиняет с три короба, понапустит туману, а толку – с гулькин нос. Да если я в деле о пропаже землеройной техники напишу, что найти её не представляется возможным, так как она оказалась в параллельном мире, меня в этом мире тут же выпрут из органов за профнепригодность».

Следом за Дроновым студию покинул и Львов-младший. Юлька увидела его, когда тот протискивался между рядами. Толкнув в бок подружку, она прошептала:

– Смотри, это тот самый!

Лёля в полном недоумении моргала глазами, не понимая, о ком её подруга ведёт сейчас речь.

– Вон тот, с родинкой над глазом. Это он вчера в дом с привидениями приходил...

После завершения телепередачи к профессору Зайцевой подошёл Болотников и, вручив ей свою визитную карточку, сказал:

– Мне очень понравился ход ваших мыслей. Я вообще поклонник фантастики. Если вам вдруг понадобится моя помощь, смело обращайтесь.

КТО ПРИГОТОВИЛ АДСКИЙ КОКТЕЙЛЬ?

На следующее утро после выхода в эфир телепередачи «Тайны и сенсации» Болотников приехал в офис «Стройбата» в самом боевом расположении духа. Он твёрдо решил провести повторную атаку на Тишинское болото и с нетерпением ждал доклада своего помощника по особо важным делам о сроках доставки новой спецтехники. Помощник, внешность которого служила прекрасной иллюстрацией к слову «прохиндей», не заставил себя долго ждать. Пугающе хриплым голосом он доложил, что приобретённая техника прибудет через два, максимум три дня.

– Прекрасно! – обрадованно потирая руки, проговорил Олег Петрович. – Значит, на следующей неделе приступим. Посмотрим, чья возьмёт!

Он подошёл к террариуму, где в условиях, максимально приближённых к тропическим, жил оранжевокожий лягуш, и, постучав по толстому стеклу, сказал:

– Скоро мы твоих сородичей с Тишинки серьёзно потревожим. Даже если вы мыслящие существа, человека вам не перескakatь. Ни-ког-да!

– С городской властью тоже всё улажено, – продолжал радовать шефа хриплоголосый. – Причём без дополнительных для нас затрат. Хотя отпрыск клянчил...

– Для каких целей?

– Для организации ответной акции протеста. Но я сказал – нет!

– Молодец! На премию заработал.

Едва оборотистый помощник покинул кабинет, Болотникову позвонил мэр. Он бодро сообщил, что всё уладил – никаких общественных слушаний по поводу негативного влияния мусорозавода на окружающую среду проводиться не будет. Удалось на время приструнить и местных журналистов, которые не станут больше ковыряться в этой скользкой теме. Что касается «Зелёного патруля», то проверкой этой организации занялись соответствующие компетентные органы, которые в ближайшие дни обязательно обнаружат в её деятельности серьёзные нарушения.

– Когда вы собираетесь возобновить работы на болоте? – поинтересовался градоначальник.

– Надеюсь, на следующей неделе, как только придёт новая техника.

– Интересно, куда ж подевалась старая? Экскаватор ведь – не иголка!

– Этим продолжают заниматься следственные органы, учёные, ну и мои люди. Там не всё так просто, как кажется.

– Олег Петрович, а как вы отнеслись к вчерашнему заявлению учёной дамочки? У меня создалось впечатление, что она несла явную ахинею! – поделился впечатлениями Львов. – Правда, одна трезвая мысль в её рассуждениях всё же проскользнула.

– Какая именно? – Болотников покинул кожаное кресло и стал мерить шагами просторный кабинет.

– А такая: наше болото – таинственный природный объект, наш местный Бермудский треугольник... Вот и подумайте над таким виражом...

– Намекаете, что на этом можно хорошо заработать?

– Значительно больше, чем на переработке мусора. Это гарантированный поток туристов, отели, рестораны, бутики...

– Да, заманчиво, даже весьма...

Болотников попрощался и положил радиотелефон на место. Он снова подошёл к террариуму и, о чём-то размышляя, принялся кормить розоватыми червячками своего лупоглазого экзотического узника. Несмотря на строгую режимную жизнь, тот ел с явным аппетитом.

«Очень заманчиво... Чем мы хуже шотландцев? Те придумали лохнесское чудовище, а мы изобретём тишинское, – мысленно развивал идею мэра Олег Петрович. – Да что там чудовище! Всю Тишинку объявим аномальной зоной, и туда сразу хлынут тысячи искателей приключений, фанатов непознанного, падкая до сенсаций пишущая братия. Командовать парадом поставлю профессоршу... Пожалуй, лучшего специалиста по запудриванию мозгов мне не найти...»

Лежавший на рабочем столе айфон стал раздражённо подпрыгивать и петь популярным попсовым голосом.

– Это Зайцева, – услышал голос профессорши Болотников.

– Я весь – внимание.

– Олег Петрович, у меня две новости: хорошая и плохая. С какой начать?

- Давайте – с хорошей.
- В анализах почвы и воды, взятых в местах, где работала ваша техника, обнаружена высокая концентрация азотной и соляной кислот. И обе оказались природного происхождения.
- Что это значит?
- Подобная смесь зовётся аква регия, или царская водка. Этот коктейль способен растворить любой металл, даже золото и платину.
- Маргарита Романовна, объясните, пожалуйста, откуда на болоте взялась эта адская смесь? У меня строительная компания, а не химзавод. Мы не работаем с кислотами, – разволновался Болотников, несмотря на то что новость была, как его предупреждали, «хорошей».
- Я вас ни в чём не обвиняю. Просто констатирую факт. С каждым днём ваша Тишинка подбирает всё новые загадки и тайны.
- Ну а плохая новость?
- Не стоит надеяться, что ваша техника будет найдена. Скорее всего, её растворили... Этой самой царской водкой.
- Но кто?!
- Пока я этого не знаю.
- А как растворили?
- Откройте школьный учебник химии...
- Я еду на болото. Вы составите мне компанию?
- Именно об этом я и хотела вас попросить...

Через полчаса Болотников вместе с профессоршей и её племянницей Юлей уже мчался по направлению к Тишинке. Девочка сидела на заднем сидении, держа в руках семейную видеокамеру, которой разрешили пользоваться родители после её вчерашнего триумфа на телевидении. Машина свернула с асфальта на просёлок и, как утлое судёнышко, стала крениться то вправо, то влево, высоко подпрыгивая на ухабах.

Вскоре она остановилась на том месте, где несколько дней назад велись землеройные и осушительные работы. Везде – густой травяной покров, плотный грунт под ним и никаких рвов, ям или провалов. Создавалось такое впечатление, что в этом девственном уголке природы люди появились впервые только сегодня.

– Именно здесь, на моих глазах, экскаватор каким-то странным образом провалился под землю, – глядя прямо в нацеленный на него объектив Юлькиной камеры, сказал Болотников.

– А затем был растворён царской водкой, – продолжила профессор Зайцева. – Такая же участь постигла и остальные машины. Вот почему ни один из наших приборов не смог их обнаружить.

– А кто закопал рвы и посадил траву? – поинтересовалась у тёти Юля.

– Вопросов, моя девочка, пока что куда больше, чем ответов, – осматривая прищуренными глазами окрестности, как-то расплывчато ответила профессор Зайцева и, обратившись к Болотникову, спросила:

– У вас в машине случайно нет бинокля?

– В этой нет.

– Жаль... Тогда вопрос к нашему видеооператору: ты можешь снять панораму этого озера в максимальном приближении?

– Легко! – заявила Юля, приступая к съёмке. Её примеру последовал и Болотников, достав свой навороченный айфон, с помощью которого можно было приблизить даже другую галактику.

Потом группа исследователей прошлась вдоль береговой линии, сняв ещё несколько планов дальних камышовых зарослей и покрытых буйной болотной растительностью островков и кочек. Их поход постоянно сопровождали кем-то издаваемые скрипучие звуки, резкие поквакивания, приглушённый свист и таинственное утробное бульканье. Болото жило своей привычной жизнью, находясь в полной гармонии с окружающим миром.

Просмотрев отснятый материал, Маргарита Романовна ахнула и попросила племянницу прокрутить второй сюжет ещё раз:

– Смотрите, Олег Петрович, смотрите! Справа! Это же лягушка-кенгуру!

– Ну и что? – в недоумении уставился на заморскую амфибию настырный осушитель болот.

– Как что? Это... это же уникальная лягушка, которая обитает только в Австралии!

- А у меня живёт лягуш с Мадагаскара.
- У вас он один-одинёшенек, а здесь их целая колония, тысячи, миллионы, – учёная дама раскинула руки в стороны, словно намереваясь взлететь. – Эти лягушки способны выделять из подкожных желёз клейкий секрет на основе соляной кислоты. Для них самих он абсолютно безвреден, зато надёжно защищает от врагов...
- Вы хотите сказать, что именно эти жалкие пупырчатые создания совершенно омерзительной окраски уничтожили всю мою технику?!
- Возможно, они действовали в тесном взаимодействии с сородичами, которые выделяют азотную кислоту. Адская смесь из двух этих кислот, как я уже говорила, способна растворить практически все металлы, даже благородные.
- Но когда экскаваторы и бульдозеры начали проваливаться под землю, никаких земноводных поблизости не наблюдалось, – не без доли скепсиса проговорил Болотников.
- Это как раз подтверждает мою сумасшедшую гипотезу: кислотные амфибии действовали в одной упряжке с какими-то живыми землеройными машинами...
- Типа кротов или червей?.. – полубопытствовала Юля.
- Умница-разумница! – тётя Рита поцеловала племянницу в лоб и тут же принялась оттирать оставшийся на нём след губной помады. – Но, скорее всего, это были не земляные черви, а червяги. Кажется, именно их я заметила, когда нашу комиссию доставили сюда на вертолёт.
- Червяги? – не сговариваясь, дуэтом спросили Болотников и Юля.
- Это безногие земноводные. Они живут под землёй, прекрасно ориентируясь в бесчисленных подземных ходах.
- Тётя Рита, но откуда червям тут взяться? Они ведь обитают в тропиках.
- Очередной феномен. И я его обязательно должна раскрыть! – пообещала профессор Зайцева.
- Неужели та самая телепортация?! – воскликнула Юля.
- Вполне возможно...

В ПРЕДДВЕРИИ ВТОРОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Барабанная перепонка в ухе кванцлера вдруг настойчиво завибрировала, и сквозь эфирные шумы и потрескивания он различил далёкий голос своего городского суперагента Крикухи.

– Спешу доложить, ваше высокоземноводство, что на следующей неделе людоземные планируют очередное вторжение в наши владения.

– А Мантелло подтверждает эту информацию?

– Он сам мне об этом сообщил!

– То-то главарь «Стройбата» со странной вертолётной дамой и девчонкой крутился сегодня вокруг нашего правительственного квартала. Что-то высматривал, вынюхивал, фиксировал на видео...

– О точной дате нападения и численности техники я сообщу...

Связь внезапно оборвалась, и Жабс так и не узнал, когда Крикуха сообщит ему столь важные и нужные сведения.

Уронив тяжёлый подбородок на свой объёмный живот, кванцлер какое-то время пребывал в глубоком раздумье, а затем велел яркошкурой в горошек секретарше пригласить на послеобеденное совещание учёных из земноводной академии наук.

В назначенный час аквадемики и члены-кварреспонденты заполнили просторный кабинет главы земноводного сообщества, и совещание, а точнее, как объявил сам Жабс, «круглый стол» на тему «Людоземные – братья по разуму или злобные дикари?» начал свою работу. Среди собравшихся присутствовал видный аквадемик Голиаф, доктор жабоведения, рогатая жаба Краля и другие не менее авторитетные учёные.

– Лупоглазые соболатники! На протяжении тысячелетий наш многоцветный пятнисто-пупырчатый народ жил бок о бок с людоземными, – открыл «круглый стол» его главный инициатор. – Однако те традиционно испытывали к амфибиям неприязнь, считая нас пособниками злых сил, а в сушёном виде важнейшим компонентом колдовского зелья. Почему же эти существа, вроде бы наделённые разумом, так предвзято к нам относятся? Ведь мы никогда ничего плохого им не делали. Напротив, участвовали в проводимых ими жестокими медицинскими экспериментах, помогали развивать фармацевтическую

отрасль и даже разнообразили меню... А в благодарность – агрессия и геноцид!.. Мы сумели отразить первое коварное вторжение врага на нашу суверенную территорию, но он готовит новое. По данным наших спецслужб, людоземные не отказались от своих намерений уничтожить Тишинское болото, чтобы построить на его месте губительный для всего живого мусоросжигающий завод.

– А мы пытались урегулировать конфликт дипломатическим путём? – задал вопрос кто-то из присутствующих.

– Не прямо, а косвенно. Так, не причиняя физического вреда самим людоземным, мы уничтожили их технику, наглядно демонстрируя силу нашего интеллекта. Тысячи амфибий поддерживали городскую акцию протеста людоземных, точнее, тех из них, кто признаёт нас такими же полноценными жителями планеты, как и они сами. Однако экстремистов это не остановило. Они не отказались от своих варварских намерений. Возникает закономерный вопрос: наделены ли эти прямоходящие существа разумом? Ведь от их глупых действий напрямую зависит наше с вами будущее, будущее наших детей и внуков. От изменения климата и вирусов не исходит столь опасной угрозы, как от людоземных. И тут своё веское слово должна сказать научная мысль, – Жабс умолк, то ли собираясь с мыслями, то ли выплеснув их все без остатка.

Пухлая и круглая, как пятнистый пуфик, чесночница подняла короткую переднюю лапку и, получив кивок хозяина кабинета, проквкала:

– Проводимые нашей лабораторией научные исследования показали, что людоземные ленивы и нелюбопытны. У большинства из них катастрофически низкий уровень интеллекта. Хомо сапиенсы, как они сами себя окрестили, даже не пытались понять земноводный язык. А вот наши лингвисты близки к расшифровке их письменности...

– Это нужное дело, – похвалил чесночницу Жабс. – Всегда побеждает тот, кто знает язык своего врага.

– Как специалист в области конфликтов, а конфликт между земноводными и людоземными налицо, могу со всей ответственностью констатировать, что развитие живой природы осуществляется в условиях постоянной борьбы за существование, – затараторила рогатая жаба Краля. – И в этой борьбе, естественно, проиграют слабейшие. Со всей очевидностью можно утверждать, что это будут людоземные, потому что, как показывает практика, их уровень развития, по сравнению с нашим, оставляет желать лучшего. Каждый из этих нелепых существ находится в конфликте с окружающим миром, друг с другом и даже с самим собой. Они конфликтуют по любому поводу и очень скоро истребят друг друга даже без нашего вмешательства.

– Прежде чем людоземные это сделают, они уничтожат всех нас, – встал во весь могучий рост академик Голиаф и, прочистив горло громким «ква-у-у-а», стал излагать свой взгляд на проблему: – Я согласен с коллегой: людоземные в большинстве своём – примитивно мыслящие и чрезмерно эгоистичные особи. Они считают себя единственными хозяевами планеты. Они сами себя провозгласили венцом Природы, которую ежедневно и ежечасно уничтожают. Но разве любая лягушка, жаба, саламандра, тритон или червяга – не венец Природы?

Все собравшиеся дружно запрыгали, пронзительно квакая и вереща, тем самым одобряя краеугольное выступление академика. А тот, жадно отпив из стакана несколько глотков, продолжил:

– Мы ведь такие же живые существа, как те же людоземные. У нас есть скелет, мышцы, мозг, лёгкие, сердце, два круга кровообращения... Наши тела и органы чувств позволяют жить в воде, на суше и даже глубоко под землёй. Но мы не объявляли и не собираемся объявлять себя высшими существами. Человек высокомерно утверждает, что животное не способно выйти за пределы своих инстинктов и поведенческих моделей. Но это не так! Это он сам не способен жить по стандартам природы. Вся его деятельность направлена на подчинение окружающего мира, а в конечном счёте – на его уничтожение. Причём полное! Но разве для этого была создана и миллионы лет развивалась наша планета, живая природа на ней и наиболее миролюбивая её часть – мы, земноводные?

– Устами науки глаголет истина. Утверждение о человеке как венце Природы не более чем миф! – философски рассудил кванцлер. – И мы, земноводные, способны его развенчать. Надо только выработать новую стратегию наших действий.

– А чем плоха старая – ведь она принесла нам победу? – поинтересовалась конфликтолог Краля.

Ответа она так и не получила, потому что под толстым пальцем Квакса стал заунывно петь комар, возвещая о завершении «круглого стола».

Через два дня кванцлер получил, наконец, достоверную информацию о дне вторжения людоземных сразу из нескольких источников. Крикуха, Мантелло и ещё один сверхсекретный агент под номером 007 сообщали одно и то же: вторжение начнётся в среду с использованием восьми единиц специальной болотной техники.

После получения столь тревожных новостей кванцлер Жабс срочно собрал особо секретное совещание, на которое пригласил командующего сухопутными, мокропутными и беспутными войсками генерал-квайора Прыгса и командующего надводными и подводными войсками кванцлера Углозуба.

По мнению высоких военных чинов, отразить очередную атаку людоземных будет очень сложно. Во-первых, противник для следующего наступления на болото собирается бросить вдвое больше техники, а во-вторых, квармия наёмников, прибывшая с Чёрного континента, срочно отбыла домой, так как её бойцы не смогли акклиматизироваться в здешних условиях и стали болеть простудными заболеваниями и аллергией. Применение кислотных лягушек, способных с помощью царской водки растворить всё металлическое – от лопаты до ковшового экскаватора, тоже оказалось под вопросом. Дело в том, что для этих разноцветных крох нужен почти месяц, чтобы накопить необходимое количество азотной или соляной кислоты высокой концентрации.

– Думаю, с правого фланга защищать родную топь будет корпус ква-квалерии, а с левого – квармия под моим командованием. Бригада, укомплектованная древесными лягушками, будет находиться в резерве, в ближайшей леваде, – изложил кванцлеру стратегический план действий генерал-квайор Прыгс.

Кванцлер Углозуб, в свою очередь, посвятил главу земноводного сообщества в тщательно разработанный им план защиты территориальных вод и подводного пространства. В нём, помимо земноводных, было предусмотрено задействовать и других обитателей болотистых мест.

– Ждёт людоземных и сюрприз! – Прыгс подскочил вплотную к кванцлеру и стал что-то нашептывать ему на ухо. Углозуб стоял рядом, таинственно ухмыляясь во всю ширину своего рта.

БОЛОТНЫЕ ЖИТЕЛИ ДЕМОНИСТРИРУЮТ ТАЛАНТЫ И ИНТЕЛЛЕКТ

В оговоренный срок в «Стройбат» пришла заказанная болотная спецтехника, и выписанный из больницы прораб Михалыч вместе с бригадой механизаторов стал готовить её к очередному наступлению на Тишинку.

Ближе к полудню Болотникову позвонил следователь Дронов. Он сообщил радостную весть о том, что любимый чёрный джип строительного магната был найден в густых камышовых зарослях в трёх километрах от места угона. Каким образом крутой внедорожник оказался в том непролазном месте, Дронов толком объяснить так и не смог. Как не смог объяснить его исчезновение спустя час после обнаружения.

– Мои ребята рванули за трактором, чтобы ваше авто из камышей выдернуть, а, когда вернулись, – его и след простыл. Откровенная чертовщина! – пытался оправдаться следователь.

Не нашёл разумных объяснений случившемуся и сам Болотников. Ему ну никак не верилось, что к случившейся несурзнице причастны исключительно земноводные. Да, он собственными глазами видел, как заполнившая салон квакающе-пищащая орава мчалась по берегу, а затем направила джип прямо в озеро... Однако кто помог земноводным пробраться в салон авто? Как они завели мотор? Кто, учитывая мелкий жабий рост и силу, нажимал на педали и вертел баранку? Каким образом джип смог преодолеть водную преграду? Ведь он – не танк и не подводная лодка! От всех этих вопросов, которые так и оставались без ответов, можно было сойти с ума.

Олег Петрович нервно помассировал пальцами виски. Он не сомневался, что за всей этой историей кто-то стоит. Земноводные были лишь орудием в чьей-то злонамеренной закулисной игре, игре, направленной на разрушение его бизнеса, его имиджа, всех его далеко идущих планов. Возможно, расчищал дорогу для своего отмороженного сынка мэра, а возможно – кто-то из конкурентов. Но кто?!

«Ничего, ничего! Собака лает, а караван идёт, – вспомнил восточную мудрость Болотников. – Завтра мы покажем всем этим лягушенциям, жабенциям и тритонюсикам, кто здесь хозяин!»

Неподалёку от популярного медиа-лица расположилась профессор Зайцева. Маргарита Романовна пристально вглядывалась во всё происходящее, делая нужные пометки в своём пухлом блокноте. Услугами Юлькиной видеокамеры, которая висела на её плече, она пока не пользовалась, ожидая

более ярких и неожиданных событий. Племянница очень хотела отправиться с тётей на Тишинку, но не смогла, так как должна была участвовать в городской экологической олимпиаде.

Прораб Михалыч в неизменной жёлтой каске и с коптящей сигаркой в зубах то опасливо косился в сторону суматошно кружащих пернатых, то поглядывал на подозрительно спокойную гладь озера. Вроде всё было как обычно, но чувство тревоги почему-то его не покидало. Ведь не случайно, ох, не случайно это место в стародавние времена прозвали Чёртовой топью!

Смутные предчувствия не обманули матёрого руководителя строительных работ. Едва начали орудовать зубастыми ковшами экскаваторы, вонзили острые отвалы в землю бульдозеры и приготовили свои вместительные кузова самосвалы, стало происходить что-то невообразимое. Тысячи птиц обрушили на работающую технику град из камешков, комков ила, болотной тины и собственного помёта. В мгновение ока все экскаваторы, бульдозеры и самосвалы покрылись липкими и зловонными кляксами. Они медленно расплывались и застывали на окнах кабин, капотах и рабочих органах машин. Механизаторы перестали что-либо различать сквозь хаотично заляпанные окна и поэтому заглушили моторы. В то же мгновение бомбёжка, как по команде, прекратилась, и над болотом прозвучало дружное троекратное «Ква-у-а-а!!!».

Приоткрыв дверцу кабины и опасливо поглядывая вверх, водитель одного из самосвалов торопливо протёр тряпкой ветровое стекло. Затем он нырнул внутрь, завёл мотор и тронулся с места, чтобы покинуть аномальное место с сумасшедшим пернатым и непернатым населением. Однако его хитрый план был разгадан кружившими над самосвалом цаплями. Мгновенно, спикировав на кабину, клювастые птицы закрыли ветровое стекло своими широко раскрытыми белоснежными крыльями. Их примеру последовали и две утки, полностью закрывшие водителю видимость через боковые стёкла.

– Давай, снимай! – подхлестывала обоих операторов Стеша, чуть не выпрыгивая из плотно облегающих её длинные ноги джинсов. – Это сенсация!! Это суперсенсация!!!

Перед самосвалом и за ним почти одновременно с треском повалились два толстых дерева, тем самым перекрыв колёсной машине дорогу к отступлению. У оснований обоих стволов отчётливо виднелись характерные следы бобровых зубов. Над всей болотистой местностью вновь раздалось дружное троекратное «Ква-у-а-а!!!».

Среди пострадавших от птичьего налёта оказался и прораб. Строительная каска спасла его от летящих с большой высоты камней, но не спасла от других средств массового поражения. И теперь свисающие с каски и плеч водоросли, а также застывшие повсюду в виде причудливых пятен продукты птичьей жизнедеятельности делали похожим Михалыча на сказочного водяного.

К озеру подкатила бордовая иномарка, из которой выскочил Болотников. Всегда аккуратно уложенные волосы у него были включены, ворот рубашки перекошен.

– Что здесь происходит?! – закричал он, брезгливо осматривая поле недавнего боя. – Почему сломаны деревья? Кто обгадил технику?

– Это невероятно! Это... то, – не находя слов, беспомощно развела руки в стороны профессорша. – Олег Петрович, они же демонстрируют нам свой интеллект, потрясающую межвидовую согласованность действий. Они осмысленно меняют тактику. Они... они дают нам понять, что готовы защищать вот это болото до последнего головастика!..

– Маргарита Романовна, не надо меня убеждать в том, чего быть не может! Жабам абсолютно чуждо чувство патриотизма.

– Согласна. Поэтому они угоняют не отечественные, а исключительно заморские джипы, – уколола Болотникова профессор Зайцева.

– Данный факт я объяснить не могу. Пока не могу.

– А вот я смогу. Только мне нужен бинокль ночного видения.

– No problems. Я увлекаюсь охотой, и у меня есть такой прибор, причём со встроенным видеорегистратором.

– В таком случае я сегодня же ночью начинаю вести наблюдение за жителями болота. Вы составите мне компанию?

– А куда подевались ваши коллеги из академии наук?

– Отбыли для расшифровки всех собранных здесь геологических и гидрологических данных. Ну а я осталась, чтобы попытаться ответить на вопросы, интересующие меня как психозолога.

– Мне, так же как и вам, не терпится узнать, что за черти завелись в этом тихом омуте.

– А можно к вам присоединиться? – вмешалась ведущая «Тайн и сенсаций». – Вы же знаете, как нашу программу интересует подобная чертовщина.

– Не возражаем, – дуэтом проговорили Болотников и Зайцева.

Ближе к ночи строительный магнат, как и обещал, доставил профессоршу и медиа-звезду на Тишинку. Маргарита Романовна прихватила с собой ещё и племянницу, убедив её родителей, что девочке такое тесное общение с живой природой пойдёт только на пользу. Зайцева очень хотела, чтобы Юля пошла по её стопам и продолжила дело, которым она сама с таким увлечением занимается уже много лет.

Прибыв на место, группа исследователей замаскировалась в листве одного из поваленных бобрами деревьев, нацелив свою технику на интересующий объект. От озера веяло дивным спокойствием и свежестью. Появившийся в звёздном небе рожок месяца сразу протоптал на зеркальной поверхности воды дорожку, по которой так и хотелось пробежаться босиком.

Стеша угостила всех ароматным чаем из предусмотрительно прихваченного термоса, после чего Маргарита Романовна прильнула к окулярам болотниковского бинокля, позволяющего видеть даже в крошечной тьме. Примеру тёти последовала и Юлька – правда, её любительская видеокамера такими способностями, как чудо-бинокль с видеорегистратором, к великому сожалению, не обладала.

– Заметили что-нибудь интригующее? – поинтересовался Болотников.

– Пока нет. Тишь да гладь да Божья... – профессор Зайцева оторвалась от прибора. – Проанализировав вполне разумные действия земноводных, я пришла к парадоксальному выводу: они создали собственную цивилизацию, совершенно не похожую на нашу. В отличие от людей, они живут в полном согласии с окружающим миром.

– У них что, есть свои государство, армия, язык? – с удивлением спросила Юля.

– Подозреваю, что есть. Помните, когда к акции протеста горожан присоединились земноводные, они размахивали яркими плакатиками с какими-то каракулями. И твой видеоролик, Юлечка, этот факт зафиксировал. Так вот, я тут же отправила изображения этих замысловатых плакатиков учёному-лингвисту. Он считается признанным в мире авторитетом по расшифровке самых сложных закодированных текстов и мёртвых языков.

– И бедолага заговорил по-земноводному? – кисло улыбнулся Болотников.

– Если бы! Он не смог расшифровать их письмена.

– Наш мир невероятно сложен и многомерен, а мы хотим его понять, руководствуясь устаревшими знаниями и примитивными догмами, – сказала Стеша, опрыскивая всех спреем, способным отгонять назойливых комаров.

Учёная вновь прильнула к окулярам прибора ночного видения и замерла.

– Они... ве... веселятся, – подрагивающим от волнения голосом успела прошептать она, вдавливая кнопку видеофиксирования происходящего. – У них праздник.

– Какой ещё праздник? – вскричал Болотников.

– Праздник победы над нами и нашей глупостью.

Стеша, Юля и Болотников впились глазами в то место, куда был нацелен всевидящий бинокль, да так и застыли с широко распахнутыми глазами и ртами.

Они увидели, как на поверхности озера вдруг появились рябь и разбегающиеся в разные стороны круги, какие обычно возникают от крупных капель дождя. Лунная дорожка мгновенно разлетелась на мелкие, лихо отплясывающие части. Ближайший округлый островок, многочисленные кочки и торчащие из воды коряги стали обрастать жителями болота, а на импровизированной сцене из плотно прилегающих друг к другу листьев кувшинок замигали разноцветные огоньки светлячков.

А потом начался праздничный концерт. Вокальные таланты стали демонстрировать разноцветные бесхвостые амфибии. Они пели сольно, дуэтом, трио, квартетом, квинтетом... Но когда на сцене появился сводный хор лягушек, жаб и чесночниц и грянул кантату о родном болоте – это было что-то! Озеро и его окрестности буквально заходили ходуном, и Маргарите Романовне пришлось придерживать руками треногу, к которой был прикреплен бинокль.

Рассмотреть болотных исполнителей и зрителей в многократно приближённом виде помимо учёной хотели все. Поэтому неудивительно, что возле чудо-бинокля кучковались его законный владелец, а также Стеша и Юля, причём каждый из них старался оттеснить соперника локтями. Со стороны они напоминали малышей в песочнице, дерущихся друг с дружкой за пластмассовую лопатку или

формочку. По их лицам было видно, что праздничный концерт болотных жителей производил на них неизгладимое впечатление.

Тем временем хвостатые амфибии показали танцевальные способности, а две безногие червяги – сложнейшие пластические этюды. Красивейший номер «Синхронное ныряние» исполнила группа молодых селезней, а голенастые цапли удивили зрителей эффектным жонглированием рыбами и лягушками.

Кванцлер Жабс полулежал в правительственной ложе, чувствуя, как в его огромном животе шевелится только что проглоченный червячок. Действиями своей доблестной армии, наёмными военновоздушными силами и диверсионной группой бобров он остался доволен. В прошедшей накануне битве с людоземными земноводные одержали безоговорочную победу. Это радовало и вдохновляло на новые государственные дела.

Жабс включил природную способность к ночному и сквозному видению, сфокусировав взгляд на копошащейся на берегу озера группе людей. Свой лупоглазый взгляд он задержал на психозоологе Зайцевой.

«Эта человеческая особь, кстати, не так глупа, как казалось вначале, – подумал он, словно стараясь убедить в этом самого себя. – По уровню интеллекта она почти сравнялась с нами».

Почти трёхчасовую праздничную программу завершила исполинская саламандра, показавшая просто завораживающий огненный иллюзион. Длина и вес гости из Страны Восходящего Солнца были столь внушительны, что пришлось вместо хлипкой сцены из листьев кувшинок устанавливать большой и прочный деревянный помост, устланный мхом и лишайником.

И сразу после её огнемётного выступления в ночное небо стали взмывать охапки светлячков, рассыпаясь там праздничными салютами. Обе сцены вмиг заполнились всеми выступавшими артистами, которые огласили окрестности такими громкими воплями и свистами, что четверым представителям людского рода пришлось прикрыть уши ладонями.

По близлежащим зарослям камыша полоснули два световых луча, и на берег озера вдруг вылетел и резко затормозил угнанный болотниковский джип. Его кузов от колёс до крыши был облеплен обычными и экзотическими представителями земноводного сообщества самых разных форм, размеров и окрасок. Над своими головами они размахивали транспарантом на чуждом для них людоземном языке. Там было написано:

«ДаКВАйте жить в мир^е и соКВАсии!»

– Потрясающе! – всплеснула руками Стеша. – Они вернули вам джип! Подчёркивая тем самым искренность своих намерений жить с нами в мире и согласии.

– Они сумели расшифровать наш язык! – констатировала факт профессорша. – Следовательно, они разумные существа. Вы в этом убедились, Олег Петрович?

– Научное чутьё вас не подвело, – благодарно поцеловал её в щёку Болотников. – Думаю, что проект с мусорозаводом нужно сворачивать.

А Юля добавила:

– И тогда равновесие в природе не будет нарушено.

– Однако паранормальность Тишинки подбрасывает другую заманчивую идею, – с загадочным видом произнёс владелец «Стройбата». И стал посвящать остальных в свои планы по превращению болота если не в новый Бермудский треугольник, так уж точно в место, где загадок значительно больше, чем ответов на них.

Мерцающий звёздный купол над болотом замер в таинственной улыбке и вдруг озарился щедрым метеоритным дождём. Юлька, её тётя-профессорша, Стеша и Болотников заворожённо наблюдали за удивительным вселенским явлением, размышляя о бесконечности и непостижимости окружающего их мира. Точно такие же мысли в эти мгновения роились и в головах всех обитателей Тишинки.

Анатолий Байбородин

Анатолий Григорьевич Байбородин – родился в 1950 году в забайкальском селе Сосново-Озёрск. Автор книг: «Старый покос» (Повести. Иркутск, 1983); «Поздний сын» (Повесть. Москва, 1988); «Яко богиню землю нареки» (Очерки. Москва, 1991); «Боже мой...» (Роман. Предисловие: В. Распутин. Москва, 1996); «Воля» (Повести, рассказы. Предисловие: В. Личутин. Иркутск, 1998); «Диво» (Сибирские байки, сказы, рассказы, 2001); «Утоли мои печали» (Роман, повести, рассказы. Иркутск, 2006); «Не родит сокола сова» (Роман, повесть. Москва, 2011); «Озерное чудо» (Повести, рассказы. Москва, 2013); «Небесная тропа» (Рассказы. Иркутск, 2014). Составитель книг: «Россия древняя и вечная» (Иркутск, 1992); «Русский месяцеслов: Обычаи, обряды, поверия, приметы русского народа» (Иркутск, 1998); «Думы о русском с древнейших до нынешних времён» (Иркутск, 2017). Лауреат Большой литературной премии России за лучшую книгу года (2007), лауреат областных литературных премий имени святителя Иннокентия Иркутского (1997) и премии Губернатора Иркутской области (2014) и других.

Дух совести и красоты

Размышления о деревенской прозе

Уходящая корнями в древнекрестьянскую обрядовую поэзию, в избранных произведениях созвучная средневековым повестям, обогащённая классической словесностью, *деревенская* проза и поэзия прошлого века в сравнении с *дворянской*, *разночинной* более полно и правдиво выразила русский народ, что до начала прошлого века был сплошь крестьянским. Прочие сословия, что звёздная пыль в крестьянской Вселенной... Крестьянство же, хотя и не без греха, являлось духовно-нравственным, творчески созидательным стержнем русской нации. «Когда, говорят “русский народ”, а всегда, думаю – “*крусский* крестьянин”, – писал Александр Куприн. – Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял 80% российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я – знаю только, что я ему бесконечно много должен, ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность»¹.

Деревенская проза – гаснущее эхо двухтысячелетней, необозримой и непостижимой, как Вселенная, крестьянской обрядовой поэзии, что, язычески владея землёй, по святому крещению обрела и небо.

...Русские крестьяне, мистически исходя «от креста» и «Христа», выражали земные и небесные мысли не мертвецки условным, научным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из крестьянской и природной жизни. Сын Божий говорит не *научнообразно*, в отличие от книжников и фарисеев, но беседует с народом на языке крестьян и рыбаков, щедро расцвечивая речь пословицами и поговорками; по воле Божией сей горный, благолепный речевой лад обретали апостолы, святые отцы, старцы-наставники, древнерусские летописцы, православные писатели, особо средневековые, а в избранных произведениях и мирские писатели, подобные Ивану Шмелёву, и даже *деревенщики*, подобные Борису Шергину, Василию Белову, Владимиру Личутину.

¹ Куприн А. И. Полное собрание сочинений: в 10 томах (11 книгах). М.: Воскресение, 2006–2007.

Русская народная словесность, на ниве которой вызрела *деревенская* проза, подобна природе. Величайший художник всех времён и народов напишет гениальный пейзаж – река, приречная поляна в разноцветье-разнотравье, а за рекой в сизой дымке таёжные хребты, увенчанные облаками, а выше – синь небесная, – запечатлеет се живописец, но лишь робко коснётся душой и живописным даром таинства природы; природа же – Творение Божие, будучи во сто крат гениальнее самого гениального рукотворного пейзажа, – останется не вмещающей в земную душу, неизъяснимой тайной. Вот и двухтысячелетняя русская народная, суть, крестьянская, языковая стихия, воплощённая в устном поэтическом, прозаическом слове – в эпосе, былине, песне, житийном мифе и заговорной молитовке, в причитании и сказке, бывальщине и быличке, в кружевном речении, в пословице и поговорке, – всегда будет неизмеримо гениальнее самой гениальной стилистики самого великого книжного поэта. Как беспомощны краски перед природой – бедные и бледные, так и бессильно, тускло, квёло книжное слово перед исконным крестьянским. Недаром чародей поэтической речи, сплётший устное и письменное слово, выдающийся русский писатель Борис Шергин с грустью вздохнул: «Русское слово в книге молчит... Напоминают ли нам о цветущих лугах засушенные меж бумажных листов цветы?...»¹

У Пушкина, гения всех времён и народов, руки опускались перед крестьянским словом, из чего следует, что народное поэтическое слово, в гениальности превосходя не тождо Пушкина, но и всю классическую прозу и поэзию, – суть произведения, созданные всем русским народом соборно, и доводились до ума и божественного духа долгими веками.

Александр Пушкин, предтеча народных поэтов минувшего века и писателей-*деревенщиков*, лишь коснулся поэтическим крылом многовекового крестьянского мира, что вмещает в себя купеческий и казачий, и тут же вознёсся над блистательными дворянскими поэтами. Пушкин тем и возвысился над талантливыми поэтами *золотого века*, что стал истинно русским, истинно народным, ибо, вырвавшись из офранцузенных дворянских поместий в крестьянские поля, сумел душой и речью прибиться к народу русскому, – суть, православному крестьянству, кое составляло почти девяносто процентов российского населения.

Но и Пушкин скорбел: де, народная поэзия, увы, непосильна книжной, что и выразил Владимиру Далю: «Сказка сказкой, а язык наш сам по себе; и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать?... Надо бы сделать, чтоб выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя ещё! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не даётся в руки, нет»².

Некий любомудр... кажется, Валентин Распутин... изрёк: мол, если бы в няньках у Пушкина жила не крестьянка Арина Родионовна, а бесноватая певичка П., то из Пушкина вырос бы Дантес. Под образом Арины Родионовны разумелся образ русского народа, который, снова напомним, по царским временам был сплошь крестьянским... Возможно, из Пушкина вышел бы блистательный *дворянский* стихотворец *золотого века*, не превосходящий собратьев по гусиному перу, но Пушкин вырос в *русского народного* поэта, ибо пробился духом и словом в крестьянскую вселенную, полюбил крестьянство всем сердцем, воспел во всю силу своего поэтического дара.

Фёдор Достоевский говорил: «И никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин. (...) Пушкин любил народ не за одни только страдания его. За страдания сожалеют, а сожаление так часто идёт рядом с презрением. Пушкин любил всё, что любил этот народ, чтит. Он любил природу русскую до страсти, до умиления, любил деревню русскую. Это был не барин, милостивый и гуманный, жалеющий мужика за его горькую участь, это был человек, сам перевоплотившийся сердцем своим в простолюдина, в суть его, почти в образ его...»³

Напомним, что граф Толстой из любви к русскому крестьянству пошёл дальше преклонения перед величавым народным словом: Лев Николаевич страстно возжелал преобразиться из потомственного столбового дворянина в деревенского мужика; недаром же, яко оратай Микула Селянинович, орал пашню богатырской сохой, недаром же открыл сельскую школу и на крестьянский лад сочинил «Азбуку» и «Четыре русские книги для чтения».

¹ Шергин Б. В. Древние памяти. М.: Художественная литература, 1989.

² Бертенев П. И. Рассказы о Пушкине. М., 1973.

³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя // ПСС: в 30 томах, т. 26.

Валентин Распутин писал: «У нас едва ж не вся Россия вышла из деревни. Народный организм развивался здесь естественно, традиции вынашивались веками, пахарь неспроста облёкся именем христианин. Город разматывал, вёл противоестественную жизнь, поддавался чужестранным сеяниям и веяниям; деревня хранила, пополняла, выправляла и вымаливала. И город, проматывая, знал, материнская Россия там, в деревне, в простоте и чистоте своего чувства не оставит, когда потребуется помощь. Да и великая русская литература, если всмотреться, вышла не из Пушкина или Гоголя, а вышла она из деревни – из Михайловского и Болдина, из Тархан... из Ясной Поляны и Спасского-Лутовинова... Никакое общество, сколь бы могучим оно не представлялось себе, не сможет долго продержаться в силе и здравии, если оно откажется от вековых традиций и уставов своего народа. Это всё равно, что, подрубив корни, уповать на ветви. (...) Художественная культура без культуры народной, без её языка и напевов, без щедрости душевной и красоты, без решительного разведения в разные стороны добра и зла не поднялась бы так высоко и не увенчалась бы столь сияющим нравственным ореолом. Быть может, в последний раз тогда, двадцать лет назад, перекликаясь из книги в книгу, из земли в землю, прозвучала так нежно и чисто народная речь. Личутины с их чудным старословием будут уже одиночками, а это вышел хор: Ф. Абрамов, В. Белов, В. Астафьев, Е. Носов, В. Шукшин, Б. Можаев, В. Лихоносов и В. Потанин и многие другие. Не ряженными вышли под народ, а плоть от плоти народа...»¹

Деревенские мужики и бабы полагали: где *просто*, там ангелов до ста, а где сложно, там бесов до ста. Русские *простые* люди, особо из пахотных крестьян, в прошлом веке пережив две опустошительные войны, очнувшись, окрепнув, в последней четверти двадцатого столетия такие творили чудеса, что и всесветные русофобы в тревоге дивились на Российскую империю, пусть о ту пору даже и безбожную. Не случайно Шукшинский Чудик в споре с кичливой горожанкой горделиво воскликнул: «Да если хотите знать, почти все знаменитые люди вышли из деревни. Как в чёрной рамке, так смотришь, – выходец из деревни. Надо газеты читать!.. Што ни фигура, понимаешь, так выходец, рано пошёл работать».

Для русского народа годы правления Леонида Брежнева – не годы застоя, как внушают доморощенные супостаты, но – эпоха величавого творческого всплеска в русском народе, когда в культуру, науку, просвещение, в гражданское и военное дело, в управление государством явился истинный цвет нации – мужики от сохи и бороны... Василий Белов, да и Распутин и Личутин, – выходцы из бедных послевоенных крестьянских семей, когда российский народ, туго затянув кушаки, воскрешал Россию из праха и пепла. А в Брежневскую эпоху, когда Россия державно окрепла, и вознеслась над мировой литературой *деревенская* проза, которую русский народ вынашивал столетия.

Деревенскую прозу предрёк Фёдор Достоевский ещё в 1871 году. В то лето Фёдор Достоевский пишет Николаю Страхову: «А знаете – ведь это всё помещичья литература. Она сказала всё, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого), – но это в высшей степени помещичье слово было последним. Нового слова, заменяющего помещичье, ещё не было... Когда народ, как он твёрдо встанет, он проявит своего Пушкина...»²

И народ *проявил* своего Пушкина: через полтора столетия в русскую литературу вошли певцы крестьянского мира, словно певчие в храм искусств. Вначале по-деревенски робко и стеснительно... лапотники же, деревенские катанки... а в семидесятые, восьмидесятые во всю отчаянно-печальную удадь явилась в русском искусстве *деревенская проза* – суть, русская простонародная: Борис Шергин, Василий Шукшин, Фёдор Абрамов, Виктор Астафьев, Евгений Носов, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Личутин и, примыкающая к *деревенщикам*, добрая дюжина писателей, чьи избранные сочинения порой не уступали и произведениям вышепомянутых писателей.

И в прозе второй половины XIX века водились добротные сочинители из мужиков, скорбные выразители угнетённого крестьянского мира, но писатели прошлого века, прозванные *деревенскими*, и духом, и словом вознеслись над старокрестьянскими. А с точки зрения *русскости* и *народности* избранные произведения *деревенщиков* прошлого века даже и превзошли иные дворянские сочинения, именованные классическими.

¹ Распутин В. Г. У нас остается Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы. М.: Институт русской цивилизации. Серия: Русская цивилизация, 2015.

² Сайт: библиотека классической и современной прозы.

Невзирая на строгий домострой, с кнутом и пряником стерегущую народную нравственность, – моральный кодекс строителя земного рая, списанный без Бога с Христовых заповедей, – несмотря на суровую цензуру, заради трудового вселенского побратимства нещадно карающую буржуйский индивидуализм, космополитизм, демонический декаданс в искусстве, несмотря на *холодную войну* с лукавым Западом, исподволь засеявшим грядущее предательство в прозападной властной элите и смуту в художьих творческих душах, несмотря на деревенскую стужу и нужу, – шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы минувшего века... особенно эпоха брежневского *застоя*... оказались благословенными для русского искусства XX века. Случилось нечто подобное имперскому всплеску в нации; и в эти счастливые для искусства времена в небесах мировой литературы засияла *деревенская проза*...

В отличие от русскоязычной, – не чующей ни духа, ни слова народного, не жалеющей ради хлёсткого словца ни мать, ни отца, – *деревенская проза*, зазвучав по всей России-матушке, словно вечевым набатом, отозвалась во всякой живой русской душе. Деревня приманивала, волновала, радовала и кручинила наших писателей, как островок, где ещё теплилась *русскость*, где ещё дивом дивным, чудом чудным выжила совесть, предтеча покаянной любви ко Всевышнему, где народ ещё помнил тысячелетнее величавое сказовое, песенное слово, ещё не выронил из рук самобытное художественное ремесло. В *деревенской прозе* и выразилось поклонное единение писателей с русской народной жизнью, с народной этикой и народной совестью; дух совести и красоты народная проза и запечатлела.

Писателей-*деревенщиков*, воспевших народную совесть, уже при жизни величали совестью нации. Хотя полагаю, что столь высоко можно величать лишь русских святых отцов, подобных преподобному Серафиму Саровскому, тем не менее, думаю, что в русской прозе второй половины прошлого века ближе к величанию *совести нации* были Василий Шукшин и Василий Белов, воистину русские народные писатели. И не простым *деревенщиком* вошёл в литературу Белов, но – *крестьянским* писателем, ибо в повестях и сказах, в книге очерков «Лад» с любовью сыновьей воспел крестьянский мир в его дольней и горней мудрости, в его необозримом и сверхгениальном устном поэтическом слове.

После крушения Народной Империи, либерально-космополитическая власть загнала в катакомбы русскую традиционную народную литературу, видя в ней оберег русского народного характера. Разумеется, власть не могла отреститься от выдающихся народных писателей, и здравствующих, и почивших в Бозе, таких как Шолохов, Шукшин, Абрамов, Рубцов, Астафьев, Носов, Белов, Распутин, Личутин, ибо имена их уже в советскую пору прославились на весь белый свет. Либерально-космополитическая власть исподволь дала понять, что на прославленных именах народная литература и завершилась, пришло время.

Ясно, когда властвующая нежить заживо погребала в родимой земле мало ведомых, но истинно народных писателей, словно полонённых и угнанных в чуждадьние, неласковые земли, но и бывалые русские писатели, в томлении усталого духа изжившие творческий азарт, о ту пору стали прилюдно хоронить *деревенскую* прозу: дескать, выпало из наших утомлённых рук народное слово, некому подхватить, а значит, грядёт пустота на словесной русской ниве. Но, увы, не запустошить свято место – насеет анчутка беспятый чаровную разрыв-траву...

Когда матёрые писатели и критики, что в их услужении, хоронили *деревенскую прозу*, я слушал зауспокойное слово с мертвящей душу печалью, словно моё писательское поколение, среди коего безымянно прозябают дивные дарования, без исповеди, святого причастия и соборования живьём увалили в топорно рубленную домовину, заколотили крышку гробовую и, несмотря на вопли: «отцы родимые, ведь мы живые!...» – кинули в студёную яму, куда с обвальным грохотом полетели комья мёрзлой глины.

И уж, вроде, под кликушеские вопли плачей похоронили русскую традиционную литературу, и уж, вроде, крест дубовый водрузили на могиле, но вдруг дивом дивным, чудом чудным, словно берёзы посреди чёрной гари, являлись русские писатели из поколения, идущего вослед Белову и Распутину, с мудрым и ярким народным словом, и думалось: ох, раненко мы понесли на погост традиционную русскую литературу, жить ей да жить... вопреки русскоязычной власти, во благо и славу русского народа.

Берега прочтения

Василий Киляков

Василий Васильевич Киляков – родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах: «День и ночь», «Гостинный Двор», «Литературная учёба», «Наши современники», «Новый мир», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Подъём», «Юность», «Роман-газета – 21», в газете «Литературная Россия» и других изданиях. Лауреат Всероссийских литературных премий: «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премий: «Умное сердце» (2010), «Дойче Велле» (Берлин, 1992) и др. Обладатель «Бронзового Витязя» Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2019). Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского Совета РПЦ (2019), Международной премии «Югра» (2020). Член Союза писателей России с 1996 года. Живёт в городе Электросталь Московской области.

О поэтическом сборнике Марины Саввиных «Небо полуночи»

Наше «расчудесное» рассудочно-меркантильное время «расчудесно» ещё и тем, что оно плодит великое множество лжеписателей и лжепоэтов. Несомненно, этому способствуют электронные дивайсы, носители, гаджеты, «софты» и соцсети. То есть, по сути, скучная «цифра» противостоит и сопротивляется живому слову. При поездке, скажем, на работу любой графоман может от скуки набрать на андроиде или айфоне вирши свои и тут же вбросить их во все соцсети. Это не достижение, это беда наша общая: пропала промежуточная и самая важная ступень от писателя к читателю. Исключён из цепи от писателя к читателю рецензент, оценщик. Плохой или хороший, но напрямую не заинтересованный, никем и никак не ангажированный. А таковой был в любом издательстве и любом журнале при СССР.

Сколько нужно было пройти этих ступеней в стране СССР, чтобы напечатать книгу, особенно – первую, заявить о себе, об этом говорить не станем. Зато и издавалась свежая книга тиражом от 50 000 до 75 000 экземпляров. Сегодня тираж 500 экземпляров – уже достижение, уже хорошо. Как следствие – падение не только уровня мастерства, а и просто грамотности – невероятное. Кто сохраняет верность слову, чутьё, вкус? Конечно, писатели от 40 лет и старше. Ещё чаще – более старшее поколение. Они воспитаны на отборной, а не просто хорошей литературе, поэзии. Они выросли без компьютерных призраков «Стихи.ру», «Проза.ру» и прочих мусорных сайтов.

Марина Саввиных принадлежит именно этому поколению. Уже по этому одному признаку она заслуживает внимания, и даже если бы я не был ранее знаком с её поэзией, с её книгами, я, конечно же, не отказал бы ей в прочтении. И вот передо мной её новый сборник избранного «Небо полуночи». Избранного никогда не бывает много. Он невелик. Прежние, – а это более десяти поэтических книг, книг прозы, художественной публицистики, книг, которые передавали мне для прочтения, – убедили меня сразу, что передо мной сильный и глубокий автор – чего стоит одно только интервью с П. Н. Красновым, чего стоят стихотворения, которые публиковались в журналах «День и ночь», «Зензивер», «Крещатик» и др. И вот новое событие в нашей литературе: выход в свет книги «Небо полуночи». Среди литературщины, столпотворения поистине Вавилонского, когда в прихожей сегодняшней литературы – несмолкающий «гвалт» и «хай» невероятные, как на порушенном войной вокзале при отступлении армии, – нам ещё радостней, что есть спокойное, стройное и правдивое слово. Есть кого послушать. Не дезертиров, «липу» купивших, не паникёров и пацифистов, когда необходимо сопротивление, а спокойный голос достоинство своё человеческое сохранившего человека.

В наше время – особенное – всё острее, пронзительней и даже необходима встреча с настоящим поэтом. И оттого, что это всё реже, – она неожиданна. И хоть сохраняется опасность, что, привыкнув к методично-убаюкивающему рифмоплётству посредственностей, мы и сами скоро начнём с трудом отличать настоящий талант от серости и элементарных выучеников. Дар – от бормотания потребителя-«образованца». В самом деле, ведь музыкальный инструмент и тот расстраивается без должного ежедневного применения, что уж говорить о человеке. Слава богу, этого пока ещё не произошло. И дороги слова, обращённые непосредственно ко мне как к сотрапезнику сократовского толка, слушаем Марину, её спокойный рассудительный голос:

Становится безжалостно строга
Правдивая основа целой жизни –
И вот у человека нет врага,
А есть седой сотрапезник на тризне.

«На тризне». Именно. Все мы живём как на вулкане. Кто первый, кто последний в ряду – никто не знает. Жизнь коротка.

Настоящий талант отличает скромность. Если всего лишь и в полталанта Господь наградил, то и тут уже прибавляется и зависть окружающих «талантливому» людей, и мстительность, и нетерпение их. А если таланта нет, то громкие заявления, требования: скорее признайте меня, оцените и поклонитесь. Сколько примеров: чем меньше дар, тем больше амбиций. И психозы, и даже суицид – вовсе не редок. Добрая улыбка над собой, даже юмор Марины импонирует. Это свидетельство качества души. Это тоже крайне редко сегодня, как и главное: Дар. В продолжение начатого разговора о нынешнем положении в литературе посмотрим, как талант (настоящий талант!) относится к своему творчеству:

Невольно поддаваясь на обман,
Который повсеместно одинаков,
Сливает гениальный графоман
Поток души с потоком вод и злаков;
Он входит в одиночество, как в храм,
Где трепет свеч и ангельское пенье,
И приобщает Бог к своим дарам?
Его золотоносное терпенье...

Ах, вот как... Даже так: «графоман... Нет, пожалуй, графоман так не напишет! Ничего подобного. ... Уже и в названии книги слышится Лермонтовское «Небо полуночи» в контексте «ангел», «заявка» на незаурядное, на высокое искусство:

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Внемлем и мы катренам Марины Саввиных. О чём просит поэт, награждённый даром слова: говорить, рифмовать? Строчить вирши? Вовсе нет:

Научи меня, Дева, терпеть и молчать,
Не искать за собою вины:
Наложу на уста золотую печать
Первозданной Твоей глубины.

Только в тиши, в раздумьях, в рефлексии, в роскошном одиночестве «доспевает» до великих строф поэт. И разве не находишь тут созвучия той глубине, той высоте великим поэтам Золотого и Серебряного веков. Нет в них только «каменного» и «железного» нынешнего безразличия и холодного нечувствия, свойственного, многим. Нет и пластмассовой излишней гибкости, ломкости. Есть живая пульсация чувства и мысли, есть пластика, есть пластичность.

По нити дождевой осколок световой,
Пульсируя, снуёт – назло крыльцу и тучам...
Давай же – соскользни (по нити дождевой!),
Как семечко в гряде, в круговорот живой,
Сомкнись с самим собой в его котле кипучем!

«Круговорот живой» для «семечка». А «семечко», и это, конечно, понятно, – росток жизни. Любый. И в первую очередь – человеческой. Ведь именно человек – творение Божье. Какая замечательная находка. Мне она представляется даже ярче, чем прославленное у Ходасевича «Путём зерна», и далее, как развитие и обобщение, слышим:

Храни меня, простор моей свободы,
Живого мира слаженность и сложность,
Нерасторжимость мысли и природы
И радости счастливая возможность!
Соединенье счастья и печали!..
Мой лоб – горяч, и в этом непреложность
Того, что мне не отзвучали
Колокола рассвета и заката,
Колокола полуденного зноя,
Свирель сестры и звонкий бубен брата
И пращуров молчанье земляное...

...И тотчас угадывается, сколько стоит за этими четверостишьями. Много стоит. И Данте в первую голову, и изученное Средневековье. И филология, и философия в их сокровенном, скрытом за семью замками для нынешнего молодого поколения потаённом смысле.

Мастерство и дар необходимо заслужить. Это – как некая дорога, каждый поворот которой стережёт дракон о семи головах. Каждая новая мысль – тайна, каждая – находка. А сколько уже написано и найдено до нас! Отыщи сам, «откопай» свой оригинальный взгляд, попробуй. Это – редкая удача. Всё было, а разве нет? И «яблони в цвету», «журавли», «соловьи», восходы и закаты... Эти – буквально и метафорически написанные – картины столько уже раз написаны, что найти иной взгляд на событие, новую мысль всё равно, что построить корабль новый, очистить бухту для открытого плавания – для выхода в бушующем море. Ни больше ни меньше. Но каково созвучие, читаешь и слышишь звон колокола к заутрене. Не намёком или тенью – живое присутствие жизни и судьбы. И земной и загробной. «И пращуров молчанье земляное». А над погостом храм. И призывает живых: «Придите ко мне все страждующие и обременённые, и Аз упокою Вы...» Так прорастает ввысь и вглубь голубого неба зародыш, «семя» поэзии Марины Саввиных.

Что ж! нет взаимопонимания,
Единое недостижимо!
Но разве легче сочетание
Живого пламени и дыма?
Мой ангел! посвети парение
Глухому обмороку тела –
Не вознесенья, а смирения
Я так хотела... так хотела...

«Смирененья, а не вознесенья». А ведь только через смирение и возможно спасение. Спасение и есть вознесение, воскресение. Так зашифрован, зашит смысл в восьми коротких строках. Что это, если не мастерство? Интуиция? Но подлинное мастерство – это совмещение всех способностей и умений. «Включение» всех чувств. Там, где холодная мастеровитость, – там пустыня для творчества.

Сразу вспоминается игумен Никон Воробьёв – с его тюрьмой и благодарением Бога за муки заключения: «Я никогда не был так счастлив и близок к Богу, как здесь, в тюрьме...» А Смирение великого страдальца и гениального хирурга Луки Войно-Ясенецкого?! Да разве только их...

Я – послушница в Доме Ответа.
У меня ещё не было слов.
Что промолвлено мною и спето –
Только чей-то случайный улов,
Только горла глухое шуршанье,
Только формы холодная жесть...
Где предел моего послушанья,
Что за этим пределом – Бог весть...

И тотчас – по тону и тембру, веянием-наитием воздуха горного – из настоящей поэзии приходит на память нечто из позднего: Анна Андреевна Ахматова. Ну что, быть может, сравним с мусорником «Стихи.ру»? Или всё же не станем этого делать, себе дорожке выйдет? Не правда ли?.. А если сравним, то, конечно, не в пользу мусорного контейнера. Как хорошо сказал Виктор Гюго, мастер на афоризмы: «Алмазы в грязи не тают». Истинно так. Нарботанные слух и вкус – всё приходит только с годами, с опытом. Но разве не годами рождается жемчужина в моллюске, разве не тысячелетия нужны для появления алмаза? А сколько должно сойтись случайностей, чтобы родился жемчуг, или алмаз, или талант...

Не в том грешна, что с кем-то мёд пила,
А голова, хмелея, не пылала –
А в том, что в зряшных поисках тепла
Чужой души отведать возжелала...

и далее:

Кто ощутил восторг именованья –
Испепелясь в пылу соревнования,
Но всё-таки восстав среди руин, –
Тот Богу уподобился один!
Ни возгласа, ни шороха – ни звука...
Лишь ты да тьма... да вещей крови звон:
Себя перемогающая мука
Из ничего явившихся имён...

«Вещей крови звон»... «из ничего явившихся имён». Как схвачено, как сказано! Даю вместе эти строки разных строф, потому что одно дополняет другое. И это через три стихотворения, повторение и продолжение темы. Это дорого. Это говорит об искренности стихотворений Саввиных, в её одномудье – по внутреннему напряжению сродни «я трепещу и проклиная...». По «выноршенности» мысли. По вынашиванию стиха. Она нигде не бросает на бумагу первое попавшееся. Она возвращается к мысли и тревоге своей, памятью живой. А это – покаяние, и ничто иное. Это то, что называется нравственно и душевно – иной жизнью. «Никто не вливает молодое вино в старые мехи»... И это дорого. Потому что мы знаем, что даже исповедь перед причастием мирян, к сожалению, зачастую формальна. Покаяния нет. Исповедь «в миру», в стихотворении «лирического героя» Марины Саввиных и будоражит, и тревожит душу.

Да – всё отвергнуть или всё принять,
Неся свой крест среди сестёр и братьев...
Так есть и будет: время обнимать,
И время – уклоняться от объятий!
Когда весь мир – театр и Колизей,
Финал – открыт, но финиш – предсказуем,
Бегу подобию страсти друзей...
Но ведь Распятый – в кротости своей –
Ничьим не погнушался поцелуем?!

Напряжение, натянутая поющая струна. И предлагается нам, читателям, поддержать это напряжение. Но ведь и мы ещё не опоздали в покаянии, верно? Пока человек жив – ему открыт путь спасенья. «Я есмь и Путь и Истина и Жизнь. Никто не спасётся, кроме как через Меня». И поцелуем Иуды –

не погнушался. Хоть всё знал наперёд. Финал и финиш предсказуемы. Но так ли уж предсказуемо главное: спасение души?..

Помнится из истории жизни святых отцов православной церкви: пришёл к старцу безутешный отец, потерявший сына, – сын сбросился с высокой башни и погиб. Отец терзался мыслью, что спасение для сына теперь невозможно. Сын – самоубийца, страшный грех – к смерти души. Старец неожиданно утешил и ободрил его очень, глубокими словами, но при этом лежащими как бы на поверхности (так кажется, но кажется ли, или такова действительность?). Он молвил безутешному родителю: «А почём знаешь, не пожалел ли твой сын о своём поступке, не покаялся ли в последний миг? Не обратился ли мыслью ко Христу?» Мы и знаем и не знаем финал. Всё в деснице Божией. И впрямь – секунды отделяют нас от спасения, порой.

Какою тонкою печалью
Пронизан воздух бытия,
Его свечение и молчанье,
Минута каждая твоя!
Должно быть, грусть неотвратима,
Как возраст... но в её поре
Даль очищается от дыма,
Клубившегося на заре,
Свет очищается от тени,
А тень от света – и видна
Под плёнкой сумерек смятенье
Внушающая глубина... (с. 34)

«Послушайте, ещё меня любите, за то, что я умру...» – сказала Марина Цветаева. Но и «Смятенье внушающая глубина», – сказано искренне и искромётно, точно. Именно тяжесть и в то же время благодатную ношу бытия отмечают старцы, достигшие высоты. Любовь ко всему живому. И тварному, и бесплотному, и страх обидеть Отца, согрешить. Высокое напряжение, которое предлагается книгой «Небо полуночи», поистине редко. От «сотрапезника» требует книга внимания, требует, чтобы он, читатель, следил и за ходом мысли, и за извивами и всеми излучинами душевного движения автора. Это требование, без которого не построить взаимоотношения, – самого дорогого стоит. И тут уж не отделаешься ни софизмами, ни притворным сочувствием, ни игрой смыслов. Водопад мыслей и чувств тугο бьёт всем весом своим и играет на солнце, искрясь радугой.

Яшмовые ветки Палестины...
Где в хлеву – случайный кров ночлега...
Где младенца нюхает овечка...
В вышине, не ведающей снега,
Белая звезда дрожит, как свечка...
Я к воротам шла приотворенным:
Ко Христу – от пагубы и срама.
Пёс лохматый иноком смиренным
Молча проводил меня до храма.
И легли мне под ноги ступени,
Высоки, торжественны и твёрды,
И глядели вслед из снежной пены
Чудные светящиеся морды,
Словно мне отныне предстояло
И за них нести труды обета,
Ежели всем тварям воссияла
Вифлеемская планета... (с. 40)

Искрящийся водопад это... радуйся, читатель: и здесь – точно в цель. Ведь и скоты мучаются от первородного греха человека. И они ждут помилования. От кого? Прежде всего от нас, от «человецы суть». Сказано у апостолов: «Блажен, кто и скоты милует».

Когда сладкоречивый Искуситель
Использует, как сети, наши души?!
Не в нём – так искушаемся друг в друге,
Не зная, как любить, кому молиться:
Младенцам, подрастающим в округе
Уже смешно глядеть на наши лица...

Да и Бог ждёт, когда человек (каждый) созреет, и даже дети, пришедшие свежими от Бога к нам, и они ждут нашего созревания. Они и проще, и мудрее. Они не забыли ещё, «не очнулись» от того Света, который сиял им до рождения и который, по Евангелию, просвещает каждого грядущего в мир, – из тех, «кто от Бога». Им смешно смотреть на нашу растерянность, многократную нерешительность, малодушие. Как метко сказано, как здорово увидено. Радует невольно, читая такие строки.

Бог – гончар, созидатель, Демиург – незримо и неотвратимо присутствует в катренах Саввиных. Он не называем, но Он тенью своей всегда с читателем. В прозе же – описание того, как и что думает герой. Как именно он думает. Но это, в сущности, не важно. Необходимо дать характер и тайну характера – через приметку, через «характерное», через поступок. Так и здесь. Именно это отличает качественную литературу от подделки. От притворства, лжи, от «лже»-кубизма, «лже»-футуризма, «поток сознания», и проч., и проч...

Он движется... подобное в подобном...
Себя мы вспоминаем лишь в аду,
В неугасимом пламени, способном
К великому гончарному труду!

Или:

...Поэзия – искусство умирания.
А как меня томило сердце раннее,
Голодное до смысла и утех,
Уверенное в истине для всех,
Согласное, что все мы в чём-то лошади,
Что надо бы с толпой гудеть на площади,
В трубу трубить и, если суждено,
С победным криком вылететь в окно
И – вдребезги под праведными звёздами!..
Но как во мне томится сердце позднее –
Бесплодной изнуряющей тоской,
Как известковый камень под рекой...
Река течёт, толкает и стучится,
Частицу изымая за частицей
Из маленького тела моего,
Взамен не оставляя ничего...

Человек тает, суживается, умалется с большими годами. Время жизни его истаивает, «как известковый камень над рекой»... И как здесь не пожалеть, не воскликнуть с Маяковским: «Все мы немного лошади». Тема открытого сердца – муки живого на этой земле – и лошади, как безответного существа, запряжённого в повозку, битой хлыстом, – мучала Ф. М. Достоевского, свела с ума Ф. Ницше, перемётом схвачена была Маяковским, и не им одним. «Все мы немножко лошади». Мы биты хлыстами судеб. Мы «истаиваем». И кто принуждён, и мало кто вольно везём свои повозки. Несём своё крест, как сказано в Книге Книг. Каждый из нас.

...Всё величаво, истинно и целно,
Во всём со всем живая связь сквозит,
И только ты – бессвязно и отдельно...
Свобода – распахнувшаяся даль,
И вся её наука – отрицанье.
Я научусь! Но, Господи, как жаль
Оставить мир в пределах созерцанья!

Жаль и нас самих, жаль себя, и этот мир, и друг друга...

Да, с возрастом мы приходим к созерцанию. Конечно, не все, «но кому дано»... И тогда мир этот видишь по-иному, бесстрастно, с жалостью, как бы и не в миру, – видишь его с небес. И это самое ценное, самое важное и в жизни, и в поэзии – вообще в искусстве. И это так же редко, как ценно. Дар – избранным. Это то, о чём говорил прозорливый Есенин: «Видно, так заведено навеки: / К тридцати годам, перебесясь, / Всё сильней, прожжённые калеки, / С жизнью мы удерживаем связь». Или Лев Толстой, матёрый, изрекает вдруг удивительное: «Я никогда не думал, что старость может быть так привлекательна»... А чем привлекательна? Не ветхостью же своей и не болезнями. Приближением к созерцанию, бесстрастию – единственно. Вот чем. И как в противовес, который ещё усиливает впечатление, – взгляд со всех возможных сторон, попытка понять и Иуду.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СВИДРИГАЙЛОВА

Вот небеса, которых не видать
Ни ангелам из похоронной жести,
Ни птицам, разучившимся летать,
А мы с тобою в них летали вместе.
Кому теперь все слёзы отольются,
Раз грозным судиею ты стоишь?
Так смотрит перевёрнутое блюдце.
Так по спине в постель стекаетмышь.
Так в сердце пробирается паук,
Овладевая бесполезным телом...

Так слышатся шаги. Чугунный стук.
Так кто-то по брусчатке чертит мелом.
Легко – претерпевать и отвергать,
Но истину принять – невыносимо,
А значит, могут только обжигать
Живую кожу ласки серафима.
И в ком тогда все слёзы отзовутся,
Когда и кровь – не кровь... и хлеб – не хлеб.
Ты слышишь? Небеса хрустят и рвутся.
Как чёрный креп.

«Бог умер», – провозглашает нищезанятие. «Бог сотворил мир и почил он трудов», – говорит нам протестантизм. Не свидригайловщина ли всё это, не попытка ли подмены? Когда «...могут только обжигать живую кожу ласки серафима». А ведь он слышит, что ждёт его, слышит приближающуюся месть Командора: «Так слышатся шаги. Чугунный стук...»

В. В. Розанов тоже пробовал постичь этот мир со всех точек зрения. И получилось. Быть может, автор этой публикации не рискнул бы на такой «литературный приём», но ведь и здесь получилось... Это архисложно. И здесь стихотворение – удача!

Мир ловил меня, но не поймал.

Григорий Сковорода

Он расставил на скудной тропе моей
И капканы скрытные, и силки.
Но такой ли достигнет заветных троп?
Не дано бедняге меня поймать,
Остаётся ему среди праздных проб
Загребущие пальцы свои кусать.
А меня – молоком небесных коров
Окормляет Господь;
Свой летящий флаг
Надо мной простирает, бескрайний кров,
И ведёт по дороге бессчётных благ...

Да простит меня Марина Саввиных... Переиначив прошлый абзац, скажу «дерзость»: «...все мы немного» Григорий Сковорода. Или, по крайней мере, стремимся быть похожими. Некоторые из нас. И едва ли не все – пишущие давно и серьёзно. Мы ловим минуту досуга, чтобы создать стихотворение, дописать рассказ или роман. Мы одержимы? Просто человеку, который умеет найти собеседника в себе и в Боге, – не нужны собеседники в миру. Мы, пишущие – те, о которых так метко сказано в сборнике «Небо полуночи», – мы видим, – и хоть и не ищем друг друга, но обретая друзей из когорты себе подобных, – радуемся. Потому что умеем разглядеть «собеседника» на общей тризне этого мира:

Блаженны кроткие: из взор не замутнен...

.....
*Нет им преград, и нет у них врагов.
Не знают ни воров, ни дураков
Блаженные – ударь: подставят щёку..
А ты живёшь – мякинный хлеб жуёшь,
Клянёшь, рыдаешь, мучаешься, ждёшь –
И веришь проходимцу, как пророку (с. 64)*

А куда все идём? Все в одну сторону – и добрые, и злые. И даровитые, и бездарные. Идём ко Христу, к кресту:

Крещенская стынъ...

.....
Давай же, Фонарщик, свети человеку!
Возьми моё топливо – ради Христа!
...иду босиком по крещенскому снегу..
...схожу в обжигающий контур креста...

Но бытие наше, бытие одиночек – иное, не мирское, точнее – не мещанское, не обывательское. Так почему же мы бежим от мира? Или знаем наверняка, что мир этот «в детской дерзости своей» непременно будет «колебать наш треножник», «бранить». Отчего такая разница, такое отличие поэта от простого смертного? Это и мука, и радость. Мука творчества, радость от хорошо сделанной работы. Как в рассказе «Бернар», где Иван Алексеевич Бунин замечательно сказал: «Думаю, что в конце жизни, я смогу сказать нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар...» – «Думаю, я был хороший моряк» (матрос шхуны «Милый друг» и Ги де Мопассана). Бунин переводит на свою жизнь, на себя: «Думаю, что я был хороший писатель».

На созвучьях и аллитерациях:

Река и речь – от корня одного.
В мерцании значения былого
Присутствует их древнее родство...
Так в громком «слава» проступает «слово»,
Так «слово» расцветает в «соловье»
И в «солнце» – благодатно и сурово.
А «речь» живёт и в ласковом ручье,
И в отречение схимника святого.
Отражены «начало» и «конец»
Друг в друге прорастаньем вечных зёрен.
«Кров» – «крови» прирастающей венец,
И «чёрт» не зря червоточив и чёрен.
«Род» в «радости» и в «гордости» гудит,
И в «раде», вести вольного совета...
А в «стаде» скрытан «стан», и слышен «стыд»,
Как в песне – птица, а в полёте – лето...

И едва ли не каждая строка – находка.

Так зашифрованы в звуке едва ли не все стихотворения Марины Саввиных, и оттого читаются и вычитываются глубоко, символически, даже мистически её строки. Против тёплого и гладенького, подобного мышинной норке мирка. Норке, устланной пухом, – против мелкого бранчливого быта, против конформизма и соглашательства святош, «духа» садукеев. Мировоззрение творческое, напряжённое – вот что на самом деле свято для поэта. Само по себе – да, оно божественно. Это творческое напряжение – «в первоисточнике»:

*И грациозно гибнет Себастьян,
Ничем не оскорбляя наше зренье.*

...А окончу тем, с чего начинал. В Вавилонском смешении, в нашей сегодняшней литературной суеде (не могу назвать «литературная жизнь» всё то, что сегодня происходит в нашей литературе) произошло слияние, «синтез» (любимое слово литературного критика, бывшего ректора Литинститута Е. Ю. Сидорова), – произошло то, чего он и желал, и предсказывал, даже восторженно: плавильный котёл страстей и пристрастий. При ничтожном мастерстве – требование внимания к своей персоне. И это – при невероятно низком уровне «письма», с обилием причуд, сомнений, мало чем подкреплённых, – в этом бульонном котле, где царствует теперь (по большей части) бездарь и безнравственность, – книгу Марины Саввиных трудно переоценить. Она и таинственна, и величава. Горько, но знаю наперёд, что многие из молодых не поймут её в силу малообразованности, не в пример нам, получившим образование в СССР. Сегодня не знают ни Себастьяна, ни химер... А значит, и не разглядят чудный дар поэта. Не смогут понять всего того, что несёт эта книга, потому что и Библии, и Евангелия не читали. А ведь она, эта книга стихотворений, и призвана к окормлению и молодого, и даже зрелого читателя. И при чтении от читателя требуется – повторяю, едва ли не равная поэту, писателю – самоотдача.

*Каждому дню довольно своей заботы!
Очи отверз – а там уж трубят отбой.
Главное – узнать в этой жизни, кто ты,
Чтобы потом оставаться самим собой...
Так отлепись, душа, от костей кумира!
Не изменяй себе и не торгуй лицом!
Самое лёгкое – глиной в ладонях мира.
Самое трудное – в Божьей руке резцом.*

Так что, всё ли так безупречно, так величаво, неповторимо в книге «Небо полуночи»? Из того, в чём можно было бы упрекнуть Марину Саввиных, – это ажурность письма, богато, порой излишне выстроенный «ампир» её стихотворений. Они могли быть написаны в таком стиле и в восемнадцатом, и в девятнадцатом, и в двадцатом, и в двадцать первом веке. И всегда могли бы быть прочитаны «к месту» и вовремя.

«Постойте, – скажет дотошный читатель. – А когда написана эта книга, где же – о текущем моменте, где о нашей погоде и погódках? В книге этой – на десятилетия и годы задуманной и исполненной? Ничего о наших сегодняшних тревогах, печалях, о ковиде, о нищете и блеске сегодняшних куртизанок, о народе, который за чертой бедности... О том, что тайком ходим на работу, а раньше – тайком сбегали с неё». Хотелось бы ответить так: привязанность к сиюминутным событиям – ещё не верная примета таланта и крепкой поэзии. Секрет литературы сокрыт в «мелочах», которые выводят нас к обобщению. А именно так и исполнена книга. Кроме всего прочего – книга на подготовленного читателя. Ведь как на деле у нас происходит: примерно четверть читателей просят поэта, рассмешите меня, как Иртеньев или А. А. Иванов... Другая четверть или меньшая часть просит: дайте поразмышлять, «пищу для ума», дайте погрузиться. Будьте моим толмачом, и я полюблю вас, поэт. Напишите «Серёжку ольховую», или «Падают белые снега», как Евтушенко, Аронов (но таких меньше). Четверть скажет: дайте мне, дайте мне «пирожки»-стихи, депресняшки, подобные Вадиму Невадиму, или «гарики» Губермана, или однострочные «шедевры» «поэта» Вишневского. Четверть – просит лирику Фатьянова, Тряпкина... И только один процент избранных говорит автору с надеждой и убеждённо: напишите то, о чём скорбит ваша душа, то что вам как поэту наиболее свойственно и характерно. В этом игра и таинственность смыслов. Тайна, скрытая от обывателя. Востребованность, массовость – вовсе не показатель степени таланта, даже скорее наоборот.

Автор этих строк, смею надеяться, и даже – несомненно – принадлежит к одному проценту из названных. Поэтому и смеет просить автора продолжить эту книгу именно так, как видит её сам автор. И надеется на взаимопонимание.

Берега прочтения

Елена Дубровина

Елена Васильевна Дубровина – родилась в Воронеже. Дипломированный филолог (Воронежский государственный университет) и экономист (Московский институт менеджмента, маркетинга и финансов), писатель, публицист, литературовед, член Союза писателей России, руководитель издательской студии PROfectus, литературный ментор, бренд-маркетолог. Автор романа «Туда, где рождается Солнце», сборников рассказов «Пшеничное сердце», «Бабушка-Вуду», «Я тут», «ОТ», в составе сборника российских авторов «Покатилось жизни колесо» и др. Публиковалась в литературных журналах: «Берега», «Подъём», «Молоко», «Роман-газета», «Наследник», «Полдень. XXI век», «Суждения» и др. Финалист VI Международного литературного фестиваля «Славянская лира – 2019» в номинации «Малая проза». Автор методики комплексного обучения для будущих писателей

«Авторам своей жизни» и курса «Книга в руках». Работала в составе жюри городских и региональных конкурсов чтецов: «Живая классика», «Откроем для себя Исаевские строки», «Я научила женщин говорить» и др. Выступала инициатором и организатором литературных конкурсов для школьников. Организатор благотворительного проекта для детей-сирот и детей-инвалидов «Лука и лучики».

Два крыла – два берега

О книге публицистики воронежского поэта Ивана Щёлокова «Вечные странники»

Новая книга поэта Ивана Щёлокова «Вечные странники» представляет собой сборник эссе, очерков и статей, иллюстрированный фотографиями. И как точно подмечает автор: «Судьба книги, как и судьба человека, неповторима». А для меня этот подарок ценен тем, что эссе – это всё-таки публицистическая лирика, а значит, автор делится своими сокровенными мыслями.

Много раз я порывалась написать благодарный отзыв на эту книгу, но всё никак не складывалось. И теперь я понимаю, почему: не время, не место – книгу нужно было осмыслить.

Я не критик, я писатель и филолог, потому расскажу о книге так, как поняла её именно я. Поскольку предметом рассмотрения является публицистика, не буду использовать понятие «лирического героя».

«Неторопливо спускаюсь от Петровского сквера к Чернавскому мосту. Чем ближе к руслу бывшей реки, нынешнему водохранилищу, тем волнительней на душе. К мосту у меня отношение трепетное, как к священному сооружению. Для меня он – живое существо, а хранилища его виртуальной памяти бесценны для потомков...»

На мой взгляд, «Вечные странники» – необычный культурно-просветительский труд. Большой труд поэта, требующий интересного жизненного опыта, научных знаний, литературной насмотренности, глубокого проникновения в себя и в других авторов. Этот труд не только документально-биографический с философскими размышлениями, он ещё освещается с нескольких профессиональных сторон одновременно: с исторической, краеведческой и литературоведческой. При этом факты искусно обрамляет художественный орнамент, что делает их восприятие легче, прекраснее, поэтичнее и моментально погружает читателя в нужную атмосферу. Художественность здесь гармонична и естественна, как хорошие иллюстрации, выгодно подчёркивающие мысли автора.

Эта книга истинного филолога: эссе и статьи настолько стройно скомпонованы в одну идею, что о книге нужно говорить не частями, а как о целостном произведении, и это очень высокий уровень подачи!

Знаете ли, не случайно то, что Иван Александрович познакомился с М. Ю. Лермонтовым ещё во младенчестве, когда бабушка пела внукам колыбельную, которую, кстати, великий поэт написал у нас, в Воронежском краю. Вот когда драгоценные зёрна вкладывались в сердце будущего поэта, публициста и редактора авторитетнейшего всероссийского литературно-художественного журнала «Подъём», председателя правления Воронежского регионального отделения Союза писателей России. Это то, что он взял когда-то с собой в путь взрослой жизни как ценный дар, а потом взрастил его в книгах, в открытых им авторах, в культурно-просветительской работе.

«Дорога в судьбе поэта – мощнейшая мотивация творческого взросления. Дорожные впечатления – уникальная возможность понять себя и других, прикоснуться к земному – сиюминутному и небесному – вечному».

В книге есть и место, и время, и действие: мистической точкой опоры соприкосновения прошлого и настоящего является город Воронеж. Причём автору искренне дорог этот город, который он осмысливает в масштабе культурном, в исторической сопричастности к нему великих поэтов и прозаиков, которые жили до него и стали его учителями или которых он знал лично и вспоминает на страницах книги (от М. Ю. Лермонтова и А. С. Пушкина до В. М. Пескова и Е. А. Исаева).

Границы между прошлым и настоящим стираются навеванным природой вдохновением: прогулочным шагом следуем за автором по современным улицам, узнаём их, а в следующий миг мы уже откинута на двести лет назад, и нам открываются интересные исторические детали, которые принадлежат родному краю, то есть лично каждому из нас... Текст не воспринимается читателем как фантастика. Это – способ показать картины прошлого, биографию, географию, историю именно так, как это умеет настоящий поэт.

Язык произведения – литературный, это текст интеллигентного пера – читать чрезвычайно приятно! Неторопливое повествование помогает читателю вдумчиво воспринимать мысли и чувства автора. И он знает цену такой смакующей неторопливости, и он также осведомлён о том, что сегодня «читатель – раб темпов, ритмов и обстоятельств»: таков стиль и замысел, ибо для автора и прошедшее, и настоящее время возможны одновременно, но созерцание не терпит суеты.

Начинается книга с эссе «Вечные странники». Здесь ощущается жажда размеренной жизни. Трогает умение автора отвлечься от суеты и обратить взор к небу, а это, согласитесь, непросто в век временного дефицита. Его внимание приковано к тучкам, к природе, которая вдохновляет его не только на созерцание, но вдруг погружает в прошлое. Автор как бы со стороны, но очень близко видит и М. Ю. Лермонтова, и А. С. Пушкина, и А. С. Грибоедова, и Д. В. Веневитинова, К. Ф. Рылеева, А. Платонова и других. Он всматривается в лица, разглядывает и старается понять, ощутить атмосферу их бытия в ярких деталях. Автор говорит о них как о выдающихся исторических личностях, правда, они по разным обстоятельствам оказались в какой-то степени изгнанниками: обществом ли, режимом, какими-то трагическими событиями были недооценёнными мыслителями своего времени. Это – боль, которую он переживает вместе с ними.

Автор также покорён мужеством «вечных странников», ибо быть изгнанным из общества – это тяжёлое испытание, и с древних времён бытие вне «человеческой стаи» – противоестественно, потому что связано с тяжёлыми условиями для выживания изгоя. Но «вечные странники» даже при таком удручающем положении оставались верными Отечеству, правде, свободолюбиво и мятежно искали истину. По мнению автора, в ссылку отправляли «людей передовых идей и мыслей», и они не могли тогда миновать Воронеж.

В отличие от туч, у талантливых «странников» было святое чувство Родины. Нельзя изгнать тех, у кого этого чувства нет, ибо таковым везде привольно, они везде смогут «прислужиться».

«Странничество» у И. А. Щёлокова – тема, «близкая душевному строю» многих лучших поэтов и писателей, художников и журналистов. Именно она объединяет эссе, и именно она тревожит автора тоже.

«Я что – странник? И тот незнакомец под зонтиком на тротуаре – тоже странник? Может, человек вообще странник на этой земле и под этим небом? Мы все – “тучки небесные”?»

Забегу вперёд, книга заканчивается любопытными краеведческими заметками о малой родине автора – селе Красный Лог, где снова поднимается проблема неприятия. Грустное наблюдение из детства автора, когда «швыряли» крестики в речку Красную: «Самое страшное наказание – когда с тобой не водятся», – по убеждениям ли, по иноверию или по другим каким-либо причинам.

С одной стороны, «вечные странники» живы, до сих пор странствуют в наших сердцах, мы и сегодня их помним, читаем, они с нами. С другой стороны, жизнь для каждого из нас – это путь, странствие по жизни: тогда временный пункт пребывания уже не Воронеж – вся наша земная жизнь; и все люди – странники на Земле. Вот такая глубокая мысль пронизывает всю книгу.

Важным и ценным автор видит в талантливых «странниках»: умение одинаково высоко ценить прошлое, настоящее и вечное, а не концентрироваться на скоропреходящем, житейском, мещанском. Их благородство и отличие от посредственности именно в искреннем служении вечности и Отечеству. Отсюда одиночество «странников» среди современников, непонимание большинством их высоких устремлений.

«Хочется оставить мирскую суету и хотя бы на малую песчинку приблизить себя к пониманию, кто ты здесь, в этом дне, в этом месте...»

«“Транзитных” особ Воронеж встречал, скорее всего, как это и было повсеместно, с жандармской настороженностью, равнодушно и холодно, буднично и скучно». Не думали «странники» тогда, что «рядовой привал в длительной тряске по отечественным ухабам» через пару веков станет одним из центров русской культуры, а их пребывание в нём – ценным историческим фактом. Недооценённые тогда – бесценные теперь!

К слову сказать, сам Иван Александрович – хранитель и носитель тех же фундаментальных нравственных идей. Читатель это наблюдает не только в прикосновении автора к теме ценности прошлого, традиций и устремлений к вечности, но и в главе «Параллельное движение», где он вспоминает свои чиновничьи будни, то есть своё служение Отечеству и культуре.

«Вечные странники» – это писатели и поэты, ставшие когда-то гостями Воронежа, вынужденно ли, как М. Ю. Лермонтов и О. Мандельштам, или родившиеся в нём, как А. В. Кольцов, И. А. Бунин и А. П. Платонов. При этом автор искренне ими восхищается. И это самое ценное в книге, в этом важный воспитательный момент для будущих поколений. И. А. Щёлоков искренне верит, что спустя много лет родятся романтики, пусть и «с чипом в башке и с монитором в зрачке», но с прекрасным порывом души, с жадой познавать этот мир через созерцание неба. Примером искренней любви к своему родному краю, к своим корням, к классикам русской литературы и современникам автор показывает потомкам направление верного движения...

«Ничего случайного не бывает в мире. Нет в нём пустот духовных и нравственных, и заменяющих их ценностей природа для нас не уготовила».

Воронеж глазами автора – это «не только транзитный пункт русского свободомыслия, но и родина отечественной поэзии».

История и культура, прошлое и настоящее, прашуры и потомки – именно это оживляет для автора Чернавский мост, объединяющий два берега.

«Как мудрый старец – вечный хранитель некоего родового начала, соединяет он берега Воронежа, оставаясь неизменным символом духовной, культурной, нравственной целостности города».

Путь «странников» через Воронеж или их проживание в городе автор рассматривает не только как историко-географическое явление. Для него это – путь их духовного развития и жертвования, потребность в познании себя и мира вокруг; для одних он – «для поиска лучшей доли», другим – путь «познания Бога». Не потому ли И. А. Щёлоков, раздумывая о внутренней скудости многих современных персонажей, пролетающих по новёхонькой автотрассе мимо города, не без иронии олицетворяет их с хорошо известными героями русской литературной классики – молчаливыми, софьями, фаустовыми, чацкими? Получается, кто живёт корыстными потребностями дня, у кого нет прошлого – у того нет будущего. И живущие сиюминутными увлечениями, если грянет гром, хотя бы в виде ревущей небесной эскадрильи, спасуют, собьются в кучу, как стадо напуганных овец у незабытого автором известного воронежского прозаика В. Белокрылова, и увидится остальным далеко не свет сердца и ума, а лишь их курдюки да спины.

И. А. Щёлоков по-своему осмысливает и поэтическое творчество А. Т. Твардовского, объясняет его духовно-нравственную и литературную ценность, показывает особенность и уникальность творчества классика советской поэзии и какую роль в поэзии Твардовского играло время, когда физическое, коллективное, трудовое доминировало над эмоциональным, личностным и созерцательным.

Интересны мысли автора книги и относительно современников: художника С. Гулевского, журналиста и писателя В. М. Пескова, культурного деятеля И. Д. Образцова и многих других личностей, внёсших своим искренним служением общественно полезному делу ощутимый вклад в развитие культуры Воронежа.

«Небо слышит своих избранных. Небо не теряет с ними связи, сколько бы лет не минуло на земле, сколько бы туч не проплыло по голубой лазури».

«У речки Красной, как и у всех рек, два берега. На двух её берегах поселились два разных крыла православного русского люда. Они каждый по-своему поклонялись святым и одинаково любили Отечество. Два берега, две веры разделяли их, но не уничтожали единую православную душу».

«Все едино – православные... Вот куда, думаю, надо смотреть: в ту зеркальную глубину, в тот единый источник духовного возрождения. Загрязнился он за целый век, затянулся илом безверия, истощал. Интерес к истории только способствует этому очищению. Чем больше мы будем знать, переживать за свой малый городок или огромный мегаполис, за безымянный хутор или некогда большое село, тем легче нам будет, тем светлее станет на душе».

Книга «Вечные странники» не только освещает интересные факты из истории Воронежского края, после которых он становится ещё роднее и ближе, но и даёт обильную пищу для ума. Например, продолжая развивать вопросы, поднятые автором в книге, приходишь к неожиданным открытиям: если провести мост между прошлым и настоящим, как это делает автор между берегов речки Красной, то мы увидим, что хранители культуры и новаторы всех времён – всё едино! – литераторы; и те и другие нужны культуре ради её богатства, непрерывности развития литературного процесса. Главное, оставаться духовно живыми и друг ко другу дружелюбными!

Январь 2022 г.

г. Воронеж

Берега мира

«Мир без стен»

Поэты мира о военной операции в Украине

– Я попросил поэтов, входящих в Мировое Поэтическое Движение «Мир без стен» (WPM) высказать своё мнение о событиях, происходящих на Украине. Внизу привожу некоторые из них. Это дословный перевод их писем, – *Вадим Терёхин – поэт, член координационного Совета и континентальный координатор Мирового Поэтического Движения «Мир без стен» (WPM).*

Фернандо Рендон (Колумбия) – поэт, Генеральный координатор WPM, основатель международного поэтического фестиваля в Медельине (Колумбия)

Я не хочу задеть чувства украинского народа, живого щита НАТО и пленника фашистского правительства своей страны. Однако хочу сказать, что мир скоро забыл жестокий урок нацистского вторжения в Европу в 1939 году и огромный героизм и самопожертвование армии и народа России во время Второй мировой войны, которые внесли решающий вклад в освобождение Европы, стоявшей на коленях перед гитлеровскими поработавшими войсками.

После поражения Гитлера не прошло и нескольких десятилетий, как позиция союзных войск стала склоняться к нацизму и фашизму, что проявилось в нынешнем украинском кризисе, который вынудил Россию выйти за границы этой страны, чтобы защитить независимость, кардинальные интересы и жизнь русского народа.

Страх и отсутствие глубины в анализе некоторых интеллектуалов, учёных и писателей на Западе породили в их реакции прогорклые ксенофобские, даже антикоммунистические и антисоветские настроения, как будто сегодняшняя Россия – это социалистическая страна, которая может представлять угрозу для Европы.

Однако именно аппетиты крупных капиталистов США и Европы на обширные посевные площади России, на её газ и нефть, на её огромные ресурсы и природные богатства являются реальной угрозой для России. Поэтому можно понять, что именно окружение и ядерное военное запугивание, которому способствовал нацистский режим на Украине в НАТО, побудило Россию к действиям. Мир будет понимать эту ситуацию день ото дня.

Фредди Нанез (Венесуэла) – поэт, член координационного Совета и национальный координатор WPM в Венесуэле

Никто не поддерживает войну. Конечно, вопрос не так прост, как выбор между войной и миром. Дело в том, что НАТО осаждают Россию уже 70 лет, а в последние 14 лет, после переворота на Украине, США и ЕС только и делают, что пытаются окружить Россию военным путём. Сионистское правительство Украины, поддерживаемое неонацистами, уничтожает (русское) население Донбасса молча, без неприятия со стороны международного сообщества или любого мирового движения за мир. Как я вижу, Россия предотвращает войну этими операциями на Украине. Если мы не осудим североамериканский империализм, наш мир будет всего лишь одним словом. Как революционный поэт, я с Россией, потому что её существование как державы гарантирует мировое равновесие.

Я согласен, что разные позиции, которые мы занимаем по этому вопросу, не должны нас разделять или противопоставлять внутри Мирового Поэтического Движения (WPM). Моё одобрение России и поэта Вадима Терёхина не направлено на навязывание консенсуса. Сейчас сложные времена, и очень важно, чтобы мы все позиционировали себя вне влияния крупных СМИ. Это наша обязанность – знать, что происходит, искать правду и защищать её. Обнимаю всех!

**Алекс Паусидис (Куба) – поэт, член координационного Совета
и национальный координатор WPM на Кубе**

ЗДЕСЬ, ПЕРЕД ЛИЦОМ ВОЙНЫ

И снова жадность и безграничные амбиции капитала, который не стесняется бросать своих братьев в драку, берут верх над разумом и доброй волей.

Империя капитала не хочет, чтобы кто-то сопротивлялся. И в экономической, медийной и культурной войне она ежедневно окружает и Россию, и Китай, и Кубу, и всех диссидентов западной буржуазии.

Война и кровопролитие между народами, которые могли бы вместе бороться за своё благополучие, достойны сожаления. Прискорбная и опасная война в Украине.

Остановить войну в Донбассе, остановить войну в Украине, остановить окружение России Западом!

Пусть оружие вернётся в казармы. Пусть на Украине снова воцарится мир! Славянские народы не лежат мёртвыми, пока алчные теневики Запада наслаждаются комфортом, который ростовщичество и прибыль от продажи оружия позволяют им в их стремлении доминировать и подчинить себе весь мир.

Да здравствует мир. Долой войну на Украине, в Сирии, Йемене и на Кубе!

Сантош Кумар Похарел (Катманду) – поэт

Моё послание писателям, поэтам и всем руководителям писательских организаций!

Неприемлемые сигналы, исходящие из США и НАТО, служат цели приближения ядерной войны. Безумный сенатор Линдси Грэм призывает русских убить своего героя-президента Владимира Путина. И НАТО послало своих боевиков на Украину для войны с русскими. Российских студентов оскорбляют и изгоняют из американских и западных школ и вузов. Спортсменам запретили доступ к паралимпийским играм. Это бесчеловечное унижение российских народов союзом США и НАТО может возбуждать в их сердцах ненависть ко всему западу, и человеческая ненависть неприемлема для литературного мира.

Мир ещё помнит, что СССР освободил всю восточную европу от нацистов, принёс в жертву более двадцати миллионов своих граждан, и все считались на западе с русскими. Не недооценивайте русских. Они очень дружные люди, как я их знаю!

Я по-прежнему призываю к единому братству России, Беларуси и Украины. Вы одна славянская раса.

**Абдукахор Косим (Таджикистан) – сопредседатель Литературного совета
Ассамблеи народов Евразии, национальный координатор WPM,
Почётный посол мира**

ПУСТЬ ДРУЖБА НАПОЛНЯЕТ ВЕСЬ МИР!

ПУСТЬ ДРУЖБОЙ БУДЕТ ПОЛОН МИР!

Дорогие поэты! Просьба воздержаться от агрессивных заявлений при оценке ситуации на Украине. В последние годы удалось собрать поэтов всего мира для укрепления литературной дружбы между народами мира. Это великое достижение. После событий на Украине многие по-своему анализируют ход событий, обвиняют воюющие стороны и долго спорят друг с другом, что не имеет хороших последствий и не может не мешать дружбе творцов. Поэзия и все другие виды искусства являются средством выражения глобальной духовности. Инструмент, помогающий духовному обогащению. Мы должны смягчить зовущие сердца силой слова и направить общество на правильный путь дружбы, братства, мира и гуманизма. Да, война – это трагедия человечества, не судите, не мы судьи. Во-вторых, мы здесь не для того, чтобы анализировать ситуацию и делать конкретные выводы.

Если поэты начнут противостоять друг другу, это действительно будет катастрофа для человечества. Сердце поэта должно быть чистым, добрым и мудрым. Поэты мира не должны разделяться и принимать чью-либо сторону. Мы за мир и благополучие всего человечества на планете Земля! Так что не забудьте выполнить свою миссию – нести свет в сердца людей и освободить их от предрассудков, нацизма, фанатизма, терроризма, экстремизма и зверств, которые дьявол вселил в их души. Для этого надо сначала убить дьявола в себе! Иначе мы станем оружием дьявола во плоти.

**Ширани Раджапаксе, национальный координатор
Мирового Поэтического Движения (WPM, Шри-Ланка)**

Мы, поэты и писатели, не должны провоцировать насилие или террор, мы должны быть голосом мира. Важно выступать против несправедливости, но мы не должны становиться просто рупорами чьих-то программ. То, что мы видим вокруг нас, – это лишь один из взглядов, увиденный через призму определённого мировоззрения. Есть много способов смотреть на вещи, и мы не должны спешить судить или осуждать кого-либо. Политика очень необычна, и мы можем не видеть общей картины, потому что наши глаза открыты только для того, чтобы видеть то, что мы привыкли видеть. Есть много игроков и много игр внутри игр. Нам, писателям, не следует спешить критиковать или осуждать какое-либо государство или правительство, поскольку мы не знаем наверняка, что происходит и почему то или иное государство что-то делает.

Я пережил 30 лет терроризма и знаю, что новости не всегда верны. Были случаи, когда иностранные правительства использовали ситуацию, чтобы создать беспорядки в моей стране и держать её в нищете. Даже сейчас, когда от террористов избавились, всё ещё есть люди, которые не хотят мира и развития страны, поэтому они пытаются создать проблемы при любой возможности и используют писателей и других общественных деятелей для выполнения своей грязной работы. Как писатели, мы должны быть очень бдительными, чтобы не оказаться втянутыми в чужие войны. Давайте как поэты будем голосом разума и мира, потому что именно это сейчас необходимо.

Мир и любовь всем вам.

Атаол Бехрамоглу (Турция) – поэт, член координационного Совета WPM

Военная интервенция другой страны против народа Украины и законной администрации этой страны неприемлема.

Это вмешательство, несомненно, должно быть опротестовано во имя мира.

С другой стороны, подлые уловки НАТО и Соединённых Штатов Америки, направленные на окружение и ослабление России, ясны как божий день.

Поэтому мы должны рассматривать российско-украинский инцидент в целом, во всех его аспектах.

Обвинять Россию и её администрацию в одном направлении – значит не защищать мир, а играть на руку империализму НАТО и США.

Кроме того, народы России и Украины являются братьями и близкими родственниками на протяжении тысячелетий.

Они должны уметь решать свои проблемы между собой. Я считаю унижительными мольбы украинской администрации о помощи Запада от имени этого народа. Кроме того, членство Украины в ЕС не несёт большой выгоды для этой страны. В зависимости от своей географии и истории, Украина должна защищать и укреплять свою собственную идентичность. Однако очевидно, что нынешнее руководство этой страны не обладает такой дальновидностью и масштабом. Я думаю, что это часть проблемы.

Русский мир без границ

Берега Сирии

Светлана Савицкая

Светлана Васильевна Савицкая – доктор философии, единственный писатель, чьи книги оформляла Джуна. Сотня притч с названием «Энергия сердца» с оформлением Никаса Сафронова, книга притч «Энергия мудрости»; более пяти десятков книг на 14 языках мира – художественных и научных. Военно-исторический роман «Балканы» был удостоен почётного знака «Самарский крест» от правительства Болгарии, исследовательский роман «Распутай время» признан лучшей книгой 2011 года в Берлине, Сербия вручила писателю «Златну круну». Светлана Савицкая обладатель множества других Гран-При и Литературных премий.

Сирийские сцены

Пронзительно-острая, как дамаская сталь, и дивно-ароматная, точно арабские духи, поэзия Саира Зайнеддина давно завоевала сердца русского интеллектуального читателя новизной и оригинальностью.

Художник дорастает до гения тогда лишь и только тогда, когда разворачивается спиной к собственному «я люблю» и «я хочу», применяя главное планетарное изобразительное средство – единым символом обозначить множественность.

Есть символ – есть ствол, за который может зацепиться интерес искушённого читателя. Есть интерес – появляется возможность не только поделиться наболевшим, но и заставить переосмыслить многое.

В поэме «Сирийские сцены» подобных аргументов несколько. Девочка, растерянно стоящая среди обломков разрушенного города, держащая на руках кошку, сердце которой остановилось четверть часа назад. Девочка эта – живая трезвая мысль среди разрушенной Сирии. И она в растерянности: «А вы умеете хоронить кошку?» И мы понимаем, что ребёнок задаёт нам этим самым недоумением совсем другой вопрос: «А вы готовы закопать древнейшую цивилизацию, её культуру и традиции?»

Родившаяся на обломках величайшей трагедии, поэма «Сирийские сцены» с первой строки глубоко философично проникает в сознание читателя и заставляет волноваться, сопереживать и главное – задуматься. Элегантно подана троичность восприятия религии, Бога, духовности. Армия освободительная, в лице военного, восклицает: «Аллах акбар!» Армия террористическая в лице фанатичного шейха восклицает: «Аллах акбар!» И мать, сажающая росток святого оливкового дерева, произносит ту же фразу: «Аллах акбар!»

Поэт подаёт информацию, казалось бы, совершенно бесстрастно. Но! Остановись, Планета!

За тобой выбор!

С кем ты?

На стороне кого ты? Нападающих с целью отобрать? Защищающихся с целью сохранить? Или тех, кто возрождает снова и снова?

Услышь биение собственного сердца! Ты... Хранитель? Расточитель? Или творец?

Делая шаг назад, поэт совершенно сознательно уводит себя с поля и ведёт повествование вовсе не от первого лица. Он предлагает самим читателям, глядя, как в дырочки для глаз из собственного сердца, некое опасное путешествие по обломкам сирийской войны.

Это опасно?

Это безопасно?

«А что мне за это будет?» – возопят одни. «Моя хата с краю, я ничего не знаю!» – воскликнут другие. «Тебе что, больше всех надо?» – спросят третьи.

«Сравнивайте – как оно было и как стало!» – ответит Саир.

Предполагайте, как оно будет после всего, что понаделать могут безжалостные и бессовестные! Смотрите! Вот она – выдрванная с корнем штукатурка. Вот детский кроссовок на изуродованном школьном футбольном поле, и в чреве спортивной обуви загнездились черви... Вот кровать, ещё вчера источающая флюиды любви, а теперь одеяло повисло на остатках кирпичной стены на обозрение улицы.

И главная мысль кроется между всех этих чётко выхваченных метафор. Ведь если сейчас не остановить безумие разрушений в этой точке, эта захватническая чума, что страшнее самого опасного вируса, с лёгкостью огненного протуберанца может перекинуться на любой другой город. Планета наша так мала! А аппетиты людей, делающих деньги на страдание и горе, растут не по дням, а по часам.

Чтобы не случилось завала в негатив, новая книга «Сирийские сцены» включает также и молодую поэзию автора. И, несмотря на раннее творчество, она также символична. Образ любимой женщины, как любимой страны, в ней из простого лица возводится до лика, что свят! Ветви, трепещущие на ветру в эмоциональных порывах, что так свойственно всем, кто жил и любил задолго до Саира и будет жить и любить после. Поэтому стихи о несчастной и счастливой любви во все времена будут актуальны.

Центральная основная часть сборника – глубокая древность – основа основ цивилизационного уклада арабского региона. Корневая система мощного арабского древа. Это – Библейские истории, поданные весьма оригинально. Саиром Зайнеддиным выбраны вечно юные страсти древних свитков, где коварство и любовь, измена и верность соседствуют друг с другом и так же актуальны, как в наши дни. Умиравший царь, не знающий, как согреть угасающее тело, обуреваемая любовью жена Лота, посланный на гибель помощник военачальника – все они разыгрывают снова перед нами исторические метаморфозы действительности, что также может проецироваться читателем на временное состояние, что мы называем «сегодня».

12 февраля 2022 года ГБУК г. Москвы «Центральная Городская Деловая Библиотека» на ВДНХ провела грандиозную международную встречу лидеров крупных литературных проектов, приуроченную ко Дню дипломатического работника (10 февраля) и Дню дарения книг (14 февраля).

Основным подарком явилась новая серия издательства «Реноме» в рамках проекта «Роза поэзы». Присутствующие на встрече лично его руководители Нино Сабанадзе и Алексей Краснянский представили тираж новой книги арабской поэзии Саира Зайнеддина «Сирийские сцены», переведённой на русский язык писателем Светланой Савицкой. Они сообщили, что в плане – создание двухтомника арабской поэзии и новая музыкальная серия.

Встречу блестяще провела Марина Викторовна Абакумова, заведующая отделом «Читальный зал». В этот день книги не только были переданы в дар Центральной Городской Деловой Библиотеке, но и вручались присутствующим как от библиотеки, так и друг от друга.

Кроме того, литераторы имели счастье общаться лично с Его Превосходительством Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Сирии в России Риадом Хаддадом.

Его проникновенная речь, произнесённая на русском языке, была направлена на созидание, мир и укрепление культурных связей между народами.

ТВ «Золотое перо» произвело показ документальных фильмов об известном поэте Саире Зайнедине. К сожалению, по причине нестабильной военной обстановки в Сирии интерактивная связь с Дамаском, Алеппо и Сувейдой не могла быть налажена. Но читатели могли наблюдать выступление поэта в записи.

Стихи Саира были прочтены на русском и на арабском языке.

Дарение книг осуществили также: татарское издательство «Современные авторы детям» САД Веры Петровны Хамидуллиной, издательство Академии им. Н. Е. Жуковского Игоря Агibalова, издательство «Серебро слов» Сергея Антипова, писатель Светлана Савицкая, писатель Борис Шварцман.

Сувениры и подарки на праздник доставили директор фонда «РусПомощь» Василий Александров и предприниматель Александр Комаревцев.

Выступили видные общественные деятели: режиссеры Далер и Татьяна Янкевич, певцы Дмитрий Галихин и Ренат Ибрагимов, директор школы Иноземцева Алексей Иноземцев.

По поручению председателя ВОО «Трудовая доблесть России» А. Г. Лёвина Специальная Благодарность и медаль «За заслуги в управлении и руководстве» была вручена Его Превосходительству Чрезвычайному и полномочному Послу Сирии в России Риаду Хаддаду.

Благодарности и серебряной медали «За честь и достоинство» была удостоена Татьяна Янкевич.

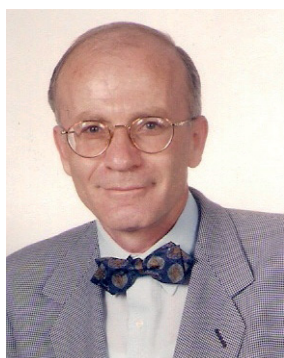
Благодарностей и орденов «Трудовая доблесть» были удостоены Нино Сабанадзе и Алексей Краснянский.

Благодарности и ордена «Трудовое отличие» были вручены: Наталье Аветиковне Забелиной, директору ГБУК г. Москвы «Центральная Городская Деловая Библиотека»; Марине Викторовне Абакумовой, заведующей отделом «Читальный зал» ГБУК г. Москвы «Центральная Городская Деловая Библиотека».

Русский мир без границ

Берега Ливана

Сухейль Фарах

Доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования

Российская цивилизация глазами ливанского учёного

Как отмечал Н. И. Вавилов, *«рядом с наукой... продолжает бытовать мир представлений ребёнка и первобытного человека и, намеренно и ненамеренно, подражающий им мир поэтов... Он удивителен и сказочен: в этом мире между явлениями природы смело перекидываются мосты-связи, о которых иной раз наука и не подозревает. В отдельных случаях эти связи угадываются верно, иногда они в корне ошибочны и просто нелепы, но всегда они заслуживают внимания, так как эти ошибки нередко помогают понять истину»*¹.

Именно так, с нашей точки зрения, цивилизованный мир глядит на феномен Российской цивилизации: с горячей искренней любовью поэтов и неизменной предвзятостью политиков. А мы удивляемся – ведь ракурс рассмотрения, сам угол зрения не всегда бывает выбран правильно.

Но вот в издательстве Академии им. Н. Е. Жуковского вышла новая книга известного учёного Сухейля Фараха «Российская цивилизация. Энергии пространства и человека».

Профессор кафедры философии Ливанского государственного университета, академик РАО Сухейль Фарах родился в Ливане. Дважды выдвигался на Нобелевскую премию.

В научном мире известны его многочисленные книги, так же как и более пятисот статей по философии.

Так почему нас заинтересовала именно эта книга о российской цивилизации?

Прежде всего, она касается каждого из нас, русскоязычного, русскодумающего, русско-пишущего, русскоговорящего – онтологически – освоением разных срезов сущего и взглядом на нашу цивилизацию непредвзято, глазами стороннего наблюдателя, в данном случае – учёного с мировым именем, что весьма и весьма важно.

*«Чувствование и движение, – по утверждению Сеченова, – являются согласованными между собой в смысле достижения определенных целей»*². Так Сухейлем Фарахом вырабатываются схемы, фундирующие чувственные – эстетические понятия.

Бытие представлено в книге как данность с точки зрения науки. Бытие как заданность рассматривает миф, в который погрузил Россию иной мир. А это уже политика, искусство, право. Бытие как переданность рассматривает в данном издании религию, эзотерику, мистику, что связаны естественно или искусственно с цивилизацией, рассматриваемой как феномен государства Россия.

В видимый обзор, типа круг, книги вошло, естественно, не всё. Однако самое важное, по математическому принципу взаимодействия импликаций А-Б – *«Необходимо и достаточно»*!

Гносеологически – освоением сущего разными стандартизирующими схемами. Казуальность – причинно-следственная этимологизация явлений – рассмотрена весьма грамотно и сомнению не подлежит. Однако научным аспектом данной работы может стать и телеологичность – инверсия казуальности – следственно-причинная типологизация явления движения от проекта государственности России вообще через цель, интерес, идеал в объективизации.

И вот, представьте, для выполняющего задачу нерусского автора, написать о русских плюс о входящих в территориальный круг страны ещё более 180 национальностей, пространственная форма

¹ Вавилов С. И. Глаз и Солнце. М., 1981. С. 5.

² Сеченов И. М. Элементы мысли. М.; Л., 1943. С. 663.

круга вообще как бы и не важна! Его случай – полуусловная демонстрация «соотношения рисуемой окружности с другими элементами чертежа»¹.

Безусловно, интересной может показаться и поданная весьма деликатно сакраментальность Российской цивилизации неким таинственным аспектом как священность, заветность, сопричастность лично автора и собственно – читателя, соприкасающегося с данным таинством данного текста. То есть сопричастность – типологизация явлений через связку «причина – значение».

Истина покрытых научными фразами *«страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах»*, – как писал Пушкин, – *вот чего требует наш ум от драматического писателя*»².

«Так в чём же тут драма?» – спросите вы.

Профетичность научного труда выражается, прежде всего, трансцендентальностью, запытностью как типологизацией явления через связку «значение – причина» – предрекание, проскопия, оракульство, знахарство, мантика.

Феноменологически это можно рассмотреть освоением Сухейлем Фарахом сущего факта Российской цивилизации по разным «априорным» рамкам-правилам принуждения мысли. Например, по социокультурному контексту – варьирование атрибуций реальности, точно количество цветов в спектре, предстаёт пред нами величие России.

Это не может не подкупать!

Сословный контекст книги – дифференциация идеалов в её извечной трансформации категорий от «прекрасного» до «безобразного», в их сравнении и противопоставлении. Вот – Российская цивилизация. А вот – остальной мир. Причём не всегда мир в данном противопоставлении в реальности выглядит перспективней и чище, правдивей, талантливее и ярче! Весьма и весьма не всегда!

Сравнивая с Лейбницем, по принципу «Быть – значит быть гармоничным», онтогенетический подтекст выстраивает формулу государства – семья, школа, эпоха персонального и массового миропонимания, фон личности, фобии разных индивидуумов, их пристрастия – в представлении автора практически идеально! И это представляет растущую в сиянии своём цивилизацию, причём не только лишь российскую, но и всякую другую!

А это уже – символ.

Логически символосфера книги выстроена точно первопроходцем, что ранее до этого не видел данного философского феномена и ни в коем случае даже не был знаком. Тем ценнее находка для читателя, что откроет сей труд арабского автора. Пусть русскоязычный читатель сам увидит себя и свою страну глазами стороннего наблюдателя! Пусть вместе бок о бок освоит сущее разными гомогенизациями действительности в опоре на абстракцию отождествления. Пусть подивится логике высказываний мудрого философа, не концептуализирующего «бесконечность», и логикой предикатов, превосходя потенциал логики, высказываниями оценивает отношения присущности свойств, отношений и предметов, учитывая при этом факторы времён и народов!

Кроме того, автор умело обходит анализ иерархии богатых, взятой в мировой цивилизации за основу, а высвечивает другую иерархию, добытую самостоятельно «на русском поле» лабораторным путём!

«Мечтою в самых безднах мы создаём весну» (К. Бельмонт).

В книге, безусловно, присутствуют и высшие модальные порядки. Параконсистентные логики сохраняют привязки к уровням реальности. Опытном своего функционирования демонстрируют логические зависимости, тождественные зависимостям объективным!

*«Восстановим интригу. Понимание, утверждал Боссюэ, есть восприятие символа и знака, вызывающего в уме значение обозначаемых предметов. В качестве комплексного акта понимание складывается из соединения образа со смыслом»*³.

Наконец, методологически, освоением сущего в рассматриваемой автором Российской цивилизации, мы можем наблюдать разную императивную канонику, представленную путём взаимоисключающих характеристик!

А это уже мастерство.

¹ Бернштейн Н. А. О построении движений. М., 1947. С. 35–36.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. М., 1949. С. 178.

³ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1993. С. 39.

Таким образом, гносеологически богатая книга Сухейля Фараха «Российская цивилизация. Энергии пространства и человека» предстаёт в мировом информационном поле как особая дифференцированная логически мыслимая форма восприятия нашей цивилизации. Это, безусловно – новое для Запада и привычное для нас, но поданное и представленное нам же некое Знание оригинального умственного пространства эвристических отношений, в зависимости и благодаря которым и возникает в конечном итоге то, что мы все понимаем как структуру познавательного образования.

Истинная наука. Истинный процесс собственных ростов.

Светлана Васильевна Савицкая, доктор философии, писатель

Существует ли диалог цивилизаций в эпоху интернета?

В каком мире живут сегодня цивилизации, государства и личности? Что их ждёт завтра? Два больших вопроса, которые занимают и живо тревожат умы людей после произошедших в последние годы крупнейших трансформаций общества и ускорившейся динамики событий в отдельных странах и в мировом масштабе. Трансформации прошли катком по приминаемым концепциям и стратегиям, областям знаний, культурам и самой духовности.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

На этой земле – с её множеством рас, языков, религий, культур и общественных формаций – движение к партнёрству и сотрудничеству, единению и согласию идёт параллельно с усилением самоуправства, всплесками эгоизма, явлениями отчуждения и неприятия друг друга; зло, фанатизм и ненависть сопутствуют добру, великодушию и любви, тревоги и ужасы войны – стремлению к спокойствию и миру. Человек живёт в сюрреалистической среде – между жизнью и не-жизнью, среде, где правят бал душевный покой и бури эмоций, благородство и низость, мудрость и безумие, чувства радости и ощущение безысходной тоски.

В мире не прекращается борьба между идеями противоборства и идеями согласия, борьба, порождающая модели поведения, формы представлений, предания и мифы, а также опыт взаимной враждебности, как и опыт совместного бытия. Существуют две главные формы связи и взаимодействия между цивилизациями:

- враждебная (Hostile), использующая различные средства для уничтожения традиционной культуры того этноса или другого и замены её культурой, навязывающей себя извне;
- дружественная (Friendly), в основе которой тяга к подлинному взаимопониманию и уважение свободы выбора каждой из сторон.

Между этими двумя крайностями сосуществуют цивилизации и народы. Любая культура демонстрирует широту или узость своего кругозора по сравнению с другой на примере собственного опыта, независимо от того, выступает она в роли знаменосца, возглавляющего колонну ушедшей вперёд цивилизации, или в качестве боковой цивилизационной ветви.

БОРЬБА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Несмотря на стремление тихих мечтателей к миру, в котором господствовали бы идеи дружбы, любви, справедливого и равноправного сотрудничества, борьба остаётся характерной чертой бытия и формой отношения человека к его окружению. На всех этапах возникновения, развития и экспансии цивилизаций существовала тяга к противоборству и гегемонии, служившая интересам племени, этноса, религии, класса или идеологии. Со временем совершенствовались методы и технологии воинствующего гегемона. То, что происходит сегодня, являет собой невиданную ранее опасность, угрожающую всем нам: на наших глазах разрушаются традиционные ценности, большинство этнических групп, святыни и культуры, на смену которым приходит культурная новация, построенная на принципах корысти и обожествления вещей, принижении значения печатного слова и утверждении роли визуального образа, освобождении культурного творчества от любых сдерживающих начал и превращении его в предмет купли-продажи, повсеместного навязывания аудиовизуальной культуры.

Мы живём с вами в эпоху революции информатики, в эру интернета, которые открыли новый исторический этап в цивилизационном общении между людьми, приведя к репродукции и распространению ценностей и достижений различных культур на новых основах – в ином пространственном измерении и отличных от прошлого формах. Возникли новые виды знания и новые ценности, заполнившие сферу отношений между странами и народами, и материальные ценности цивилизации потребления стали общими для всей ойкумены.

Потребительской цивилизации в её вселенском измерении («цивилизация мира, где правит Макдональдс», – как определил ее Бенджамин Барбер) не интересны ни демократия, ни национальные чаяния, ни формы культурной самобытности, ни эстетические ценности. «Её цель – всемирное общество потребления, в котором нет ни рас, ни граждан, ибо все они бесполезны, как клиенты. Существует только одна новая раса мужчин и женщин – потребители» [1].

Новые лица украшают фасад новой цивилизации – политические знаменитости, теле- и кинозвёзды, кинорежиссёры, хозяева транснациональных банков и крупных корпораций, нефтяные бароны, эксперты по проблемам народонаселения, аудиторы, адвокаты и спортсмены, владельцы Микрософта, короли информатики и разработчики информационных систем. Эти люди говорят на двух языках – на языке доллара и на английском.

Все они лишены этнической, культурной и духовной принадлежности. Их родина – бизнес, их цивилизация – потребление, их божество – материальные ценности. Барбер говорит в этой связи: «Торговые центры – это столицы и парки мира, где правит Макдональдс. Там не найти ни настоящего театра, ни детского диспансера. Там не остановишься, чтобы поболтать с девушкой, проходящей мимо, и не уединишься для молитвы. Там нет ни сельхозтоварищества, ни школы. Видишь только сеть торговых точек, которые заставляют нас забыть, кто мы на самом деле, дабы, не обращая внимания на других, полностью насладиться приобретательством» [2].

Так «потребительская цивилизация» вторгается в сферу национальных ценностей, символов и мифов, которые ранее составляли неразделимое замкнутое единство. Вокруг них-то и складывалась культурная самобытность – основа самобытности национальной.

Опасность этого явления заключается в том, что борьба и конфликты не носят общий национальный характер против других цивилизаций, а она проникает во внутреннюю нацию своей цивилизации. Каждый этнос и религия болезненно пытается закрыть себя и враждебно относится к другой.

ДИАЛОГ И ВСТРЕЧА

Альтернативой соперничеству и конфронтации служит стремление многих объединений землян к диалогу, партнёрству, сближению. Ценности, понятия, принципы и представления могут циркулировать в рамках одной обособленной культуры, но могут и вступать во взаимодействие с содержанием иных культур. Для начала всем нужно освободиться от порочности субкультуры – подчинённости инстинкту и приверженности наркомании, преклонению перед насилием и дешёвым сексом, глупой привязанности к материальным ценностям. Человечество, справедливо подчёркивает русский мыслитель Игорь Бестужев-Лада, «осуществилось посредством устранения опасности бескультурия» [3].

Прежде чем освободиться от конфликта с другим, нужно спросить себя, не в нас ли кроется причина нашей неспособности найти с ним общий язык для спокойного диалога и тёплой встречи. Отринем нашу замкнутость, наш фанатизм и экстремизм и окинем себя критическим взглядом. Чем более мы искренни по отношению к другому, тем сильнее его тяга к диалогу с нами. Аналогичным образом обстоит дело с отношениями между теми или иными общностями, теми или иными культурами. Межцивилизационные связи могут строиться и на прочных, бесконфликтных основах.

В каждой культуре, развитой или отсталой, в любой религиозной или этнической общности, между соседями по кварталу, среди членов одной семьи, как и в наших собственных душах, существуют открытые пространства и закрытые уголки, просторы для великодушия и закоулки для фанатизма, приюты для демократичности и места для тирании, храмы для любви и западни для ненависти, обители для мира и прибежища для насилия. Всем нам нужно воспитывать позитивные качества самих в себе и в других.

Конфронтации и войны занимают важное место в отношениях между Мной и Другим. Но существуют и возможности для взаимодействия и творческой связи между Нами. Этому нужно всемерно способствовать.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Возможно, самый блистательный образ будущего – тот, который предполагает создание прочных основ для диалога, взаимного ознакомления, взаимодействия и сближения. История межцивилизационных отношений включает немало славных страниц, запечатлевших результаты совместных усилий в области градостроительства, изобразительного искусства и литературного творчества, развития науки, туризма и общей культуры. Примеры сотрудничества в реализации различных научных, туристических и развлекательных программ неизгладимы из памяти народов и цивилизаций.

Общие знаменатели и интересы, стимулирующие дух партнёрства, сближения и встречи, чаще всего относятся к области науки, искусства, туризма, взаимного наслаждения духовными ценностями. Здесь-то и наполняются жизненной силой души людей, устремляясь навстречу друг другу под властью благородных эстетических чувств. Японский мыслитель Дасияко Икеда говорит: «Воля человека движима сильной и подлинной верой в общую жизнь и надеждой на возрождение, в основе которых – новая жизненная философия и новый культурно-образовательный проект для молодого поколения. Этого достаточно для того, чтобы сдвинуть в сторону оптимизма чашу весов на этой планете» [4].

В эру интернета идёт борьба между открытостью и закрытостью, между миром и насилием, между пессимизмом и оптимизмом. Возможно, чашу весов в пользу оптимистического будущего склонит философия, опирающаяся на многообразие, плюрализм, диалог, сближение и позитивное взаимодействие между разными цивилизациями, религиями и сферами знания. По этому поводу справедливо отмечал ведущий русский социолог П. Сорокин, когда сказал: «истина, добро и красота вновь объединятся в высшую триаду ценности, раскрывающую всё полнее тайны Высшей Реальности и преданно служащую человечеству в его творческой миссии на этой планете и за её пределами» [5].

Потому академические умы, духовные авторитеты и светила культуры призваны соединить усилия, чтобы посредством непрерывной серии семинаров и конференций сделать предметом внимания творцов политики и лидеров экономики мечту о встрече культур. Её реализация, конечно, будет означать радующий нас выбор в пользу сближения и сотрудничества между всеми этносами и культурами.

Но, без сомнения, возможность того или иного решения зависит, прежде всего, от тех, кто контролирует факторы материальной и моральной силы, находясь на вершине пирамиды власти в лидирующих странах. Между двумя крайностями – выбором в пользу надежды и выбором в пользу отчаяния – существует множество промежуточных решений. Последнее слово, разумеется, принадлежит как политическим и военным лидерам, так и тем, в чьих руках власть денег, средства пропаганды и инструменты информатики.

Но и любой из нас, в свою очередь, отвечает за будущее цивилизации. Тот или иной ход событий зависит от усилий каждого из сынов человеческих. Очень легко разрушить то, что создавалось в течение тысяч лет, и трудно сохранить эстетические, духовные и культурные сокровища, созданные лучшими умами человечества. Есть ли миссия благороднее той, что являет заботу о сохранении и приумножении этого богатства, открывая новые горизонты для сотрудничества и взаимодействия, основанных на обоюдном доверии и уважении друг друга.

Список литературы:

1. Барбер Б. Мир, где правит Макдональдс // ан-Нахар. 2001. 7 октября. С. 11.
2. Там же.
3. Бестужев-Лада И. Альтернативная цивилизация. М., 1998. С. 296.
4. Икеда Д. Цикл лекций под названием «К возрождению надежды». М., 1994.
5. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 241–142.

Русский мир без границ

Берега Алжира

Зин Бен Отман

Зин Бен Отман – алжирский писатель, переводчик и преподаватель русского языка, родился в 1979 году в посёлке Зоие (Улед Рашиеш) в велае Хеншела, защитил докторскую степень по русскому языку в Алжирском университете, перевёл два русских фильма на арабский язык во время фестиваля «Русская неделя культуры» в Кувейте, принял участие в рамках VI Алжирского международного фестиваля симфонической музыки в качестве переводчика, принял участие в «Неделе российских фильмов в Алжире» в качестве переводчика, организовал и председательствовал на семинаре «Лев Толстой: интеллектуал и литератор мирового значения».

Культура и искусство как аспекты многоязычия в Алжире

Более семи лет подряд (с 2009 по 2015 год) Национальный симфонический оркестр под управлением Абделкадера Буазара¹ успевает организовать Международный культурный фестиваль симфонической музыки в Алжирском национальном театре имени Махеддина Баштарзи, в котором принимают участие многие известные иностранные музыкальные коллективы, среди них – сопрано Катрин Манандаза (Мадагаскар), септет Королевского камерного оркестра Валлонии (Бельгия), Симфонический оркестр Санкт-Петербурга под управлением дирижёра Сергея Стадлера (Россия), Сирийский национальный симфонический оркестр под управлением дирижёра Миссака Багбударяна (Сирия), дуэт Мишель – Шмидт (Катя Мишель и Питер Шмидт (Швейцария)), ансамбль «КлангЭссенц» (Германия), Камерный оркестр Александрийской библиотеки под управлением дирижёра Найера Нагуи (Египет), Итальянский ансамбль: Анна Катерина Корначчини (сопрано), Мария Тереза Страппати (кларнет), Марко Флумери (фортепиано) (Италия), Струнный оркестр консерватории Лиона под управлением дирижёра Алена Жакон (Франция), Тунисский симфонический оркестр под управлением дирижёра Хафеда Макни (Тунис), квартет «Июкогама Симфониетта» под управлением дирижёра Казуки Ямада (Япония), трио «Карнась» (Польша), Симфонический оркестр Национального радио Украины под управлением дирижёра Владимира Шейко (Украина), Рауль Замбрано (гитара) (Мексика), ансамбль «Каса Медитерранео» под управлением дирижёра Игнасио Гарсиа Видали (Испания), Чешский филармонический оркестр им. Талиха Пражской филармонии (основан в 1992 году скрипачом Яном Талихом, младшим племянником легендарного чешского дирижёра Вацлава Талиха (Чехия)), трио «Матс» (Швеция), Консилиум Музикум Вена (Австрия), Хэйлунцзянский симфонический оркестр под управлением дирижёра Чэна Хао (Китай) и др.

На интернет-сайте Российско-Алжирского сотрудничества под названием «VI Алжирский международный фестиваль симфонической музыки» было опубликовано, что с 12 по 19 сентября 2014 года в пяти городах страны прошёл VI Алжирский международный фестиваль симфонической музыки. На нём с успехом выступил Большой симфонический оркестр «Петербургконцерта» под руководством народного

¹ После блестящих музыкальных исследований в Алжире Абделькадер Буазара продолжил своё обучение в университете на Украине, где он получил степень «магистра» в Государственной консерватории Киева по специальности «скрипка». Преподаватель скрипки в Высшем Национальном институте музыки и консерватории Алжира, он был продюсером программы «Музыка народов» на алжирском радио с 1995 по 2003 год. С 2001 года он является руководителем Национального симфонического оркестра. Его приверженность, его вера в успех музыкального искусства в Алжире, его человеческие и профессиональные качества значительно повлияли на развитие и эволюцию национального симфонического оркестра. Он был назначен в 2009 году Министерством культуры комиссаром Международного культурного фестиваля симфонической музыки. Он стал командором ордена «Звезда итальянской солидарности» итал. Commendatore dell'Ordine della Stella della Solidarietà Italiana) 27 января 2011 года.

артиста СССР С. В. Стадлера¹. Петербургские музыканты участвовали в сводном оркестре, игравшем на церемонии торжественного открытия йефиваля, а также дали большой концерт во втором по значению городе АНДР – «западной столице» страны Оране. Были исполнены произведения Д. Д. Шостаковича, И. Ф. Стравинского, П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, С. С. Прокофьева и А. Вьетана (вариация на тему А. А. Алябьева). На концерте присутствовали представители местных властей и дипкорпуса. По окончании выступления оранская публика устроила нашим музыкантам стоячую овацию.

Следует отметить, что Национальный симфонический оркестр – учреждение, созданное в 1992 году Министерством культуры. Его художественная и музыкальная деятельность началась при дирижёре и композиторе покойном Абдельвахабе Салиме. Абделькадер Буазара с 2001 года обеспечивает управление оркестром. С июня 2014 года маэстро Амин Куидар был назначен на должность постоянного дирижёра Национального симфонического оркестра Алжира. Национальный симфонический оркестр начал зарубежные гастролы выступлением в филармонии города Киева 31 марта 2012 года. Национальный симфонический оркестр проводил концерты на высоком уровне, как в Алжире, так и за рубежом, а именно с 20 по 24 марта 2013 года в Испании, в городах Косентайна и Аликанте, и с 3 по 7 июля 2013 года в Бельгии, в городах Монс и Вербье. Национальный симфонический оркестр выступал в Китае, где он дал четыре концерта в городах Синин, Харбин, встреченных овациями.

Кроме Алжирского национального театра, на центральной радиостанции столицы имеется Культурный центр по имени Айсса Масуди², считающийся очагом культуры и искусства. В нём регулярно организуются концерты и вечера, в которых принимают участие не только известные алжирские, но и зарубежные певцы и композиторы.

Прочие международные культурные события в Алжире:

На интернет-сайте российско-алжирского сотрудничества были опубликованы статьи, посвящённые многим культурным событиям. Представляем некоторые из этих событий:

– Международный фестиваль современных танцев: уже шестой год подряд в алжирской столице проходит Международный фестиваль современных танцев. В 2014 году на нём выступили танцевальные коллективы из 28 стран.

– Ансамбль «Морошка» на 11-м Международном культурном фестивале популярных танцев в городе Сиди Бель Аббес с 7 по 14 августа 2015 года с участием Посольства России в Алжире и 16 стран: Китай, Россия, Палестина, Ливан, Сербия, Сирия и др.

– Неделя российских фильмов в Алжире. Со 2 по 8 июля 2017 года в городах Алжир и Оран прошла Неделя российских фильмов. Были показаны фильмы на русском языке с французскими субтитрами. В церемонии открытия приняли участие актёры фильмов «Битва за Севастополь» и «Батальон». Были показаны и другие фильмы – «Призрак», «Зелёная карта», «Пятница», «Парень с нашего кладбища»³.

– Показ русских фильмов в Алжире. Посольством России в Алжире был организован показ российского фильма режиссёра Ф. Бондарчука «Сталинград» на французском языке и популярного советского фильма режиссёра Л. Быкова «В бой идут одни «старики»».

Следует почерпнуть в связи с этим, что российский кинокритик, киновед и кандидат искусствоведения М. С. Трофименков в своей книге «Алжирский синдром» об алжирской войне в кино пишет: «Что нам Алжир, что мы – Алжиру? Взявшись за статью о фильмах, связанных с войной за независимость Алжира (1954–1962), я не догадывался, что она вырастет в книгу. Что Маленький солдат, Мюриэль, Битва за Алжир, ассоциирующиеся с войной, – малая часть айсберга. Что участие в ней кинематографистов достойно эпического романа. Что эта война – матрица современных конфликтов» [1].

В той же книге М. С. Трофименков говорит о некоторых очень известных алжирских режиссёрах, в том числе Мохаммеде Лахдар-Хамине, Ахмеди Рашиди и др. «Вот некоторые ученики Вотье.

¹ Автор данной статьи принял участие в рамках этого международного фестиваля в качестве переводчика в общении С. В. Стадлера с алжирской прессой.

² Мохаммед Айсса Масуди (1931–1961) – патриот и революционер, алжирский журналист, родился в Оране. Во время Национально-освободительной войны (1954–1962) вёл очень известную передачу на тунисском радио под названием «Саот аль-араб» (Голос Арабов). Потом перешёл на работу на подпольном радио Армии национально-освободительного фронта на марокканско-алжирской границе под названием «Саот Алжазаир Аль-хора» (Голос свободного Алжира), где был редактором и журналистом. В 1959 переехал работать на радио Аль-надур в Марокко. В 1961-м вернулся в Тунис, где руководил «Голосом Алжира» на тунисском радио. После обретения независимости был первым генеральным директором Алжирского радио и телевидения. Затем служил в качестве посла Алжира в некоторых арабских странах.

³ Автор данной статьи принял участие в рамках этой демонстрации в качестве переводчика в общении некоторых русских актрис с алжирской прессой.

Мохаммед Лахдар-Хамина (род. 1934) изучал во Франции агрономию и право, был призван, дезертировал. После стажировки на тунисской студии кинохроники ФНО направил его в пражскую киношколу, он попал на один курс с цветом пражской весны: Ирешем, Шормом, Хитиловой. В независимом Алжире сразу стал номенклатурой высокого полёта, директором (1963–1974) студии кинохроники – производственной базы всего кино. Это он завоевал единственное африканское золото в Каннах за Хронику огненных лет (1976), предысторию алжирской войны. Режиссёр Ахмед Рашиди возглавлял (1967–1973) Национальную службу торговли и кинопроизводства. Ахмед Лаллем бросил IDEC, учился в Белграде и Лодзи (1963–1966). Мохаммед Зинет (1932–1995), офицер АНО, создал (1958) в Тунисе первый алжирский театр, стажировался в Берлинском ансамбле Брехта и Камерном театре в Мюнхене. Мощное и яркое алжирское кино, созданное ими, погибло в 1990-х. Трудно сказать, что сыграло в его судьбе роковую роль: гражданская война с джихадистами и гибель (или эмиграция) творческих кадров или столь же беспощадная приватизация» [Там же].

– Организация ежегодного международного благотворительного обеда. Раз в год под эгидой Ассоциации женщин-дипломатов проводится традиционный благотворительный обед, участие в котором приняли представители посольств и международных организаций, аккредитованных в АНДР¹.

– В Алжире состоялись IX и X региональная конференция российских соотечественников, проживающих в странах Африки и Ближнего Востока. В первой конференции приняли участие делегаты из 17 стран: Алжира, Египта, Иордании, Катара, Камеруна, Ливана, Мадагаскара, Марокко, Мозамбика, Нигерии, ОАЭ, Палестины, Республики Конго, Сенегала, Туниса, Танзании, ЮАР, а также представители МИД России. А во второй приняли участие представители российских соотечественников Алжира – председатель КСОРС Валентина Лысенко и председатель Ассоциации российских женщин, член Регионального координационного совета стран Африки и Ближнего Востока Ольга Кайдановская. На конференции обсуждались актуальные вопросы деятельности организаций соотечественников региона. С докладом выступила В. Лысенко.

– Международная выставка книг, или книжная ярмарка. 21-я Международная Алжирская книжная выставка “SILA 2016” проходила с 27 октября по 5 ноября 2016 года в павильонах выставочного центра Алжира «Сафекс» (SAFEX). Она собрала 962 издательства, среди них – 291 отечественное и 671 зарубежное. На ней были представлены книги на различных языках: арабском, берберском, французском, английском, испанском, итальянском, русском, китайском и др.

Следовательно, на ярмарке были представлены магазины, каждый из которых был отмечен государственным флагом – 50 стран (Индия участвовала в первый раз), Организации Объединенных Наций (ООН) и Европейского союза (ЕС). Почётным гостем “SILA 2016” является Арабская Республика Египет – страна нобелевского лауреата по литературе Наджиба Махфуза. Кроме этого, на ярмарке присутствовали более 60 алжирских и иностранных писателей, например, среди алжирских – Васини аль Арадж, Амин Зауи, Рабия Джалти, Смаил Ябрир и др., а среди иностранных – палестинский писатель Рабаи эль Медун, получивший международную Букеровскую премию арабского романа в Лондоне (Эль-Букер) и др.

После шести лет отсутствия на Международной Алжирской книжной выставке Россия приняла участие в 21-й Международной Алжирской книжной выставке “SILA 2016”. В рамках российской культурной программы состоялись публичные лекции, творческие встречи, круглый стол по проблемам перевода и другие мероприятия. Все заявленные проекты направлены на развитие интереса алжирских читателей к российской литературе, продолжение и укрепление культурных связей между Россией и Алжиром.

Современную российскую литературу представили писатель, литературовед Наталья Иванова, занимающая пост заместителя главного редактора журнала «Знамя»; Алексей Муравьев, руководитель ближневосточного направления Школы востоковедения НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; Хаба Абдулла М. Хассан, переводчик русской классики на арабский язык, автор многих статей о культурной жизни в СССР и России. Также в российскую делегацию вошёл Канта Ибрагимов – автор многочисленных художественных произведений и более двух десятков научных и учебно-методических работ.

В рамках выставки писатели, литературоведы, лингвисты, полиглоты, переводчики вели семинары, конференции, форумы и встречи с журналистами и публикой и раздавали автографы.

¹ Автор данной статьи был приглашен от имени консула Болгарии в Алжире.

Наши друзья

Советуем почитать:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rosписatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великороссъ»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: www.mosjour.ru
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛиТерра», гл. ред. Владимир Фёдоров
«Литературная Канада», гл. ред. Ваагн Карапетян
Журнал «Сура», гл. ред. Б. В. Шигин: <http://www.magsura.ru/>
Международный славянский форум искусств, президент Николай Бурляев
Национальная литературная премия «Золотое перо Руси», учредители – С. Савицкая, А. Бухаров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», гл. ред. Сергей Бережной, Белгород